

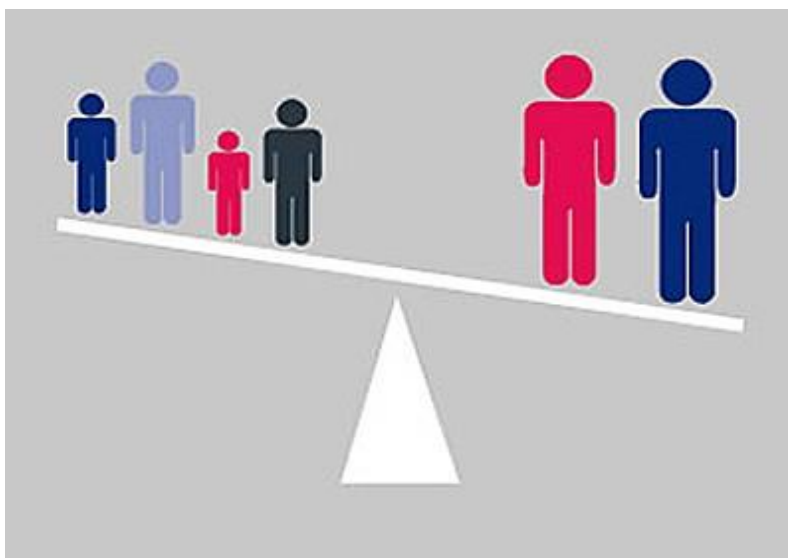

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Навстречу V Всероссийскому социологическому конгрессу – 2016

**СТУДЕНЧЕСТВО РОССИИ О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ И
СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

STUDENTS OF RUSSIA ON SOCIAL INEQUALITY AND SOCIAL JUSTICE

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Навстречу V Всероссийскому социологическому конгрессу – 2016

**СТУДЕНЧЕСТВО РОССИИ О СОЦИАЛЬНОМ
НЕРАВЕНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ**

**STUDENTS OF RUSSIA ON SOCIAL INEQUALITY
AND SOCIAL JUSTICE**

*Публикуется по решению Исполкома Российского общества социологов
(протокол № 3 от 29 сентября 2016 г.)*

Москва, Екатеринбург – 2016

УДК 364.614.8: 316.344-057.875
ББК 60.524.222.21+60.543.172
С 88

Редакционная коллегия:

Мансуров В. А., доктор философских наук, профессор, Президент РОС;

Пронина Е. И., старший научный сотрудник, Исполнительный Вице-Президент РОС;

Икингрин Е.Н., кандидат социологических наук, доцент, Первый федеральный вице-президент РОС;

Вишневский Ю.Р., доктор философских наук, профессор, Региональный вице-президент (Урал) (ответственный редактор);

Нархов Д.Ю., кандидат социологических наук

Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. – Москва : Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – 253 с.

Сборник содержит материалы федерального социологического исследования, посвященного изучению отношения студентов к проблемам социальной справедливости и социального неравенства в современной России. Обсуждается широкий круг методологических и практических аспектов изучения различных форм социального неравенства и социальной справедливости: дифференциация доходов, неравный доступ к здравоохранению, образованию, жилью, рынку, неравенство перед законом и др. В статьях анализируются эмпирические данные по России в целом и ее отдельным регионам: Свердловской области, Приморскому краю, Тюменской области, ХМАО-Югре, Приволжскому округу, Москве.

Адресован профессиональным социологам, управленцам, научно-педагогическим работникам высшей школы, аспирантам и студентам – широкому кругу читателей, интересующихся проблемами социального устройства современной России.

ISBN 978-5-904804-22-0

УДК 364.614.8: 316.344-057.875
ББК 60.524.222.21+60.543.172

© РОС, 2016

© УрФУ, 2016

© Изд-во УМЦ УПИ, 2016

ISBN 978-5-904804-22-0

СОДЕРЖАНИЕ

Зборовский Гарольд Ефимович

ИССЛЕДОВАНИЕ МНЕНИЙ СТУДЕНТОВ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ
V ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА..... 5

Мансуров Валерий Андреевич, Черныш Михаил Федорович

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И
ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ..... 10

Лапин Николай Иванович

КАК ОСТАНОВИТЬ СОЦИОГУМАНИТАРНУЮ РЕЦЕССИЮ..... 97

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ. СОЦИАЛЬНАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ: КАК МЫ ЕЁ ПОНИМАЕМ..... 104

Шкурин Денис Вадимович

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ РОС «СТУДЕНЧЕСТВО
О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ» (ОРГАНИЗАЦИЯ СБОРА И ОБРАБОТКИ
ИНФОРМАЦИИ, ОЦЕНКА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА
ДАННЫХ)..... 106

Вишневский Юрий Рудольфович, Нархов Дмитрий Юрьевич,
Нархова Елена Николаевна, Орешкина Татьяна Анатольевна,
Чегодаева Татьяна Александровна

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СВЕРДЛОВСКИХ СТУДЕНТОВ
О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ..... 121

Винокурова Анна Викторовна, Ардалянова Анна Юрьевна

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО В
СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПО МНЕНИЮ
СТУДЕНТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ВУЗОВ..... 177

Ефимова Галина Зиновьевна

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: АНАЛИЗ
РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГОРОДУ
ТЮМЕНЬ (В СРАВНЕНИИ С ОБЩЕРОССИЙСКИМИ ДАННЫМИ) 187

Засыпкин Владислав Павлович

СТУДЕНЧЕСТВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА-
ЮГРЫ О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ 206

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, Исакова Инна Александровна

СТУДЕНТЫ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ 217

Сазонов Александр Александрович

МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ О РАВЕНСТВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ 227

Дулина Надежда Васильевна, Ануфриева Евгения Владимировна,
Икингрин Елена Николаевна

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОЦЕНКЕ СТУДЕНТАМИ СПРАВЕДЛИВОГО
ОБЩЕСТВА (по итогам прикладного социологического исследования) 234

Зборовский Гарольд Ефимович,
доктор философских наук, профессор,
Уральский федеральный университет,
Первый федеральный вице-президент РОС,
зам. Председателя Программного комитета
ВСК-V

Harold E. Zborowski,
Ph.D., Professor, Ural Federal University,
first Federal Vice-President RSS,
The Vice Chairman of the program Committee
RSC-V
garoldzborovsky@gmail.com

**ИССЛЕДОВАНИЕ МНЕНИЙ СТУДЕНТОВ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ V
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА
A STUDY OF THE OPINIONS OF STUDENTS ON
V RUSSIAN SOCIOLOGICAL CONGRESS**

АННОТАЦИЯ. Статья – вводная к сборнику. В ней обосновывается проблематика V Всероссийского социологического конгресса, дается общая характеристика федерального социологического исследования «Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости», раскрывается логика сборника, содержательно рассматриваются отдельные статьи.

ANNOTATION. Article-introduction to the collection. It substantiates the issues V Russian sociological Congress, provides a general description of the Federal of sociological research «students of Russia on social inequality and social justice», revealed the logic of the collection, meaningful deals with individual articles.

КЛЮЧЕВЫЕ слова. V Всероссийского социологического конгресса, Российское общество социологов, федеральное социологическое исследование, социальное неравенство и социальная справедливость.

KEYWORDS. V Russian sociological Congress, Russian society of sociologists, federal of sociological research, social inequality and social justice.

Завершается подготовка V Всероссийского социологического конгресса (ВСК-V) (Екатеринбург, 2016. 19-21 октября).

Актуальность темы Конгресса **«Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость»** обусловлена рядом важных факторов. На фоне роста мировой экономики требуют решения такие проблемы как бедность, ухудшение экологической ситуации, безработица, политическая нестабильность, социальная напряженность, насилие и военные конфликты. Все это тесным образом связано с неравенством как одной из ключевых проблем нашего времени. Межгосударственное, внутригосударственное социальное неравенство и потребность общества в справедливом распределении материаль-

ных и нематериальных благ являются двумя сторонами социального конфликта, который требует разрешения путем принятия научно обоснованных управленческих решений.

Социологические исследования могут и должны стать научной базой для формирования социальной политики, позволяющей смягчить возрастающие негативные явления в обществе. Отсутствие действенных механизмов доведения результатов многоаспектных социологических исследований, проводимых российскими социологами по проблемам социального неравенства и социальной справедливости, до практического применения обесценивает их важность. Изучение причин возникновения социального неравенства, тенденций углубления или ослабления признаков дифференциации общества, международного опыта государственного и общественного реагирования на негативные социальные индикаторы, общегосударственных и региональных практик воздействия на различные проявления неравенства как локального, так и общегосударственного характера – важнейшие направления фундаментальной и прикладной социологической науки.

На Конгрессе предстоит обсудить широкий круг методологических и практических аспектов изучения различных форм социального неравенства и социальной справедливости (дифференциация доходов, неравный доступ к здравоохранению, образованию, жилью, рынку, неравенство перед законом, и т.д.). В связи с этим актуальной и методологически новой становится кооперация социологов со специалистами в рамках социопсихологических, социокультурных, социоправовых, социэкономических, политических, социопедагогических, исторических, коммуникативных и др. исследований, что позволит рассмотреть проблему наиболее полно и комплексно.

Основная тема Конгресса актуальна и в силу большого интереса к ней в мировой и, особенно, европейской социологии. Изучение проблем социального неравенства было центральной темой Всемирного социологического конгресса в Йокогаме (2014 г.) и конференции Европейской социологической ассоциации в Праге (2015 г.).

Актуальность главной проблемы обусловлена также современными российскими реалиями, которые характеризуются существованием глубокого социального неравенства, усиливающегося в современных экономико-политических условиях. О неравенстве часто судят по децильному коэффициенту, отражающему соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных. Если сравнить эти доходы, то их соотношение по регионам России может различаться более чем в 80 раз, тогда как в развитых странах мира – в 6-10 раз. Высокая дифференциация доходов и усиливающееся социальное неравенство имеют крайне отрицательные последствия для общества: политическая нестабильность, вызванная отношением низкооплачиваемого большинства к богатейшему меньшинству; социальный конфликт, который в определенных условиях может найти свой выход в протестных выступлениях; теряется общность интересов противоположных по доходам групп; нарастает социальная напряженность; растет преступность; снижается общественная производитель-

ность труда; усиливается утечка «мышц» и «мозгов» за границу; в результате ухудшается образовательный и профессиональный потенциал общества; ухудшается здоровье низкооплачиваемых слоев; снижается рождаемость и продолжительность жизни; ослабевает креативность населения и т.д.

Обсуждение этих проблем позволит обобщить существующие и оценить возможные вызовы российскому обществу, российским элитам; в концентрированном виде предоставить информацию, необходимую для принятия научно-обоснованных управленческих решений.

В целом, *социальное неравенство и социальная справедливость* многомерны по сферам своего проявления в жизни социума и в политическом, и в экономическом, и в социо-культурном, и в социально-этническом, территориальном, профессиональном разрезах. Особое значение приобретает характеристика ключевых видов и форм социального неравенства в России. Понимая, что социальное неравенство является объективным и неизбежным, необходимо определить границы между социально справедливым и социально несправедливым неравенством. Теоретическое осмысление различных форм и видов неравенства в условиях современного социально-экономического состояния общества позволит расширить научное понимание происходящих процессов.

Для российского менталитета существенное значение имеет *принцип социальной справедливости*, который означает, что не только оплата труда, соответствующая его количеству и качеству, но и другие блага должны распределяться с учетом некоего понимания «правильности», и действия властей на всех уровнях должны соответствовать этим представлениям. Этот принцип означает требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных слоев, групп, регионов) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между заслугами и их общественным признанием. *Социальная справедливость* становится, по данным социологических исследований, одной из важнейших ценностей и критерием оценки в общественном (особенно молодежном) сознании качества жизни. Такие оценки социально-экономических, социокультурных и социально-политических ситуаций, ощущение социальной несправедливости определяют социальную нестабильность и влияют на уровень протестных настроений. Нынешний социально-экономический и политический кризис (в том числе и спровоцированный извне) обостряет эту ситуацию, поскольку и его социальные последствия, и предлагаемые пути выхода из него, оцениваемые через призму «справедливость-равенство», рассматриваются многими социальными группами и слоями как несправедливые, усиливающие неравенство. Обсуждение этих проблем в рамках Конгресса позволит расширить научное представление о неравенстве и справедливости как двух сторонах общественного противостояния.

ВСК-V сосредоточит внимание на социологическом содержании глобальных вызовов для России и ее регионов – таких процессов и проблем глобализации, состояние которых создает угрозы для стабильности, безопасности России и ее регионов и одновременно служит стимулом их развития. Методология социологических исследований глобальных вызовов и их восприятия странами и

регионами – научный подход, значимый для многих отечественных исследований в области социологии. Он предполагает, что при изучении конкретного объекта желательно исходить из оценки его состояния и остроты проблем в контексте всех основных уровней его взаимосвязей: муниципальное объединение, регион (субъект РФ), макрорегион (федеральный округ), страна (Российская Федерация), мегарегионы (СНГ, Евросоюз, БРИКС и другие), глобальное сообщество. Также предполагается плюрализм методов изучения этих взаимосвязей и интерпретаций получаемых результатов.

Конгресс позволит объединить усилия социологов России, в том числе почти 5 тысяч членов РОС, работающих в рамках 33 исследовательских комитетов РОС и 74 его территориальных отделений.

В рамках подготовки V Всероссийского социологического конгресса (ВСК-V) Президиумом РОС было принято решение о проведении социологического исследования *«Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости»*¹.

В организации исследования был использован серьезный опыт федеральных исследований РОС (Гражданская культура российского студенчества /2007/, Студенчество России о Великой Отечественной войне /2005, 2010, 2015/ и др.), когда организаторами исследований выступили региональные отделения Российского общества социологов.

В качестве инструментария (и его теоретико-методологического обоснования) были использованы материалы Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН. Это позволило поставить и реализовать важную исследовательскую задачу: сравнить полученные в рамках опроса студентов данные с результатами выполненного ранее по той же анкете исследования, объектом которого являлось население России. Такое сравнение отразило и динамику представлений о социальном неравенстве и социальной справедливости в российском социуме, и особенности таких представлений у российского студенчества.

Отмеченные моменты определяют структуру и характер данной коллективной монографии. В статье М. Ф. Черныша и В. А. Мансурова (организаторов и руководителей исходного исследования населения РФ) обосновываются теоретико-методологические аспекты федерального исследования о представлении

¹ Новости РОС. Исследование «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=1299 (дата доступа 28.07.2016). Генеральной совокупностью были обозначены студенты высших учебных заведений. Руководителем исследования выступил региональный вице-президент РОС Ю. Р. Вишневецкий (УрФУ). В качестве соруководителей исследования были привлечены Н. В. Дулина (ВолГТУ), Е. Н. Икингрин (первый федеральный вице-президент РОС), Д. Ю. Нархов (УрФУ), Е. И. Пронина (исполнительный вице-президент РОС), М. Ф. Черныш (первый федеральный вице-президент РОС, ИС РАН) и Д. В. Шкурин (УрФУ), в задачи которого входили организация онлайн-опроса, техническое обеспечение ввода данных на местах и первичная обработка собранных данных. В опросе приняли участие 3964 респондента, из них 58% (2311 человек) заполнили анкету в бумажном формате, а 42% (1653 человек) – в электронном (CAWI – опрос через Интернет). Опрошены студенты из 70 учреждений высшего образования по всей стране. Исследование проведено в 26 российских городах: Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Барнаул, Белгород, Волгоград, Владивосток, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Нижний Новгород, Нижневартовск, Пермь, Сургут, Тюмень, Улан-Удэ, Уфа, Якутск, Ярославль, Курск, Магнитогорск, Красноярск, Казань, Тамбов, Ставрополь.

ях российских студентов о социальном неравенстве и справедливости, обобщаются общие результаты этого исследования, сопоставляются эти результаты с данными исследования населения России.

В статье *Н.И. Лапина* конкретизируется общая проблематика Конгресса – рассматриваются симптомы гуманитарной рецессии социума.

Как «информация к размышлению», позволяющая лучше представить особенности мнений российских студентов о социальной справедливости и неравенстве в сопоставлении с общими оценками россиян, в монографию включены материалы общероссийского опроса (2013 г.).

Статья *Д. В. Шкурина* посвящена актуальным вопросам методики организации федеральных исследований РОС (в том числе и в режиме on-line), обработке материалов.

Ряд статей посвящен *особенностям представлений студентов* о социальном неравенстве и социальной справедливости в региональном разрезе – Свердловская область (*Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова, Т. А. Орешкина, Т. А. Чегодаева*), Приморский край (*А. В. Винокурова, А. Ю. Ардальянова*), Тюменская область (*Г. З. Ефимова*), ХМАО-Югра (*В. П. Засыпкин*), Приволжский округ (*З. Х.-М. Саралиева, И.А. Исакова*), Москва (*А. А. Сазонов*). Привлекает не только стремление выявить региональные особенности мнений студентов, но и своеобразие подхода разных авторов к анализу во многом сходных материалов.

Завершается коллективная монография статьями *Е. В. Ануфриевой, Н. В. Дулиной, Е. Н. Икингрин*, в которой материалы федерального исследования РОС рассматриваются в ракурсе гендерных различий.

Представляется, что материалы федерального исследования РОС¹ дадут дополнительный стимул для обсуждения на V Всероссийском социологическом конгрессе проблем социального неравенства и социальной справедливости.

¹ Коллектив, подготовивший данную монографию, выражает благодарность отделениям Российского общества социологов, работавшим с полной отдачей, чтобы провести исследование в студенческой аудитории. Особо следует отметить тот вклад, который внесли в подготовку и проведение исследования вице-президент РОС Е. И. Пронина, Е. Ю. Иванова, Е. Н. Икингрин и другим активистам РОС, занятым в данном проекте: Е. В. Каргаполова, Ю. Г. Миронова, А. В. Рогов, И. Р. Еналиева, Н. С. Савлук (Астрахань); А. М. Сергиенко (Барнаул); И. С. Шаповалова, С. Д. Лебедев, И. Н. Валиева (Белгород); А. В. Винокурова, Е. Ю. Костина, А. Ю. Ардальянова (Владивосток); Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева, Н. А. Овчар, О. И. Ситникова, В. А. Парамонова, Е. Г. Ефимов, Е. В. Абраменко, Л. А. Федотова, А. В. Соловьева, Е. О. Беликова, М. М. Самчук (Волгоград); коллектив Института общественного мнения «Квалитас» во главе с директором Н. А. Романович, Л. С. Перевозчикова, Л. И. Масихова (Воронеж); Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова, Т. А. Орешкина, Т. А. Чегодаева, студенты из Центра изучения общественной безопасности (Екатеринбург); Т. П. Белова (Иваново); С. А. Инкижинова (Иркутск); Ю. М. Пасовец (Курск); А. Л. Сазонова, А. А. Сазонов, Н. Д. Казакова, Ж. А. Денисова, В. Я. Красниковская, И. А. Поплавская, Н. Д. Сорокина, Е. А. Коган (Москва); С. В. Еремин, А. Е. Белькова, А. А. Никифорова, Е. З. Никонова, Т. Н. Патрахина, С. Г. Гутова, И. С. Телегина (Нижевартовск); коллектив под руководством З. Х.-М. Саралиевой, Г. С. Широкова (Нижний Новгород); Е. А. Фомина (Ставрополь); сотрудники лаборатории региональных исследований, под руководством В. П. Засыпкина и коллектив кафедры философии и социологии во главе с зав. каф. С. Р. Аминовым (Сургут); М. М. Акулич, Г. З. Ефимова (Тюмень); Р. М. Валиахметов, О. Ф. Адигамова, А. В. Куликов, А. А. Гарипова, Э. В. Садретдинова, Н. В. Коровина, Е. Д. Сенникова, Я. О. Дусыева, Р. Ф. Фазлетдинова, Н. Я. Бибакову (Уфа); Д. М. Винокурова (Якутск).

Мансуров Валерий Андреевич,
Доктор философских наук, профессор,
Институт социологии РАН, Главный научный
сотрудник, Президент РОС,
mansurov@isras.ru

Valery A. Mansurov,
Ph. d., Professor
Institute of Sociology of the RAS, chief scientific
employee. President RSS

Черныш Михаил Федорович,
Доктор социологических наук,
Институт социологии РАН, заместитель
директора, che@isras.ru

Michael F. Chernysh,
Doctor of sociology, Institute of Sociology of the Russian
Academy of Sciences, Deputy Director

**СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
SOCIAL JUSTICE: A THEORETICAL AND EMPIRICAL ASPECTS**

АННОТАЦИЯ. В статье представлено становление проблемы справедливости в истории социальной мысли, рассматриваются теоретические основы изучения справедливости. Авторы обосновывают методологию и инструментарий федерального исследования РОС (2016), обобщают его результаты в целом по массиву, сопоставляют их с результатами опроса россиян (2014)

ABSTRACT. The article presents the emergence of the problem of Justice in the history of social thought, explores the theoretical basis of the study of Justice. The authors justify the methodology and tools of the Federal Research RSS (2016), summarize the results as a whole through the array, compare them with the results of a survey of Russians (2014)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: справедливость, диффузная справедливость, справедливость как принцип жизни в современном обществе, дистрибутивная справедливость и меритократическая справедливость, справедливость и социальное государство

KEYWORDS: justice, diffuse justice, justice as a principle of life in modern society, distributive justice and meritocratic justice, justice and the welfare State

В современной российской публицистике принято характеризовать стремление к справедливости как едва ли на главную характеристику современной российской культуры, отличающую ее от других культур.

Проблема справедливости не нова, она была остро поставлена еще Платоном, который заложил основы дальнейших подходов к анализу данной кате-

гории. В современных обществах необходимость справедливости и ее формы обсуждаются с начала XVIII века, когда впервые в политическую повестку дня встал вопрос об отмене сословных привилегий, равенства и участия граждан в управлении обществом. За последние два столетия понятие справедливости, его определения неоднократно уточнялись и расширялись, включая в себя представления о роли государства, социальных правах и правах меньшинств, социальной мобильности, эксклюзии и инклюзии.

В российском постреформенном обществе проблема справедливости заявила о себе с новой остротой. Советская политика равенства, переходившая зачастую за грань разумного, сменилась ее полной противоположностью. По уровню неравенства российское общество встало в один ряд со странами Третьего мира, многие из которых находятся в доиндустриальной эпохе. В работах российских социологов все чаще стала звучать мысль о том, что Россия вернулась на полтора века назад, превратившись в сословное общество и что подобный переход был обусловлен скрытыми механизмами воспроизводства, свойственными ее культуре.

Неравенство, эксклюзия и несправедливость не могут быть отнесены к одной лишь культурной специфике, трактовка справедливости имеет не столько культурные, сколько социальные корни. Важно понимать, что от того, как скоро российское общество найдет пути решения проблемы справедливости, достигнет консенсуса по поводу справедливого общественного устройства, зависит его будущее, само его выживание в эпоху, наполненную глобальными противоречиями и социальными вызовами.

Теоретические основы изучения справедливости

Проблема справедливости в ее истоках

В современной науке о поведении доказано, что практики справедливости возникли до того, как само это понятие стало предметом активного обсуждения. Отмечается, в частности, что подобие справедливости уже присутствует в коллективном поведении человекоподобных обезьян. Вожак стаи зорко следит за процессом распределения ресурсов и наказывает тех, кто стремится присвоить большую долю чем та, которая ему положена. Уже в обезьяньем стаде наблюдаются формы поведения, которыми с известной мерой условности можно было бы назвать альтруистическим. В этой среде крайний индивидуализм признается разрушительным и жестко наказывается.

Голландский этолог Де Вааль полагает, что для первичных сообществ справедливость функциональна, поскольку обеспечивает выживание стада. Дарвинизм, понятый буквально, непременно привел бы к гибели стада и вымиранию вида и только коллективное самосохранение дает возможность выжить: «Проведены впечатляющие новые эксперименты, посвященные природе альтруизма и справедливости в людях и других животных. Например, если за одно и то же действие двум обезьянам дать сильно различающиеся по размерам вознаграждения, то обезьяна, недополучившая награду, отказывается действовать. Наш собственный вид ведет себя похоже: люди отказываются от своей доли дохода, если они чувствуют, что он распределяется несправедливо. Поскольку

любая существенная разница в доходах может спровоцировать подобную реакцию, мы должны сделать вывод о том, что ни обезьяны, ни люди не следуют буквально принципу прибыльности. Протестуя против несправедливости, они, тем самым, демонстрируют, что поощрение, хотя и значимый фактор, влияющий на поведение, но далеко не единственный. Существует естественная неприязнь к несправедливости распределения» [De Waal, 2009 : 11]

Стивен Пинкер нашел признаки первичной, биологической справедливости в нервной организации людей, в том, что человеческий мозг содержит участки, отвечающие за альтруизм и взаимопомощь. Человек, доказывает он, по природе своей отнюдь не зол и индивидуалистичен, как полагали некоторые мыслители прошлого, такие как Гоббс. Напротив, человеческая природа подразумевает возможность взаимодействия с другими людьми, сострадание и помощь слабым. Если бы эти качества не были присущи людям, то они оказались

бы лишенными важнейших инструментов выживания: «Биология и когнитивная нейрология открыли так называемые «зеркальные нейроны» позволяющие людям чувствовать и переживать ситуацию другого человека как свою собственную. Похоже мы самое социальное из всех животных. Нам необходимо близкое участие и общество других людей. Социальные науки начинают пересматривать человеческую историю через призму отношений эмпатии и в процесс обнаруживают новые уровни человеческого нарратива, которые указывают на то, что эволюция людей не сводится только к увеличению их власти над природой, а состоит в значительной степени в интенсификации и расширении отношений эмпатического отношения к людям в условиях нарастающего разнообразия в контактах между ними во временном и пространственном измерении» [Pinker, 2011: 4]

Именно это имел в виду Чарльз Дарвин, когда в работе «Происхождение человека» утверждал, что вопрос о естественном отборе относится не к каждому отдельному человеку, его выдающимся или недостаточным качествам, а к человеческим сообществам, которые находятся в конкуренции не только с другими видами, но и между собой: «Все, что мы знаем о дикарях или о чем можем сделать вывод, показывает, что с древнейших времен успешные племена приходили на место других племен. ... Естественный отбор в форме конкуренции одного племени с другим при благоприятном стечении обстоятельств становилось причиной возвышения человека до его нынешней высокой позиции» [Darwin, 1981: 160].

В меж- и внутривидовой конкуренции выживают не самые приспособленные индивиды, а самые адаптированные к окружающей среде агрегации людей. Либеральные мыслители не раз подвергали Дарвина критике за этот неполиткорректный вывод, но идея осталась в обществоведении и по мере накопления данных получала все новые и новые подтверждения.

В философии первым мыслителем, кто подверг идею справедливости действительно детальному разбору, стал Платон. В диалоге «Государство» Сократ предлагает ответить сразу на несколько вопросов, имеющих прямое отношение к проблеме справедливости. Во-первых, полагает он, необходимо опре-

делить само это ключевое понятие [Платон, 1999: 94-142]. Ученик Сократа Полемарх видит справедливость в том, чтобы приносить благо друзьям и вред врагам. Поскольку речь идет не прямо, а контекстуально о государстве и его устройстве, государство, базирующееся на подобном принципе, будет корпоративным и функционировать в соответствии с известным принципом: друзьям все, врагам закон. Сократ называет подобный принцип «воровским». Ведь он действительно характерен, прежде всего, для закрытых от внешнего мира сообществ, ориентированных исключительно на собственные ценности и интересы. Для того, чтобы объяснить Полемарху и его друзьям порочность этого принципа, Сократ противопоставляет этику «закрытого клуба» этике универсальной добродетели. Допустимо ли для человека, приверженного корпоративной этике, причинять зло окружающим? А если допустимо, если он причиняет зло, то как может он быть добродетельным? Как может он быть справедливым?

Второй вариант справедливости выдвинул Фрасимах, известный философ-софист. Свое определение справедливости он считает настолько убедительным, что, прежде чем открыть его Сократу и его товарищам, он просит заплатить ему за его открытие. Уверенный в своем таланте спорщика Фрасимах предлагает его собеседникам смириться с тем, что справедливостью является все то, что угодно сильному. Иными словами, сильный правитель, тиран имеет власть не только над людьми, но и над смыслами, которыми насыщена жизнь его подданных. В подобном определении справедливости универсальное причудливо сочетается с особенным, воля одного человека способна стать общим правилом и конечной истиной для окружающих. Этика лишается надындивидуальных качеств, источник которых находится в запредельной трансцендентной реальности, и становится набором правил, которые навязывает своим подданным действующая власть. В этом определении Платон предвосхищает Ницше, его идею сверхчеловека, отвергающего мораль как источник лицемерия, покрывающего свой истинный источник, как уступку безвольной массе, готовой обманываться кажимостями.

Во взглядах Фрасимаха нашли отражение те особые реалии, которые Платон именовал «градом» – человеческое сообщество, отторгнувшее ограничения, отменяющее ограничения, устанавливаемые моралью. Фрасимах был полностью уверен в непогрешимости своей логики. Однако Сократ нашел в ней существенные логические изъяны, которые его оппоненту пришлось признать убедительными. Может ли быть справедливым правитель, принимающий ошибочные решения? Совершая ошибки, идя на поводу своих слабостей, правитель утрачивает право называться добродетельным, а если справедливость – это добродетель, то он, таким образом, идет против нее и теряет право считаться справедливым.

В своих рассуждениях Сократ предвосхищает современные аргументы против понятия «справедливость», к которым прибегают либертарианцы. Они полагают, что любое перераспределение – это насилие, «грабеж», по выражению, философа Р. Нозика [Wolf, 1996]. Единственное основание морали, полагают они, заключено в индивиде, его воле и предприимчивости. Справедливое

то, что угодно сильному – индивиду, способному отстроить вокруг себя тот мир, который для него желателен. Но как быть с теми, кто самой природой обделен возможностью действовать активно? Будет ли справедливым мир, в котором старики, дети, инвалиды оставлены воле случая, забыты обществом и окружающими людьми? Справедливость имеет надличностную природу, а потому в самом этом понятии заключена необходимость коллективного социального действия, целью которого является всеобщее благо.

Проблема справедливости: продолжение полемики

В сословных обществах понятие «справедливость» имело только один смысл – теологический. Реальность неравенства рассматривалась как незыблемое состояние, в котором самой волей Всевышнего заданы параметры благополучия одних и прозябание других. По мере того, как евангельские тексты становились доступными широкой массе, существующий социальный порядок все чаще подвергался сомнению. Идея равенства, понимаемая изначально как равенство всех живущих перед Богом, а затем и хилиастическая идея построения справедливого общества поначалу поддерживались философами-маргиналами, бунтарями, бросающими вызов царству несправедливости на земле, но постепенно шаг за шагом утверждались в интеллектуальном поле как реальная альтернатива сословному социальному устройству.

В «Утопии» Томаса Мора, «Городе солнца» Томаззо Кампанелла желаемое социальное устройство рассматривалось как антитеза социальному порядку, наблюдаемому в реальной жизни. В обоих случаях идеальное общество должно было базироваться на идее равенства. Важным условием достижения равенства считалось обобществление жизненных средств, а все, что могло нарушить гармонию человеческих отношений, упразднялось. В 18 веке идея гармонии стала принимать форму конкретной политической программы. Начало движению в этом направлении положила Великая Французская революция, на знаменах которой был впервые написан код справедливости – свобода, равенство, братство. Каждое из произнесенных слов нуждалось в уточнении. Свобода означала, прежде всего, свободу политического участия, а также свободу передвижения. Идея равенства вылилась в отмену сословий и сословных ограничений, а также равенство всех граждан перед законом. О фактическом, экономическом равенстве, которое представлялось в трудах утопистов, речи не шло. Уже в ходе преобразований становилось ясно, что люди неравны по факту своего рождения в разных слоях, разных семьях и разных поселениях.

Один из основателей либеральной экономики Адам Смит, как и многие другие мыслители его эпохи, понимал, что неравенство становится одной из важных проблем развивающегося общества. В «Богатстве народов» он приводит пример носильщика, который, работая в гостинице, занимается тем, что носит за постояльцами их багаж [Smith: 16]. Смит задается вопросом о том, в чем состоят различия между ним, как привилегированным постояльцем, и рабочим, чьими услугами он пользуется. Ответ представляется ему очевидным: разница не в том, что один образован, а другой нет, не в том, что один талантлив, а другой глуп, и не в том, что один слаб, а другой физически силен. Разница коре-

нится в семейной истории, в принадлежности к определенному слою по факту рождения. Носильщик родился в семье, где физический труд был уделом всех мужчин и все они знали, что в этом состоит их назначение. Он же, профессор, родился в семье, имевшей высокий общественный статус, а потому физические обременения он имел возможность перекладывать на плечи тех, кто находился в общественной иерархии на несколько ступеней ниже. Мир устроен несправедливо, полагал Смит, но такое устройство сложилось естественным образом и преодолеть его не представляется возможным. Однако, будучи гуманным человеком, он все же предусмотрел в концепции новой капиталистической экономики, обезличивающей рабочих, возможность преодолевать хотя бы частично рутину физического труда. Государство, полагал он, а возможно и хозяин производства должны дать рабочим возможность получать первичное базовое образование. Настоящая справедливость будет состоять в том, что, благодаря более высокой производительности труда, уровень жизни не только людей состоятельных, но и рабочих, производящих материальные блага, будет повышаться. В работах Смита берет начало идея «диффузной справедливости»: если богатые будут богатеть, то капиталы, переливающиеся через край, устремятся в глубины общества и сделают богаче не только своих владельцев, но и тех, кто, казалось бы, не имеет никаких шансов на социальное продвижение. Данная идея популярна в неолиберальной мысли и по сей день: если сделать налоги плоскими, то богатееющие слои населения будут вкладывать капиталы в производство и эта их активность создаст новые производительные рабочие места, новые возможности для тех, кто находится в обществе на более низких ступеньках социальной лестницы.

Опыт современных обществ свидетельствует о том, что подобные рассуждения обманчивы. В эпоху глобальной экономики капиталы с легкостью перемещаются между странами и экономиками. Ничто не мешает обладателям больших капиталов инвестировать в те экономики, в которых они принесут большую отдачу или же переправлять их в оффшоры, где они будут полностью освобождены от каких-либо налогов.

В идее «диффузной справедливости» не учитывается не только фактор глобальной экономики, но и фактор качества экономической элиты, а также фактор происхождения капитала. Опыт развивающихся стран говорит о том, что деньги сомнительного, преступного происхождения редко оседают в национальных экономиках. Как правило, «темные» капиталы вывозятся за рубеж в рамках пассивных, охранительных экономических стратегий – вкладываются в недвижимость, объекты искусства, футбольные или баскетбольные клубы. Вероятность возвращения данных капиталов в национальную экономику крайне мала, какими бы выгодными ни были условия инвестирования в ней. Обладатели «темных» накоплений отдают себе отчет в том, что установление нормального институционального порядка неминуемо приведет к постановке вопроса о происхождении циркулирующих в экономике денег. Рациональная стратегия «темного» дельца заключается в том, чтобы не допустить становления устойчивого институционального порядка, при котором такой вопрос может возник-

нуть, с одной стороны, и, по мере сил, обезопасить свои накопления, пусть даже в «замороженной» пассивной форме.

«Диффузная» трактовка справедливости не устроила К. Маркса, поставившего равенство в качестве одного из условий развития общественных отношений. По Марксу объективная логика развития производительных сил и производственных отношений вела к эмансипации различных социальных групп, отменяла состояние несвободы, в котором находилось большинство населения на ранних этапах развития общества [Маркс, 1955]. В каждой новой формации степень свободы, которой располагал работник увеличивалась, а вместе с ней росли его притязания на равенство. Максимальных значений они достигли при капитализме в условиях политической свободы, когда работник получил возможность выбирать место работы и равные политические права. Маркс полагал, что сама линия развития общества, если прочертить ее в будущее, приведет общество ко всеобщему равенству, заключающемуся в справедливом, равном распределении материальных благ. При коммунизме равенство должно неизбежно привести к отмене самого государства в том виде, в котором оно существовало в предыдущих формациях. Граждане получают максимальную свободу, равенство и в этой точке завершится история как борьба антагонистических классов.

В раннем марксизме идея справедливости как всеобщего равенства достигла наивысшего развития, но при этом оказалась за горизонтом событий, происходящих в реальном мире. Дискуссия о справедливости не закончилась, а обрела новые основания и новую логику, в которой каждая из идей тестировалась не только с точки зрения ее герменевтической обоснованности, но и с позиций ее реализуемости в конкретных исторических обстоятельствах. Само понятие справедливости подверглось серьезному теоретическому препарированию, в результате которого в нем выделилось несколько ключевых понятий, вокруг которых в дальнейшем развернулись научные споры.

Справедливость как принцип жизни в современном обществе

Наибольший вклад в разработку логико-философских оснований справедливости принадлежит Джону Ролзу [Rawls, 2001]. Справедливость он возвел в принцип и связал его с другими неотъемлемыми принципами, в согласии с которыми живет или должно жить современное общество. Для того, чтобы доказать совместимость справедливости с другими принципами жизни, такими, как свобода и равенство, Ролз предложил провести мысленный эксперимент. Каждому человеку, желающему понять, как должно быть устроено общество предлагалось поместить себя в «первичное состояние», а именно в позицию, в которой он находится в полном неведении относительно своей будущей судьбы. Он не знает, как сложатся его обстоятельства жизни, ему неизвестны те ресурсы, которыми он будет обладать и то, в какой степени они будут востребованы в обществе. В равной степени он может оказаться в высших слоях населения, имеющих привилегированный доступ ко всем возможным ресурсам, или на самом социальном дне, где его жизненные средства минимальны и не могут обеспечить выживание. Как же поведет себя в подобной ситуации человек,

мыслящий рационально? В исходном состоянии он знает, что способен действовать и у него есть представление о том, что может благом, а что злом для него и окружающих. В исходном состоянии он уже обладает чувством справедливости, заключающемся в том, что никакие обстоятельства предшествующей жизни, никакие предзаданные признаки не должны влиять на конечный результат социальной конкуренции. Кроме того, исходным пунктом эксперимента является наличие у его участника воображения и некоего социального инстинкта, помогающего ему рассмотреть в будущем разные варианты собственной судьбы.

Ролз полагал, что итогом эксперимента станет компромисс между разными ценностями и принципами, балансирующий акт, в котором соединятся и будут уравнивать друг друга стремление к свободе и стремление к безопасности, желание мобильности в общественной структуре и понимание того, что объективные обстоятельства могут затруднить или вовсе остановить подобное продвижение. Первым базовым принципом, который любой индивид признает важным, будет принцип свободы – свободы совести, собраний, самовыражения, свободы как совокупности тех демократических прав, которыми обладает индивид в современном обществе. В число неотъемлемых прав, гарантирующих свободу, входит, кроме всего прочего, и право собственности, призванное обеспечить гражданину экономическую независимость и самоуважение.

Вторым принципом, важным в том контексте, который заявлен мыслительным экспериментом, станет принцип равенства. Проблему равенства, полагал он нельзя сводить только к равным правам и свободам. Необходимо учитывать, что к моменту выбора люди приходят с разными возможностями. В среде малообеспеченных граждан, в тех слоях, которые находятся в самом низу социальной лестницы, декларируемые права и свободы не приведут к изменениям к лучшему. Для того, чтобы наполнить права реальным содержанием, общество должно прибегнуть к перераспределению накопленных ресурсов в пользу тех, кто не по своей вине оказался в невыгодной социальной ситуации. Если спросить у любого участника мыслительного эксперимента, готов ли он к перераспределению в форме налогов в пользу беднейших слоев населения, он скорее всего ответит утвердительно. В «нулевой» позиции, заданной экспериментом, он не может знать, каков его собственный удел. Возможно, ему улыбнется удача («фарн», по выражению древних), а возможно именно он будет принадлежать к неблагополучным слоям и ему придется выбираться из сложной ситуации, полагаясь на помощь внешних сил. В ситуации неведения целесообразно предусмотреть, ориентируясь на собственный крайний интерес, возможность помощи общества тем, кто лишен собственных ресурсов.

Третий принцип наиболее сложен для понимания. Он напрямую относится к неравенствам, которые возникают в современном обществе и степени их влияния на его социальную структуру. По Ролзу неравенство может считаться оправданным только в том случае, если оно способно служить интересам улучшения неблагополучных слоев населения. К этому типу может быть отнесено, к примеру, неравенство, связанное с разным уровнем квалификации. По-

ощерительное отношение к квалификации способствует развитию производительных сил, которые, в свою очередь, создают условия для подъема уровня жизни населения в целом. В то же время неравенство, связанное с неравным распределением доходов от продажи сырья, не может быть оправданным. В этом случае оно служит интересам узкого, исчисляемого несколькими тысячами человек слоя сырьевых олигархов, вывозящих капитал за рубеж, и не приносит пользы остальному населению. Если в первом случае, логика мыслительного эксперимента оправдывает неравенство, то во втором случае оно представляется нелегитимным, не имеющим в глазах гипотетического индивида, находящегося в «нулевой позиции», никакого оправдания.

В современном российском социально-экономическом контексте взгляды Ролза выглядят как политико-экономическая программа преобразований левого толка. Между тем, Ролз – один из классиков современного либерализма в его истинном, а не российском понимании. В основе его концепции общества лежит кантианская идея «критического разума», отвергающего то, что не имеет рационального обоснования. В этой системе идей люди свободны придерживаться любых взглядов, но в публичном дискурсе, в обосновании общественных идей они должны прибегать к рациональным аргументам, имеющим к тому же в основании стремление к всеобщему благу. Речь идет о так называемом *«моральном консенсусе»*, берущем начало в идее всеобщего процветания.

Справедливость и утилитаризм

В русском языке понятие «утилитаризм» звучит обманчиво. «Утилитарными» считаются всякие вещи или явления, имеющее сугубо практическое значение. В «народном» понимании утилитаризм – это сухая установка на практическую пользу, ориентация на материальный результат, хотя бы и в ущерб чувствам, переживаниям или верованиям людей. Распространенное понимание утилитаризма далеко отстоит от того, чем в действительности является утилитаризм в философии. В утилитарном учении целью общества объявлено счастье или в оригинальном английском варианте «utility». Необходимо подчеркнуть, что прямой перевод данного термина на русский язык не передает его истинного смысла. В русском языке под счастьем понимается экзальтированное состояние, в котором находится индивид в отдельные отрезки его жизни. Достаточно взглянуть на поговорки о счастье в словаре В. Даля, чтобы понять, что в российском историческом сознании счастье – это не только короткий период жизни, не только воспарение, но и канун глубоких разочарований, а возможно и несчастий: «кому счастье в игре, тому несчастье в женитьбе»; «даст Бог здоровья, даст и счастья»; «счастье, что внешнее ведро». В английском варианте «utility» или «happiness» – слова, обозначающие не столько всплеск положительных эмоций, сколько стабильное состояние удовлетворенности жизнью – довольство индивида собой и теми условиями, в которых он находится.

Джереми Бентам, один из классиков утилитарной идеи, определял ключевую цель общества как максимальную суммарную величину счастья, которое общество может достигнуть в обозримый период [Покровский, 2016]. Для своего времени подобная общественная телеология была по-настоящему революци-

онной. Подразумевалось, что не счастье монарха и не «то, что угодно сильному», должно быть истинной целью общественного развития, а суммарное приращение счастья вплоть до максимальных возможных его значений. Подобное целеполагание исключало возможность игры с нулевой суммой – счастье одних слоев в обществе, прибывающее за счет других слоев, но при этом принимало идею неравенства. Если суммарное счастье общества увеличивается, то неважно, как распределяется прирост: если какая-то категория граждан выигрывает в результате проводимой правительством политики больше, чем другие, это не повод говорить о нарушении утилитарной логики. В ранних трактовках утилитаризм не исключал ситуаций, при которых значительная часть населения находится в одном состоянии, имеет стабильные показатели счастья, а другие слои суммарно величину собственного счастья увеличивают. Важно, чтобы в сумме общественное счастье имело тенденцию к росту.

В раннем утилитаризме допускалось, что для увеличения суммарного счастья можно в отдельных случаях применять насилие или даже тотальный контроль над индивидами, нарушающими общую позитивную логику жизни. Бентам предлагал убрать нищих с улиц английских городов, поскольку созерцание несчастья понижает общий уровень счастья. Ему принадлежит идея Паноптикона – тюрьмы, в которой заключенные находились бы под постоянным наблюдением охранников. По идее Бентама Паноптикон должен был «шлифовать отбросы общества» до того состояния, когда они полностью прониклись идеей всеобщего блага и оставили в прошлом тягу к преступной, противоправной деятельности. Бентам поддерживал реформу законодательства с тем, чтобы исключить из нее наказания, которые обладают свойством увеличивать суммарное зло в обществе. В частности, таким свойством, с его точки зрения, обладали запреты, вытекающие из предрассудков, понижающие уровень суммарного счастья.

В спорах о наследии Бентама подчеркивается, что для него, как и многих других его современников идея справедливости, если и существовала, то лишь как суммарное общественное благо без четкой связи с судьбой отдельного человека. По-настоящему идея справедливости заинтересовала последователей Бентама и, в частности, философа, который по праву считается продолжателем его идей, – Джона Стюарта Милля [Милль, 2013]. Милль, в отличие от Бентама, предлагал отказаться от простого суммирования счастья. В обществе люди склонны получать удовольствие и становиться счастливыми в разных обстоятельствах и по разным поводам. Одни получают истинное удовольствие от занятий философией или искусством, другие черпают наслаждение в пороках – наркомании, пьянстве, подлости. С его точки зрения важным является не счастье как таковое, а переживание счастья в сообществе, деятельность, приносящая удовольствие не только вершителю деяния, но и обществу в целом. Случается так, что далеко не радужные состояния души одного человека могут оказаться полезными для общества, приносить счастье окружающим: «Лучше быть неудовлетворенным Сократом, чем удовлетворенным дураком» [Милль: 55]. Милль, как и многие моральные философы его времени, был убежден в том,

что в человеке заключена способность к развитию. Капитализация его нынешнего счастливого состояния может оказаться тормозом на пути развития общества в целом. Таким образом, счастье, стремление к нему с необходимостью подразумевает развитие и саморазвитие, приобретение новых знаний и навыков, овладение основами творчества.

Из сказанного Миллем вытекало несколько важных выводов. Во-первых, для того, чтобы определить прогресс общества недостаточно простого измерения счастья. Важно понимать о каком счастье идет речь, куда ведет то счастье, которое вливается в общий пул позитивных и негативных эмоций. Во-вторых, подсчет счастья должен охватывать не короткий миг в жизни общества, а довольно продолжительный период, в который становится очевидным, что за трудами учения и муками творчества следует знание и достижение, способное в дальнейшем приносить удовлетворение не одному человеку, а многим людям, стоящим, как и он, на дороге развития. В-третьих, Милль, в отличие от Бентама, полагал, что общества – не арифметический агломерат индивидов, а совокупность людей, находящихся друг с другом в определенных отношениях. Поэтому счастье одного индивида может быть источником несчастья другого. В целом концепция Милля ближе к пониманию счастья как справедливого состояния, как итога развития не только высших, успешных слоев, но и общества в целом.

Милль считал, справедливо поощрять работника, предпринимателя более высокими доходами, поэтому шкала налогов должна быть плоской: чем больше заработал индивид, тем большими суммами он должен располагать. В этой системе идея равенства уже присутствует, но лишь как равенство пожертвований в пользу общества. Вместе с тем, Милль считал любое незаработанное богатство, включая богатство, получаемое по наследству, несправедливым и предлагал облагать его жесткими налогами. Рефлексируя по поводу утилитарных принципов, Милль все больше сближался с идеями социализма и, в частности, с идеей строгого контроля над доходами с тем, чтобы «незаработанное» не становилось источником преимуществ для его получателей.

Утилитаризм оставил глубокий след в дискуссии о справедливости. Утилитарная идея в разной степени и разной интерпретации присутствовала в рассуждениях Ролза и его последователей. Ею в разной степени вдохновлялись последователи социалистических левых идей, определявших всеобщее счастье в качестве одной из ключевых целей развития общества. В современной политической экономике утилитарная идея лежит в основе логики, обуславливающей необходимость социального государства. Разумеется, многие понятия, которыми она пользуется, подверглись, если не пересмотру, то серьезной модификации. Исследователи отошли от умозрительных схем и вплотную занялись изучением такой категории как счастье. Выяснилось, в частности, что счастье – понятие, обусловленное культурно и исторически. В исследованиях, которые проводили совместно ученые из США и Японии, выяснилось, что суммарное счастье в одних странах существенно отличается от аналогичной величины в других странах [Tachibanaki, Sakoda: 97-119]. В США население оказалось в

сумме счастливее, чем население Франции, Германии или Японии. В рейтинге счастья Япония заняла последнее место, но не потому, что японцы имеют более низкий уровень жизни или ограничения по уровню потреблению. Само понятие «счастья» менее значимо в Японии, чем другие компоненты культуры – долг, лояльность, гармония. Любопытно, что во всех изученных странах (исследование проводилось только в развитых странах) на первом месте по степени значимости в определении счастья находится семья: респонденты, не имеющие семьи, оказывались существенно менее счастливыми, чем семейные. В европейских странах – Франции и Германии – одним из условий счастливой жизни выступило образование. В этих странах неолиберальный проект, ограничивающий доступ граждан к высшему образованию или делающий его платным, является фактором, снижающим суммарное счастье, накапливаемое в обществе.

По данным исследования, проведенного японскими социологами, уровень неравенства оказывает существенное влияние на степень благополучия в обществе, его психоэмоциональное состояние: чем глубже разрыв между бедными и богатыми, тем ниже уровень эмоционального благополучия в обществе. Необходимо подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о России или других постсоциалистических странах, а о странах, которые относятся к числу наиболее развитых и успешных в экономическом отношении.

Исследователи отметили, что в общем правиле могут быть исключения. Так, например, американское общество демонстрирует высокий настрой на счастье, хотя уровень экономического неравенства в нем один из наиболее высоких. Можно предположить, что отмеченная исследователями связь имеет в ряде случаев нелинейный характер. Наблюдаемые в последнее время тенденции говорят о том, что американское общество не имеет иммунитета к вопиющему неравенству. Накапливаемое по этому поводу раздражение все сильнее влияет на политические программы политических партий и движений, а идея распределения национального богатства в пользу 99% получает все более широкую поддержку: «Успех экономики следует оценивать по тому, что происходит со стандартами жизни большинства граждан за определенный достаточно продолжительный отрезок времени. Американская экономика работает не лучшим образом, и эта тенденция продолжается более 30 лет. Хотя ВВП США в расчете населения с 1980 по 2010 гг. увеличился на три четверти, большинство работников, имеющих постоянную занятость, теряли в доходах. Для этой части населения американская экономика не смогла обеспечить рост уровня жизни, на который они рассчитывали. И дело не в том, что американская экономическая машина потеряла способность производить товары и услугу. Дело в том, что эта машина управлялась так, что выгоды от роста получали ничтожно малая часть населения, находящаяся на вершине социальной пирамиды. Их обогащение происходило за счет тех, кто находился на в самых ее низах» [Stiglitz: 43].

Датский Институт счастья, расположенный в Копенгагене, провел исследование факторов, которые ответственны за состояние счастья граждан. Выяснилось, что состояние счастья, понимаемого как чувство благополучия, объясняется, в том числе, и уровнем неравенства, и типом распределения, утвердив-

шегося в стране. Суммарно датчане оказались счастливее граждан, проживающих в других странах. Даже в США, стране, где быть счастливым значит находиться в тренде, уровень счастья оказался ниже, чем в Дании. Симптоматично, что суммарное превосходство датчан обеспечивалось «чувством социальной защищенности», которое испытывают не только «верхи», но и «низы» общества: «По уровню счастья богатые датчане и богатые американцы находились примерно на одном уровне. Основные различия обнаруживались тогда, когда объектом становились наименее благополучные слои общества. Если гражданин теряет работу, то датская система социальной поддержки работает гораздо эффективнее, чем американская. Поэтому малообеспеченные граждане в Дании чувствуют себя счастливее, чем аналогичная группа в США. Это означает, что в Дании не просто больше равенства в уровне жизни. Это значит, что в Дании больше равенства в том, что касается ощущения благополучия и счастья» [The Happy Danes: 24].

В рамках утилитарной традиции получили развитие два возможных направления решений проблемы неравенства. В первом направлении предполагается увеличивать совокупное счастье общества за счет «маржы благополучия» (*marginal utility*). Суть его в том, что общественное богатство должно распределяться так, чтобы в каждый отдельный период развития добиваться максимальной эффективности относительно конечной цели. Очевидно, что если добавить к заработной плате работника, получающего сто тысяч рублей еще десять тысяч, это не окажет существенного влияния ни на его стандарты жизни, ни на общее самочувствие. В то же время, если увеличить на десять тысяч доход работника, получающего 15 тысяч рублей, для него это будет действительно серьезным изменением жизни к лучшему. На его ощущение эта добавка окажет огромное влияние, позволит ему с большим оптимизмом смотреть в будущее, строить новые планы. Для простоты понимания проблемы адепты данного подхода предлагают рассматривать ее с точки зрения потребителя товаров и услуг. Высокооплачиваемый специалист получает приличную заработную плату и без особых затруднений покупает товары и услуги. В тех случаях, когда товар окажется для него дорог, он может взять кредит: банки с удовольствием дадут ему ссуду, зная, что он имеет достаточно средств, чтобы расплатиться с ними. Иное дело, работник, имеющие низкую заработную плату: для него низкие доходы – это линия отсечения в мире потребления. Увеличение доходов позволяет ему выйти в новую нишу, обрести новые возможности материального благополучия. И хотя материальная сторона жизни, как явствует из сравнительных исследований, не является главным фактором счастья, было бы неверно оставлять ее без внимания.

Вводя идею маржи, утилитаризм избегает схем, которые могли бы привести к перераспределению доходов в обществе, уменьшить доходы высокодоходной группы и за счет этого увеличить благополучие тех, кто с трудом сводит концы с концами. Как правило, в современных текстах, поддерживающих данное направление, речь идет о дополнительных доходах, которые государство получает в результате, к примеру, экономического роста: с увеличением

налогооблагаемой базы, увеличивается и бюджет государства, появляются свободные средства, которые могут быть использованы для повышения уровня благополучия малообеспеченных слоев населения. Как правило, подобная стратегия оставляет в неприкосновенности те механизмы, которые приводят к сохранению или увеличению неравенства в обществе. Иными словами, при том, что общий уровень благополучия в обществе может возрастать, уровень неравенства может оставаться таким же, как и прежде, или даже увеличиваться.

Однако сохранение или увеличение неравенства ставит под вопрос всю идеологию «маржы благополучия». Неравенство может быть источником не благополучия само по себе: японские исследователи отмечают, что в обществе, где подавляющее большинство граждан имеют приблизительно равный уровень жизни, мотивация достижения выше, чем в обществах с высоким уровнем неравенства. Значимыми становятся даже небольшие жизненные победы: очередное повышение на рабочем месте, небольшой прирост заработной платы за счет премии за усердный труд, получение дополнительной квалификации, обеспечивающей притязания на должностной рост. Запредельное неравенство, которое характерно для неевропейских стран, а также стран, находящихся в переходном состоянии, ведет к тому, что у работников исчезает мотивация к мобильности. Наблюдая социальные разрывы в обществе, они не без оснований приходят к выводу о том, что между ними и действительно благополучными слоями лежит дистанция, которую рядовой гражданин преодолеть не может и, следовательно, всякие усилия, направленные на достижение этой цели, не имеют смысла.

Ближе к Ролзу находится та версия утилитаризма, которая предлагает *перераспределение богатства в пользу неблагополучных граждан* до той точки, в которой процесс распределения приводит к уменьшению общего объема благополучия. В этой концепции процесс перераспределения общественного богатства принимают форму изъятия части доходов или благ у одних в пользу других. В большинстве развитых стран подобное изъятие происходит благодаря прогрессивному налогообложению: благополучные граждане платят более высокие налоги для того, чтобы государство имело возможность поддерживать качество общественных услуг на должном уровне.

Как показала практика, подобная модель не свободна от издержек. Закон Спинхэмленда, принятый английским парламентом в 1795 г., предусматривал выплату пособия работнику, привязанного к ценам на хлеб, независимо от его заработка [Boyer: 85-113]. Одним из результатов принятия данного закона стало резкое сокращение числа занятых в производстве и столь же резкое увеличение доли тех, кто жил на пособие. В те времена не было исследований, которые могли бы установить, насколько велика была в обществе общая сумма благополучия. Возможно общество, которое предоставляло гражданину возможность избегать тяжелого физического труда, было счастливее, чем общество, предлагающее гражданину выбор между изнурительной работой и отсутствием средств к существованию. Но в Англии XIX века рынок труда, нуждающийся в рабочей силе, оказался более влиятельной политической силой. Парламентарии отменили закон Спинхемленда, а вдобавок приняли ряд законов, которые

должны были стимулировать в работниках желание трудиться. Иными словами, было признано, что справедливость, если ее понимать расширительно – как *общественную потребность в воспроизводстве и развитии*, не может быть редуцирована к суммарной величине счастья, складываемой из отдельных мироощущений. Справедливость в обществе обеспечивается, помимо всего прочего, поддержанием его производственной базы, которая, в конечном итоге, превращается в базу налогообложения, а та, в свою очередь, трансформируются в возможности государства по поддержанию сферы общественного воспроизводства – образования и здравоохранения – в которых объективно заинтересованы все граждане. Если поставить очередной мыслительный эксперимент, в котором испытуемый окажется в «нулевой точке» и полном неведении относительно своего будущего, он – в ответ на вопрос об источниках финансирования здравоохранения и образования – безусловно предпочтет государственные источники, а обе сферы воспроизводства предпочтет сделать бесплатными. Не ведая того, как сложится его судьба, он без труда поставит себя на место человека, у которого в какой-то момент жизни может не оказаться денег на оплату услуг образования или здравоохранения для него самого или его детей.

Лакуной для почти всех философских концепций справедливости является *отсутствие в них представлений о жизненном цикле*: человек рассматривается как стерильная абстракция, заключающая в себе одновременно все фазы жизненного цикла. В действительности реализация идеи справедливости может и должна быть разной не только в социальном, но и *демографическом измерении*. Социальные группы, зависимые от общества, от окружающих, имеют собственные социальные интересы и свои представления о справедливости. Для них измерение экономической свободы становится менее важным в личном плане, хотя и сохраняет свою значимость в общественном измерении – как механизм роста общественного богатства и перспектива для детей и внуков. В то же время практически важным для них становится поддержка со стороны государственных институтов, причем поддержка адекватная тому суммарному труду, которые был их вкладом в воспроизводство и развитие народного хозяйства.

Этот аспект справедливости учитывается в большинстве стран мира и воплощается в так называемых *«солидаристских»* моделях пенсионной системы. В трудах по экономике подобный тип справедливости нередко представляется как перераспределение ресурсов от работающего населения к пенсионерам. Надо понимать, что подобное описание есть ничто иное как метафора. Прямые трансферы возможны в рамках одной семьи или в небольшом сообществе, но в обществе ключевую роль в распределении накопленных средств играет *государство*.

В метафоре *межпоколенного трансфера* явным образом не учитывается тот факт, что государство располагает ресурсами, существенно и качественно превосходящими поступления в бюджет в форме налогов на доходы работающего населения. В большинстве стран, включая Россию, государство располагает природными ресурсами, эксплуатируя которые оно пополняет бюджет в дополнение к налогам на доходы физических лиц. Государство, управляемое

разумно, не только балансирует бюджет, но производит накопления, которые затем вкладываются в ценные бумаги других государств, эффективные предприятия, банковские бумаги, приносящие доход и прочие финансовые инструменты, которые производит мировая экономика.

Но самое важное упущение метафоры заключается в том, что государство, собирающее налоги, имеет дело не с одним субъектом, не с индивидом, а с группой субъектов, имеющих разный масштаб деятельности. Основные доходы в бюджет приносят налоги, которые государство получает не напрямую, собирая налоги с работающего населения, а те налоги, которые платят крупные компании и корпорации. Было бы злонамеренной ошибкой приравнивать доходы компании и налоги, которые она платят, к доходам и налогам тех физических лиц, которые в ней работают. Известно, что крупнейшие транснациональные и национальные компании, как Эппл или Майкрософт имеют бюджеты и доходы, сравнимые или превосходящие бюджеты многих национальных государств. При этом персонал, занятый на этих предприятиях, исчисляется десятками тысяч. Иными словами, адекватность претензий старшего поколения следует исчислять не только и не столько «поколенческой» базой, сколько мощностью корпоративного сектора, производительными силами, которыми он располагает, а именно кадрами, технологиями, организационными и символическими ресурсами.

Говоря о фазах жизненного цикла применительно к справедливости, нельзя обойти внимание ту ситуацию, в которой находятся *дети*. Дело в том, что дети изначально находятся в «нулевой точке» и становятся пассивными участниками процесса распределения не только в рамках мыслительных экспериментов. В большинстве случаев дети – заложники тех социальных обстоятельств, в которых находится родительская семья, и зависят от ее социального «габитуса». Понятие габитуса, введенное в оборот П. Бурдьё, включает в себя характеристику положения индивида в классовой структуре, при этом классовое положение детей фактически тождественно социальному статусу родителей. В это понятие входят как возможности, так и ограничения, заключенные в каждой точке социального пространства [Bourdieu, 95-118].

Социальным интересам детей и принципам социальной справедливости соответствует высокий уровень государственного финансирования образования и здравоохранения, обеспечение его доступности при любых возможностях родительской семьи. Чтобы понять, как выглядит социальная структура в их отсутствии, достаточно совершить исторический экскурс в российский XIX век, который хотя и представляется некоторым современником славным, но по современным меркам – уровню детской смертности, развитию и доступности системы образования – является настоящей катастрофой.

В теории социальной справедливости преодоление границ, которые налагает на ребенка его габитус, относится к числу важнейших обязанностей общества. Данную закономерность подтверждают жизненные истории восходящей социальной мобильности в России XX-XXI века. В исследовании мобильности на основе жизненных биографий, которое проводилось в Институте социологии

РАН в 2013 г.¹, изучались социальные перемещения россиян в период перехода к рынку. Данные исследования убедительно показали, что влияние семьи выходит далеко за пределы подросткового периода, охватывая собой весь жизненный путь индивида. В семье накапливаются ресурсы, которые в разной степени и в разных комбинациях влияют на профессиональное становление индивида, его ценности, социальные амбиции, планы. «Габитус» семьи влияет на положение индивида не только в период социального покоя, но и в турбулентный период социальных трансформаций.

Ранний период реформ оборвал на полпути многие биографии, ставя респондентов в ситуацию, когда им заново приходилось выбирать область приложения сил, заниматься самостоятельно поиском дохода. Респонденты, обладавшие весомым семейным капиталом, как правило, быстрее распознавали возможности переходного периода и находили новые пути продвижения. «Ресурсные» индивиды быстрее находили варианты социального продвижения, задействуя имеющийся у них потенциал получения новых знаний «Низкоресурсные» слои оказались в тяжелой ситуации, в которой ни имеющиеся социальные ресурсы, ни приобретенные в семье навыки не могли обеспечить адекватный статус на рынке труда. Дети в низкоресурсных семьях получали шанс продвинуться в обществе только в том случае, если оказывались под влиянием институтов, оказывающим помощь выходцам из низших слоев общества. Если же государственная поддержка отсутствовала, дети из низкоресурсных семей не имели ни малейших шансов получить образование и преодолеть рамки той социальной позиции, в которой они оказались по обстоятельствам, от них не зависящим.

Суммируя сказанное, следует констатировать, что теория социальная справедливости, в какой бы системе идей она не создавалась, имеет конкретное воплощение *в политике государства*. Государство, латентно или явно, присутствует в данных теориях как ключевой игрок, обеспечивающий распределение и перераспределение социальных и материальных благ – как важнейшей фактор экономического роста и гарант успешной работы других социальных и экономических институтов.

Амартья Сен: справедливость как движение

Рассуждая о справедливости в общих категориях, Ролз исходил из того, что в обществе уже имеются институты, которые готовы воплощать их в жизнь. Однако в «нулевой точке», которую он выбрал началом для своих логических конструкций, реальные институты, способные воплотить эти принципы в жизнь, не существуют. Понятие «нулевой точки» исключает всякую предзаданность, в том числе и предзаданность институционального характера. В этих обстоятельствах можно вести речь только о построении социальных институтов так, словно в их основании отсутствуют всякие национальные традиции, всякая предыстория.

¹ Грант РНГФ 11-03-00735 «Наследование культурных ресурсов как фактор социальной дифференциации в современном российском обществе» (2011).

Между тем, строительство новых институтов чревато не меньшими сложностями, чем адаптация действующих институтов к уже существующей ситуации. Амартия Сен, индийский экономист и социолог, выбрал предметом своего исследования практические соображения, которые возникают в тех случаях, когда приходит время воплощать в жизнь принципы справедливости [Sen, 2009]. Проблема в том, полагает Сен, что институты, в которых воплощены принципы справедливости, точно также не ладят между собой, как и сами эти принципы. Простейшей иллюстрацией этого может быть приводимый им пример детей и флейты. Трое детей претендуют на флейту и каждый из них приводит свои аргументы, подтверждающие права на нее. Анна утверждает, что она имеет полные права на флейту по той причине, что является единственным из присутствующих, кто может использовать ее по назначению – играть на ней. Данный аргумент мог бы решить дело, если бы не выступил Боб, заявивший, что флейта должна принадлежать ему по той простой причине, что он – беднейший из детей и у него, в отличие от них, нет собственных игрушек. На первый взгляд, аргумент Боба вполне убедителен: именно ему должна достаться флейта. Вопрос решился бы в его пользу, если бы не вмешалась Карла и заявила, что флейта должна принадлежать ей потому, что именно она, кропотливо трудясь на протяжении нескольких месяцев, сделала этот музыкальный инструмент. Ей и в голову не приходило, что он мог бы принадлежать кому-то, кроме нее самой. Столкнувшись с подобной ситуацией, философ, с легкостью рассуждающий о проблемах справедливости в теории, должен решить трудный практический вопрос. Очевидно, что реальный ответ на него будет отражением не столько всех принципов справедливости одновременно, сколько какого-то одного из них. Если философ тяготеет к левым взглядам, он отдаст предпочтение Бобу, самому обездоленному из всех. Делая это, философ сохраняет за собой право называться утилитаристом: общего счастья станет больше, если радость от обладания флейтой добавится в общую сумму. Если же философ находится ближе к либертарианской позиции, то он примет решение в пользу Карлы. Ведь любое иное решение с точки зрения либертарианца есть ничто иное как экспроприация и грабеж. Утилитарист классической формации, рассуждающий в духе Бентама и Милля, поразмышляя, отдаст предпочтение Анне. Он будет исходить из того, что флейта изготовлена для того, чтобы улаживать ее звуками слух сограждан, а если она достанется кому-то кроме Анны, он будет лежать мертвым грузом, никому не принося ни пользы, ни наслаждения. В самом основании принципов справедливости отсутствуют готовые стратегии, отвечающие на актуальные вопросы, с которыми сталкиваются современные общества. В конкретной ситуации общие принципы будут трактоваться по-разному, в зависимости от идейных предпочтений тех, кто принимает соответствующие решения [Sen: 13].

Между тем, было неверно с учетом вышесказанного делать вывод о том, что справедливость – это категориальная среда, не имеющая практических аспектов. В какой-то момент, полагает Сен, понадобится апофатическая логика, помогающая не столько в определении справедливости, сколько в том, чтобы в

каждый конкретный момент исключать несправедливость. Сен ссылается на принятые в индийских культурных кодах понятия и, в частности, понятие «мационайя». Речь идет о ситуации, в которой «большая рыба» имеет возможность съесть «рыбу поменьше». Необходимо понимать, что подобная ситуация возможна в самой развитой институциональной среде. Отшлифованные временем законы, доказавшие свою эффективность институты, тем не менее, не дают гарантии того, что «мационайя» не произойдет. Если «большая рыба» действует в согласии с законом, если она соблюдает процедурные нормы, то получает законное право съесть «рыбу поменьше». Апелляция к справедливости, заключенной в принципах, законах и нормах, не поможет, если влиятельный субъект имеет в своем распоряжении совершенные средства доминирования – капитал, помогающий избежать ответственности, (достаточно вспомнить многочисленные налоговые амнистии в РФ, по сути освобождающие крупных собственников от ответственности за налоговые преступления), квалифицированных адвокатов, имеющих обширную судебную практику, частные армии, маскирующиеся под предприятия охраны.

Иными словами, в распоряжении «сильных» даже в условиях развитой демократии имеются инструменты, помогающие добиться того, что им угодно, как бы ошибочны ни были их решения. Сен полагает, что практические шаги по защите тех, кто слабее и не может противостоять давлению сильных, с точки зрения справедливости оказываются порой важнее, чем совершенное законодательство. Фердинанд Первый, император Священной Римской империи запомнился в числе прочего тем, что произнес знаменитую фразу: *fiat Justitia, et pereat mundus* – пусть торжествует правосудие, даже если вследствие этого погибнет мир. Сен предлагает взглянуть на предлагаемый исход с практической точки зрения: разве гибель мира может быть оправдана отправлением закона? Закон важен, но не менее важно сбережение населения и его процветание. И если законы не в состоянии защитить его, то необходимо действие, направленное на исправление ситуации, а не констатация священной данности существующего законодательства. В противном случае, если закон принимается как сакральная константа, то в какой-то момент допустимым становится многое из того, что в современном сознании находится за пределом человечности, например, рабство. Сен отсылает читателя к временам, когда рабство, купля и продажа людей были узаконены, причем не только «на окраинах мира», но и в США, России и многих других странах. Только благодаря борьбе тех, кто отрицал чудовищные законы, легитимирующие рабство, оказалось возможным поставить его под запрет. Прошли долгие годы прежде, чем прямые последствия рабовладения были изжиты в странах Америки и Европы.

Для Сена важнейшим направлением, в котором должна двигаться политика справедливости является *свобода*. Ее он понимает не в формальном, легилистском, а широком смысле слова – как возможность ставить позитивные жизненные цели и располагать репертуаром средств для их достижения. Гражданин получает свободу не только благодаря законам, которые ее охраняют, но, кроме того, благодаря практикам, в которых эти законы воплощаются, а также в

тех правах, которые в «нулевой точке» гарантируют ему набор экономических и социальных благо, помогающих не скатиться на самое дно общества. Речь идет о так называемых *социальных правах*, которые в реальности являются стратегией практического воплощения идей свободы. И действительно, в какой степени можно считать свободным гражданина, у которого отсутствуют средства на то, чтобы купить билет на самолет или поезд и улететь или уехать в другой населенный пункт? Можно ли в действительности считать свободными тех, кто, работая полный рабочий день, едва сводит концы с концами?

Практический аспект справедливости лежит не только в юридической, но и экономической плоскости: если гражданин находится в ситуации выживания, его вряд ли можно назвать свободным. Он зависит от работодателя, который, в свою очередь, пользуется своими преимуществами для того, чтобы заставить работника трудиться больше и за меньшие деньги, от политика, осыпаящего его пустыми обещаниями, от торговца, назначающего цены на свою продукцию, от полицейского, который может навесить на него чужие преступления. Оказавшись в сложной жизненной ситуации, гражданин, имеющий минимальные средства к существованию, не сможет полноценно защитить себя. Стало очевидно, что полноценное гражданство возможно только в том случае, если гражданин защищен от нищеты. Не только сдерживание «сильного», но и цивилизованное «слабого» стали целями современного общества.

Идея социальных прав в капиталистическом рыночном обществе была выдвинута Т.Маршаллом в его известной работе и публичных выступлениях, включая выступление в британском парламенте [Marshall and Bottomore:8-44]. Настоящую проблему Маршалл видел в том, чтобы в мире неравенства, конкуренции, в рыночном обществе найти способ сохранить здоровую гражданскую культуру, стремление граждан конструктивно участвовать в жизни общества. За этим стремлением стоит вывод о том, что гражданство, информированное и ответственное, не формируется в тех случаях, когда население сведено к положению люмпенов и зависит от любых сторонних даяний. В подобной ситуации гражданин тяготеет к пассивной позиции и готов отдать свой голос за любого демагога, сулящего улучшения в будущем, или проходимца, готового купить голос гражданина за небольшие, иногда чисто символические подачки. В поддержке *гражданства* как важнейшего условия сохранения демократии Маршалл видел смысл социальной политики. Политика может быть справедливой только тогда, когда обеспечивает эффективную работу политических институтов.

Таким образом, экономические и политические институты начинают работать синхронно, обеспечивая воспроизводство существующей системы, причем не за счет репрессий, что в современном мире проблематично, а за счет взаимного поддерживания: социальная политика сохраняет институт ответственного гражданства, а ответственное гражданство сохраняет в неприкосновенности действующие экономические институты. По пути приходится поступиться привилегиями богатейшей прослойки: ей приходится платить высокие налоги на личные доходы, но подобное положение в любом случае выгоднее

для общества, чем сведение к нулю понятий гражданства и свободы для значительной части населения. В конечном счете от подобного перераспределения выигрывает общество в целом, включая и тех, кто платит высокие налоги. В подобном обществе жизнь становится безопаснее и защищеннее, а уровень преступности ниже. Существенно снижаются риски социальных и политических турбуленций, поскольку все граждане, независимо от уровня достатка, получают долю общественного пирога. Маршалл видел в гражданстве возможность свести к минимуму эффекты классового деления общества, его раскол на собственников и несобственников, бедных и богатых. В политической сфере он находил основания той справедливости, которая делает общество устойчивым и успешным.

Справедливость и классы

Идеи Маршалла родились в эпоху, когда набирала силу и остроту конкуренция двух социальных систем – капиталистической на Западе и социалистической в СССР и других социалистических странах. Основным полем борьбы за будущее мира стали так называемые развивающиеся страны, постепенно освобождавшиеся от зависимости от развитых стран Запада и выбиравших собственный путь развития. Молодым государствам советская модель, акцентирующая идею равенства и развития, казалась более привлекательной, чем общества неравенства, в котором сама его глубина приводила к окультуриванию различий между классами. В западной общественной мысли благодаря Маршаллу и другим социологам получила развитие концепция *«социального государства»*. Все граждане получали доступ к образованию и здравоохранению. Безработным гарантировалось на какой-то период пособие, благодаря которому они могли выживать и спокойно подыскивать новое рабочее место. Возникла и охватила подавляющее большинство населения пенсионная система, гарантирующая безбедное, достойное существование в старости. Министр международной торговли Канады, экономист Кристиа Фриланд [Freeland: 43] полагает, что речь идет о серьезных социальных завоеваниях, которые сохранялись в немалой степени благодаря противостоянию двух систем и тем опасениям, которые западные политики испытывали, когда наблюдали растущую популярность советской, социалистической модели в развивающихся странах.

Ситуация изменилась после того, как Советский Союз распался, а та модель, которую он анонсировал миру, оказалась полностью дискредитированной. *Эгалитарная тенденция* прервалась ровно в тот момент, когда социалистическая модель перестала быть примером для подражания, а впоследствии была признана в странах-«осколках» бывшего СССР изначально порочной и тупиковой. В 1989 г. С. Липсет с удовлетворением констатировал, что левая идея терпит крах не только на пространстве бывшего СССР, но и в мировом масштабе – странах Европы, Азии и Латинской Америки [Lipset, 1991: 183-233]. В Европе у власти оказывались правые режимы-сторонники неолиберальной модели, в Азии Китай явным образом отказался от наследия революции и открыл свою экономику миру, в Латинской Америке левые режимы и прежде всего Куба остались без поддержки со стороны остального мира, в полном одиночестве. От

преобразований выиграли некоторые экономики стран Запада – американская и европейская. Пространства бывшего СССР оказалось в мире крайнего неблагополучия и, что по-видимому, не менее важно *несправедливости*.

Растущие цены на нефть помогли некоторым из постсоветских стран повысить стандарты жизни и профинансировать некоторые из отраслей социального воспроизводства. Однако, как показала практика, изменения к лучшему имели временный характер и не стали импульсом к долговременному экономическому и социальному развитию. В этих странах *неолиберальная модель управления экономикой*, ведущая к обогащению небольшой прослойки населения и прозябанию остальных, смогла выжить только благодаря стратегиям мобилизации, которые сформировавшаяся правящая элита использовала в сфере политики. Эпизодические политические кампании, активно использующие стратегию event-management (управление общественным мнением с помощью организуемых событий), смогли смягчать существующие политические и экономические противоречия, но не смогли окончательно снять их с повестки дня.

Нарушение принципов справедливости оказалось «ахиллесовой пятой», позволяющей методично ослаблять легитимность существующей власти, и способна, в конечном итоге, спровоцировать в стране серьезный кризис доверия между властью и обществом. В этом контексте объяснимо появление теорий, в которых принцип справедливости либо полностью отвергался, либо подвергался серьезной критике. В критике принципа справедливости возобладали *три основных направления*.

В рамках *первого* из них, бытующего в среде экономистов либеральной ориентации, существование принципа справедливости полностью отрицается. Справедливость рассматривается как идеологический конструкт, который обслуживает определенные политические интересы ни стоит того, чтобы его всерьез обсуждать.

Во *втором* направлении предлагается видеть справедливость не в принципах, а в свершившихся фактах: справедливы любые формы неравенства, которые сложились до настоящего периода. В них якобы отразились итоги социальной конкуренции, результаты реального преимущества одних граждан над другими. В рамках данного подхода приватизация, именуемая в западных источниках не иначе, как «пиратизация», объявляется, хотя и беспринципным, но неизбежным процессом социального отбора, в ходе которого победили сильнейшие, заслуженно стоящие в настоящее время на самой высокой ступеньке социальной лестницы.

В *третьем* направлении справедливость объявляется феноменом национальной культуры, а иногда и цивилизационной характеристикой, которая существенно притормаживает развитие российского общества. К этому направлению принадлежит, в частности, С. Кордонский и его коллеги, которые полагают, что общественные представления о справедливости стали основой, на которой воспроизводится порочный круг взаимной зависимости власти и общества [Кордонский и др.]. В этой концепции критика справедливости приняла форму

критики российской культуры, ставящей якобы внешние ограничения рыночным силам развития.

Необходимо подчеркнуть, что в российской критике принципа справедливости *культурная* аргументация особенно популярна. Этому, надо полагать, способствует то, что она по сути не затрагивает интересы власть имущих, крупных собственников и существующие паттерны распределения, а перелагает ответственность за то, что происходит, на тех, кто в «пищевой цепочке», образовавшейся в результате реформ, находится в самой нижней точке и несет наибольшие потери при том социальном порядке, который сложился в постреформенный период. В культурных концепциях находят отражение мировоззренческие установки российской элиты, стремящейся оправдать сложившийся социальный порядок. При этом аргументация против идеи справедливости, независимо от направления, как правило, базируется на мнении отдельных лиц и не имеет серьезных эпистемологических или эмпирических исследовательских оснований. Речь идет о декларациях идеологического характера, которые, как показали исследования, не имеют ничего общего с действительностью.

Идеи российских критиков принципа справедливости находятся в явном противоречии с общими трендами в мировой общественной науке. В последнее время наибольший резонанс в общественной науке и среде интеллектуалов получила книга Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» [Пикетти, 2015]. Французский экономист Т. Пикетти собрал и обработал огромный массив данных, включающий в себя данные об уплате налогов в США и европейских странах примерно за период с начала XVIII века по настоящий день. Пикетти убедительно доказывает, что за весь продолжительный период экономического развития *неравенство* демонстрировало тенденцию к росту. Исключением стал период с 1913 по 1975 год, когда в результате войн и революций эгалитарного характера возникла ситуация, что неравенство стало сокращаться.

Эта тенденция дала возможность ряду экономистов выйти в печать с утверждением о том, что природа капитализма изменилась, что он, преодолев период начального накопления, претерпел серьезные изменения и функционирует в режиме постепенного уменьшения разрыва между бедными и богатыми. В развитие идеи постепенного уменьшения неравенства возникла и получила широкое распространение идея сначала *средних слоев*, а затем и *среднего класса*, берущего на себя роль амортизатора социальных противоречий и конфликтов.

Наибольшую известность приобрели работы американского экономиста Саймона Кузнеца, доказавшего, что неравенство сокращается и что процесс сокращения легко проиллюстрировать кривой линией, которая впоследствии получила имя своего создателя. Заслуга Пикетти в том, что он, имея обширную и неопровержимую информацию, доказал, что Саймон Кузнец совершил ошибку и что приводимая им кривая неравенства в середине 1970-х гг. поворачивает в сторону роста. Как выяснилось, за прошедшее столетие природа капитализма несколько не изменилась. Он также, как и прежде, рождает социальный порядок, в котором неравенство имеет тенденцию к возрастанию. Расчеты на то, что

неравенство будет побеждено экономическим ростом, не оправдались. Как показало исследование Пикетти, экономический рост несколько не уменьшает масштабов неравенства, а в некоторых случаях имеет свойство его увеличивать. Вряд ли стоит рассчитывать, утверждает Пикетти, что накопление капитала небольшой сверхбогатой прослойкой создаст дополнительные стимулы для инвестиционной активности и, соответственно, экономического роста.

Во времена так называемой *belle epoch* накануне Первой мировой войны в некоторых странах экономический рост находился на минимальных значениях, притом, что неравенство было велико: одни купались в роскоши, другие прозябали в трущобах. Было бы неверно считать, утверждает Пикетти, что сверхэлиты в современных обществах ориентирована на развитие – точно также, как протестанты XVIII – XIX веков. В общественном сознании утвердились ценности гедонизма и большинство сверхкласса богатых вполне устраивает перспектива жизни в статусе рантье. Огромные бонусы, которые выплачивают топ-менеджерам крупные корпорации, не станут капиталом в полном смысле этого слова: следующее поколение, наследующее родительским состоянием, будет скорее всего жить как рантье, не обременяя себя трудностями и рисками рыночной конкуренции. Можно утверждать, что книга Пикетти обратила на себя внимание общественности именно тем, что избавила современное общество от многих идеологических, прорыночных иллюзий, которое оно питало.

Российские приватизаторы постоянно подчеркивали, что, раздавая государственную собственность частным лицам они, тем самым, ускоряют процесс формирования настоящего предпринимательского класса. Дети тех, кто бесплатно и в обход существующих законов присваивают собственность, настаивали они, станут более образованными, чем их родители, более цивилизованными и придадут мощный импульс экономическому развитию в России.

Пикетти деконструирует миф о благих наследниках, объясняя, что в экономике XXI века наследникам не обязательно упорно трудиться. Они могут наслаждаться жизнью подобно отпрыскам аристократических семей XIX века, ничего не вкладывая в экономический рост в своих странах. Отсутствует, по мнению Пикетти, и сколько-нибудь заметная связь между неравенством и экономическим ростом. Европейские государства, в которых налоги были высокими, а социальное государство развитым, демонстрировали во второй половине XX века темпы роста, несколько не уступавшие странам с высоким уровнем неравенства. Как полагает Пикетти, современный капитализм активно пользуется мифологическим кольцом Гигна, делающим невидимыми настоящие масштабы неравенства, а также его действительные причины. Пикетти полагает, что общество, осознавая проблемы современного капитализма, должно настаивать на социальных правах, добиваться сохранения и усиления *социального* государства, требовать от политиков усиления налоговой нагрузки на богатых, то есть вернуться к той политике, которую проводили развитые государства в прошлом.

М. Буравой считает, что подобный возврат вряд ли возможен в условиях, когда глобальный капитализм не встречает сопротивления со стороны обще-

ства, когда сопротивление политике разрушения социального государства оказывают фрагментарные общественные силы на уровне отдельных стран [Буравой, 2015]. Проблема может быть решена только в том случае, если сопротивление нарастающему неравенству станет глобальной проблемой и будет поддержано глобальными же по масштабу общественными движениями. Самым важным Буравой считает вопрос о том, в какой степени возможно становление подобных движений в настоящее время? Может ли набрать силу глобальное сопротивление нарастающему неравенству в ситуации, когда общественные движения сталкиваются с активным сопротивлением в национальном и глобальном масштабе? Ответы на эти вопросы может дать будущее, но уже сейчас очевидно, что по мере нарастания неравенства на национальном и глобальном уровне вопросы справедливости устройства современного мира будут ставиться во все более острой форме.

Дистрибутивная справедливость и меритократическая справедливость

Теоретические выкладки и практические изыскания указывают на особую роль *государства* как агента социальной справедливости. Государство осуществляет процесс перераспределения, ослабление его вмешательства в экономику в интересах тех сил, которые стремятся уменьшить масштабы перераспределения, оставить за собой максимальный объем распределяемых ресурсов. Отсюда критика государства, которое в неолиберальной литературе представляется не иначе как новым Левиафаном, покушающимся на свободы и права граждан.

В этом же онтологическом источнике находятся мотивы уменьшения объема государственных услуг, сопровождаемой программой их постепенной коммерциализации. Трансформация социальных услуг в коммерческий продукт представляется справедливой, поскольку в этом случае у гражданина появляется возможность свободного выбора.

– Он может выбрать приобретать ему услугу, например, услугу в сфере здравоохранения или отказаться от ее покупки и потратить имеющиеся средства на другие цели.

– Во-вторых, он имеет возможность выбирать услугу, ориентируясь на ее стоимость. Если какая-либо услуга представляется ему слишком дорогой, он может выбрать услугу подешевле и, соответственно ниже качеством.

– В-третьих, коммерциализация услуг открывает широкие возможности выбора организации, которая их оказывает. Гражданин имеет право приобретать услугу у любого продавца, включая в этот список не только отечественных, но и зарубежных поставщиков. В ситуации свободного выбора вполне оправданными представляются серьезные различия в уровне оказываемых услуг: в конце концов в каждом случае именно индивид принимает решение о том, где получать услугу, у кого и сколько за нее тратить.

В «коммерческой» трактовке справедливости находит воплощение, прежде всего, *принцип меритократии*, утверждающий преимущества для тех, кто эффективно пользуется имеющимися ресурсами. Наилучшие условия выбора получают те, кто имеет приличный доход и может позволить себе приобретать

качественные услуги. В то же время в невыгодной ситуации оказываются те, кто имеет не высоких доходов и может рассчитывать только на дешевые и низкоэффективные услуги. Сказанное относится, в том числе, к услугам, которые имеют прямое отношение к процессу общественного воспроизводства – услугам в сфере здравоохранения и образования.

Полноценная реализация меритократического принципа имеет разный эффект в странах с разным уровнем развития. В развитых странах существование обширного среднего класса создает стимулы для развития услуг высокого качества. В бедных странах услуги высокого качества доступны только небольшой прослойке, находящейся в самой верхней части социальной пирамиды. Элиты в этих странах используют привилегированное положение для того, чтобы получать качественные услуги в развитых странах. В развитых странах они хранят и свои капиталы, в эти страны они отправляют своих детей, стремясь дать им качественное образование, в этих же странах они приобретают медицинские услуги в том случае, если в них возникла необходимость. Выстраивается *цепочка зависимостей местных элит от отношения к ним развитых стран*: в случае конфликта с развитыми странами Запада местная элита теряет доступ к тому набору качественных услуг, получение которых считает своей прерогативой. Что касается рядовых граждан, то они, как правило, довольствуются услугами низкого качества или вообще лишены каких-либо услуг и рассчитывают только на собственные семьи или местные сообщества.

Тезис о взаимосвязи зависимости элит и застоя в экономике являются частью *общей теории зависимости (dependency theory)*. Согласно этой теории, развитие страны намеренно удерживают ряд стран Африки, Латинской Америки и Азии в неразвитом состоянии. Зависимость элит рассматривается как один из эффективных инструментов сдерживания экономического роста. Получая помощь международных финансовых организаций или развитых стран, бедные страны одновременно берут на себя обязательство тратить ее только на продукцию определенных компаний, как правило, транснациональных, со штабами в США или Европе. Не имея выбора, бедные страны вынуждены платить высокие цены за товары, которые могли бы приобрести в других странах по более низкой цене [Farina: 352-431]. Кабальные соглашения подобного рода были бы невозможны, если бы они не получали одобрения местной политической элиты. В результате сговора местных элит и руководства западных стран возникает порочный круг зависимости, преодолеть который может только свержение коррумпированных режимов и курс на независимость, вкуче включающий в себя ориентацию на «раздаток».

Дистрибутивная экономика не может рассматриваться как панацея от всех бед, связанных с бедностью. Однако она помогает направить ресурсы государства на развитие социальной сферы и, прежде всего, образования, а также придать импульс местной экономике. В этой ситуации «раздаточная» экономика выглядит как один из вариантов слома порочной системы зависимости и выхода в цикл развития.

Различия между развитыми и развивающимися страны в применении *меритократического принципа* иллюстрируют тот круг проблем, который связан с его реализацией. Последовательное применение меритократического критерия имеет свойство существенно увеличивать масштабы и качество неравенства в обществе. Представим себе ситуацию, в которой принцип меритократии реализуется в полной мере, а именно рыцарский турнир, которые в отличие от турниров, которые проводились в средние века, открыт для участников из любых социальных слоев. Наряду с молодыми аристократами, для которых воинская подготовка была одним из составляющих воспитания, в турнире принимают участие молодые крестьяне. Каков будет итог поединка между рыцарем, обученным воинским искусствам, и молодым крестьянином, рискнувшим заявить себя в качестве участника? Нетрудно предположить, что в подавляющем большинстве случаев он будет в пользу аристократа. Попытав счастья раз или два, крестьянин в конце концов решит, что победить рыцаря невозможно и впредь перестанет заявляться на турнир. Молодой рыцарь, победив претендентов из более низких сословий, придет к выводу о собственном превосходстве над ними, о том, что преимущества над ними даны ему от природы. В результате «честных» состязаний, в которых права каждого из участников соблюдены в полной мере, возникает граница, имеющая не только *формальную, институциональную*, но и *культурную* природу.

Критерий меритократического отбора, который имеет, казалось бы, печать справедливости на поверку оказывается причиной воспроизводства сословного деления общества. В большинстве ситуаций меритократический критерий отбора становится способом воспроизводства имеющихся различий. Это осознал Платон, который полагал, что общественное благо состоит в том, чтобы обеспечивать оптимальные условия социального воспроизводства. Ремесленники должны обучать и воспитывать ремесленников, воины – воинов, философы должны обучать детей искусству мыслить и принимать решения с оглядкой на добродетель. Только так, полагал он, можно обеспечить процветание общества, избежать тирании, создать ситуацию, при которой граждане будут связаны друг с другом не поверхностно, а самой тканью социальной и экономической жизни – разделением труда.

В современном обществе подобная ситуация невозможна. Правила социальной конкуренции, которые оно формулирует, таковы, что любой гражданин должен иметь возможность войти в высшие слои населения. Если родительская семья не может обеспечить ребенку компетенции, позволяющие конкурировать на равных с выходцами из более благополучных социальных групп, в дело должны вступить социальные институты. Если вернуться к метафоре рыцарского турнира, то полноценным будет считаться по современным меркам только тот поединок, в котором оба участника имеют одинаковые или схожие условия подготовки. Истинная меритократия будет заключаться в том, чтобы для начала уравнивать возможности и только потом проводить состязание, в котором соперники должны показать все, на что способны. С современной точки зрения, рыцарский турнир, каковы бы ни были его правила, будет несправедлив, если

до его проведения участники турнира не получают все возможности боевой подготовки. Возможно, и в этом случае семейная традиция будет иметь значение, но ее влияние на исход поединка будет значительно меньше, а доля крестьян, одержавших победы, существенно выше. Иными словами, меритократический принцип наиболее эффективен в том случае, если органически сочетается с дистрибутивной логикой.

В современных обществах упомянутые принципы справедливости – *меритократия или распределение* – находятся в разных сочетаниях. Преимущество одного из принципов немедленно отражается в социальной структуре. Если превосходство получает принцип меритократии, увеличивается неравенство между социальными группами. Огромное влияние в процессе воспроизводства играет семья и ее ресурсы, а принцип равенства возможностей все чаще превращается в пустую декларацию. С другой стороны, преобладание дистрибутивного принципа имеет свойство сдерживать карьерные амбиции, угнетает инициативу тех, кто хотел бы, опираясь на имеющиеся ресурсы, продвинуться к более высокой социальной позиции. Любое общество «нащупывает» свой собственный баланс между меритократией и распределением и тот оптимум, который, таким образом, обнаруживается в массовом сознании, получает определение справедливого.

Необходимо учитывать, что «оптимум» справедливости имеет разное определение в разных обществах. В большинстве обществ он варьируется в широких пределах в зависимости от той степени развития производительных сил общества, имеющих у него ресурсов.

Подробное описание этой зависимости содержится в трудах Герхарда Ленского [Lenski, 1966]. На ранней первобытной стадии развития общество тяготело к эгалитарным формам распределения ресурсов. Объем ресурсов, которыми оно располагало, был слишком мал, чтобы провоцировать масштабное неравенство. В первобытных обществах, имеющих скудную ресурсную базу, равное распределение ресурсов было нормой. Данный вывод подтверждается Дж. Даймондом, исследовавшим социальное устройство островных, тихоокеанских обществ [Diamond, 2010]. Результаты наблюдений показали, что чем беднее была «кормовая» база племени, тем более эгалитарным был тип социальных отношений в нем. И, напротив, чем более обеспеченным было племя в плане ресурсов, тем более протяженной была в нем ось неравенства. Вожди возвышались над соплеменниками в том случае, если имелась возможность присвоения добавочного продукта, превосходящего по объему то, что было нужно для простого выживания. Аналогичные наблюдения приводит в своей книге «Как вожди обретали власть» американский антрополог Т. Эрл [Earle, 1997]. На основе археологических данных он доказывает, что вожди обретали реальную власть в том случае, если в обществе появлялась функция регулирования процесса распределения. В дальнейшем – по мере развития производительных сил и накопления ресурсов – неравенство в племени углублялось и вследствие этого возникала необходимость в институциональном насилии,

направленном на удержание завоеванных вождем и его приближенными преимуществ.

В современных обществах оптимальное соотношение между меритократией и распределением определяется не только характером и объемом ресурсов, подлежащих распределению, но и культурной традицией. В традиции американского общества утверждается свобода предпринимательства и отсутствие пределов обогащения. В культурной традиции скандинавских обществ содержится установка на «раздаток» как условие равенства и процветания всех граждан. В обществах со слабыми институтами, неустоявшейся политической системой нахождение «оптимума» меритократии и «раздатка» представляется серьезной проблемой. Элиты, получившие власть в результате переворотов и революций, стремятся удержать завоеванные преимущества, беря на вооружение идеи неолиберализма. Стержневой идеей социальной политики становится коммерциализация сферы социальных услуг и уменьшение роли государства в экономике. Населению предлагается «свобода» платить за любые предоставляемые услуги при отсутствии в большинстве тех сфер, которые охватывает подобная политика, реальной конкуренции. Установившиеся в период неопределенности отношения распределения правящая элита стремится законсервировать, прибегая к двум проверенным способам – *оправданию «естественностью неравенства»* и *сокрытием реальных его масштабов*.

Оба способа возможны лишь в том случае, если элита устанавливает полный контроль над средствами массовой информации. В медиа реализуется стратегия репрезентации сложившихся социальных отношений как «неизбежных», «естественных», «единственно возможных». При этом реальные данные о том, какими состояниями обладают представители правящей элиты, тщательно скрывается. В информационном обществе подобные способы охраны доминирующей позиции могут быть эффективны только в короткой перспективе. Идеология «естественности» неравенства находится в латентном, а затем и явном противоречии с идеей «естественности» равенства, рассматриваемой как условие *sine qua non* любого общества модерна. Если в обществах феодальных неравенство можно было оправдать трансцендентной логикой сакральности существующего порядка, то в современных обществах социальный порядок может опираться только на автореферентные обоснования, включающие в себя приемлемые для большинства цели общественного развития. В число этих целей входит, как правило, такие характеристики социального порядка как высокие стандарты жизни не только для экономической и политической элиты, но и большинства населения, возможности получить образование и медицинскую помощь в необходимом объеме, свободы предпринимательства и возможности вносить свой вклад в программу развития. Общество, в котором социальные цели игнорируются, рассматривается как ущербное с точки зрения справедливости.

Справедливость и процедура (институциональный аспект)

В традиционном обществе понятие «справедливость» использовалась в основном для того, чтобы характеризовать действия судебных властей или лю-

бого другого лица, принимающего решения. Говорить о справедливости общества в целом или тех социальных отношений, которые в нем преобладали, не имело смысла. Существовала ригидная сетка социальных статусов, в которой подданные суверена имели четкую локализацию. Не случайно справедливость отождествлялась не столько с возможностями, которые предоставляло социальное устройство, но, прежде всего, с действиями, которые угодят высшим законам жизни, данным человеку извне. Справедливо было все то, что праведно, что имело происхождение в течении праведной жизни и, напротив, несправедливым полагалось все то, что шло против высшего промысла. О процедурах, которые должны были обеспечивать справедливость распределения властных полномочий или доходов, говорить не приходилось. Решение по этим вопросам отдавалось на откуп представителям тех самых классов, которые занимали в российском обществе привилегированные позиции. Праведными, то есть справедливыми, считались не те действия, которые следовали формальной букве закона, а то, что подсказывалось совестью, истинной верой.

В этой традиции рассуждал о справедливости русский историк и философ Владимир Соловьев. Справедливость, полагал он, имеет происхождение в принципах нравственности, а именно в принципе: не делай и не желай другому того, что не желал бы себе. В полемике с философом-монархистом Львом Тихомировым он доказывал, что в случае реализации этот принцип способен исключить из общественной жизни любое насилие. Он отвергал обвинения в том, что, пропагандируя гуманное отношение к врагам своей страны, обрекает российскую армию на пораженчество. Война — это зло, но если все стороны конфликта будут вместо того, чтобы вести боевые действия, избегать насилия, то война попросту не случится. Аналогичным образом, этический принцип приговорен для решения вопроса о язычниках. Одно дело искоренять язычество и вести разъяснения среди язычников о христианской вере, другое дело загонять язычников в христианство силой: «Если бы г. Тихомиров в качестве добровольного миссионера захотел искоренять это язычество орудием слова, он мог бы рассчитывать па мое сочувствие и содействие, — не вопреки, а в силу моего понятия о справедливости. Но под «искоренением язычества» можно разуметь — и действительно часто разумелось и еще разумеется — нечто совершенно другое, а именно наружное, вещественными средствами, присоединение язычников к христианству, принуждение их внешним образом, т. е. неистинно, исповедовать истину. Идя далее в этом направлении, легко можно искоренение язычества смешать с искоренением язычников. Так, не только Карл Великий мечом и огнем искоренил язычество в Саксонии, а византийское правительство искореняло полуязычников павликиан, при чем, по свидетельству летописца Феофана, убито их было около ста тысяч человек, — но еще не так давно газета «Гражданин» сообщала о менее грандиозных по размерам, менее кровопролитных, но однородных по характеру попытках искоренять язычество в одной стране дальнего Востока. Подобного отношения к религиозным верованиям никто для себя желать не может, а потому не должен ни желать, ни причинять таких насилий и другим людям, хотя бы даже язычникам». [Соловьев:451] Для Соловьева нрав-

ственный принцип, данный в Евангелии, должен служить началом любому рассуждению о справедливости, однако когда речь заходит о его практической реализации, он признает необходимость процедуры, ссылаясь по ходу повествования на высказывания принца Петра Георгиевича Ольденбургского: «1) Уничтожить в принципе войну между цивилизованными народами и гарантировать взаимными договорами владение территориями. 2) Спорные вопросы разрешать, согласно примеру Англии и Америки, при помощи международной комиссии. 3) Установить численность военной силы всех государств международной конвенцией» [Соловьев: 452]. Принятие нравственного принципа само по себе не дает возможности достигнуть справедливого решения проблем между государствами. Справедливость будет заключаться в том, чтобы обеим сторонам держаться этого принципа в ходе переговоров и формализовать его в соглашении.

Процедура оказывается важным условием реализации заявленных принципов, служащих всеобщему благу. Не только международные отношения, но и распределительные отношения внутри страны могут быть реализацией этических, нравственных или логических принципов только в том случае, если они осуществляются в рамках процедуры. Российская трактовка справедливости существенно отличается от базовых подходов к реализации данного принципа в западной общественной мысли. В английском языке справедливость (justice) синонимична судебной процедуре и во многих случаях отождествляется с ней. Именно поэтому Дж.Ролзу пришлось использовать в описании предложенных принципов иное слово – fairness. По смыслу fairness ближе к российскому слову справедливость, в нем, как и российском термине заявлена необходимость равенства действующих субъектов (отсюда fair play), отношения между которыми исходят из необходимости видеть в другом равного себе и добровольно ограничивать себя в пользу этого равенства. В литературе, посвященной проблемам справедливости, сложилась устойчивая традиция рассматривать два термина как взаимодополняющие, как слова, имеющие существенные смысловые пересечения.

Справедливость не может быть осуществлена даже, если участники взаимодействия готовы на уступки в пользу друг друга. Правила игры, заключенные в процедуре, становятся той вершиной треугольника, которая объединяет меритократическую и дистрибутивную справедливость. Ни один из углов треугольника не может существовать отдельно от других: меритократическая, дистрибутивная и процедурные справедливости в разных сочетаниях лежат в основе любого современного социального порядка.

Справедливость и жизненные возможности (lebenschancen)

В каждом обществе эмпирически, через череду политических противостояний и кризисов, устанавливается собственный, приемлемый «оптимум», подразумевающий взаимодополнение принципов меритократии и раздатка. Реализацией обоих принципов занимается система социальных институтов – политическая система, образование, здравоохранение, рынок труда и другие. В нормах, обеспечивающих функционирование любого из названных институтов,

представлены как критерии социального отбора, ориентированные на достижение максимальной эффективности, так и принципы распределения, которые, как правило, раскрываются в понятии «равенство возможностей». Понятие «жизненные возможности» введено в научный оборот Максом Вебером для характеристики классовой и статусной структур общества [Swedberg: 150]. С помощью этого понятия Вебер достраивал и развивал идеи Карла Маркса о взаимосвязи структуры и сознания. По Марксу классовая структура обладает качеством первичности по отношению к сознанию, но собственные интересы могут осознаваться классом в разной степени. Раскрывая для себя истинную природу социального порядка, угнетенный класс обретает зрение, позволяющее преодолевать культурную гегемонию правящего класса и находить формы отстаивания своих интересов. «Класс для себя» создает политические структуры, которые помогают ему влиять на центры принятия решений. Они мобилизуют интеллектуалов, формулирующих для него *образ будущего* – иной, чем тот, что предлагается пропагандой правящего класса.

В этой картине будущего угнетенный класс играет важную субъектную роль в определении основ социального порядка. Он обладает властью и ресурсами, необходимыми для того, чтобы сокрушить гегемонию и утвердить свои интересы. В то же время «класс в себе», как правило, занимает пассивную выжидательную позицию, будучи неспособным преодолеть гегемонию, включая гегемонию символических порядков.

Вебер видел идеях Маркса не столько социологическое описание действительного положения дел, сколько политическую программу радикальных преобразований. Идеи, полагал Вебер, имеют немалое влияние на структуру, но природа этих идей не всегда может быть связана с политикой. Реальные социальные группы формируются не только экономическими условиями жизни, но общим пониманием мира возможностей, которыми они обладают. Таким образом, *возможности* – это не только развернутая в будущее площадь индивидуальной или групповой экспансии, но и внешние ограничения, удерживающие социальные группы в отведенных им социальным порядком пределах. Очерчивая свои возможности, индивид тем самым ставит для себя внешнюю границу, для преодоления которой у него нет ни сил, ни ресурсов.

Отчасти идея возможностей как внешних ограничений перекликается с концепцией «зоны ближайшего развития», которую описал в своих работах Л. Выготский применительно к детям [Выготский: 136-165]. До определенного возраста ребенок полагает реальным лишь то, что может делать вместе со взрослыми. После достижения зрелости реальным для него представляется то, что делают другие и, прежде всего, те, кто находится в поле зрения и ситуации, аналогичной его собственной.

Однако жизненные возможности – это не только внешние границы действия, но и то, что располагается внутри границ, а именно – желаемые цели и тот репертуар действий, который может привести к этим целям. В понимании Вебера «жизненные возможности» определяются рефлексивно, посредством выявления структур и агентов, обеспечивающих реализацию действия. В про-

должении этой идеи Маргарет Арчер выделила в рефлексивной деятельности понятия *внутреннего диалога* [Archer, 2007:145-158]. Каждый индивид, стремящийся определить, какими возможностями он располагает, ведет внутренний диалог, в котором решает, как ему действовать и какие ресурсы необходимо задействовать для достижения цели. В этом диалоге присутствуют оценки той ситуации, в которой находится индивид, но кроме того, заявляют о себе этические соображения, диктующие допустимость или невозможность действия. В этом пространстве обитает, кроме прочих понятий и представление о справедливости: если какое-то действие рассматривается как желательное, допустимое, но блокируемое извне, ситуация характеризуется как несправедливая.

Вебер полагал, что жизненные возможности открываются индивида в тот момент, когда он попадает на рынок труда. Было неверно рассматривать рынок труда только как реальность, отчужденную от этических представлений. Любое действие, производимое на рынке труда, попадает в координаты этических оценок, добра и зла, равенства или неравенства, справедливости или несправедливости. Взаимодействия между работником и работодателем на рынке труда имеют в своей основе совокупность этических оценок, включая оценку каждого действия с позиций справедливости. Справедливым или несправедливым может быть процесс найма работника, уровень его заработной платы, повышения в должности, увольнения. В современных социологических рефлексиях о рынке труда принято выделять внутренний рынок труда, относящийся к предприятию, и внешний рынок, регулирующий общие параметры занятости.

Степень справедливости внутреннего устройства предприятия оценивается в таких измерениях как уровень заработной платы работника, относительное неравенство руководителей и рядовых работников, справедливость повышения по службе, премирования работников, процедуры увольнения. Если ситуация на предприятии видится несправедливой, то уровень мотивация работника снижается, его стремление работать на предприятии ослабевает. Внешний периметр корпоративных рынков имеет собственные шкалы оценок – уровень заработной платы, перспективы должностного роста, уровень социальной защищенности работника.

В оценивание внешнего рынка труда вносят свой вклад два аспекта – сложившийся отраслевой стандарт и процедурная компонента. Отраслевой стандарт формируется в результате складывающегося в отрасли консенсуса относительно ключевых характеристик занятости. Как правило, он подразумевает шкалу справедливости в отношении оплаты труда, условий занятости (например, уровень доплат во вредных производствах) и в меньшей степени – социальной защиты работника. Последняя характеристика может разниться в одной отрасли в широких пределах. В процедурный аспект оценки входит отношение к справедливости процедур найма работника, включая приемлемое или негативное отношение к эксклюзии определенной категории претендентов на рабочие места (женщин, молодых людей, мигрантов), а также справедливость пенсионного обеспечения, включающего в себя выплаты в монетарной форме и немонетарные привилегии. Шкала справедливости становится одним из цен-

ностных, этических воплощений понятия жизненных возможностей, уравнивая заключенную в нем ориентацию *ante factum* оценками в формате *post-factum*.

В современном обществе понятие жизненных возможностей имеет, как правило, более широкую трактовку, чем набор благ, следующий за позицией индивида на рынке труда. В большинстве развитых стран растет доля пенсионеров, ушедших с рынка труда, но продолжающих присутствовать на потребительских рынках. Период выхода на пенсию рассматривается многими гражданами этих стран как заслуженная возможность реализовать отложенные желания, например, увидеть другие страны, получить новые знания, заняться делами семьи. Жизненные возможности людей, находящихся в пенсионном возрасте, простираются за рамки потребления в обыденном смысле этого слова. Пожилые люди нуждаются в медицинской помощи, уходе, особом внимании социальных служб. Невозможность получать квалифицированную медицинскую помощь или же отказ существующей системы поддерживать пенсионеров рассматривается ими как нарушение справедливости, как невозврат долга тем, кто в течение жизни лишал себя части дохода для того, чтобы общество имело возможность развиваться. В большинстве случаев в том, что долги не возвращаются, пенсионеры винят государство, которое, с их точки зрения, аккумулировало налоги и распоряжалось ими по своему усмотрению.

В России стремление государства монетизировать льготы, которые получали пенсионеры, вызвал с их стороны острую протестную реакцию. Возрастная группа, которая в наименьшей степени, склонна к протестам, объединилась в желании сорвать планы монетизации. Спонтанное протестное движение пенсионеров можно рассматривать как яркий пример реакции общества на нарушение справедливости.

Во-первых, монетизация осуществлялась как силовое действие, мнения пенсионеров никто не спрашивал, а если и спрашивали, то для проформы, доказывая, что у политики монетизации могут быть не только отрицательные, но и положительные последствия.

Во-вторых, в действиях власти пенсионеры увидели явные признаки нечестной игры: дорогие льготы, включающие в себя предоставление необходимых медицинских препаратов на льготной основе, льготы при оплате жилья, льготы на приобретение продуктов питания чиновники предлагали обменять на добавку к пенсии, равную 600 рублям. Российские пенсионеры посчитали данный обмен несправедливым, сужающим их жизненные возможности, и осознали, что только публичный протест может заставить чиновников изменить их решение. Эти надежды оправдались, чиновники действительно отступились, предоставив пенсионерам выбирать ту форму, в которой они хотели бы получать льготы. Ряд регионов заняли позицию фронды по отношению к решениям федерального центра, отказавшись воплощать в жизнь ущербное, нарушающее права пенсионеров решение [Волчкова Н. и др., 2006].

Кейс монетизации продемонстрировал устойчивость представлений о справедливости и тесную связь между этими представлениями и, казалось бы,

неопределенным, не имеющим четких границ полем жизненных возможностей. В представлениях о справедливости ухудшение условий социального контракта может иметь место лишь в обстоятельствах форс-мажорного характера – война, природные катастрофы, коллапс целых секторов экономики по причинам, не зависящим от государства.

Протесты пенсионеров указали еще на одну особенность представлений о справедливости: они устойчивы по отношению к прогосударственной пропаганде. Средства массовой информации, инспирируемые государством, приложили немало усилий, чтобы смягчить оценку монетизации. Подчеркивалось, что сельские пенсионеры явным образом выигрывают от монетизации, потому что не пользуются многими из услуг, которыми пользуются пенсионеры в городе. Утверждалось, что по меркам сельской местности прибавка к пенсии будет значительной и, безусловно, облегчит положение многих. Говорилось о том, что монетизация сыграет положительную роль в развитии платных услуг, предоставляемых не только государством, но и частными структурами. И, несмотря на пропаганду, протесты против решения о монетизации продолжались, потому что, по мнению многих, и не только пенсионеров, государство перекладывало собственную ответственность на наиболее незащищенную часть населения, действуя в интересах тех, кто в сложившихся обстоятельствах и так имел немалые преимущества.

Справедливость и социальное государство

В современном обществе социальное государство призвано существенно смягчать социальные противоречия и в некоторых случаях действовать как агент справедливости. Налоги, которые платят граждане в казну государства, аккумулируются, а затем превращаются в набор услуг, которые государство предлагает некоторым социальным группам на бесплатной основе. В число этих услуг входит, как правило, образование в объеме средней школы, медицинское обслуживание в разных объемах, в зависимости от страны и ее традиций, пенсионное обеспечение и поддержка тех, кто оказался в неблагоприятной ситуации.

Во второй половине XX века определились типы социального государства, отвечающие сложившимся в стране традициям, политической системе, отношениям между основными институциональными агентами, осуществляющими налоговые платежи – государством, гражданами, бизнес сообществом. Основные типы социального государства названы в хрестоматийной работе Эспинг-Андерсона (Esping-Anderson, 1989).

Во-первых, это – так называемая *скандинавская модель социального государства*. Она названа так потому, что является общей для целого ряда скандинавских стран – Швеции, Дании, Финляндии, Норвегии. Модель создавалась тогда, когда у власти в этих странах находились политики социальной демократической или социалистической ориентации. Политики левой ориентации имели в социальной структуре и общественном сознании серьезные силы, противодействующие обобществлению. Финский социолог Маркку Кивинен полагает, что действующая финская модель имела в основе три фактора – капи-

талистическое предпринимательство; социалистическая идея справедливости и равенства; мечты о свободном крестьянине [Кивинен: 162-165]. Три названные начала служили противовесом друг другу: предприимчивость должна была умерить амбиции в столкновении с мечтой о равенстве, а равенство и социализм имели пределы в мечте о свободном крестьянине. Возникало явление, которое в характеристиках «нордической модели» упоминается как «*социалистический индивидуализм*». На первый взгляд общества, о которых идет речь, предельно этатизированы и ориентированы на распределение. В этих государствах работают развитые социальные службы, населению гарантирован бесплатный доступ к продвинутому образованию и качественной медицине. Сфера социальных услуг, которой ведает государство, простирается от заботы о детях, их воспитании до опеки над стариками. При этом названные государства имеют развитые рыночные экономики и занимают высокие места в рейтингах предпринимательской активности. Скандинавская модель в значительной степени поддерживается активной экспортной политикой. Все скандинавские страны отличает высокий уровень развития демократии. Возникающие в обществе проблемы гарантированно разрешаются в рамках парламентской демократической системы. Во всех скандинавских странах права рабочих и крестьян защищают не только партии левой ориентации, но и сильные профсоюзы. В скандинавских странах удалось сделать то, что не получилось осуществить в полной мере в СССР – совместить принципы распределения с полноценной, работающей демократической политической системой и свободой предпринимательства. В настоящее время страны Скандинавии занимают самые высокие места в рейтингах комфорта и безопасности проживания. Пример скандинавских стран свидетельствует о том, что дистрибутивные практики и политика равенства не обязательно сопрягаются с авторитарной формой управления обществом, а могут быть условием развития общества, его гуманизации.

Ко второму типу социального государства относится, по Эспинг-Андерсону, *корпоративистский режим управления социальной сферой*. В наибольшей степени он характерен для развитых стран Европы – Германия, Франция или Австрия. В них, как и странах Скандинавии, высок уровень декоммодификации социальной сфере, ее «растоваривания». Это означает, что многие социальные услуги граждане этих стран получают бесплатно. Предоставление льгот гражданам, находящимся в уязвимой ситуации, не мешает процессам социальной дифференциации. В этих странах допустимы существенные различия между слоями населения по уровню материальной обеспеченности. Вместе с тем, высокий уровень налогообложения и жесткое регулирование рынков затрудняет становление класса сверхбогатых граждан, стремящихся подчинить себе сферу управления обществом. Классы предпринимателей и политический класс существуют отдельно и не пересекаются в отличие от стран с менее развитой политической системой. В отличие от скандинавских стран социальное государство корпоративистского типа ставит целью социальную поддержку неблагополучных слоев населения или тех социальных групп, которые находятся в уязвимой ситуации. Что касается остального населения, то она,

как предполагается, выживает самостоятельно, благодаря наемному труду или предпринимательству. Одна из проблем корпоративистского социального государства коренится в необходимости четких определений тех социальных статусов, в которых находится возможный получатель помощи. Как правило, подобное определение дается в рамках общественного согласия и может варьироваться в широких пределах. Неопределенность в отношении того, какая из социальных групп нуждается в помощи, побуждает некоторые государства данного типа сближаться со скандинавской моделью, а другие двигаться в противоположном направлении, уменьшая уровень предоставляемой государством социальной поддержки.

Третий по счету, но не значимости тип социального государства можно охарактеризовать как *либеральный*. Подразумевается, что либеральное государство оказывает поддержку точно, только тем группам, которые находятся в предельной низкой точке неблагополучия и самостоятельно выбраться из нее не могут. Для данного типа характерен высокий уровень коммодификации социальной сферы, поэтому важным условием эффективности подобного государства является развитый рынок социальных услуг. Считается, что при достаточном развитии предложения на данном рынке большинство услуг, в которых нуждаются граждане, будут предоставляться по умеренным, доступным для большинства ценам. Граждане получают возможность выбирать именно те услуги, в которых нуждаются, освобождая государство от необходимости создавать и финансировать дорогостоящую систему социальной поддержки. В реальности даже в развитых странах значительная часть населения находится в уязвимой позиции и в отсутствие системы социальной поддержки не может обеспечить себя в полной мере. Речь идет, в частности, о таких категориях, как инвалиды детства, многие из которых могут выживать только благодаря дорогостоящим лекарствам, или гражданах, имеющих тяжелые наследственные или приобретенные заболевания. В постоянной поддержке нуждаются многие пенсионеры: в некоторых случаях услуги и уровень поддержки, которые им необходимы, выходят далеко за пределы тех финансовых возможностей, которыми они обладают. Во второй половине XX века рыночные формы оказания социальных услуг оказались отодвинуты на задний план из-за необходимости развивать массовое среднее образование, в котором нуждалось современное общество.

Итогом развития государств либеральной модели стало постепенное увеличение масштабов социальной поддержки вплоть до того состояния, в котором объектом внимания социального государства стало более половины населения соответствующих стран. Стремление к восстановлению справедливости привели эти государства к ситуации, в которой они вынуждены были в определенной степени пожертвовать принципами меритократии. В частности, в большинстве западных государств работает в разных формах система поддержки социальных и этнических меньшинств и, прежде всего, тех, кто пострадал в прошлом. Настоятельной необходимостью признается восстановление гендерного равенства, равенства мужчин и женщин в сфере занятости. Финансирова-

ние программ, нацеленных на решение этих задач, нередко фигурирует в бюджетах отдельной строкой. Считается, что *равенство шансов* может обеспечиваться не только в реальном времени, но и *post factum*, как компенсация этническим или другим социальным меньшинствам тех потерь, которые они несли в прошлом. Парадоксальным образом принцип справедливости распространяется не только на тех, кто пострадал в прошлом,

но и на их внуков и правнуков.

Если принцип коллективной ответственности признается невозможным в обществе победившей меритократии, то *принцип коллективных преимуществ* не только признается возможным, но и реализуется в конкретных формах в социальной политике современных государств.

Независимо от того, какую модель социального государства выбирает страна, эффективность ее социальной политики в значительной степени определяется имеющимися у нее экономическими и кадровыми ресурсами. Богатые нефтедобывающие страны Ближнего Востока реализуют масштабные программы социальной поддержки даже притом, что в этом регионе никогда не находились во власти политические партии социал-демократической ориентации. В то же время в большинстве стран Латинской Америки регулярно проходят выборы, работают, хотя и не без сбоев институты демократии. Но уровень жизни и степень социальной поддержки населения государством остается низким и малоэффективным.

Анализируя состояние социальной напряженности и конфликта, немецкий социолог Ральф Дарендорф вывел формулу распределения, которую он назвал «*парадоксом Мартинеса*» [Дарендорф, 2002: 19]. Социалистическое правительство, пришедшее в 1980-ые гг. в Никарагуа, урезало власть олигархов и перекрыло каналы вывоза национальных богатств за рубеж. Оно выстроило систему распределения, выгоду от которой должны были в равной степени получать все граждане. Однако при всех благих намерениях принятые меры не имели успеха, в стране образовался дефицит самых необходимых товаров, полки магазинов опустели. Дарендорф полагает, что эгалитарная политика в условиях дефицита экономических и социальных ресурсов неизбежно приводит общество в состоянии застоя. Наилучший вариант выхода из ситуации застоя – будь то застой, вызванный олигархической или эгалитарной моделью распределения – Дарендорф видит в том, чтобы запустить механизмы экономического роста. Только экономический рост может привести к ситуации, в которой выигрывают все граждане в равной степени. Однако главный вопрос о том, как привести экономику в состояние экономического роста, Дарендорф оставляет без ответа. Между тем, именно этот вопрос становится наиболее сложным для стран с переходной экономикой. Перуанский экономист Эрнандо Де Сото [Де Сото, 2002] и американский экономист Дарен Асемоглу [Acemoglu D. and Robinson J., 2012] полагают, что дело в институтах. Если заставить институты работать, если устранить «области неопределенности», в которых рождаются неформальные отношения неравенства, экономика входит в состояние роста, обеспечивая рост стандартов жизни. Таким образом, ключевая задача стран с

переходной экономикой, к числу которых относится и Россия, состоит в том, чтобы развить соответствующие институты, «присадить» к национальному «дереву» те институты, которые зарекомендовали себя эффективными в развитых странах, и заставить в полной мере работать законы. Решить эту задачу могут те силы общества, которые способны видеть перспективу и реализовать программу, которая выведет страны на дорогу развития в будущем.

Подобный исход связан не столько с той ситуацией, которая наблюдается в экономике, сколько с раскладом политических сил в обществе. Вопрос развития, как и вопрос распределения, определяется тем, в какой степени политический класс общества привержен идеям всеобщего блага, имеются ли в нем фракции, готовые поставить вопросы развития и роста жизненных стандартов выше собственных эгоистических интересов. Судя по опыту развивающихся стран, в разных странах политический класс и класс крупных собственников делают разный выбор: в одних случаях он делается в пользу развития, в других – в пользу собственной гегемонии и сохранения существующей системы распределения, даже если подобная политика приводит институциональную систему в состояние глубокого кризиса. В подобных обществах неизбежно копится социальное напряжение, которое в дальнейшем разрешается социальным конфликтом. Однако социальные конфликты сами по себе не содержат готовых ответов на вопросы, которые ставит общество. В большинстве случаев они лишь еще более расшатывают и без того слабые институты, отодвигая решение ключевых общественных проблем в далекое будущее.

Социальная справедливость и мобильность

Темы справедливости и мобильности тесно связаны между собой. Современная трактовка справедливости как возможности реализуется в практическом ключе через потоки мобильности. Питирим Сорокин, создатель термина социальная мобильность, доказывал, что для современного общества характерно эволюционное движение к равенству, которое он противопоставлял революционным катаклизмам России в начале XX века. Однако равенства достигнуть невозможно, если граждане лишены возможности подняться вверх по социальной лестнице. Меритократическая справедливость понимается как свободная конкуренция по правилам, в результате которой часть населения, предположительно наиболее трудолюбивая и квалифицированная, приобретает более высокий экономический и социальный статус, часть остается в той же позиции, что и раньше, а третья часть теряет то, что имела прежде. Можно было бы предположить, что эгалитарная дистрибутивная справедливость ориентирована на статику, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и эгалитарная система ориентирована на мобильность, но в отличие от справедливости по меритократическим меркам, она акцентирует необходимость *индивидуальной*, а не *коллективной* мобильности.

Общества имобильные, в которых перемещения в координатах социальной структуры сведены к минимуму, не могут претендовать на роль справедливых. Ведь даже Платон, создавший модель имобильного, самовоспроизводящегося общества, признавал, что в классе ремесленников могут рождаться дети,

обладающих силой и мужеством, делающих их пригодными для воинской доблести. В группе воинов могут появиться дети, наделенные интеллектом, приготавливающих скорее к философии, чем ратному труду. Если природные таланты этих детей не будут учтены в жизни государства, то оно перестанет считаться справедливым и рано или поздно окажется перед вызовами, которые не сможет принять.

В *теории мобильности* важнейшим предметом изучения являются правила, по которым происходит возвышение гражданина или утрата им статуса. Речь идет об упоминавшейся выше *процедурной справедливости*. Во все времена, даже тогда, когда масштабы мобильности были минимальны, общество тяготело к ее регламентации. Нередко случалось так, что нормы мобильности выдумались уже после того, как акт возвышения имел место. Монарх, свергнувший своего предшественника, объявлял его царствование незаконным, а собственные претензии действительно легитимными. В борьбе за наследство решалась его судьба, а уже потом победитель обосновывал свои притязания существующим или выдуманным сводом правил. Но все же чаще регламентация мобильности производилась, а *posteriori*, до того, как акт мобильности имел место. В обществах традиционного типа, которые Герберт Спенсер, характеризовал как военные, решающее значение придавалось происхождению и воинским заслугам. Возможность восхождения, хотя и существовала, существенно ограничивалась сословными перегородками. В индустриальных обществах сословные ограничения были отменены, граждане получили возможность передвигаться по вертикалям социальной структуры без оглядки на родительский статус. В современных обществах, отмечал Питирим Сорокин, сформировалась обширная социальная группа, занимающая среднюю позицию в социальной структуре, состоящая из предпринимателей и специалистов разного уровня и разного профиля. Позднее новой группе приписывали свойство самостоятельного класса, однако в отличие от других классов средний класс демонстрировал открытость к мобильности из нижних слоев. Восхождению в средний класс в немалой степени способствовали такие институты мобильности как образование и рынок труда.

Если говорить о справедливости, понятие *«институт мобильности»* предпочтительнее привычного, используемого Питиримом Сорокиным термина *«канал»* [Черныш, 2005: 15-20]. В понятие «институт мобильности» заложено представление о нормах и определяемых ими процедурах, позволяющих совершать перемещения в социальной структуре. Институт образования, к примеру, подразумевает ориентацию на достижение и честную конкуренцию в академическом измерении. Справедливо все то, что соответствует предусмотренным системой процедурам – правилам и нормам отбора, оценки достижения, присуждения сертификата (диплома) пригодности к профессии. Несправедливо то, что нарушает формальную процедуру, например, вмешательство неформальных отношений, родительского авторитета, денежных ресурсов, обеспечивающих более высокий уровень обучения. В современном обществе сформировались вполне определенные нормы, регулирующие конкуренцию между уча-

щимися, а восходящая мобильность, достигаемая в обход этих норм, как правило, характеризуется как несправедливая.

В современном *мобильном* (по выражению П. Сорокина) обществе мобильность имеет не только объективные параметры, выраженные в таблицах мобильности, но и *субъективный* аспект. В том внутреннем диалоге, который ведет индивид, принимающий жизненные решения, присутствуют явно или неявно его представления о том, что возможно, а что нет, где больше шансов на продвижение, а где меньше. Любой шаг, подразумевающий мобильность, в подавляющем большинстве случаев предваряется оценкой ситуации, анализом возможных рисков и приобретений, препятствий и факторов, способствующих перемещениям. Как правило, в этом диалоге латентно присутствует имеющийся опыт и наблюдения за другими людьми и тем, как они обретают или теряют статус в обществе.

Справедливость или несправедливость ситуации рассматривается с «*коллективной*» и «*индивидуальной*» точек зрения. Первая из них принимает во внимание статус в обществе людей, имеющих схожие социальные характеристики, их возможности. Индивид мыслит категориями «возможно для таких людей, как я» или «это удалось людям моего круга». Второй ракурс зрения помогает оценить личностные качества и конкретные обстоятельства, благоприятствующие и затрудняющие мобильность. К таковым может относиться, к примеру, семейная ситуация, наличие или отсутствие необходимой квалификации, возможные действия людей в ближайшем окружении. Шкала справедливости приложима в одинаковой степени как к стандартным, групповым возможностям, так и собственной индивидуальной ситуации.

Случается, что два названным аспекта тесно между собой коррелируют: индивидуальные обстоятельства связываются или выводятся из коллективных возможностей. Но бывает и так, что два измерения субъективной мобильности сообщают индивиду информацию разного плана: в одном измерении поощряющую, в другом – демотивирующую. Индивидуальные обстоятельства могут быть благоприятны, но общая ситуация может выглядеть негативно – как явным образом затрудняющая социальное продвижение.

Суждения о справедливости социального порядка в значительной степени зависят от того, в какой из контекстов он вписывает имеющиеся у него возможности, кого винит в том, что социальная мобильность либо невозможна, либо имеет ограниченный характер. Если он считает, что его возможности уменьшены вследствие нарушения процедурных правил, то, скорее всего, критическая инвектива будет обращена к системе в целом. Ведь именно в ее обязанности входит обеспечение процедурной прозрачности и четкое формулирование правил игры. Если же индивид рассматривает ситуацию в плане имеющихся у него индивидуальных возможностей, то шкала справедливости разворачивается в сторону конкретных лиц в ближайшем окружении.

Характерный пример приводит в тексте, посвященном внутреннему диалогу Маргарет Арчер [Archer, 2007: 114-123]. Молодая женщина почувствовала в себе способность заботиться о других людях и пришла к выводу, что ей

необходимо выучиться на сестру милосердия. Однако ее отец, жестко регламентирующий ее поведение, оставил ее при себе с тем, чтобы она имела время на заботу о нем самом и больной матери. В широком контексте ничто не препятствовало ей в том, чтобы получить ту профессию, которую она считала своим призванием, но в семейной ситуации возникли серьезные препятствия, остановившие ее социальное продвижение. Справедливости ради, следует сказать, что запрет действовал лишь до того момента, пока у дочери не появилась собственная семья. Став самостоятельной, она организовала частный детский сад, в котором воспитывались вместе ее собственные и чужие дети. В результате ее статус в местном сообществе вырос, а вместе с ним и самооценка. Контекстом самореализации стало местное сообщество и те возможности, которые в нем заключались. В данном случае несправедливыми могли бы считаться действия членов ее семьи, но не социального порядка, в котором имелись возможности социальной мобильности.

Во многих сюжетах, фигурирующих в исследованиях, проблема справедливости раскрывается в практическом ключе как преодоление эксклюзии или неполной инклюзии, нисходящая или восходящая мобильность, социальный порядок, как он отражен в массовом сознании. В российском контексте подобные исследования важны еще и потому, что по общему согласию справедливость традиционно рассматривается как важнейшее условие социального мира. Социальный порядок, в котором принципы справедливости не соблюдаются или соблюдаются в неполной мере, провоцирует очаги социальной напряженности, а то и социального конфликта. Далеко не всегда возникший конфликт можно напрямую увязать с проблемой справедливости. За частным случаем не всегда возможно увидеть изъяны, которые свойственны сложившимся в обществе социальным отношениям. Между тем, эти связи обнаруживают себя в социологических исследованиях и, в частности, в результатах исследований справедливости, которые приводятся ниже.

Исследования справедливости. Параметры исследований

В российской социологии исследования справедливости велись в 1990-е гг., когда российские социологи активно включались в международные многосторонние проекты. В этот период общество находилось в транзите от советского строя к новому рыночному порядку. Массовое сознание находилось под влиянием двух противоположных тенденций.

Первая из них характеризовалась позитивным отношением к реализуемой политике реформ, рассматривала текущее, волатильное состояние общественной жизни как условие будущих успехов России.

Другая – накапливала настроения отчуждения и неприятия изменений в обществе и экономике.

Вторая тенденция преобладала, но при этом не имела влияния на ход событий: в провластных СМИ эгалитарные настроения объявлялись архаикой советской эпохи, которую надлежало преодолеть в самые короткие сроки, а новое неравенство объявлялась неизбежной платой за выход из застойной советской системы и необходимым залогом будущего процветания.

В настоящее время, спустя два десятилетия после начала реформ оценочные суждения о социальном порядке имеют более убедительные онтологические обоснования. В общественном сознании сложились устойчивые представления о том, в каком состоянии находится российское общество и насколько оно справедливо. Именно поэтому в дальнейшем предметом анализа станут *данные исследований справедливости*, которые проводились в последние три года.

Первое из них проводилось в 2014 г. и базировалось на общероссийской представительной выборке в 3000 респондентов. Выборка строилась как случайная, стратифицированная и характеризовалась точностью в 2% для распределения 50:50 при 95-ом интервале доверия.

Второе исследование проводилось в 2016 г. на базе квотной выборке студентов российских вузов.

Оба исследования проводились при непосредственном участии Российского общества социологов. Первое из упомянутых исследований имело поддержку в форме гранта ИНОП, второе – было инициативным и проводилось отделениями Российского общества социологов. Во втором исследовании использовался метод самозаполнения. В опросах применялись инструменты, имеющие схожий набор показателей и вопросов, но вторая анкета была компактнее и по форме была адаптирована для самозаполнения.

*Оценка справедливости российского общества:
данные всероссийского опроса*

Оценка общества по шкале справедливости может относиться к его интегральной характеристике. В формировании подобной оценки важную роль играет собственный жизненный опыт и сложившиеся представления, транслируемые или ретранслируемые в личных сетях и средствах массовой информации. Было бы неверно соотносить оценку справедливости с какими-либо конкретными жизненными практиками, собственными удачами или потерями респондента. Во многих случаях представления о справедливости аккумулируются в ходе межличностного общения, непрерывного диалога, который гражданин ведет с людьми в ближайшем окружении. Даже если сам гражданин не имеет прямого опыта общения с правоохранительными органами, те случаи, о которых он слышит от родственников или друзей, информация из публичных медиа, помогает ему сформировать его собственную точку зрения. Чем более вовлечен гражданин в те распределительные практики, которые он оценивает, тем более обоснованной является его оценка справедливости управляющих ими правил игры и конечного итога распределения. Соответственно, чем дальше от распределения находится опрашиваемый, тем чаще он в своих суждениях опирается на опыт других людей или сообщения в средствах массовой информации.

В тех исследованиях, которые проводились под эгидой РОС, справедливость российского общества оценивалась по одиннадцати балльной шкале. На ней «0» означал отсутствие всякой справедливости, а «10» – максимальную справедливость, характерную для всех сфер социальной жизни (рис. 1).

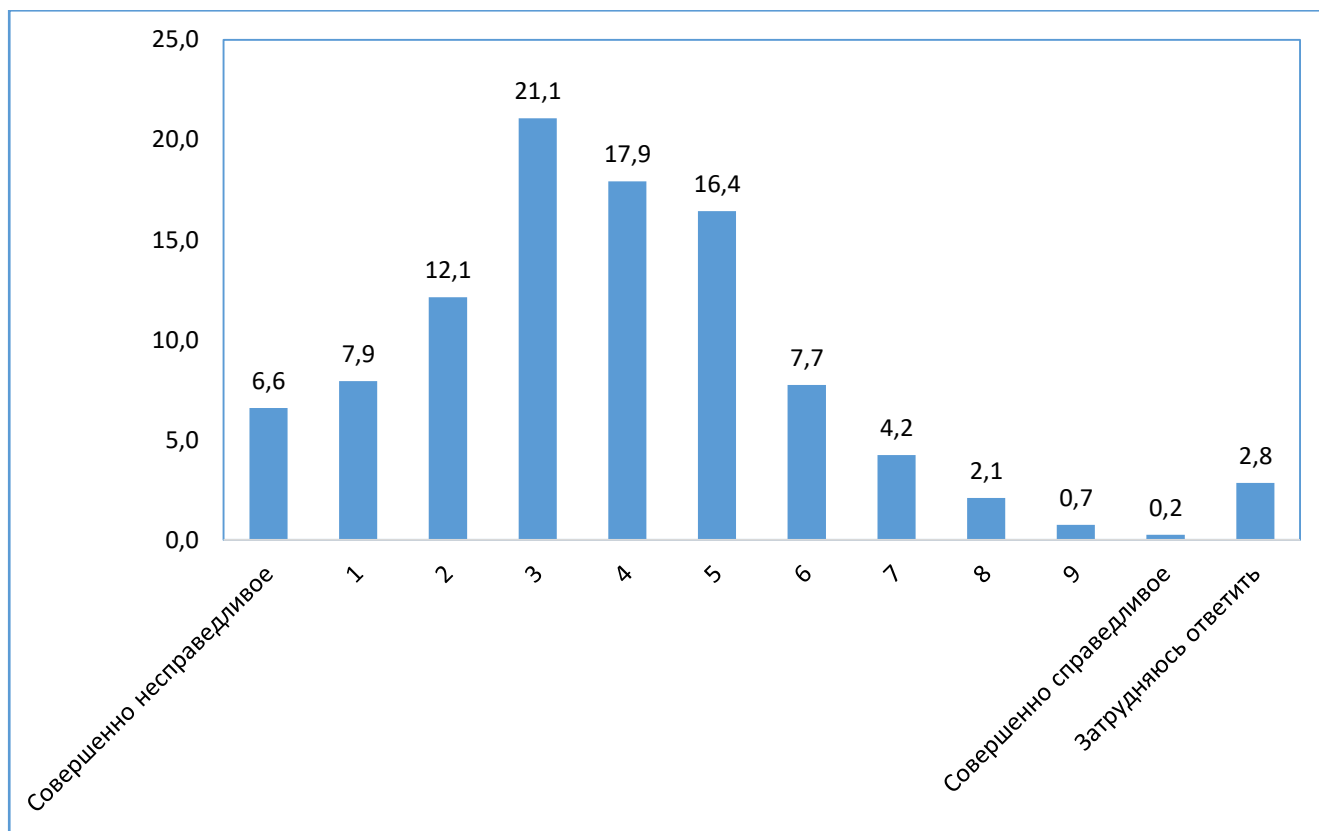

Рис. 1. Оценка справедливости российского общества (население).

Медианное значение на данной шкале равно 4, а средняя величина – 3,62. Если убрать из расчетов точку, которая обозначает уход от ответа, то средняя величина практически не меняется (3,58). Стандартное отклонение, характеризующее шкалу оценок, равно примерно 2 баллам, а это указывает на серьезное смещение шкалы в сторону крайних оценок. Доля тех, кто выставляет российскому обществу оценку от нуля до трех, равно 47,7%, то есть составляет примерно половину всей совокупности опрошенных. Доля тех, кто выбирал значение шкалы от 7 до 10 равно в сумме 7,2%. Налицо серьезный сдвиг в сторону низких оценок, свидетельствующий о том, что в системе сложившихся представлений российское общество фигурирует как *несправедливое* гораздо чаще, чем как справедливое или «срединное», имеющее равное количество положительных и отрицательных оценок.

В гипотезах о возможной причине подобных перекосов с необходимостью присутствуют такие переменные как *возраст, пол и тип поселения*.

Первая из гипотез касается *возрастных* различий: можно предположить, что старшее поколение, негативно оценивает современный уровень социального неравенства и с ностальгией вспоминает времена, когда в обществе господствовала идея равенства, а государство расширяло систему социальной поддержки, а не сокращало ее.

Возрастная гипотеза имеет подтверждение в данных общероссийского исследования: в возрастных группах от 18 до 40 лет уровень оценки справедливости в российском обществе примерно на 1 балл выше, сами оценки распределяются компактнее вокруг медианной величины. В группе 40-49 лет медиана

такая же, как в молодежной и средневозрастных группах, но при этом нарастает негативный фон, заключающийся в «вытягивании» шкалы оценок в сторону самых низких величин. Наиболее низкие оценки характерны самых старших возрастных групп – пятидесяти и шестидесятилетних (рис.2).

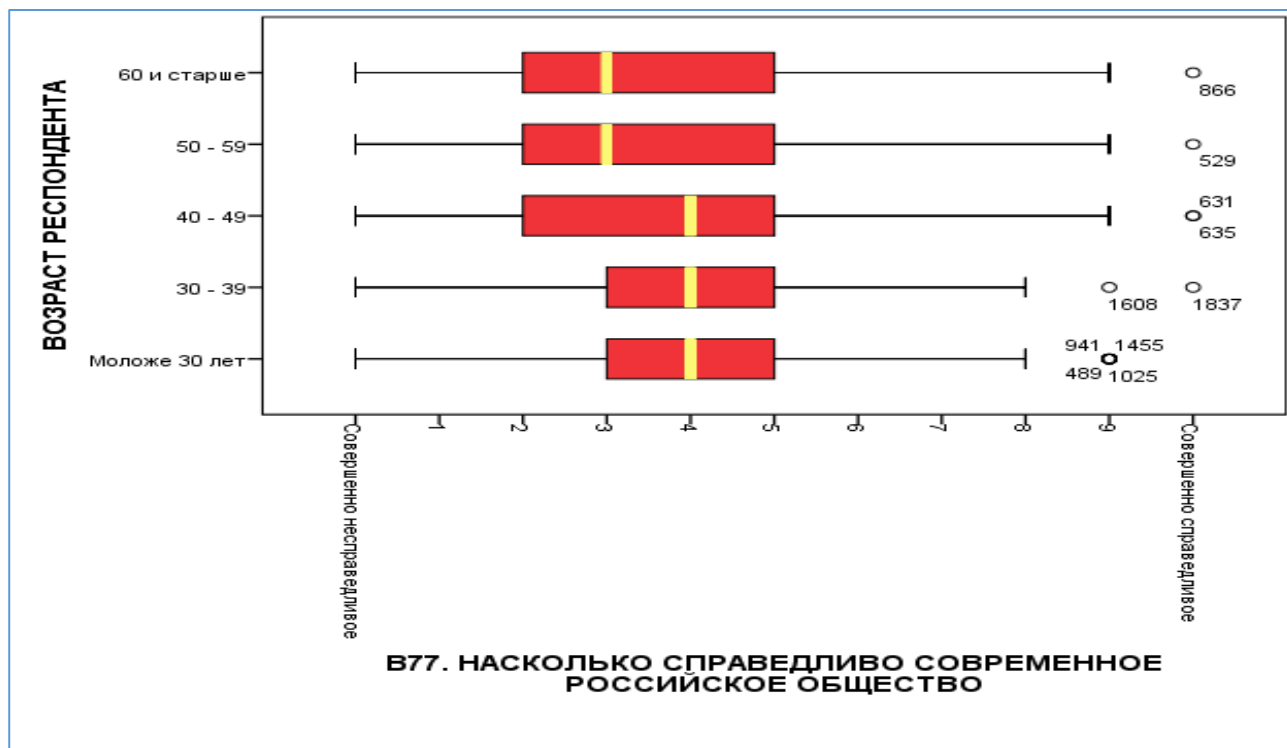

Рис. 2. Оценка справедливости российского общества: распределение по возрастным группам.

Полученный результат ожидаем: чем активнее индивид, чем менее зависим от внешней институциональной среды социальной поддержки, тем выше его оценки справедливости того общества, в котором он живет. На мироощущение молодежи и людей в среднем возрасте в значительной степени влияет ситуация на рынке труда и общее состояние экономики. Необходимо подчеркнуть, что общероссийское исследование зафиксировало те распределения, которые были характерны для докризисной эпохи. Можно предположить, что ухудшение состояния экономики имело негативные влияния, сближая оценки справедливости между разными возрастными когортами.

В старших возрастных группах оценки справедливости значимо ниже, чем в целом по населению. Помимо уже называвшегося фактора «советскости» на данную оценку в этих группах влияет факт приближения к тому возрасту, когда личностные ресурсы такие как здоровье, трудоспособность истощаются и приходит понимание того, что прожить пенсию, которая выплачивается государством сложно, но особенно сложно в том случае, если живешь в большом городе и не имеешь работы (рис. 3).

Согласно данным исследования, *пол* респондента оказывает существенное влияние на оценку справедливости российского общества. Медиана в груп-

пе мужчин находится в точке, равной 3, а в группе женщин – в точке, равной 4 баллам. Подобный результат, казалось бы, идет в разрез с общепринятыми представлениями. И действительно, женщинам чаще приходится сталкиваться со случаями несправедливости на рабочем месте, уровень оплаты труда в группе женщин в целом ниже, чем среди мужчин. Женщины реже получают повышение в должности или уровне оплаты труда.

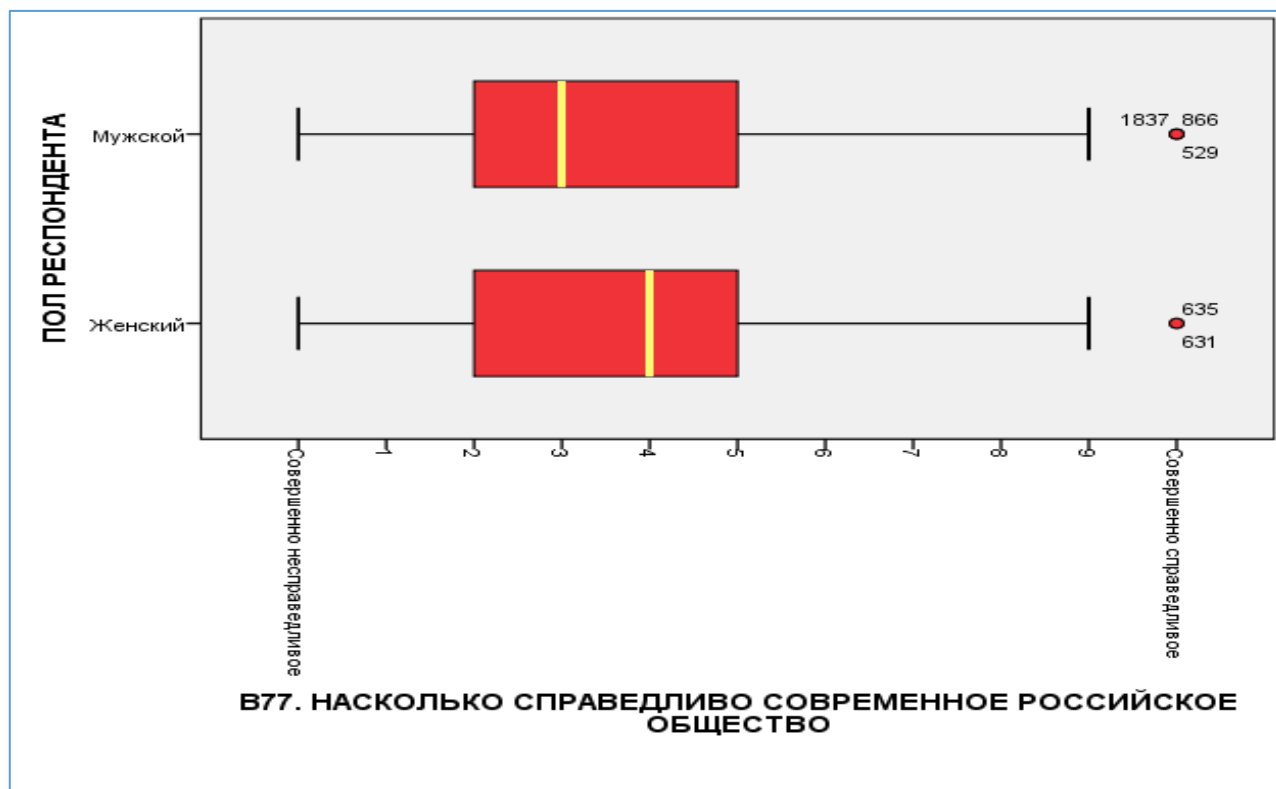

Рис. 3. Оценка справедливости российского общества: распределение по полу.

Возможные объяснения лежат в плоскости сложившегося гендерного порядка: женщины локализуют проблемы, с которыми сталкиваются, и несправедливость, с которой сталкиваются, относят на местный уровень – уровень отношений с непосредственным руководителем или отношений в ближайшем окружении. Эта закономерность проявилась в полной мере в ходе обсуждения проблемы справедливости на фокус-группах, которые проводились параллельно опросу. Мужчины говорили о проблемах справедливости в регионе или на федеральном уровне, женщины, в целом соглашаясь с суждениями мужчин, чаще акцентировали то, что происходит на низовом уровне, на нехватку детских садов, проблемы транспорта, работу поликлиник и больниц. Можно предположить, что женщин плотнее вовлечены в процесс воспроизводства на уровне домохозяйства и, следовательно, чаще, чем мужчины соотносят общие оценки с локальным контекстом.

Результаты исследования показали, что и третья гипотеза имеет под собой основания. *Тип поселения* имеет заметное влияние на оценку справедливости общества (рис. 4).

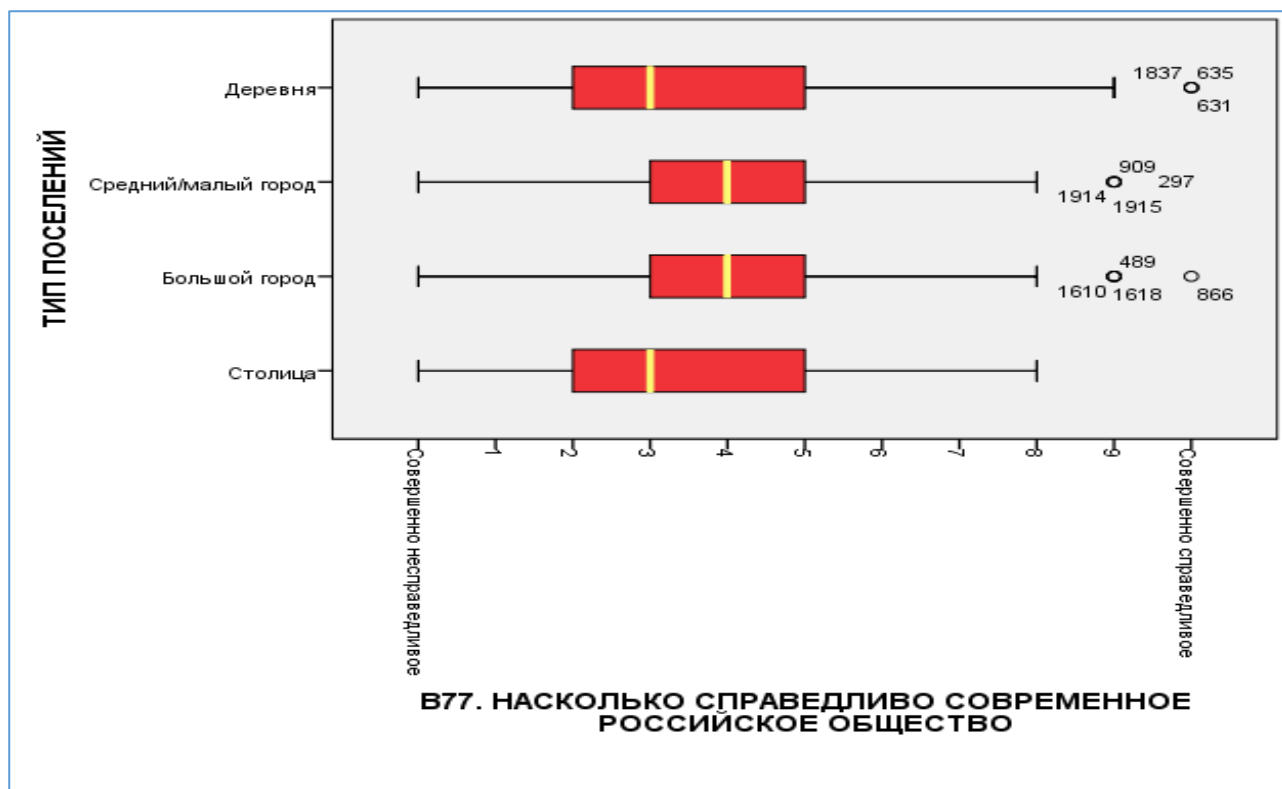

Рис. 4. Оценка справедливости общества и тип поселения.

Проверка данной гипотезы принесла неожиданные, нелинейные результаты. Изначально предполагалась, что средние величины оценок будут выше в поселениях, которые в целом благополучнее и богаче, чем другие. Речь идет, прежде всего, о Москве и С.-Петербурге, сведенным в одну категорию «столица». Чем дальше от столиц, тем ниже уровень жизни (за исключением ряда «сырьевых» регионов) и, соответственно, тем сложнее задача поиска работы с высокой оплатой труда, и просто сведения концов с концами. Соответственно наиболее низкие оценки справедливости российского социального порядка ожидалось в сельской местности, где уровень доходов существенно ниже, чем в городах. Результаты исследования показали, что парадоксальным образом оценки справедливости российской жизни в столицах и деревнях практически идентичны. И в столицах, и в сельской местности медиана делит совокупность пополам на величине 3 балла. И там, и здесь результат смещен в область низких оценок. Для сравнения оценка справедливости российского общества в малом (до 100 тыс.), среднем (от 101 до 250 тыс.) или большом городе (более 250 тыс.) примерно на один балл выше, а разброс в оценках меньше. Подобное распределение может иметь несколько принципиально разных объяснений. Во-первых, можно предположить, что основе данного распределения, при всей его схожести, лежат разные факторы. К примеру, низкие оценки справедливости в столицах могут провоцироваться более высоким уровнем информированности граждан, их включенностью в информационные потоки, в которых проблемы неравенства и коррупции занимают не последнее место. В деревне же низкие оценки могут быть итогом сравнения доходов местных жителей и горожан. Возможно, что играет роль то, что в сельском населении широко представлена по-

жилая страта, которая, как следует из полученных данных, выставляет справедливости в российском обществе более низкие оценки, чем молодежь или граждане в среднем возрасте.

Если искать причины низкой оценки справедливости в *существующей системе распределения*, то логично выдвинуть гипотезу о возможных различиях в оценках между группами, располагающимися в данной системе на разных ступеньках (рис. 5).

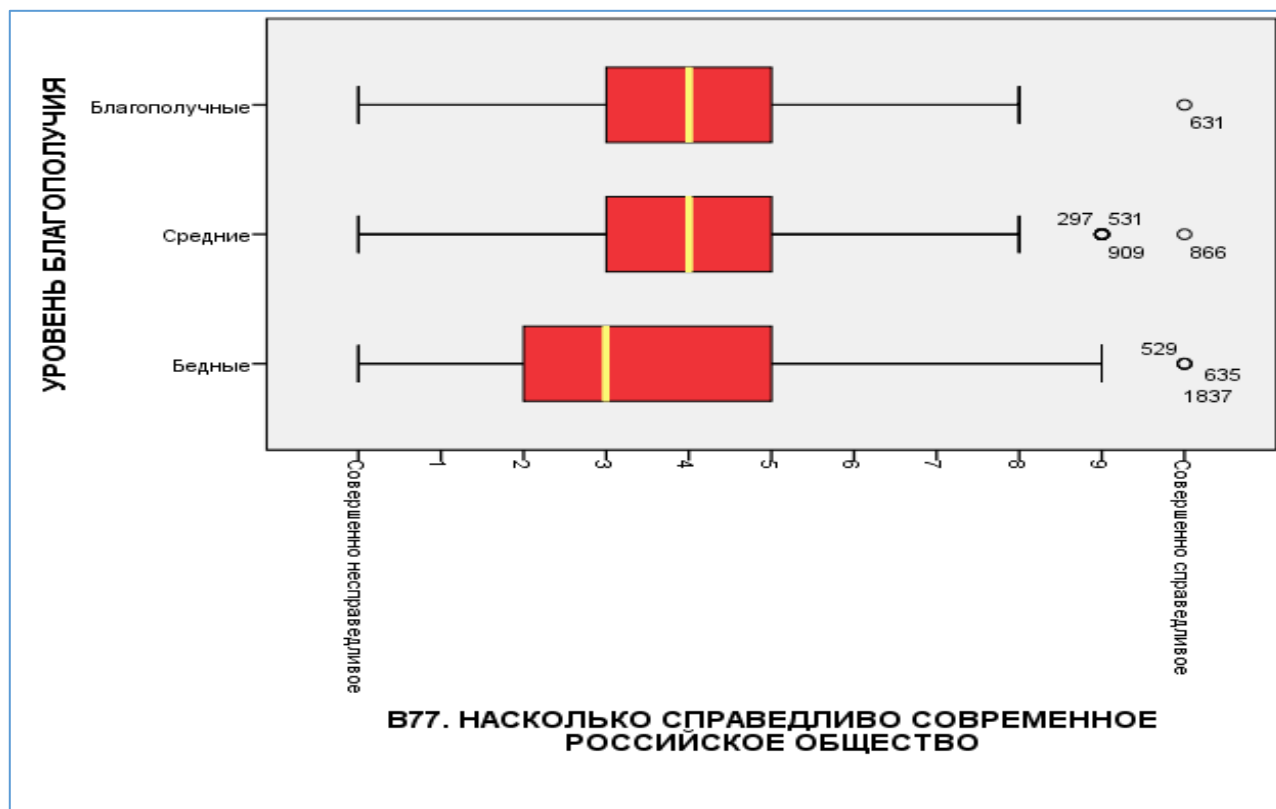

Рис. 5. Оценка справедливости российского общества в группах с разным уровнем дохода.

Уровень благополучия действительно имеет существенное влияние на оценку справедливости: малообеспеченные (1 и 2 пункт шкалы самоотнесения) выставляют справедливости российского общества оценку примерно на 1 балл более низкую, чем респонденты со средним уровнем жизни (3 пункт шкалы самоотнесения) и благополучные респонденты (4 и 5 пункт шкалы самоотнесения). Как и во многих предыдущих случаях, различия в оценках имеют нелинейный характер. Уровень собственного благополучия перестает влиять на оценку в тех случаях, когда респондент решил для себя проблему выживания. Возможно дело в том, что к малообеспеченным слоям населения принадлежат, прежде всего, люди старшего возраста. В существующей системе распределения переменные возраста и уровня жизни тесно связаны между собой: в группе с низким уровнем жизни пожилые респонденты оказываются чаще, чем молодежь или респонденты в среднем возрасте.

В развитие темы распределения и его справедливости респондентам задавался вопрос о том, какие чувства они испытывают в момент размышлений о

распределении доходов в российском обществе. Респонденту предлагалось выбрать два варианта из списка негативных и позитивных эмоций, представленных в нем поровну (рис. 6).

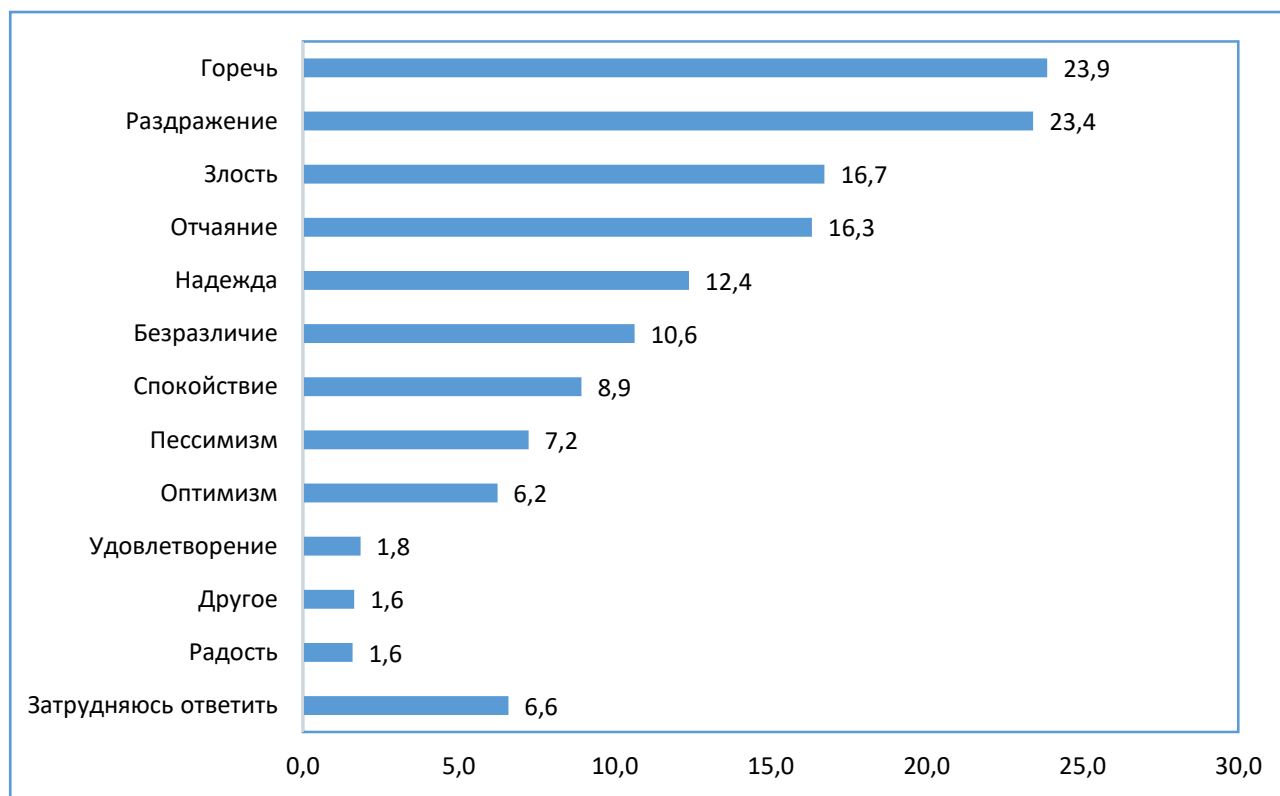

Рис. 6. Эмоциональная реакция на распределения доходов в российском обществе.

Первые места в списке заняли негативные эмоции – горечь, раздражение, злость, отчаяние. Положительные эмоции оказались в нижней части таблицы, самой популярной из них оказалась надежда – чувство, обращенное в будущее. Примерно один из десяти опрошенных воспринимает информацию о распределении доходов с безразличием. Необходимо отметить, что варианты «пессимизм» и «оптимизм» выбрало относительно небольшое число опрошенных. В большинстве случаев сложившееся положение в сфере распределения не рассматривается как устойчивое и не является поводом для оптимизма или для пессимизма.

Логично предположить, что эмоции, которые возникают у респондента, когда он размышляет о справедливости распределения, существенно влияют на его оценку справедливости общества в целом. Однако полученные результаты эту гипотезу опровергают (рис.7).

В группе тех, кто испытывает позитивные эмоции в момент размышлений о распределении доходов в обществе, оценка справедливости самого этого общества находится на уровне в 4 балла по 11-балльной шкале. В группе тех, кого наполняют негативные эмоции, медианная оценка равна примерно 3 баллам.

Различия, хотя и значимы, но не настолько велики, чтобы можно было констатировать принципиальные различия.

Итак, если суммировать, большинство населения убеждено, что живет в обществе, в котором принципы справедливости либо вовсе не соблюдаются, либо соблюдаются частично, не в полной мере. Меньшинство, признающее общество справедливым, включает в себя не только обеспеченных граждан или граждан, живущих в городе, но и тех, кто по всем известным меркам не дотягивает до приемлемых стандартов жизни, а также тех, кто проживает в сельской местности, вдали от благ современной цивилизации.

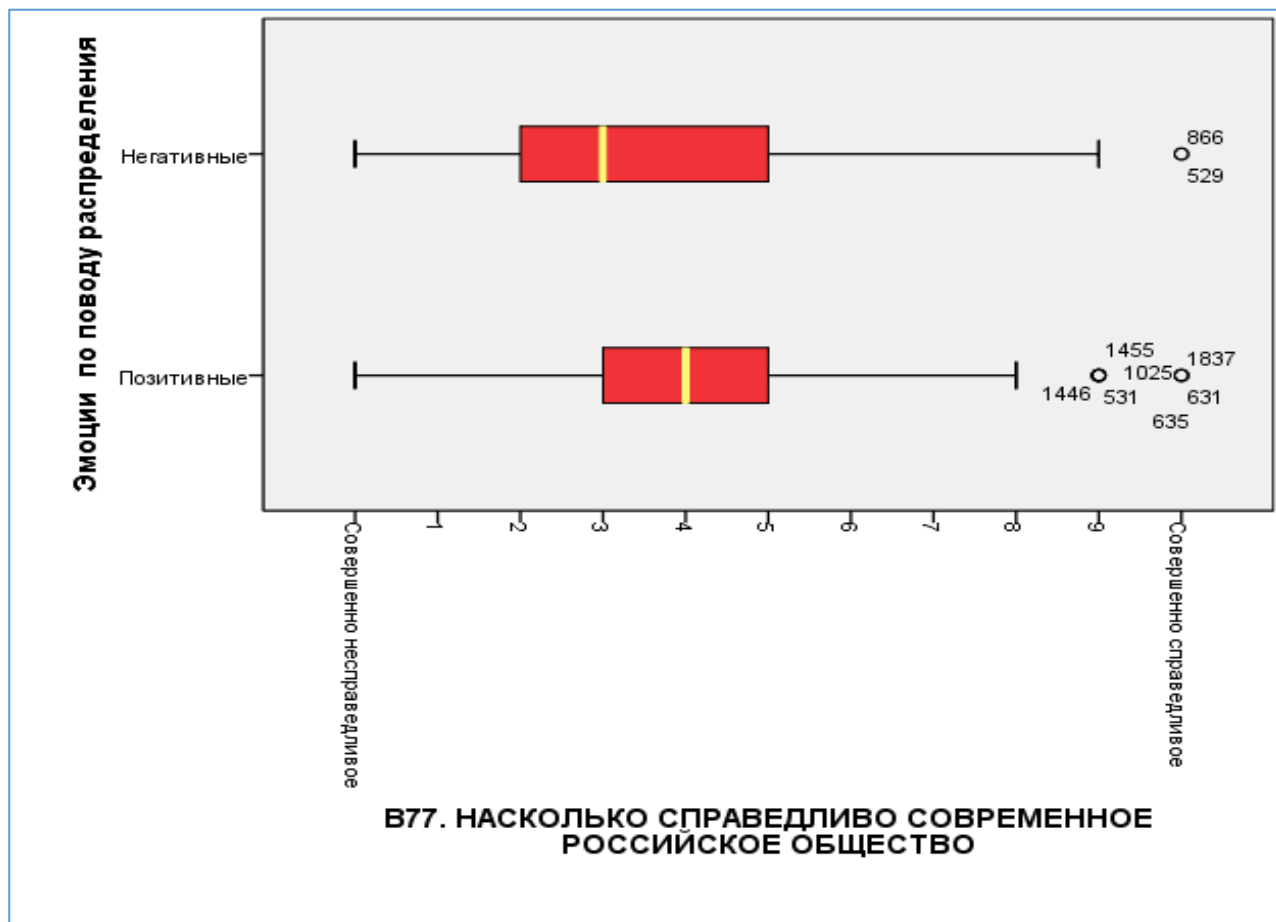

Рис. 7. Оценка справедливости российского общества и модальность восприятия системы распределения

Данные группы можно было бы охарактеризовать как, в одном случае, «сообщество критического консенсуса», а во втором – «сообщество консенсуса граждан, лояльных по отношению к существующему порядку. Закономерный вопрос, которым вправе задаться социолог, изучающий данный феномен, мог бы звучать следующим образом: как возможно, чтобы «критический консенсус» оставался в пассивном состоянии и не оказывает существенного влияния на политическую поддержку политических сил, ответственных за воспроизводство ущербной системы распределения? Ответ на данный вопрос потребует понимания того, что российские граждане в каждом отдельном случае понимают

под справедливостью и в чем они видят причины сложившегося положения вещей. Из теоретических рассуждений вытекает предположение о том, что внутри каждого из «консенсусов» сосуществуют разные, порой очень несходные аргументы в пользу занимаемой позиции. Пробел справедливости может рассматриваться как естественное состояние общества, которое оно обязано преодолеть. Респонденты, полагающий, что общество в основном устроено справедливо, могут иметь в виду совсем не отсутствие в нем серьезных изъянов, а вектор движения, который задан либо в постсоветскую эпоху, либо позже, в начале 2000-х.

Иными словами дефиниция справедливости может включать в себя динамическую составляющую, позволяющую увидеть выгоды нынешнего положения вещей по сравнению с одним из предшествующих периодов в истории страны. В других случаях степень справедливости может оцениваться не как достигнутое состояние, которое для некоторых из респондентов является вполне благополучным, а как результат работы социальных институтов.

Респондент может рассуждать следующим образом: я возможно и принадлежу к тем, кто выиграл в социальной конкуренции, но мой опыт и опыт других людей говорит о том, что в сложившихся правилах игры отсутствует важнейший момент равенства шансов, а социальные институты не в состоянии гарантировать стабильный, предсказуемый результат даже для тех, кто относится к категории выигравших. Разумеется, не все эти гипотезы можно проверить в одном исследовании. Исторический аспект, формирующий представление о текущем обществе в его сравнении с предшествующим периодом, может стать самостоятельной темой, выходящей за рамки рассуждений о справедливости. Однако многие из выдвинутых гипотез можно проверить на уже имеющихся данных. В частности, сюжет, посвященный работе институтов, в исследовании изучался и более подробно рассматривается в последующих главах.

Оценка справедливости российского общества: студенты

Как уже говорилось выше, опрос студентов выполнялся организациями, входящими в РОС, и не может рассматриваться как представительный в полном смысле этого слова. По своей конструкции опрос ближе к параметрам квотного исследования, в котором объект исследования ограничен некоторыми заданными изначально характеристиками, в данном случае – возрастом и родом занятия. В условиях, когда математические условия репрезентации не соблюдаются, ограничения, которые налагаются на выборку, становятся благом. В сформированной совокупности оказываются респонденты одного статуса, одного возраста, но при этом дисперсно распределенные по всей территории РФ. Данная выборка, как всякая квотная таит в себе возможность устойчивых искажений, но в большинстве случаев – и это неоднократно доказывалось исследовательскими практиками – точно воспроизводит характеристики генеральной совокупности (рис. 8).

Контур распределения оценок справедливости российского обществе в группе студентов примерно такой же, как и по населению в целом. Медиана равна 4, но средняя несколько выше – 4,59 при стандартном отклонении, рав-

ном 1,78. Доля тех, кто оценивает справедливость на тройку или ниже, составляет 50,2%, доля тех, кто убежден, что российское общество в целом справедливо (оценка 6 баллов и выше) – 13,7%. Налицо значительное смещение в сторону низких оценок: большинство молодых людей, обучающихся в высших учебных заведениях, полагает, как и большинство населения, что российское общество в целом несправедливо. При мысли о том, как распределяется общественное богатство в стране, большинство охватывают негативные чувства.

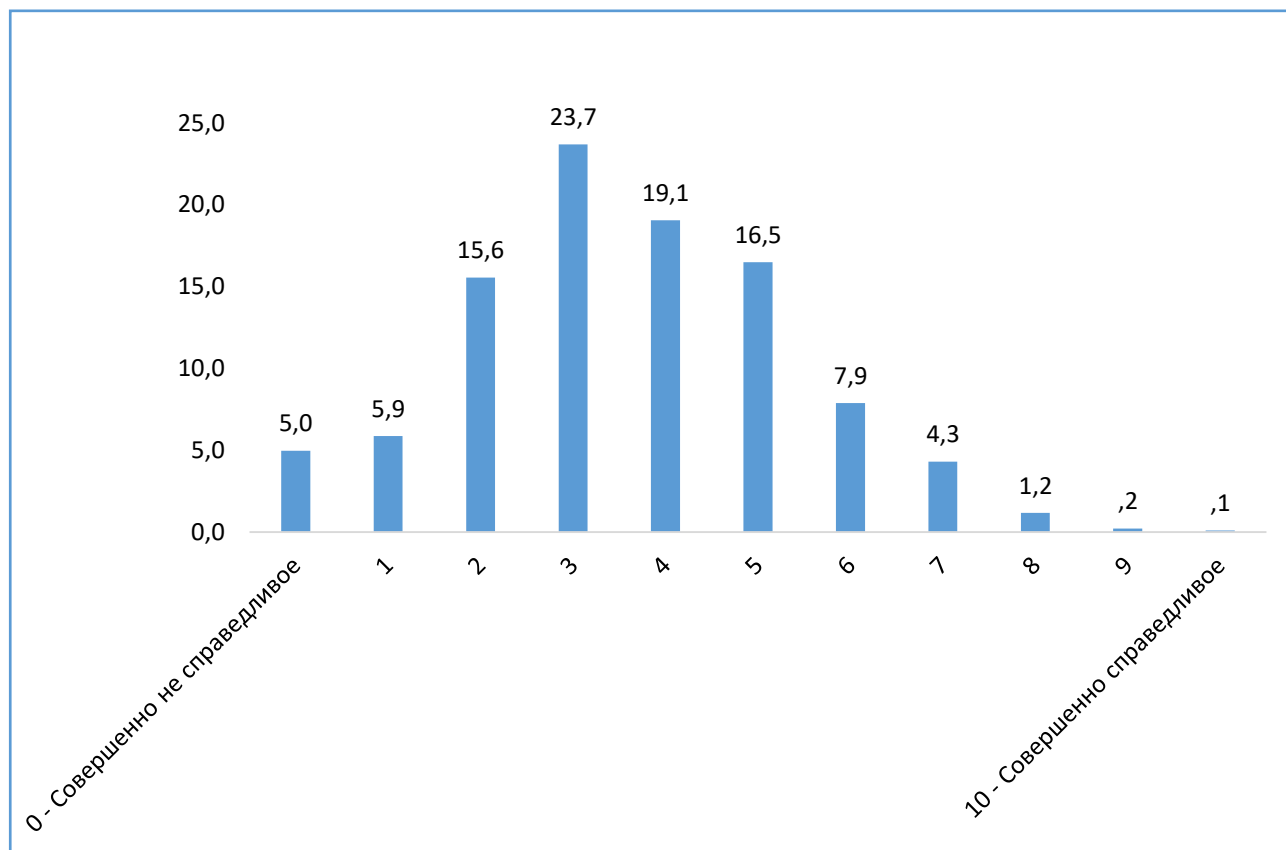

Рис. 8. Оценка справедливости российского общества (студенты)

Около четверти испытывают раздражение, но при этом больше, чем в населении, доля тех, кто испытывает отчаяние. Меньше доля тех, кто питает злобные, мстительные чувства, но больше тех, кто все-таки надеется на то, что ситуация изменится (рис. 9). В рядах студенческой молодежи заметно больше одновременно и «пессимистов», и «оптимистов». Для взрослых многие параметры жизненного пути определены, а «коридор» выбора сужен уже полученной профессией, профессиональным опытом, имеющей работой и семейными обстоятельствами. Молодежь находится на развилке, поэтому чаще размышляет о том, что ее ждет в будущем, каковы ее жизненные возможности. Важно и то, что свобода выбора для молодежи не ограничивается только собственным городом или страной. Молодежь наиболее мобильная группа и в свои размышления о будущем включает возможности вхождения в иную социальную страту, переезд в другой регион или город или выезд на постоянное место жительства за рубеж.

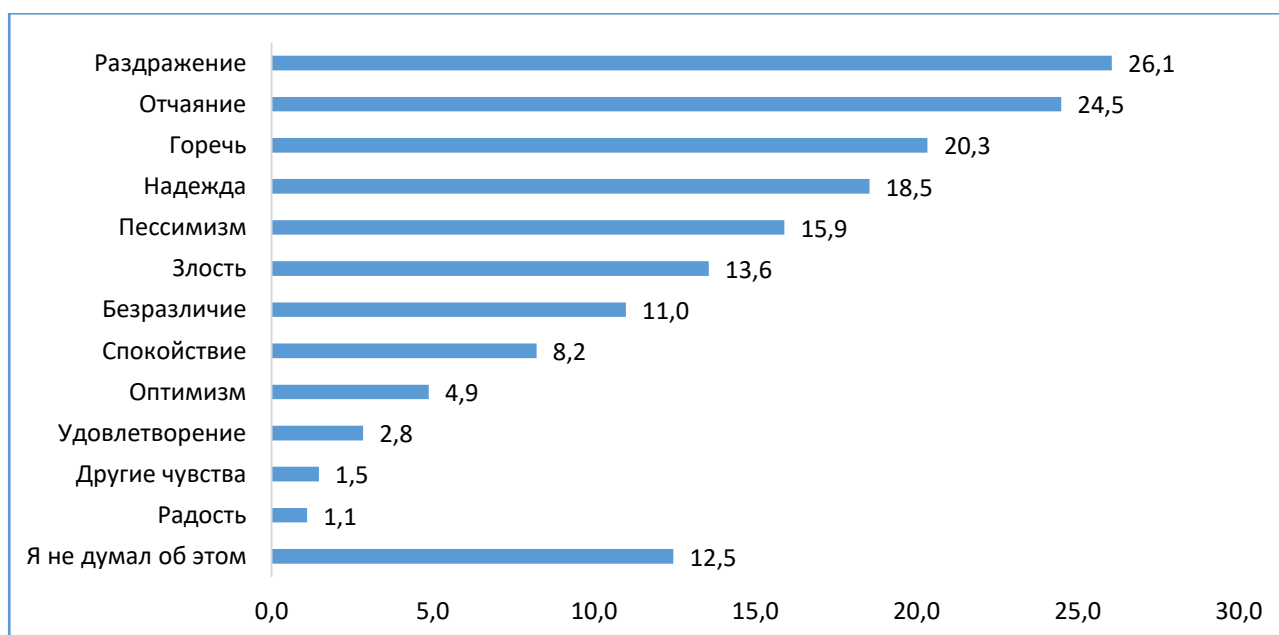

Рис. 9. Чувства, которые охватывают респондента, когда он размышляет о том, как деньги распределяются в обществе.

В эти размышления входит важный вопрос о происхождении бедности и богатства в стране. В совокупности вопросов на эту тему использовался пяти-балльная шкала, на которой «1» означала «никогда не служит причиной», а «5» – «очень часто служит причиной» (табл. 1).

Таблица 1

Причины бедности (метод главных компонент, ротация – varimax)

	<i>Компонента</i>			
	1	2	3	4
Отсутствие талантов, способностей	0,010	0,055	0,101	0,825
Невезение	0,147	0,118	0,012	0,785
Пьянство, наркомания	0,060	0,008	0,798	0,006
Плохие условия взросления	0,062	0,147	0,714	0,137
Лень, отсутствие желания работать	-0,005	0,027	0,733	-0,013
Плохое здоровье	0,023	0,570	0,322	0,045
Ущемление прав возрастных групп	0,179	0,725	-0,031	0,079
Низкое качество образования	0,181	0,654	0,068	0,107
Нарушение законов, равенства	0,371	0,569	0,010	-0,018
Застрой в экономике	0,507	0,398	-0,052	0,062
Национальность	0,566	0,255	-0,026	0,132
Политика правительства в пользу богатых	0,751	0,190	0,023	-0,040
Мигранты	0,697	0,005	0,012	0,138
Политика хозяев предприятий	0,722	0,115	0,079	-0,050
Бедность родительской семьи	0,595	0,139	0,092	0,063

Для того чтобы выявить типологию взглядов студенчества на причины бедности, в исследовании был выполнена процедура *факторного анализа*. По-

лученная на выходе совокупность факторов (типов) покрыла 52% совокупной дисперсии изучаемых признаков.

Первый из факторов оказался самым весомым (18% совокупной дисперсии). В нем бедность понимается как явление, вызванное социальной природой российского общества. В этой системе идей бедность рождается из политики правительства, которое поощряет богатых в ущерб бедным, политикой хозяев предприятия, платящих работникам низкие заработные платы, засильем миграции, сужающей возможности трудоустройства для местных жителей, а также плохой социальной «наследственностью», воспроизводящей себя в каждом следующем поколении.

Во *втором факторе* (12% совокупной дисперсии) на первый план выходит неравенства и эксклюзия, а именно ущемление прав работников по возрастному признаку, низкое качество образования, нарушение законов, которые должны обеспечить равенство работников и граждан. В некоторых случаях названные обстоятельства могут усугубляться плохим здоровьем работника и, соответственно, плохим состоянием медицины.

В *третьем факторе* (12%) подчеркивается значение личных порочных пристрастий – пьянства и наркомании – во взаимосвязи с плохим условиями взросления. К ним добавляется лень, нежелание преодолеть рамку ограничений, налагаемых внешними условиями. Как и предыдущие типы, третий фактор видит причины бедности во внешних ограничениях, которые трансформируются в личные обстоятельства, затрудняющие социальное продвижение.

Четвертый фактор, самый слабый из всех (8%), акцентирует личностные, индивидуальные качества, либо способствующие продвижению, либо тормозящие его. В главу угла ставится отсутствие способностей и талантов, а также банальное отсутствие везения. Вкупе этих обстоятельств достаточно, что в конечном итоге человек оказался на социальном дне.

В суждениях студентов о бедности настойчиво повторяется тема несправедливости российского общества – равнодушия высшей бюрократии, ориентированной на интересы богатых, миграционной политики, вредящий трудоустройству малообеспеченных и, следовательно, неквалифицированных слоев населения, неравенства, с которым российский гражданин сталкивается в том случае, если пытается отстаивать свои права, политикой хозяев предприятий, занижающих заработную плату работников. Студенты полагают, что бедность во многих случаях становится наследственной характеристикой и повторяется в новых поколениях. Виной тому в значительной степени плохое состояние системы образования, теряющей способности обеспечить всем учащимся приемлемые стартовые позиции.

Аналогичной статистической процедурой выявлялись *факторы (типы)*, суммирующие суждения об отношении к *богатству* и его происхождению. Использовалось ортогональное вращение, сохраняющее отношение факторов друг к другу, но делающее значимые переменные более весомыми внутри каждого из факторов (табл. 2).

Выявленные факторы покрыли 60% совокупной дисперсии включенных в процедуру признаков.

Таблица 2

Причины богатства (метод главных компонент, ротация – varimax).

	<i>Компонента</i>				
	1	2	3	4	5
Талант, способности	0,717	-0,036	0,065	-0,105	0,169
Везение	0,383	0,037	0,170	0,004	0,602
Трезвый, разумный образ жизни	0,709	0,105	-0,137	0,049	0,139
Этнический фактор	-0,062	0,163	0,096	0,082	0,816
Правильное воспитание	0,651	0,186	-0,123	0,227	0,069
Трудолюбие	0,812	0,041	0,025	0,041	-0,180
Крепкое здоровье	0,616	0,241	-0,097	0,156	0,056
Полезные связи	0,080	0,028	0,320	0,685	0,000
Хорошее образование	0,449	0,320	-0,079	0,507	-0,152
Благоприятствующие законы	0,072	0,732	0,022	0,205	0,127
Развитие экономики	0,219	0,770	0,015	-0,009	0,089
Правительство, поощряющее предпринимательство	0,105	0,770	0,098	0,022	-0,025
Раздача госсобственности в период приватизации	0,015	0,530	0,424	0,013	0,103
Нарушение закона, преступление	-0,136	0,083	0,836	0,082	0,126
Умение рисковать	0,499	0,108	0,552	0,034	-0,102
Включенность в криминальные структуры	-0,186	0,073	0,777	0,190	0,165
Помощь семьи, родных	0,044	0,057	0,041	0,792	0,124

Первый, самый весомый из факторов (18%) подчеркивал значимость личностных качеств – таланта, трудолюбия, трезвого образа жизни, крепкого здоровья. Для успеха важен социальный фон: названные качества культивируются внутри семьи.

Второй фактор (13% совокупной дисперсии) выделяет внешние условия, способствующие нормальному развитию бизнеса – экономический рост и поощрение предпринимательства правительством страны.

В *третьем* факторе (11%) также подчеркивается значение внешних обстоятельств, но характеризуются они со знаком минус: чтобы добиться богатства приходилось нарушать закон и включаться в криминальные структуры.

В *четвертом* факторе (8%) на первый план выводились полезные связи и, прежде всего, наличие влиятельных родственников.

И, наконец, *пятый* фактор отмечал значение таких характеристик претендента на богатство как его этническая принадлежность и вдобавок к ней везение.

Как показало исследование, в сознании современной молодежи по-прежнему сильна вера в том, что стать богатым можно за счет личных качеств – упорства, трудолюбия, таланта и крепкого здоровья. Внешние условия успеха включают в себя развитие экономики и правительство, заинтересованное в развитии предпринимательства. Противоположная позиция выражена теми, кто полагает, что российский класс богатых возник благодаря нарушениям закона,

при поддержке криминальных структур, что для достижения материального успеха необходимы полезные связи и, прежде всего, связи в ближайшем, семейном окружении. Внешние обстоятельства могут включать в себя и этнический фактор, «аскрипцию», которая не имеет к меритократии никакого отношения.

Тенденция *индивидуализации* молодежных представлений о справедливости, выраженная в суждениях о бедности и богатстве проявилась и в ответах на вопрос о том, каким должно быть справедливое общество. Характеристики справедливости имели *два основных вектора* – *общественный*, направленный на достижение всеобщего блага, и *индивидуальный*, ориентированный на создание оптимальных условий процветания самого респондента.

Нельзя сказать, чтобы первый вектор не имел поддержки в рядах молодых респондентов. Около пятой части опрошенных готовы к тому, чтобы общество подчинялось воле большинства населения, даже если эта воля идет вразрез с интересами большинства, но более трети не поддержали подобную идею (34,0%). 35,9% высказались в пользу национализации природных ресурсов, в результате которой доходы от их продажи будут пополнять казну государства, но 40,1% заняли срединную позицию частичного согласия и одновременно несогласия, а 24,0% высказались против подобных решений. Идея прав и свобод отдельного человека, даже в ущерб большинству населения, привлекла 19,1%, 42,8% заняли позицию взвешенной середины, а 38% отказали ей в поддержке, выбрав, таким образом, первый вектор в ущерб второму.

В ряду определений справедливого общества оказались суждения, которые поддержало большинство опрошенных. Во-первых, это – стремление к институциональной справедливости, отраженной в желании иметь справедливый суд (54,3%). В этом же ряду желательных условий поддержка предпринимательства (66,3%), бесплатное здравоохранение (75,5%) и поддержка государством выходцев из бедных семей, желающих получить образование и продвигаться в обществе (72,2%). Таким образом, полагают респонденты, могут быть соединены и гармонизированы интересы разных слоев населения – и тех, кто стремится к богатству и жаждет добиться этой цели через предпринимательство, и тех, кто в силу обстоятельств имеет низкие стартовые позиции и должен при поддержке государства компенсировать ресурсные пробелы, вызванные бедностью или слабым здоровьем. В реальной жизни условия справедливости могут быть соблюдены только в том случае, если формальные нормы общественной жизни обязательны для всех, а справедливый суд является инструментом восстановления поправленных прав и защитой от всевластия государства.

Справедливая зарплата: данные всероссийского опроса

Согласно одной из гипотез исследования, представления о социальной справедливости находятся в зависимости от классовой ситуации индивида. Под классовой ситуацией подразумевается совокупность характеристик, «привязывающих» индивида к определенной нише в социальной структуре. В число упомянутых характеристик входит место индивида в структуре управления

предприятием, характер труда (умственный или ручной), уровень оплаты труда и возможности социального продвижения.

В классическом варианте теория классов постулирует однонаправленное влияние классовой позиции на общественное сознание. В более современных концепциях классов задана возможность неполного, частичного влияния классовой позиции на сознание работника, или даже его отсутствие. Например, влияние классовой ситуации может быть нейтрализовано мировоззренческим проектом, навязываемым обществу правящим классом при помощи современных средств массовой информации. Речь идет о теории *«гегемонических» проектов*, выдвинутой итальянским неомарксистом Антонио Грамши. Представления о социальной справедливости могут быть частью подобного проекта: гражданин может подпасть под влияние навязчивой пропаганды, настаивающей на неприемлемости некоторых вариантов общественного устройства, строящей идеологические «арки», объединяющие население поверх классовых различий. Подобные «арки» воздвигала, к примеру, нацистская пропаганда, заявлявшая о примате национального над классами, общности интересов групп с разным уровнем жизни, разным участием в процессе принятия решений. Схожих стратегий придерживаются многие режимы, формирующие в общественном сознании «корректные» и «некорректные» варианты решения социальных проблем.

В настоящем исследовании ставилась ограниченная задача – установить степень влияния классовых различий на представления о справедливости. Одна из теоретических проблем данного раздела заключается в том, что в социологической литературе бытует *множество определений класса* – от *классических марксистских*, рассматривающих класс как продукт отношений собственности, до *стратификационных*, отождествляющих классовое деление общества со слоевым. В анализе классовой ситуации мы будем ориентироваться на совокупность показателей, характеризующих рабочее место респондента, его заработную плату, реальную и желаемую, а также представления о справедливости процесса принятия решений на его предприятии.

По данным исследования, большинство респондентов находится в категории наемных работников – 52,3%. В группе руководителей высшего звена находится 8,6% опрошенных. Речь идет не только о директорах предприятий, но и тех, кто находится поблизости от высших позиций – членах советов директоров, заместителях директоров, руководителях ключевых подразделений предприятий. Остальные работающие респонденты находятся в промежуточной зоне, занимая позиции руководителей отделов или выполняя некоторые руководящие функции на самых низших ступеньках производства.

Одна из гипотез исследования состояла в том, что осознание справедливости или несправедливости порядков, царящих на предприятии, зависит не только от уровня оплаты труда, но и той позиции, которую респондент занимает в структуре предприятия. Если работник может влиять на решения, принимаемые на предприятии, то, соответственно, он чаще оценивает подобные решения как справедливые. Что касается решений, которые в штатном режиме, принимаются на предприятии, то они были представлены 11 категориями – от

решения найма или увольнения, до повышения или понижения работника в статусе. Справедливость решений оценивалась по пятибалльной шкале, на которой «5» подразумевало соблюдение принципов справедливости во всех случаях, а «1» – полное отсутствие справедливости (табл. 3).

Таблица 3

Оценка справедливости решений, принимаемых на рабочем месте, в зависимости от позиции в управленческой иерархии (средняя оценка по шкале из 5 баллов, стандартное отклонение)

Принимаемые решения	Позиция в управленческой иерархии					
	Высший уровень		Средний уровень		Рядовой работник	
	Средняя	Стандартное отклонение	Средняя	Стандартное отклонение	Средняя	Стандартное отклонение
Решение о найме	4,42	0,83	3,89	0,92	3,94	0,91
Решение об увольнении	4,33	0,94	3,76	0,93	3,80	0,96
Определение работ	4,30	0,88	3,83	0,93	3,81	0,98
Выбор материалов	4,35	0,80	3,92	0,92	3,86	0,97
Определение объема работ	4,24	0,91	3,76	0,92	3,78	1,03
Распределение зарплаты	4,06	1,05	3,50	1,03	3,41	1,12
Установление оплаты	4,03	1,06	3,44	1,09	3,30	1,15
Наложение взыскания	4,34	0,77	3,71	0,94	3,60	1,03
Закупка оборудования	4,21	0,91	3,70	1,02	3,68	1,07
Повышение в должности	4,22	0,88	3,64	0,95	3,55	1,06
Понижение в должности	4,22	0,84	3,63	0,98	3,51	1,02

Высшие руководители действительно оказываются в отдельной категории. Справедливость принимаемых на предприятии решений они оценивают величиной, близкой к максимальной. Другие категории работников образуют гомогенную группу. Руководители среднего звена и рядовые работники оценивают справедливость решений, принимаемых на предприятии, схожими величинами. Значимые различия в оценке справедливости процесса принятия решений подтверждают выводы других исследований социальных различий: в той структуре, которая сложилась в российской экономике, основные привилегии принятия решений закреплены за руководителями высшего звена.

Как и следовало ожидать, подобная структура рождает скрытое недовольство остальных работников, полагающих, что по тем аспектам производственной деятельности, которые касаются их лично, они могли бы иметь больше влияния, больше власти. Проблема «разделения властей» на предприятии связана еще и с тем, что роль других возможных акторов принятия решений на предприятии ничтожна.

По данным исследования социальной структуры, проведенного сектором социальной мобильности Института социологии РАН в 2007 г., только около 10% респондентов наблюдают реальную профсоюзную деятельность на своем предприятии. В остальных случаях профсоюзы как были в советское время, так

и остались «школой» правильного поведения с той лишь разницей, что их вовсе лишили всяких функций распределения.

Ситуация крайних социальных различий между высшим руководством и рядовыми работниками подробно рассматривалась в классической работе Ральфа Дарендорфа «Современный социальный конфликт» [Дарендорф, 2002]. В ней Дарендорф пришел к выводу о том, что в современном обществе классовые водоразделы проходят, прежде всего, по линии концентрации-рассредоточения процесса принятия решений: чем больше власти забирает себе высший уровень руководства предприятий, тем выше *рессентимент* в низах, тем острее конфликт между классами доминирующих и доминируемых. Выход из положения, полагал он, может быть найден в том случае, если внешние арбитры (например, государство) создают общие площадки, в пределах которых разные классы уравниваются в правах и могут под государственные гарантии вести конструктивную работу по согласованию интересов. Российская ситуация характеризуется тем, что подобные площадки не созданы и само их создание всячески тормозится классом государственных управленцев, усматривающих в них угрозу собственным интересам и интересам собственников. Подобное положение, полагает Дарендорф, неизбежно ведет к материализации классового противостояния в конкретных политических и протестных действиях, а, в конечном счете, к революционной ситуации.

В ходе анализа оценки справедливости решений, принимаемых на рабочем месте, были суммированы. Из числа индикаторов справедливости был исключены «решения о закупке оборудования» по той причине, что они влияют на оценки справедливости в долговременной перспективе и рассматриваются рядовыми работниками как находящиеся вне их зоны ответственности. В целях стандартизации полученная сумма была удвоена и трансформирована в «индекс справедливости рабочего места» (ИСРМ), колеблющийся от 0 до 100. Среднее значение ИСРМ оказалось равным 66,4 балла при стандартном отклонении в 18,9 балла. В дальнейшем ИСРМ был использован как независимая переменная в линейном регрессионном уравнении.

Выяснилось, что лишь две переменные оказывают существенное, значимое влияние на ИСРМ – все тот же, уже упоминавшийся уровень руководства и количество повышений заработной платы за последние десять лет. При этом сам уровень заработной платы не имеет сколько-нибудь заметного влияния на то, как оценивается справедливость рабочего места. Не важны для подобной оценки и такие показатели как возраст, тип поселений, количество повышений в должности, которые респондент получил за последние десять лет. Внешние факторы также не оказывают на данный индекс сколько-нибудь заметного влияния. Дисперсионный анализ показал, что по этому показателю различия между частными и государственными предприятиями ничтожны: сумма различий внутри каждой из групп примерно в три раза превзошла сумму различий между группами. В отраслевом разрезе различия между отраслями также оказались меньше, чем различия внутри отраслей. Иными словами, уровень участия в ру-

ководстве оказался единственной переменной со сколько-нибудь значительным влиянием на величину индекса (табл. 4).

Таблица 4

Факторы влияния на ИСРМ (уравнение линейной регрессии)

Предикторы	Нестандартизованные коэффициенты В	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты β	t	Значимость
(Constant)	86,69	6,23		13,90	0,00
Возраст	-1,23	1,00	-0,07	-1,24	0,22
Уровень руководства	-5,03	1,62	-0,18	-3,11	0,00
Тип поселения	-0,99	1,17	-0,05	-0,84	0,40
Количество повышений в должности за последние 10 лет	-0,02	0,03	-0,03	-0,48	0,63
Количество повышений зарплаты за последние 10 лет	-0,05	0,03	-0,11	-1,74	0,08
Размер заработной платы	0,00	0,00	0,10	1,58	0,11

Возникает два закономерных вопроса: в чем причина стабильности индекса и почему, несмотря на обнаружившиеся классовые различия между высшим руководством и остальными работниками, индекс находится на достаточно высоком уровне? Одно из возможных объяснений находится на уровне не столько отдельного предприятия, сколько экономики в целом.

Необходимо понимать, что в условиях нестабильного, колеблемого конъюнктурой рынка, высшие руководители и рядовые работники зачастую оказываются объединенными общим интересом в сохранении и развитии той структуры, в которой заняты. Под давлением обстоятельств высшие руководители действительно вынуждены принимать такие решения, которые в интересах не только собственников, но и всего коллектива компании. Рядовые работники понимают это и принимают подобную логику потому, что заинтересованы в сохранении и развитии предприятия. Стабильная работа предприятия становится неперенным условием сохранения рядовыми работниками своих рабочих мест, а также залогом того, что в будущем они могут рассчитывать на повышение заработной платы или карьерный рост. Таким образом, рынок, рыночная конкуренция формируют поле, в котором сходятся интересы, хотя бы и частично, руководителей и рядовых работников. Руководителям приходится считаться с императивами рынка труда, конкуренцией со стороны других предприятий, рядовым работникам приходится признавать, что некоторые, болезненные решения руководства должны быть приняты для того, чтобы сохранить саму организацию, обеспечить стабильную работу для всего ее коллектива.

Вторым важным показателем, характеризующим структуру общества и, предположительно, представления о справедливости существующей системы распределения, является заработная плата. В исследовании изучалась сама заработная плата, которая была отделена от семейного дохода в целом, а также нормативные представления о том, какой она должна быть.

Вопросы, на которые должно ответить исследование, можно сформулировать следующим образом: какие факторы влияют на восприятие заработной

платы как справедливой и влияет ли на суждения о справедливости оплаты труда сам ее уровень?

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что признание заработной платы справедливой не имеет прямой связи с оценкой справедливости или несправедливости решений, принимаемых по месту работы (табл. 5).

Таблица 5

Уровень корреляций между размером заработной платы и суждением о справедливости (коэффициент корреляции Пирсона)

<i>Оценка справедливости решений на предприятии</i>	<i>Показатели</i>	<i>Размер зарплаты</i>
Решение о найме	Коэффициент Пирсона	0,02
	Значимость	0,48
Решение об увольнении	Коэффициент Пирсона	0,04
	Значимость	0,28
Определении работ	Коэффициент Пирсона	0,03
	Значимость	0,42
Выбор материалов	Коэффициент Пирсона	0,04
	Значимость	0,21
Определение объема работ	Коэффициент Пирсона	0,04
	Значимость	0,20
Распределение заработной платы	Коэффициент Пирсона	0,08
	Значимость	0,01
Установление оплаты труда	Коэффициент Пирсона	0,09
	Значимость	0,00
Наложение взысканий	Коэффициент Пирсона	0,08
	Значимость	0,02
Закупка оборудования	Коэффициент Пирсона	0,09
	Значимость	0,01
Повышение в должности	Коэффициент Пирсона	0,08
	Значимость	0,02
Понижение в должности	Коэффициент Пирсона	0,11
	Значимость	0,00

Как видно, размер заработной платы коррелирует на значимом, заметном уровне только с одной переменной – суждением об обоснованности понижений в должности. Объяснить эту корреляцию можно лишь тем, что в изучаемой совокупности присутствует небольшая группа, увязывающая низкие заработные платы с допущенными руководством несправедливыми понижениями.

В публикациях российских, да и зарубежных ученых приводятся факты, свидетельствующие о крайней степени социального расслоения в России. Доказано, что само по себе расслоение не имеет прямого влияния на представления о справедливости. Наиболее высокий уровень расслоения отмечен в Соединенных Штатах Америки, где он «поглощается» общим высоким уровнем жизни. Английский социолог Решер полагает, что переживания справедливости или несправедливости определяются не уровнем заработных плат, как можно было бы предположить, а бытующими в сознании притязаниями (claims) [Reschers,

2002]. Он настаивает, что если в общественном сознании отсутствуют притязания на какой-либо уровень благополучия, то суждения о справедливости или несправедливости получаемых доходов не возникают.

На прямой вопрос о справедливости заработной платы, половина респондентов отвечает положительно, а половина отрицательно. При этом уровень заработной платы и признание ее справедливой или несправедливой обнаруживают тесную взаимосвязь (рис. 10).

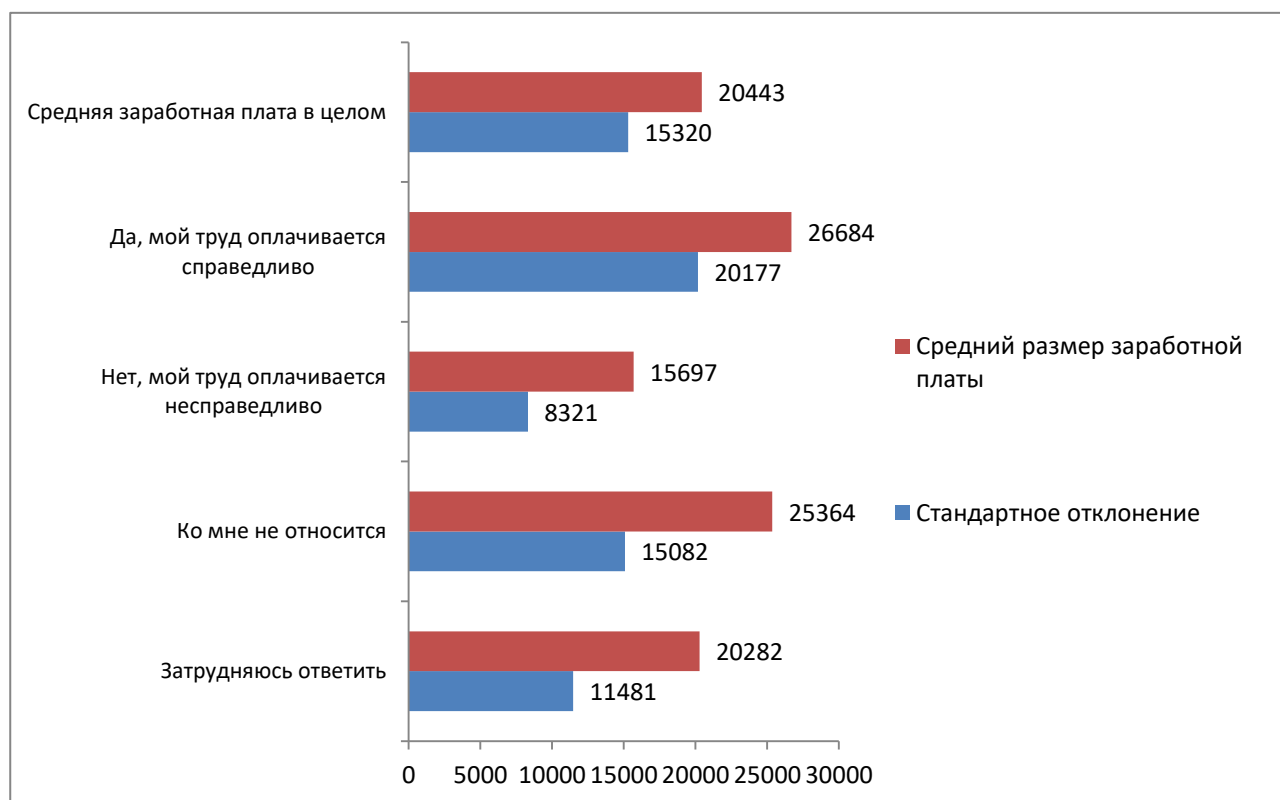

Рис. 10. Средняя зарплата в рублях: оценка в группах, оценивающих ее справедливость.

В группе тех, кто считает, что получает справедливую заработную плату, она в среднем более, чем на 10 тысяч больше, чем в группе, признающих ее несправедливой. Обращает на себя внимание еще то, что в группе затрудняющихся ответить размер заработной платы находится в промежуточной точке между заработной платой довольных и недовольных.

Значимость различий подтверждается Т-тестом, призванным исключить вариант, при котором средние различия между группами, пусть даже внешне сильные, поглощаются значительной дисперсией показателя внутри выделяемых групп.

Таким образом, связь между уровнем заработной платы и ее признанием справедливой можно считать доказанной. Установленная зависимость заставляет усомниться в том, что только «claims» или притязания способны быть основанием для признания получаемой зарплаты справедливой. Все-таки сам ее размер и, соответственно, покупательная способность оказывают непосред-

ственное влияние на ее оценку. Следует, однако, признать, что между суждениями о зарплате и ее величиной существует опосредующая система ценностей, относящихся уже не столько к самому источнику дохода, рабочему месту, а социальной системе в целом. Речь идет о неких выработанных экономикой, а также обществом нормах, помогающих сопоставлять и соотносить между собой трудовые затраты и уровень их денежного возмещения (табл. 6).

Таблица 6

Значимость различий средних значений заработной платы (T-test)

		Тест Левеня	Значимость	t-test для равенства средних	
		F		t	Степени свободы
Размер заработной платы	Однородность дисперсий утверждается	40,7585	2,89E-10	10,61939	813
	Однородность дисперсий не утверждается	—	—	9,569645	435,3087

Только существованием подобного нормативного порядка можно объяснить то, что одна и та же заработная плата в одних странах может рассматриваться как высокая, а в других – как низкая. Китайскому работнику, получающему заработную плату, равную 260 долларам, заработная плата российского работника, равная 500 долларам покажется высокой, но в России, как видно из результатов исследования, подобная заработная плата считается низкой. Определяя уровень своей жизни, работник ориентируется на тех, кто занимает схожие, более высокие или более низкие позиции. Нормативные порядки возникают, как подчеркивал в своих работах Альберт Бандура как результат реципрокного, проактивного поведения, в рамках которого человек наблюдает поведение других людей, оценивает собственные возможности и, соединяя результаты наблюдений и личностные качества, определяет для себя стратегии поведения в обществе. Опыт, на котором выстраиваются нормативные суждения, может быть собственным. Он может быть результатом наблюдения непосредственного окружения, но он может быть также продуктом общественного мнения. Любопытно то, как те, кто получает высокую с их точки зрения заработную плату, объясняют ее справедливость.

Три ключевые причины, обеспечивающие восприятие заработной платы как достойной, связаны в той или иной степени с индивидуальными, личностными аспектами трудовой деятельности работника (рис. 11).

Во-первых, это – принцип реципрокного вознаграждения «каждому по объему сделанной работы». Работник ожидает, что заработная плата будет базироваться на критерии «equity» то есть будет зависеть от объема выполненных работ. В случае с респондентами, считающими свою зарплату справедливой, ситуация складывалась именно так, как они ожидали: за определенный объем выполненных работ они получили эквивалентное денежное вознаграждение.

Во-вторых, это – принцип соответствия заработной платы той квалификации, которую требует выполняемая работа.

И, в-третьих, это – принцип ответственности, которую несет работник за результаты своего труда и результаты труда других людей. Во всех трех случаях справедливость заработной платы оценивается в соответствии с достоинством труда, то есть меритократически.

Рис. 11. Факторы справедливости заработной платы (в %).

Вторую группу причин составляют статусные характеристики. Предполагается, что заработная плата должна быть примерно такой же, как у других работников предприятия, занимающих схожую позицию. В той же категории факторов, не оказывающих прямого влияния на объем и качество продукции, находится отсылка к условиям труда. Чем хуже условия труда, полагает работник, тем выше должна быть заработная плата. Если данное условие соблюдено, то работник считает свою заработную плату справедливой. В подобных рассуждениях с отчетливостью проступают ценности советской индустриальной эпохи, когда работников, занятых на вредных производствах или производствах, находящихся в сложных климатических условиях, старались привлекать более высокими заработными платами.

Около двух третей опрошенных оценили заработную плату как справедливую потому, что в ней учтена старательность работника, его готовность выполнять более того минимума, который определяется его непосредственными обязанностями. По сути это – тот же принцип соответствия заработной платы объему проделанной работы с той лишь разницей, что сам объем с точностью не определяется или не может быть определен, а вместо него критерием оценки становится наблюдаемое руководством усердие, самоотверженность работника.

Приведенные суждения свидетельствуют о том, что в благополучной группе преобладающим в суждениях о справедливости заработной платы является индивидуальный контекст отношений между работником и тем предприятием, на котором он или она работают. Контекст внешний по отношению к индивидуальной стратегии – отраслевой или межстрановой стандарты – играет по отношению к этой главной оси восприятия справедливости второстепенную роль. Он, разумеется, важен в тот период, когда работник ищет рабочее место и сравнивает разные предприятия, те блага, и те потери, которыми чреват его выбор. Однако, в конечном итоге, в тот момент, когда поиск работы остается позади, основным фактором оценки справедливости становится объем, качество и квалификация выполняемого труда.

Выявленные тенденции подтверждает распределение ответов на вопрос о причинах несправедливости заработной платы в той группе, которая считает ее таковой (рис. 12).

Рис. 12. Факторы несправедливости заработной платы (в %).

Если заработная плата ниже стандартов, сложившихся в обществе, то индивидуальная стратегия, предполагающая взаимное признание притязаний работника и предприятия, не формируется. Суждения о заработной плате выводятся в более широкий контекст социальных отношений, в которых бытуют представления о нормальности оплаты труда, человеческом достоинстве, где сравнение оплаты труда в России с уровнем оплаты такого же труда за рубежом становятся обычным делом. Не обнаруживая должного отклика со стороны хозяев предприятия, работник апеллирует к моральному дискурсу, лежащему за его пределами. Казалось бы, в ситуации, когда заработная плата недостаточна, работник должен констатировать неуважительное отношение к себе со стороны его хозяев. Однако на эту причину респонденты ссылаются реже всего. Гораздо чаще в суждениях о несправедливости оплаты труда, звучат претензии по от-

ношению к социальному порядку в целом, унижающему достоинство работника, не имеющего встроенных механизмов регулирования отношений между работником и хозяином предприятия.

Тема несправедливости вызывает к жизни рессентимент по поводу неравенства доходов: около половины респондентов, называющих свою заработную плату несправедливой, говорят о сверхдоходах хозяев предприятия, занижающих заработки рядовых работников. Есть основания предполагать, что классовое сознание формируется не только в результате снижения уровня жизни, но и в ходе сопоставления собственных доходов с теми стандартами, которые приняты в обществе.

Стандартам оплаты труда был посвящен раздел, в котором респонденты должны были назвать ту заработную плату, которую посчитали бы для себя справедливой. В результатах исследования нашел подтверждение тот факт, что справедливая заработная плата самым тесным образом коррелирует с текущим уровнем оплаты труда (рис. 13). Корреляционный коэффициент Пирсона указывает на самую тесную взаимосвязь этих двух показателей (0,64). Иными словами, чем выше заработная плата респондента, тем выше его или ее оценка справедливой оплаты труда и, напротив, чем он или она ниже оплачивается в настоящее время, тем ниже притязания.

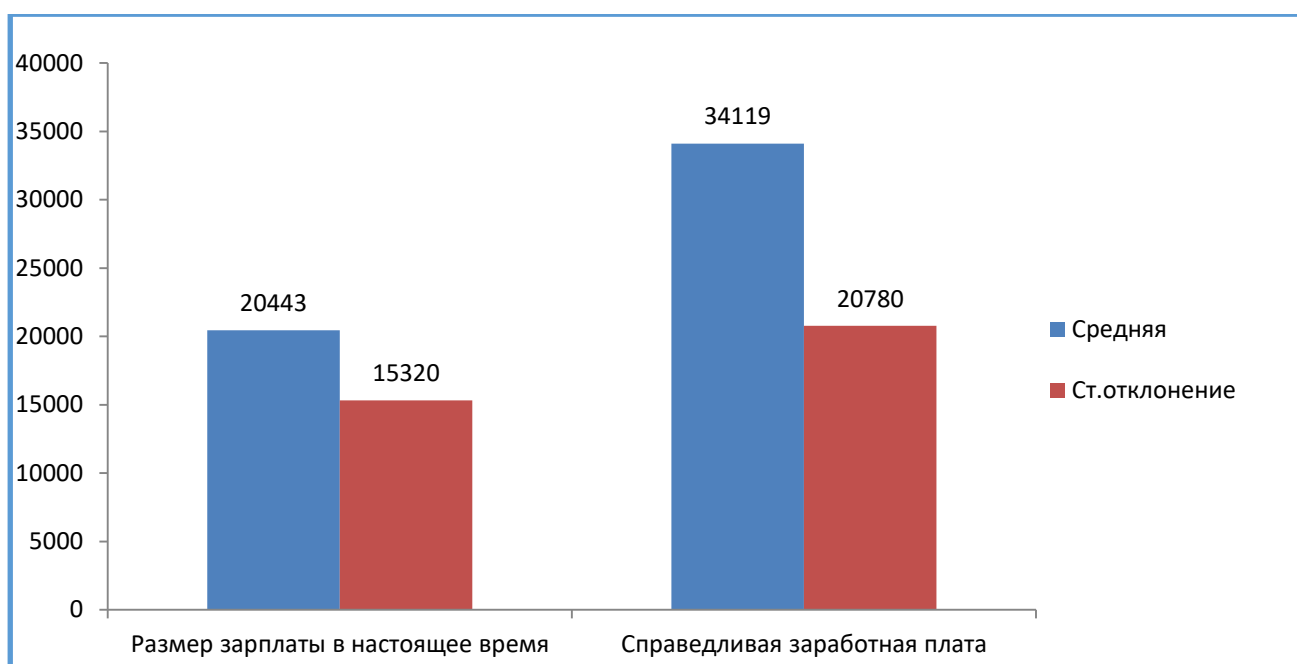

Рис. 13. Средняя зарплата в рублях и уровень оплаты труда, который оценивается как справедливый (в рублях).

В среднем справедливая зарплата больше, чем нынешняя на 13676 руб. Это означает лишь то, что при оценке справедливой заработной платы работник ориентируется, прежде всего, на национальный экономический стандарт. Аргументы, отсылающие к опыту зарубежных стран или других социальных групп, отступают на второй план. Принцип «реализма» берет верх над другими возможными обстоятельствами, способными влиять на то, на какой высоте

устанавливается планка справедливой заработной платы. Следующая по значимости статистическая задача заключалась в том, чтобы определить, в каких из социальных групп разрыв между реальной и справедливой заработной платой наиболее высок. Уравнение линейной регрессии, в котором разница между реальной и справедливой заработной платой стала зависимой переменной, принесло неожиданные результаты (табл. 7).

Таблица 7

Факторы, влияющие на представления о справедливой заработной плате
(уравнение линейной регрессии)

Предикторы	Нестандартизованные коэффициенты В	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты β	t	Значимость
(Constant)	21224,08	8424,75		2,52	0,01
Уровень благополучия	1809,10	1376,16	0,07	1,31	0,19
Тип поселения	-2095,28	864,51	-0,12	-2,42	0,02
Место в руководящей иерархии	-1995,26	1491,10	-0,07	-1,34	0,18
Тип предприятия	-1618,16	1601,24	-0,05	-1,01	0,31
Образование (в годах обучения)	646,70	272,26	0,12	2,38	0,02
Возраст	-404,68	644,17	-0,03	-0,63	0,53

Включенные в уравнение переменные были проверены на предмет возможной мультиколлинеарности, то есть взаимосвязи между собой, затрудняющей фиксацию точных величин влияния каждой из них. Как оказалось, мультиколлинеарность присутствует в уравнении в незначительной степени. Например, возраст и образование, выраженное в годах обучения, коррелируют на уровне примерно 0,1.

Как видно из результатов анализа, лишь две переменные оказывают на расхождение значимое влияние – тип поселения и образование. Прямая зависимость величины расхождения от типа поселения означает буквально следующее: чем меньше населенный пункт, чем менее «городским» он является, тем ниже уровень требований к справедливой заработной плате. В больших городах разные социальные слои чаще соприкасаются между собой, здесь выше уровень культурной дифференциации и выше уровень потребностей. В большом городе социальный порядок, делящий общество на бедных и богатых, чаще подвергается сомнению. В маленьком городе, а тем более селе выше уровень социальной однородности, более четко расписаны социальные роли, весомее социальные факторы, вытесняющие тех, кто хотел бы жить более благополучной жизнью, чем большинство населения. Именно эта особенность малых городов и сел способствует тому, что молодые люди, стремящиеся к достижению, уезжают в большие города, где и возможности шире, и социальный контроль менее обременителен.

К числу факторов, имеющих культурное содержание, относится и такая переменная, как уровень образования. Образованные люди имеют более широкий горизонт притязаний и в современном российском обществе чаще осознают

ущербность социального порядка, ограничивающего вознаграждения для тех, кто выполняет важные социальные функции – учителей, врачей, ученых. Слой квалифицированных работников более информирован о стандартах оплаты труда в других, более благополучных регионах и более благополучных странах. Отсюда «социальное недовольство», выражаемое в сомнениях относительно легитимности социального порядка и связанное с ним повышение притязаний. Квалификация создает условия, при которой у работника появляются стимулы к тому, чтобы «переписать» «*entitlements*» – обоснованные претензии на более высокий уровень жизни.

Опровергнутой можно считать сформулированную на ранних этапах исследования гипотезу о том, что уровень притязаний респондента зависит от такой переменной как возраст. В области доксы бытуют представления о том, что молодежь выставляет обществу более весомый счет, чем старшее поколение. Согласно результатам исследования, социальные факторы – принадлежность к классу, а также связанные с ними поселенческие различия – оказывают на представления о справедливости более ощутимое, значимое влияние.

В изучении проблемы справедливости в измерении оплаты труда важную роль играет институциональный фактор. Перед теми, кто считает свою заработную плату несправедливой, встает вопрос о том, кто виноват? Кто несет основную ответственность за то, что в российской экономике выплачивают заработные платы, на которые он с трудом может свести концы с концами? Возможный ответ на него предполагал три уровня ответственности – индивидуальный, групповой и институциональный. В первом случае работник, испытывающий рессентимент, винит в низкой заработной плате конкретного начальника, допускающего несправедливость. Во втором – подобным объектом становятся большие социальные группы: классы или слои, и в третьем – сложившиеся традиции. Начнем с того, что на первом месте по частоте названия оказались достаточно неожиданно государственные чиновники, российская бюрократия (28,8%). За этим результатом явным образом просматривается неудовлетворенность тем, как российское государство в лице его чиновничества определило правила игры в общероссийском контексте. На втором месте по степени ответственности находятся хозяева российских предприятий (24,4%) и связанный с ними высший уровень управления (23,4%). И только на третьем месте с существенным отставанием оказались непосредственные руководители работника (18,8%). Институциональный фактор, представленный «сложившимися традициями низкой оплаты труда», находится на четвертом месте (18,6%) и на пятом – порочные нормы и правила, регулирующие уровень заработной платы (13,4%). Результаты исследования указывают на то, что интересы групп, облеченных властью, контролирующих собственность, рассматриваются как самый важный фактор, затрудняющий установление нормальных зарплат для российских работников. Законы, регулирующие нормы, если и способны влиять на оплату труда, то только в привязке к упомянутым интересам. Реализация социальных интересов доминирующих социальных групп воспринимается как цель полити-

ки в области заработной платы, а законы – как средство, посредством которого находится необходимое решение проблемы.

Справедливая пенсия: данные всероссийского опроса

О справедливости, вернее несправедливости пенсий, выплачиваемых российским государством, говорится даже чаще, чем о несправедливости заработных плат. Если заработные платы определяются рыночными обстоятельствами, то пенсии – это почти всегда отношения определенной группы людей с государством. Российская система пенсионного обслуживания устроена таким образом, что размеры пенсий варьируются в узких пределах и зависят, прежде всего, от политики государства и возможностей местных властей. Ни стаж трудовой деятельности, ни особые заслуги пенсионера перед отечеством не оказывают на размер пенсии сколько-нибудь значительного влияния. За последние двадцать лет попытки реформировать пенсионную систему раз за разом терпели неудачи, в каждом случае не удавалось добиться того, чтобы поступления в пенсионный фонд могли покрывать большую часть пенсионных выплат. Государство лихорадочно ищет решение данной проблемы, но все предлагаемые варианты неизбежно наталкиваются на скрытое или явное недовольство пожилых россиян. Многие из них родились и прожили значительную часть своей жизни в СССР и помнят те времена, когда на пенсию можно было легко прожить целый месяц. Пенсионеры помнят, что в советское время пенсионеры пользовались множеством льгот, получали бесплатное медицинское и патронажное обслуживание. Память о сильной социальной политике в прошлом рождает критическое отношение к любым попыткам выстроить пенсионную систему на новых основаниях. В лице пенсионеров современное российское государство столкнулось с группой, рассматривающей настоящее как ухудшенный вариант прошлого, как политику, посредством которой государство хотело бы минимизировать издержки за счет наиболее уязвимой, беспомощной категории населения. Доля пенсионеров, полагающих, что получают несправедливую пенсию, составляет на сегодняшний день 74,2% от всех находящихся на пенсии. Для сравнения доля тех, кто считает пенсию справедливой примерно в четыре раза меньше – 16,7%. Примерно один из десяти пенсионеров затруднился ответить на данный вопрос. Как правило, это – люди, живущие в относительной изоляции от окружающих и плохо представляющие себе, как их собственная жизнь соотносится с жизнью людей, занимающих схожие позиции.

По данным исследования, средняя величина пенсий составляет 10270 руб. Уровень различий в размере пенсий невелик: максимальное значение переменной оказалось равным 27 тысячам, минимальное – 1000 руб. В целом же величина стандартного отклонения говорит о том, что значения переменной плотно сконцентрированы вокруг средней величины (рис.14).

Парадоксальным результатом можно считать то, что различия средних пенсий в группе тех, кто доволен пенсией и считает ее справедливой, и в группе тех, кто видит в ней несправедливость, различаются всего 2000 тысячами рублей. Нет сомнения, что не различия в размерах пенсий определяют их оценку. Логично предположить, что на восприятие пенсий влияет ряд характеристик

социального положения, способных изменить ту роль, которую пенсия играет в бюджете получателя.

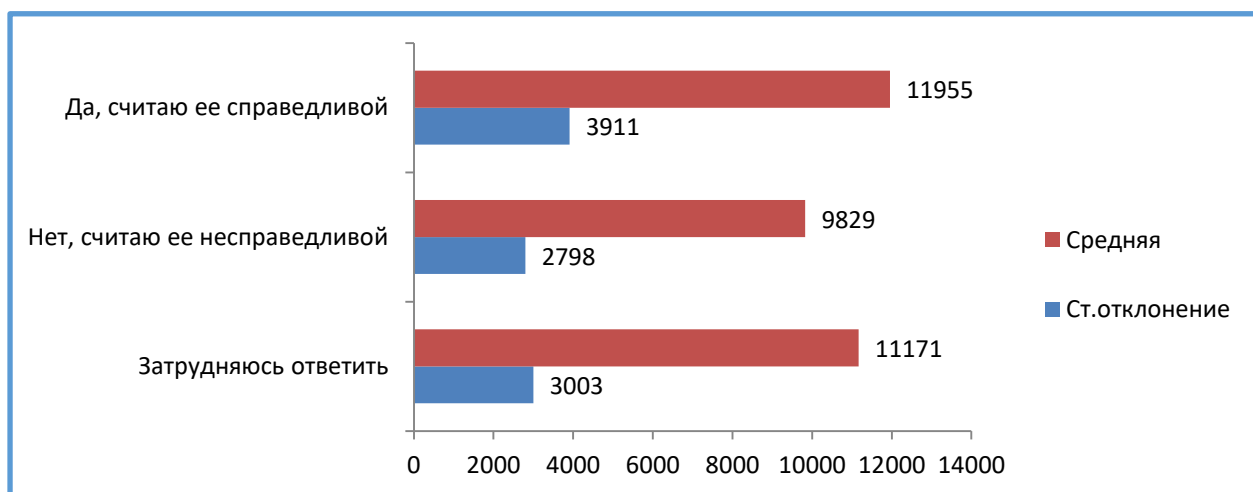

Рис. 14. Группы считающих пенсию справедливой и несправедливой (средний размер пенсии в рублях).

Возможно, во-первых, что работающие и неработающие пенсионеры смотрят на пенсию разными глазами. Для первых пенсия – это по сути добавка к заработной плате, бонус за выслугу лет. Для вторых это – единственный источник дохода, единственный ресурс, на который можно положиться.

Во-вторых, следуя той же логике, можно предположить, что на отношение к пенсии влияет наличие других ресурсов, на которые пенсионер может опереться. Для некоторых таким ресурсом могут быть взрослые дети, живущие вместе с родителями, оплачивающие коммунальные услуги, выделяющие средства на покупку продуктов питания. В других случаях пенсионер может извлекать дополнительный доход из имеющего у него или нее приусадебного земельного участка. В некоторых обстоятельствах пенсионер может и не иметь денежного дохода, но получать от участка немонетарную выгоду – продукты питания, которые освобождают его от необходимости тратить на них семейный бюджет.

В-третьих, можно предположить, что на отношение к пенсии влияет общая социальная ситуация в том населенном пункте, где живет респондент. Если он живет в небольшом городе или селе, где большая часть населения не имеет работы и стабильного дохода, то его отношение к стабильной и немаленькой по местным меркам пенсии будет иным, чем, к примеру, у москвича, сравнивающего свою пенсию с доходами и образом жизни работающей части населения. Названные характеристики вошли в состав структурной модели, проверенной посредством логистической регрессии (табл. 8).

Одна из гипотез исследования полагала образование важным дифференцирующим фактором, влияющим на отношение к пенсии. Предполагалось, что пенсионеры, имеющие высокий уровень квалификации, предъявляют к пенсии более высокие требования, чем те, кто проработал всю жизнь на позициях, не требующих знаний или развитых навыков. Полученные результаты говорят о

том, что подобная зависимость отсутствует: образование никак не влияет на представления о справедливости пенсий. Предсказуемо на оценку пенсии влияет уровень благополучия респондента, выраженный не столько реальным доходом, который он получает, сколько его стилем жизни, покупательской способностью. Даже не важно, какой источник доходов способен обеспечить подобные стандарты жизни – работа, трансферты от родственников, сдача квартиры внаем, доходы от приусадебного участка или сбережения в банке.

Таблица 8

Факторы, формирующие отношение к пенсии (логистическая регрессия)

Предикторы	B	Стандартная ошибка	Статистика Вальда	Степени свободы	Значи- мость	Exp(B)
Поселение	-0,33817	0,158134	4,573158	1	0,032477	0,713075
Уровень благополучия	-0,74947	0,269289	7,745952	1	0,005383	0,472615
Образование	0,032107	0,039579	0,658052	1	0,417249	1,032628
Constant	3,029655	0,819107	13,6806	1	0,000217	20,69009

Вторая переменная, имеющая значимый уровень влияния на представления о справедливости пенсии, – это место проживания. В группе пенсионеров, живущих в столицах (Москва и Санкт-Петербург) доля тех, кто считает пенсию справедливой, равна 7,9%. В группе сельских пенсионеров она составляет 25,2%, цифра также не слишком высокая, но все же более «чувствительная». Как уже говорилось, подобный результат является до некоторой степени предсказуемым: сельское население живет в принципиально иных условиях, чем городское. Уровень жизни там намного ниже, чем в городе, а тем более в столицах. На подобном неблагоприятном фоне пенсия, равная 10 тысячам рублей, может рассматриваться как адекватная, притом, что большая часть продуктов питания обеспечивается натуральным приусадебным хозяйством.

Аргументы, которые приводят в обоснование своей позиции те, кто считает пенсию справедливой, симптоматичны.

Во-первых, для пенсионера важно, чтобы в расчете пенсии корректно учитывался стаж работы (87,5%). Речь идет о факторе справедливости, который выше именовался как «equity» – эквивалентность вознаграждения по отношению к вкладу в общее благополучие.

Во-вторых, справедливость следует из корректности самой процедуры расчета (75,0%).

В-третьих, большую роль в оценке пенсии сыграли для данной группы общие условия, в которых оказались российские пенсионеры. Так примерно четверть считающих свою пенсию справедливой полагают, что в стране есть пожилые люди, пенсия которых еще ниже, чем собственная. 61,1% оценивают пенсию как справедливую потому, что она такая же, как и у других пожилых людей в России. И, наконец, 51,4% ссылаются на условия жизни в других странах, где пенсионеры вообще не получают никаких пенсий (рис. 15).

Рис. 15. Доводы в пользу несправедливости пенсии (%).

Наиболее часто в ответах респондентов звучит тема неадекватности получаемой пенсии, несоблюдения инстанциями, ведающими пенсионным обеспечением, неписанного договора с населением, согласно которому гражданин, теряющий способность трудиться с полной отдачей, получает полноценную социальную поддержку от государства, на которое он работал всю жизнь. Нынешняя пенсия рассматривается как унижающая гражданина, не соответствующая его ожиданиям. Большое значение имеет и то, что она рассматривается как «унизительная», не позволяющая гражданину вести образ жизни, свободный от нужды. Уравнительный характер пенсий воспринимается респондентами как неприемлемый: если пенсии примерно одинаковы, то «трудоголики», самоотверженно работавшие всю жизнь, имеют в пенсионном возрасте такие же возможности, как те, кто не утруждал себя тяжелым трудом.

Для почти трех четвертей опрошенных большое значение имеет и то, что некоторая, очень небольшая часть населения пользуется преимуществом нахождения во власти для того, чтобы установить себе пенсии, в разы превосходящие среднюю пенсию рядового гражданина. Симптоматично, что вопреки распространенным представлениям, пенсионеры отнюдь не стремятся винить во всем предпринимательский класс, новых хозяев предприятий, на которых они работали. Претензии к новым хозяевам имеет треть пожилого населения, причем в большинстве своем находящегося в самой старшей возрастной группе (старше 60 лет).

Пенсионеры, как уже говорилось выше, зависимы от государства, от государственной политики в сфере пенсионного обеспечения. Логично было бы ожидать, что несправедливость пенсии они связывают, прежде всего, с государственным отношением к рядовому гражданину и его заслугам перед обществом (рис. 16).

Полученные результаты подтверждают эту гипотезу. Более трети пожилых респондентов полагают, что низкие пенсии – это результат плохой работы высших руководителей – министров, госчиновников, курирующих данную проблему.

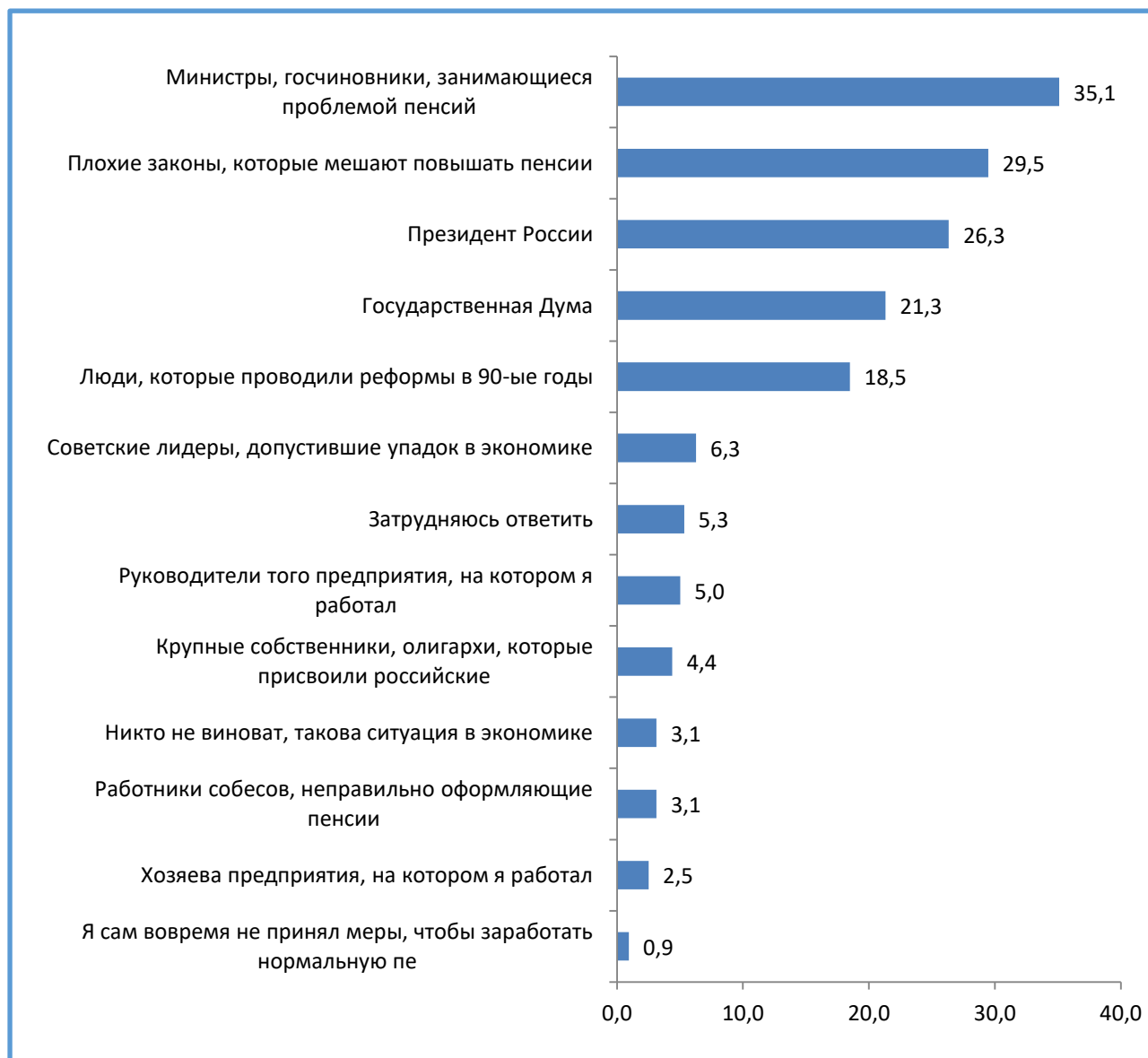

Рис. 16. Причины низких пенсий в России (в %).

Показательно, что на первой позиции в ряду виноватых находится конкретная социальная группа, а не, к примеру, институциональные правила (законы), работающие не в пользу пенсионеров. Складывается впечатление, что в сознании пенсионеров, а возможно и в общественном сознании в целом несправедливость в российском обществе отождествляется с действиями привилегированных социальных групп и, прежде всего, чиновничества, охраняющего, прежде всего, собственные интересы и интересы близких к нему социальных групп. На верхних строчках в иерархии вины присутствуют и другие ветви российской власти – Президент России и Государственная Дума. При этом пенсио-

неры не склонны винить в низких пенсиях крупных собственников, олигархов, руководителей предприятий. Они, как было показано выше, могут быть ответственны за то, что платят низкие заработные платы, но пенсии – это область ответственности государства и сами пенсионеры это очень четко понимают. Основная претензия к государству лежит в плоскости соблюдения или несоблюдения принципа “equity” – адекватного вознаграждения. Данный принцип, хотя и определяет отношение к системе распределения, не является по сути дистрибутивным. Речь идет о меритократическом принципе, раскрываемом во временной последовательности: если я всю жизнь работал, не покладая рук в неблагоприятных условиях, то общество обязано обеспечить мне достойную старость, свободную от крайней нужды. Если вознаграждение не выплачивается в должном размере, это может означать лишь то, что баланс общественных интересов нарушается в пользу какой-то одной или нескольких социальных групп.

Справедливость и российский институциональный порядок

Кейс «Ворующий продавец»

В исследовании проблема социальной справедливости изучалась не только как система общих ценностей, не только как общественное мнение, но и как поведенческие установки. Для моделирования поведения респондента использовались виньетки – ситуации, в которых либо респондент, либо какой-либо другой актёр сталкивается с моральным выбором, дилеммой справедливости. В первой из них представлена следующая ситуация. Продавец, работающий в большой торговой сети, регулярно сталкивается с очевидной несправедливостью: ему недоплачивают, задерживают заработную плату. В отместку он начинает воровать продукцию магазина, в котором работает, продавать ее и, таким образом, компенсировать потери в доходах. Как бы поступил респондент в том случае, если бы узнал о воровстве: выдал бы продавца руководству, пожаловался бы в правоохранительные органы, попытался бы отговорить продавца от противозаконных действий или же устранился бы от всяких возможных действий, занял позицию невмешательства? Респондентам приходилось выбирать между несколькими моделями восстановления справедливости – институциональной (правоохранительные органы), организационной (работник не должен красть у своего предприятия), компенсаторной (око за око, мы вправе поступать так, как поступает с нами наше предприятие) или вовсе избежать морального выбора (рис. 17).

Институциональный вариант действий – обращение в правоохранительные органы – оказался самым слабым, его поддержали всего 4,1% опрошенных. В большинстве же случаев респондент ничего не стал бы делать, для того чтобы изменить ситуацию, и занял бы позицию стороннего наблюдателя. В этой категории оказываются те, кто полагает, что справедливость в подобных случаях должна оставаться двусторонним делом, отношениями между работником и его работодателем. Около четверти опрошенных все же вмешались бы в ситуацию, переговорив с продавцом, посоветовав ему прекратить воровство. В этой категории оказываются те, кто не против восстановления справедливости, но не могут принять тот способ, который продавец выбрал для этого. Они берут на

себя роль арбитра, обращаясь при этом только к одной из сторон – продавцу, взявшемуся восстанавливать справедливость вопреки институциональным правилам. Небольшая, но осязаемая группа респондентов однозначно поддержала бы позицию продавца, выступив на его стороне.

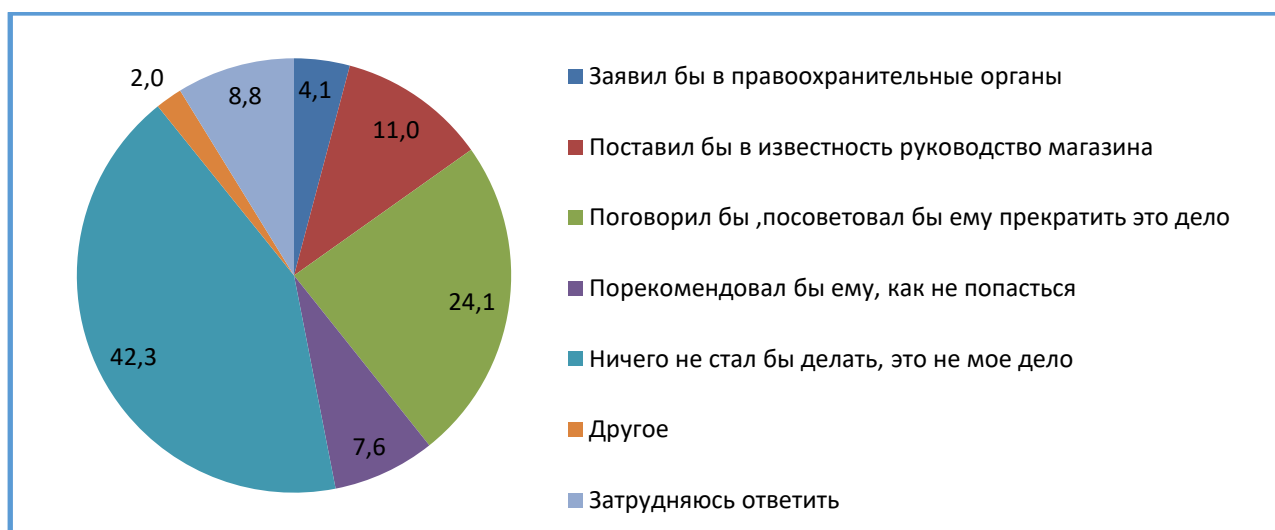

Рис. 17. Выбор моделей справедливости (%).

Возможные факторы, влияющие на решение респондента, изучались с помощью процедуры множественной логистической регрессии. Выяснилось, что наибольшие поведенческие различия наблюдаются в таком измерении, как возраст. Молодая когорта гораздо меньше, чем когорта пожилых склонна апеллировать к институциональным акторам социальной справедливости и чаще выступает на стороне воруящего продавца. Для сравнения: в правоохранительные органы обратились бы 3,5% респондентов в возрасте до 30 лет и 6,9% респондентов в возрасте от 60 лет и более.

Вторым важным дифференцирующим фактором стал сектор занятости респондента. В группе занятых в государственном секторе позицию невмешательства заняли бы 35,5%, в среде тех, кто работает в рыночном секторе экономики таковых оказалось бы существенно больше – 46,4%. При этом в группе работающих в государственном секторе оказалось больше тех, кто готов был занять позицию «морального авторитета», завести разговор с продавцом о пагубности его действий, дать совет о том, как выйти из неприятной ситуации (28,4% и 21,7% соответственно). Можно предположить, что на позицию работников государственного сектора влияет то, что они находятся в положении «сторонних наблюдателей» и, следовательно, реже сталкиваются с ситуациями, которые представлены данным кейсом. Им легче «судить» с позиции морали, чем тем, кто регулярно сам оказывается участником подобных конфликтов или наблюдает подобные коллизии на своем предприятии.

Второй из вопросов, относящихся к представленной выше ситуации, предлагал респонденту прямо охарактеризовать действия продавца как оправданные или неоправданные. На выбор респондента были представлены три ва-

рианта ответа – полное оправдание продавца, его частичное оправдание и полное его осуждение (рис. 18).

Рис. 18. Распределение при ответе на вопрос: оправданы ли действия продавца (в %).

Вопрос разделил население на три группы: около 10% склонны поддерживать индивидуальные, идущие вразрез с установленными правилами варианты восстановления справедливости, примерно треть опрошенных, полагает, что действия продавца имеют частичное оправдание, и 46,2% считают, что никакими благими намерениями нельзя оправдать то, что он делает. Возникает вопрос, а как бы поступил сам респондент, если бы оказался в подобной ситуации? Респондентам предоставлялась возможность выбрать три варианта действия – искать справедливости в институциональной среде (суд, правоохранительные органы, профсоюзы), действовать самостоятельно, как это делает описанный выше продавец, или выйти из морально неоднозначной ситуации. С известной долей условности представленные варианты можно поделить на ситуации «voice» и «exit» – решение бороться за свои права и решение выйти из ситуации, уволиться с предприятия, которое поступает несправедливо по отношению к работнику.

Решение «voice», как правило, предполагает наличие «сетевой», институциональной поддержки – присутствия в поле конфликта организаций и площадок, на которых возможно восстановление справедливости. Ожидаемо наибольшая доля опрошенных (37,0%) выбрала бы вариант ухода, увольнения с предприятия, которое позволяет себе несправедливость. Примерно пятая часть (22,1%) постаралась бы отрегулировать конфликт путем прямых переговоров с руководством предприятия. Очевидно, что лобовое столкновение с вышестоящим руководством в отсутствие поддерживающей институциональной сети не сулит подчиненному ничего хорошего. Обычной практикой российских рабо-

тодателей стало избавление от «скандалистов», настаивающих на соблюдении своих прав. Около 10% выбрало вариант обращения в суд, хотя и в этом случае надежды на успешное разрешение конфликта нельзя назвать обоснованными. В российских практиках найма распространена заработная плата «в конвертах» без каких-либо документов, подтверждающих ее уровень, и доказать, что права такого работника нарушены, в суде, как правило, весьма затруднительно. 7,5% обратились бы за справедливостью в профсоюз или правозащитную организацию и примерно такая же доля выбрала бы такой же вариант, как и упомянутый продавец – индивидуальный вариант восстановления справедливости.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что сторонники стратегии «voice» не менее многочисленны, чем сторонники стратегии «exit». В определенных обстоятельствах, например в условиях малого города с неразвитым промышленным сектором и сферой услуг стратегия «exit» выглядит проблематичной, ставя пострадавшую сторону перед необходимостью покидать обжитые места и устремляться в другие регионы, где есть подходящие рабочие места. Отсюда вытекает одна из гипотез, относящихся к исследуемой ситуации: стратегия «exit» менее всего распространена в малых населенных пунктах – городах и селах, и шире всего в столицах – Москве и Санкт-Петербурге. Для проверки этой гипотезы выполнялась процедура бинарной логистической регрессии, в которой «voice» и «exit» были представлены как два альтернативных варианта поведения.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что гипотеза полностью подтвердилась: только поселенческая структура относится к числу факторов, способных влиять на выбор респондента. Ни один из других факторов не имеет на него сколько-нибудь значительного влияния. Из этого вытекает важный вывод: общая сумма активных действий может накапливаться в «клаустрофобических» ситуациях, например, в условиях экономического кризиса, когда нарушения прав работников становятся систематическими, а варианты решения проблемы посредством стратегии «exit» затруднительными. Особенность российской ситуации такова, что в кризисной ситуации в отсутствие сколько-нибудь надежной поддержки со стороны работающих социальных институтов работнику приходится напрямую обращаться за поддержкой к государству. Государство, уклоняющееся от действий, направленных на восстановление справедливости, будет, скорее всего, признаваться неадекватным, пристрастным, поддерживающим не работников, а работодателей.

Таблица 9.

Факторы, влияющие на стратегии восстановления справедливости
(логистическая регрессия)

Предикторы	Score	Степени свободы	Значимость	Exp (B)
Тип предприятия	0,11	1,00	0,74	0,98
Пол	1,56	1,00	0,21	2,08
Возраст	0,75	1,00	0,39	1,04
Уровень благополучия	0,03	1,00	0,86	1,00
Образование	0,37	1,00	0,54	0,98
Тип поселения	10,30	1,00	0,00	0,78

И, наконец, еще один вопрос представляется важным в контексте рассмотрения кейса «ворующий продавец»: в какой степени представления о справедливости могут изменяться в зависимости от «деталей», характеризующих личную историю фигуранта? К обстоятельствам, описанным выше, был добавлен отягощающий «семейный» фактор – больной ребенок, на лечение которого продавец должен был собирать деньги. Выяснилось, однако, что доля тех, кто полностью оправдывает действия продавца в этом случае, выросла незначительно – с 9,6% до 14,2%, причем произошло это, прежде всего, за счет тех, кто и так оправдывал его хотя бы частично (с 34,5% до 28,7%). Что касается доли осуждающих продавца, то она фактически осталась той же, что и прежде (43,9% и 46,2% соответственно). Таким образом, получила поддержку «контекстуальная» модель рассмотрения справедливости, согласно которой большая часть населения однозначно разделяет контексты на микро и макро, семейный и институциональный, а какая-то часть, существенно меньшая, полагает, что контексты могут пересекаться и личные обстоятельства способны изменить ценностную «решетку», в которой находят решение дилеммы справедливости.

Кейс «Виталий Калоев»

Второй из кейсов, использовавшихся в исследовании в качестве виньеток, характеризующих представления о справедливости, был взят из старых новостных хроник. Речь идет о так называемой «мести Калоева». Напомним, что российский гражданин Виталий Калоев потерял в авиакатастрофе над Боденским озером всю свою семью – жену и двоих детей. Виновник катастрофы швейцарский авиадиспетчер Питер Нильсен избежал серьезного наказания, отделавшись увольнением с работы и судебным порицанием. Швейцарские власти, в отличие от властей Германии, над территорией которой произошла авиакатастрофа, затягивали расследование дела, а затем и вовсе спустили его на тормозах. Калоев, возмущенный ходом дела, взял дело справедливости в собственные руки. Он отправился на поиски Нильсена, хотя бы для того, чтобы – стоит ему верить – увидеть в его глазах следы сожаления и раскаяния по поводу произошедшего. Но при встрече Нильсен ни выказал никакого сожаления. Встретив Калоева на пороге своего дома, он даже не стал смотреть на фотографии погибших, которые пытался показать ему Калоев, а попросту оттолкнул его руку. В этот момент Калоев не выдержал, вынул нож и нанес Нильсену несколько смертельных ударов. Возникает вопрос: можно ли считать действия Калоева оправданными? Можно ли восстанавливать справедливость деянием «героя» или же в любом случае, даже тогда, когда институты правосудия дают сбой, необходимо придерживаться практик, принятых в современном обществе? (рис. 19).

Доля тех, кто полагает, что поступок Калоева был оправдан, равна примерно четверти опрошенных. Противоположной точки зрения придерживается гораздо больше россиян – около 60%. Как и следовало ожидать, необходимость делать моральный выбор приводит к тому, что существенно увеличивается доля затруднившихся ответить (17,2%). Расхождения в оценках позволяют выдвинуть в качестве объяснения несколько гипотез.

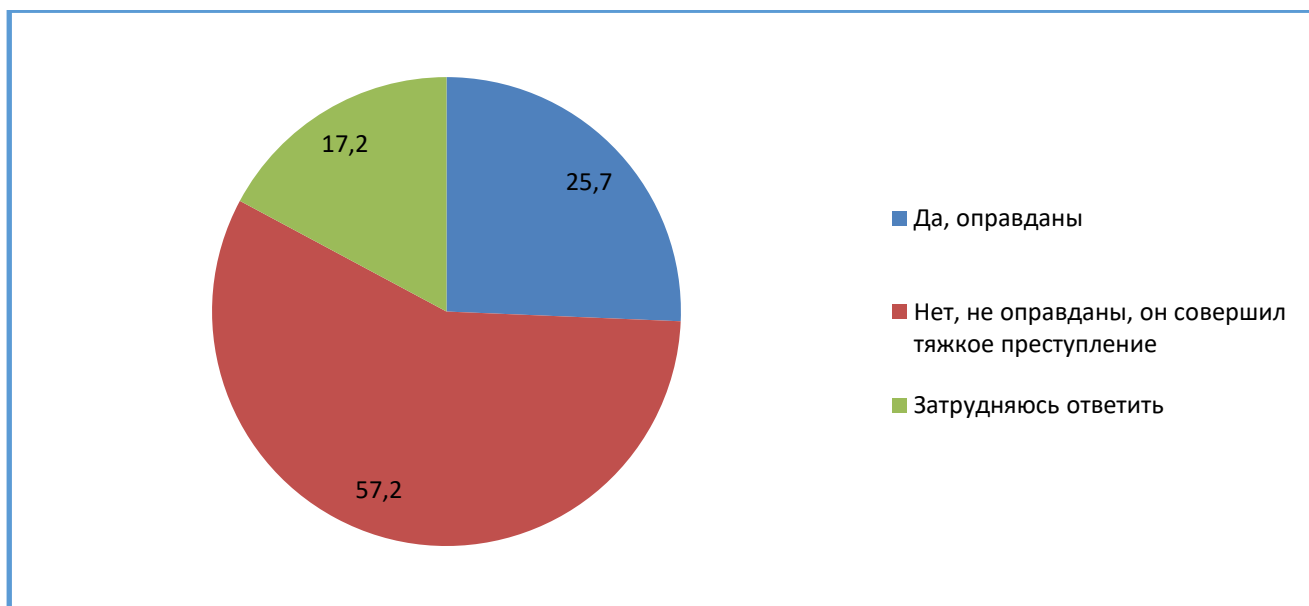

Рис. 19. Оценка поступка Калоева (доля в %).

Во-первых, это – гипотеза, характеризующая культурные различия в обществе. Калоев, осетин по национальности, принадлежит к кавказской культуре, в которой кровная месть по-прежнему если не приветствуется, то, по крайней мере, не осуждается. Можно предположить, что граждане России, русские по национальности, будут относиться к поступку Калоеву иначе, чем представители других культур и, в частности, россияне, проживающие в регионах Кавказа.

Во-вторых, возможно выдвижение гипотезы, утверждающей, что различия в оценках деяния Калоева связаны с уровнем индивидуализации в разных группах населения. Выше отмечалась, что молодежь более индивидуалистична и чаще склонна поддерживать «героя», восстанавливающего справедливость посредством прямого действия. Соответственно старшее поколение, имеющее опыт жизни в СССР, будет более склонно к тому, чтобы осуждать Калоева, порицать любые прямые действия в обход социальных институтов.

В-третьих, логично предположить, что действия Калоева более соответствуют «маскулинному» типу поведения и менее совместимы с противоположной стратегией, настаивающей на необходимости вести переговоры, добивать компромиссов. Если это так, то мужская часть населения будет чаще выступать в поддержку Калоева, а женская, напротив, будет его осуждать. Названные гипотезы проверялись с помощью процедуры бинарной логистической регрессии, в которой зависимой стала дихотомическая переменная «оправдываю-осуждаю» (табл. 10).

Результаты анализа не дали подтверждения первой из гипотез. Этническая принадлежность респондентов никак не повлияла на оценку поступка Калоева. Уточняющая процедура в форме логит-анализа также не выявила серьезного расхождения в оценках между разными этническими группами. Возраст также оказался переменной, не имеющей значимых влияний на оценку рассматриваемого деяния: различия между когортами оказались за пределами ста-

статистической значимости. Переменная, действительно влияющая на отношение к справедливости прямого действия – это тип поселения. Более всего осуждающими поступок Калоева оказались жители двух российских столиц – Москвы и Санкт-Петербурга.

Таблица 10

Факторы, влияющие на оправдание-осуждение поступка Калоева
(бинарная логистическая регрессия)

Предикторы	B	Стандартная ошибка	Статистика Вальда	Степени свободы	Значимость	Exp(B)
Пол	0,11	0,11	0,98	1,00	0,32	1,11
Возраст	0,05	0,04	1,90	1,00	0,17	1,05
Образование (в годах обучения)	0,05	0,02	7,84	1,00	0,01	1,05
Поселение в целом			45,45	3,00	0,00	
Столица	-1,31	0,20	41,31	1,00	0,00	0,27
Город	-0,09	0,16	0,37	1,00	0,55	0,91
Деревня	-0,20	0,14	2,18	1,00	0,14	0,82
Этнос	0,02	0,46	0,00	1,00	0,96	1,02
Constant	0,02	0,53	0,00	1,00	0,98	1,02

Данный вывод нельзя считать окончательным потому, что точность анализа ограничивалась малыми размерами национальной подвыборки. Результаты анализа были бы более надежными, если бы доля населения, представляющего народы Кавказа, была больше, и если бы эта весомая группа гарантированно относилась именно к кавказской культуре и не включала в себя тех, кто давно живет в центральной полосе России и почти полностью аккультурирован в русскоязычной среде. В предварительном порядке можно сделать следующий вывод: граница в оценке поступка Калоева лежит не между культурами, рождаемыми этническим фактором, а культурой столиц и культурой остальной России. Москва и Санкт-Петербург имеют не только более высокие стандарты жизни, но и существенно отличаются от остального населения в том, как они видят справедливость и какие средства считают допустимыми для ее достижения.

Респонденты, оправдывающие Калоева должны были ответить на еще один вопрос, предназначенный только для них. Им предстояло объяснить, почему они оправдывают Калоева, по какой причине он, с их точки зрения, невиновен. В посылах исследования лежало предположение о том, что кто-то из респондентов может оправдывать его отнюдь не из принципиальных соображений. Можно предположить, что оправданием его деяния могло быть помрачение рассудка (на чем, кстати, настаивал сам Калоев, когда предстал перед судом), пережитое им огромное горе, повергшее его в состояние глубокой депрессии или какие-то другие причины (Рис.20).

Данное предположение оказалось не лишенным оснований. Доля тех, кто приписывал ему стремление совершить акт возмездия, действовать по принципу воздаяния за зло, составила менее половины изучаемой совокупности. Более

четверти опрошенных заявили, что его вполне могло бы оправдать большое горе, сильное, травмирующее переживание. Почти каждый восьмой оправдывал его тем, что он на тот момент был не в себе, на него нашло помрачение рассудка. Один из десяти респондентов увидел в его поступке императив культуры. Калоев отомстил диспетчеру потому, что именно так предписывают действовать обычаи его народа. Не острое желание восстановить справедливость, а традиция заставила его действовать так, а не иначе.

Рис. 20. Причины, оправдывающие Калоева (в %).

Заключительный вопрос, относящийся к данной ситуации, ставил перед респондентом дилемму, аналогичную той, что решал Калоев. Ему было необходимо представить себя в ситуации потери близких и решить, как бы он поступил с Нильсеном, виновным в катастрофе. Только 15,0% высказались за справедливость прямого действия. Наибольшая часть предположила, что все-таки, несмотря на все издержки они стали бы искать справедливости в суде (42,7%). Около четверти россиян вообще не стали бы что-либо предпринимать, полагая, что в этой ситуации бессмысленно говорить о справедливости: погибших уже не вернуть. И 17,7% выбрали вариант «затрудняюсь ответить».

Виньетку, выстроенную вокруг поступка Калоева, отличало то, что в ней присутствовал соблазн прямой справедливости, ее восстановления в обход любых юридических институтов, продемонстрировавших свою неэффективность. Речь идет о «стратегии Монте-Кристо», заключающейся в стремлении наказывать виновников собственной катастрофы, используя закон лишь в том случае, если он играет на стороне лица, ищущего возмездия, и нарушая его, если закон мешает добиваться искомого. Случай Калоева показал, что в российском социуме поступки, подобные тем, что совершил Калоев, имеют некоторую поддержку, но все же доминирующая стратегия справедливости состоит в том, чтобы идти до конца в рамках существующей институциональной системы.

Кейс «Выбор врачей»

О том, какие факторы могут нарушать формальную логику институциональной справедливости, говорит следующая третья виньетка. В условии задачи, которую должен решить респондент, задана ситуация тяжелой автокатастрофы, случившейся на отдалении от больших городов. На трассе в гололед сталкиваются пять машин, вследствие чего получают тяжелые травмы и оказываются на грани жизни и смерти три человека – крупный федеральный чиновник, крупный собственник-владелец большой торговой фирмы и местный рабочий. Всех трех скорая помощь доставляет в местную больницу, возможности которой ограничены. Местные хирурги в состоянии сделать операцию и спасти жизнь только одному из пострадавших. Респонденту предстоит ответить на вопрос, кого из трех пострадавших спасли врачи и какими соображениями они руководствовались (рис. 21).

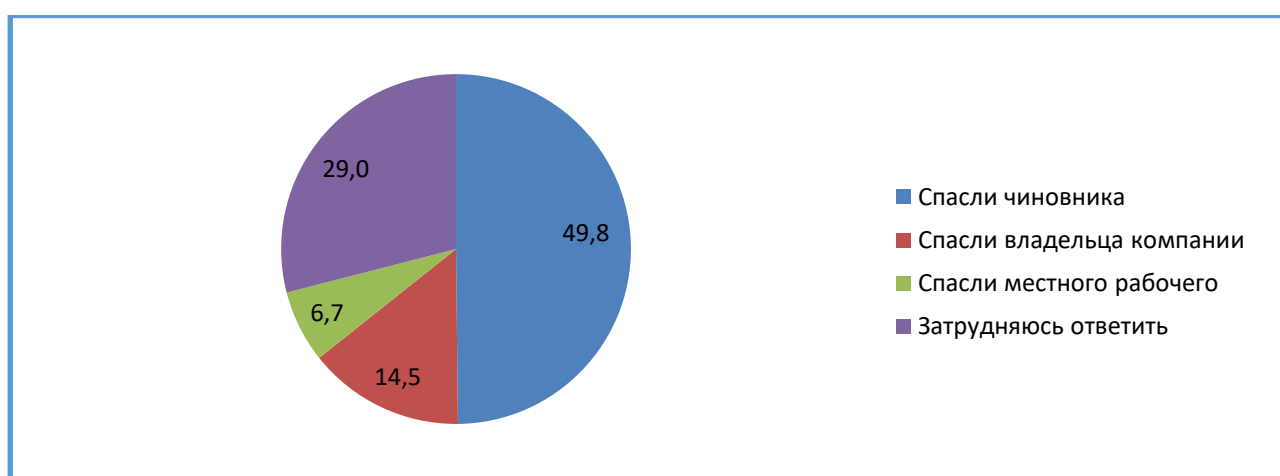

Рис. 21. Виньетка 3: мнение респондентов о выборе врачей (в %).

Выбор оказался настолько непростым, что около трети выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Именно этот вариант должны были бы выбрать те, кто не видит возможности ответить на вопрос, не зная других обстоятельств дела, кроме заданных. Если в подобной ситуации работают институциональные нормы, то определить спасенного невозможно, не зная, к примеру, тяжесть состояния каждого из пострадавших, подробных инструкций, которые даны врачам в таких случаях, очередность поступления каждого в клинику.

В российской ситуации доля затруднившихся ответить оказалась существенно меньше, чем доля тех, кто сразу сделал определенный вывод: врачи будут спасать, прежде всего, чиновника федерального уровня. Необходимо подчеркнуть, что особая привилегированная позиция чиновничества уже не в первый раз выдвигается как причина несправедливости, царящей в российском обществе. На втором месте с существенным отставанием оказался владелец крупной компании и только около 7% поверили в то, что помощь будет оказана местному жителю, простому рабочему сельхозпредприятия. Структура выбора оказалась стабильной, на нее не смогли повлиять ни пол, ни возраст, ни образование респондента, ни степень его участия в принятии решений.

Далее респондентам следовало объяснить, почему они сделали подобный выбор, какие факторы нарушили нормы справедливого выбора (рис. 22).

Рис. 22. Мотивация выбора в экстремальной ситуации (%).

Мнения респондентов разделились. На первом месте оказался фактор денег, который, как оказалось, работает не столько на крупного собственника, сколько на чиновника. Деньги чиновника, полагают респонденты, имеют иной вес, чем деньги собственника. Собственник, скорее всего, заплатит врачу за ту услугу, которую тот ему оказал. Чиновник имеет возможности изменить порядок финансирования сельской больницы. От его действий могут выиграть не только лечащие врачи, но и весь персонал клиники, вся система здравоохранения района. На втором месте находятся неформальные связи в разной форме. Врачи могут сделать такой выбор потому, что у чиновника или его коллег есть возможность неформального влияния на местную власть, а возможно, считают респонденты, формальные связи вовсе не понадобятся: врачи получают прямую подсказку от вышестоящих коллег относительно того, как им действовать, кого спасать в первую очередь.

Только один из десяти респондентов допустил, что врачи ориентировались на состояние пострадавших, отдав предпочтение тому, у кого было больше шансов выжить. Доля тех, кто полагает, что врачи действовали по формальным правилам еще меньше — 7,7%. Все остальные варианты ответа выбирались менее, чем 5% опрошенных. Общее благо, к примеру, выраженное в полезности для страны, оказалось на пятом месте с 2,9% опрошенных. Таким образом, в очередной раз на первые места вышел фактор преимущественного положения высшей бюрократии, регулирующей распределение общих ресурсов и нарушающей при этом права рядовых граждан.

В следующих вопросах кейс, предложенный к рассмотрению респондентам, был усложнен этническим фактором. Респондент должен был решить, могли повлиять на решение врачей тот факт, что пациенты принадлежали к разным этническим группам: один был русский, второй — дагестанец, третий — еврей. В тесте отрабатывалась гипотеза, согласно которой этническая составляющая становится важным условием принятия решений на местном уровне. Тест при-

нес неожиданные результаты: около одной четвертой части опрошенных (23,5%) убеждены, что этническая принадлежность сыграла бы свою роль. Противоположной точки зрения придерживались 56,7%, а 19,8% затруднились ответить на поставленный вопрос. В дальнейшем гипотезой анализа стало предположение, согласно которому этнический фактор более важен для молодежи, чем для пожилого населения. Старшая когорта, воспитанная в духе советского интернационализма, продолжает питать убеждение в том, что действия профессионалов не должны иметь национальной подоплеки, что национализм – это «темная сторона» сознания, которую необходимо держать под контролем. В молодежной среде, как показывают исследования, межэтнические отношения гораздо чаще осознаются как конфликтные и как одновременно мотив принятия важных решений. Вторая гипотеза базируется на распространенном убеждении о том, что для малых народов характерно обостренное восприятие этнического фактора. Несмотря на его сомнительность, его также было решено проверить. Дихотомический характер переменной (повлиял – не повлиял) позволил применить для проверки гипотез процедуру бинарной логистической регрессии.

Результаты заставляют отвергнуть первую «когортную» гипотезу, согласно которой этнический фактор более важен для молодежи, чем для старшего поколения. Различия между когортами действительно фиксируются на значимом уровне, однако их масштаб не дает возможности признать их убедительными. Не сработала в очередной раз и гипотеза о влиянии этнической принадлежности на суждение о значимости этнического фактора. Величина стандартного коэффициента в данном случае невелика, а уровень его значимости не таков, чтобы рассматривать этнос в качестве переменной, имеющей значимое влияние. На первый план неожиданно вышел фактор поселенческой структуры. Как показало исследование, в столицах возможность этнического влияния допускается чаще, чем в городах другого типа или деревнях. Надо полагать, в столичных городах различные этносы чаще сталкиваются в одном социальном пространстве и чаще замыкаются в этнически обособленные группы. Подобная ситуация приводит к тому, что именно этнос становится фактором принятия решений (табл. 11).

Диапазон различий между тем социальным порядком, который мыслится как реальный, и тем, который рассматривается как желательный, иллюстрируется вопросом о том, как поступил бы респондент, если бы решение вопроса оказалось в пределах его компетенции. Примерно четверо из десяти опрошенных (37,6%) заявили, что действовали бы в соответствии с формальными институциональными нормами, врачебными инструкциями, регулирующими подобные ситуации. Около четверти опрошенных приняли бы решение в пользу того из пострадавших, у которого было больше шансов выжить. Каждый десятый принял бы решение в пользу того из попавших в аварию, у кого семья больше, кто имел больше детей. Для сравнения: спасти того, кто может больше заплатить, стали бы всего 2,4%. Ориентация на этнос оказалась важной только для 2,7% опрошенных. И, наконец, спасти «полезного для страны» стали бы

только 2,5%. Региональная идентичность оказалась еще слабее: только 1,6% отдали бы предпочтение соседу, человеку, живущему рядом.

Таблица 11

Влияние этнического фактора на врачебное решение
(бинарная логистическая регрессия)

Предикторы	B	Стандартная ошибка	Статистика Вальда	Степени свободы	Значи- чи- мость	Exp (B)
Пол (мужской)	-0,24	0,11	4,64	1,00	0,03	0,78
Возраст	0,07	0,04	2,88	1,00	0,09	1,07
Уровень благополучия	0,05	0,09	0,33	1,00	0,57	1,05
Тип поселения			15,37	3,00	0,00	
Столица	-0,77	0,22	12,58	1,00	0,00	0,46
Город	0,03	0,16	0,03	1,00	0,87	1,03
Село	-0,19	0,14	1,75	1,00	0,19	0,83
Образование (в годах обучения)	0,02	0,02	0,87	1,00	0,35	1,02
Принадлежность к этнической группе	0,12	0,45	0,08	1,00	0,78	1,13
Constant	0,55	0,57	0,90	1,00	0,34	1,73

Полученные результаты красноречиво свидетельствуют о том, что в современном российском обществе ощущается явный дефицит нормативных оснований для принятия решений. Именно его большинство населения рассматривает как основное препятствие на пути к справедливому обществу. Институциональный контекст оказывается тем пространством, где возможно соединить в отношениях взаимодополнения дистрибутивный и меритократический принципы справедливости. Но возможно это лишь в том случае, если бюрократия откажется от присущего ей стремления приватизировать сферу управленческих решений, а вместо этого будет выступать, как во многих развитых странах, гарантом институционального порядка. Надежды населения на преобразование бюрократии выглядят утопично в нынешней российской ситуации. Однако напряжение, с которым регулярно сталкивается бюрократический класс, все чаще заставляет его идти на уступки формальным нормам. Это происходит на фоне дальнейшей радикализации общественного сознания, в рамках которой требование социальной справедливости все чаще воплощается в программах политического действия.

Литература

1. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail? N.Y.: Crown Publishers, 2012. 511 p.
2. Archer M. Making our Way through the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 337 p.
3. Boyer G. An Economic History of the English Poor Law. 1750-1850. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 288 p.

4. Bourdieu P. *Distinction. A Social Critique of the Judgment of Taste*. L.: Routledge, 2010. 599 p.
5. Darwin Ch. *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*. N.J.: Princeton University Press, 1981. 406 p.
6. De Waal F. *The Age of Empathy. Nature's Lessons of a Kinder Society*. N.Y.: Harmony Books, 2009. 265 p.
7. Diamond G. *Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies*. N.Y.: W.W. Norton, 2010. 401 p.
8. Earle T. *How Chiefs Come to Power*. Stanford University Press, 1997. 137 p.
9. Esping-Andersen, G. *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1989. 244 p.
10. Farina F. *Development Theory and Poverty // Development Economics in the Twenty-First Century*. Ed. by C. Sunna and D. Gualerzi. L.: Routledge, 2016. P.352-410.
11. Freeland C. *Plutocrats. The Rise of the New Global Super Rich and the Fall of Everyone Else*. L.: Penguin Press, 2012. 352 p.
12. Lenski G. *Power and Privilege*. N.Y.: MacGraw-Hill, 1966. 464 p.
13. Lipset S. *No Third Way: A Comparative Perspective of the Left // The Crisis of Leninism and the Decline of the West*. Washington: The University of Washington Press, 1991. 235 p.
14. Marshall T., Bottomore T. *Citizenship and Social Class*. L.: Pluto Classic, 1992. 102 p.
15. Pinker S. *The Better Angels of our Nature*. N.Y.: Viking, 2011. 226 p.
16. Rawls J. *Justice as Fairness. A Restatement*. Harvard University Press, 2001. 214 p.
17. Rescher N. *Fairness. Theory and Practice of Distributive Justice*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2002. 134 p.
18. Sen A. *The Idea of Justice*. Belknap of Harvard University Press, 2009. 468 p.
19. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. N.Y.: Metalibri, 2007. 742 p.
20. Stiglitz J. *The Price of Inequality*. N.Y.: W.W.Norton and Co, 2012. 248 p.
21. Swedberg R. *The Max Weber Dictionary. Key Words and Central Concepts*. Stanford University Press, 2005. 315 p.
22. Tachibanaki T., Sakoda S. *The Comparative Study of Happiness and Inequality in Five Industrialized Countries // Advances in Happiness Research*. Ed. by T. Tachibanaki. Tokyo: Springer, 2016. P. 97-119.
23. Wolf J. *Rober Nozick: Property, Justice and the Minimal State*. 1996. 184 p.
24. *The Happy Danes. Exploring the Reasons for High Levels of Happiness in Denmark*. Report of the Happiness Research Institute. Copenhagen. 2014. 62 p.
25. Буравой М. Социология и неравенство // Социс. 2015. №7. С. 5-14.

26. Волчкова, Н. Горшкова Е., Лобанов С., Макрушин А., Турдыева Н., Халеева Ю. Оценка последствий реформирования социальных гарантий: монетизация льгот и реформа ЖКХ. Московский общественный научный фонд. ЦЭФИР, 2006. 175 с.
27. Выготский Л. Психология развития человека. М.: Смысл, 2005. 1136 с.
28. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. М.: РОССПЭН, 2002 288 с.
29. Де Сото Э. Загадка капитала. М.: Олимп-пресс, 2004. 272 р.
30. Кивинен М. Россия и Финляндия как европейские общества //Мир России. №2, 2012. С.162-174.
31. Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О. А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико- дедуктивный анализ и попытка моделирования// Мир России. 2012. Т.21. №2. С.62-102
32. Маркс К. Немецкая идеология //К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч.. Т3. М.: Госполитиздат. 1955. С. 7-544.
33. Милль Дж. Утилитаризм. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом. 2013. 242 с.
34. Пикетти. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2015. 592 с.
35. Платон. Государство // Древнегреческая философия. М.: Фолио, 1999. С.94-142
36. Покровский П.А. Бентам и его время. Челябинск: Урал LTD, 1998. 56 с.
37. Соловьев В. Спор о справедливости. М., Харьков: ЭКСМО-пресс, 1999. 462 с.
38. Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005. 254 с.

Лапин Николай Иванович

Член-корр. РАН, доктор философских наук,
профессор, Институт философии РАН,
главный научный сотрудник

Nikolay I. Lapin

Corresponding member of the RAS, Ph. d., Pro-
fessor, Institute of Philosophy of the RAS, chief
scientific employee

КАК ОСТАНОВИТЬ СОЦИОГУМАНИТАРНУЮ РЕЦЕССИЮ¹ **HOW TO STOP SOCIOHUMANITARIAN RECESSION**

*АННОТАЦИЯ: В статье обобщаются результаты седьмой волны все-
российского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2015)²*

*ABSTRACT: This article summarizes the results of the seventh wave of nation-
wide monitoring «The Values and Interests of the population of Russia» (2015).*

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная стратификация, нисходящая социаль-
ная мобильность, социогуманитарная рецессия, региональное неравенство до-
ходов, изменение шкалы налогов.*

*KEYWORDS: social stratification, the downward social mobility, sociogu-
manitarian recession, regional disparities of income, change the scale of taxes*

Проблемы не решаются, а воспроизводятся

Анализ данных (ответили 95% опрошенных) подтвердил самоидентификацию (по самооценкам) населения на четыре категории по материальному благополучию. Два полюса: с одной стороны, богатые и зажиточные, у которых денег хватает почти на все (11%), а с другой – бедные и нищие, у которых на повседневные нужды уходит вся зарплата или ее не хватает, приходится занимать (29%). Между этими полюсами находятся обеспеченные и менее обеспеченные, у которых денег в основном хватает (55%).

Социальная стратификация, по оценкам ведущего научного сотрудника ЦИСИ Л.А. Беляевой, характеризуется *нисходящей социальной мобильностью* лиц, имеющих образование не выше среднего специального.

Численность среднего класса уменьшилась и составляет 20% от численности населения. Сохранение этой дифференциации – результат отсутствия позитивных сдвигов в экономике, низких темпов создания высокотехнологичных,

¹ Статья впервые опубликована в «Независимой газете» (2016. 10 февраля).

² Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН осуществил в 2015 г. седьмую волну всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России». Мониторинг проводится с 1990 г. Опрос проведен независимым Институтом сравнительных социальных исследований (ИССИ, директор – кандидат социологических наук В.Г. Андреевков) методом личного интервью на дому у респондентов. Как и в предыдущих волнах, использована многоступенчатая вероятностная модель выборки, которая обеспечила репрезентативность населения страны и ее макрорегионов, городских и сельских жителей. В исследовании представлены поселения разного размера, основные социально-демографические и этнические группы.

хорошо оплачиваемых рабочих мест. Соответственно незащищенность от бедности остается более чем критической (60%). Низок и уровень доверия к институтам власти: по-прежнему максимумом доверия пользуется одно лицо – В. В. Путин (72,5%).

По-прежнему меньшинство населения (около 20%), практикующее авторитарную вседозволенность, противостоит гуманистически ориентированному, законопослушному большинству (около 80%). Как и в 2010 г., около 40% респондентов считают себя больными. Более половины респондентов отметили загрязненность воздуха и воды. 10 лет не меняется перечень и порядок приоритетных мер, необходимых для улучшения условий жизни населения: создавать новые рабочие места; улучшить медицинское обслуживание; навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией; усилить государственный контроль над экономикой. Таким образом, актуальные проблемы не решаются, а воспроизводятся. Соответственно сохранился и прежний уровень готовности участвовать в акциях протеста (около 30%).

Симптомы социогуманитарной рецессии

В 2015 г. обнаружились симптомы гуманитарной рецессии социума: усиление практики российско-азиатского этатизма, для которой традиционна авторитарная вседозволенность во всех сферах жизни, включая бытовую. Об этом свидетельствует, прежде всего, снижение поддержки современных базовых ценностей (жизнь, независимость, свобода, инициативность). Их поддержка непрерывно повышалась с 1990 г., но в 2015 г. она впервые заметно снизилась. Аналогичный перелом обнаружила и динамика индекса соблюдения прав и свобод человека, который основан на оценках, репрезентативных для всего населения, а не на экспертных оценках отдельных резонансных случаев нарушений. В целом по этому критерию политическая система России в 2006–2010 гг. эволюционировала в рамках среднего уровня правового состояния, которое постепенно повышалось, но в 2010–2015 гг. его рост замедлился в 5,5 раза. Опасно большим (в 16,6 раза) это замедление было по наиболее важным и постоянно наиболее нарушаемым правам и свободам человека.

Знаковым стал регресс в обеспечении права на равенство граждан перед законом: наблюдавшийся в 2006–2010 гг. рост на 5,7 пунктов сменился в 2010–2015 гг. попятным движением почти на два пункта. Это фундаментальное право – одно из самых важных и устойчиво нарушаемых в постсоветской России. Негативный характер приобрела и динамика индекса социального самочувствия населения. В 2002–2010 гг. этот индекс устойчиво повышался, а теперь снизился, хотя еще остается выше 50-процентного критического рубежа. Заметно снизился коэффициент самостоятельности граждан при решении проблем своей жизнедеятельности, возросла зависимость граждан от органов государственной власти.

К фундаментальным проявлениям рецессии нельзя не отнести реформы в образовании и науке, которые снижают творческую и гражданскую самостоятельность интеллигенции, но продолжаются, несмотря на критическое отношение специалистов и общественности. Централизация вузов и учреждений науки

уже привела в последние два-три года к значительному росту утечки мозгов из муниципалитетов и регионов в столицы страны и федеральных округов, вообще из России.

Шкала дифференциаторов

Одна из таких проблем – чрезмерное неравенство доходов между социальными стратами. На вопрос «Достаточно ли эффективны действия государства для сокращения неравенства доходов?» менее 4% ответили положительно, а свыше 75% – отрицательно. В том числе более 38% считают, что совсем нет действий. Из них больше половины – люди старше 45 лет, около 70% – с высшим и средним профессиональным образованием. 15% отказались или затруднились ответить.

Какие действия государства в этой ситуации поддержало бы население? Один из очевидных способов смягчения неравенства – изменение шкалы налогов на физических лиц «за счет богатых», как это принято во многих развитых странах Европы и в США. Среди экспертов обсуждаются различные варианты такого изменения. Неолибералы, работающие в правительстве или влияющие на его политику, настаивают на сохранении существующей плоской шкалы (для всех одинаковый невысокий подоходный налог). А что думает по этому вопросу население страны? Респондентам были предложены достаточно мягкие варианты, которые требовали вдумчивых ответов. Поэтому ответить смогли далеко не все респонденты.

Таблица 1

Поддержка населением предложений об изменении шкалы налогов на физических лиц

Что бы вы предпочли: сохранить одинаковый для всех подоходный налог (13%) или ввести прогрессивный (повышающийся) налог для более доходных групп населения? Выберите, пожалуйста, один из предложенных ответов	%
Сохранить одинаковый налог	21,7
Ввести небольшое повышение налога для высокодоходных групп	25,1
Ввести небольшое повышение налога, начиная со среднедоходных групп	9,1
Ввести небольшое повышение налога для среднедоходных групп и значительное повышение для высокодоходных групп	17,6
Ввести значительное равномерное повышение налога, начиная со среднедоходных групп	8,5
Отказ от ответа	1,3

Тем не менее, как показал анализ данных, которые приведены в таблице, ответившие достаточно логично разделились на три группы.

Первая группа (около 22%) – консервативные уравнилители, которые считают, что следует «сохранить одинаковый налог», то есть существующие 13% для всех.

Вторая группа составляет более половины всех респондентов (51,8%) – это сторонники умеренно-дозированной дифференциации. Среди них половина (25,1%) – самые умеренные, которые поддерживают небольшое повышение налога только для высокодоходных групп. Другая половина – более требова-

тельные дифференциаторы, которые поддерживают повышение налога и для среднедоходных групп.

Небольшая *третья группа* (8,5%) – радикальные дифференциаторы, которые поддерживают значительное равномерное повышение налогов, начиная со среднедоходных групп. Таким образом, больше половины населения – около 52% (различного возраста, образования, материального положения, типа поселения) – одобрило бы введение умеренной прогрессивной дифференциации налогов.

Изменение межбюджетной политики

Еще один аспект действий государства – *сокращение регионального неравенства доходов* и в целом повышение востребованности человеческого потенциала регионов и муниципальных образований. Здесь важную роль играет межбюджетная политика, справедливые пропорции распределения налогов между муниципальными, региональными и федеральным бюджетами. С 2000 г. федеральный бюджет аккумулирует большинство налогов, а затем по своему усмотрению возвращает их часть в регионы. При этом федеральное законодательство обязывает органы местного самоуправления (муниципальных образований) обеспечивать удовлетворение жизненных потребностей населения не ниже минимальных государственных социальных стандартов. С их учетом должны рассчитываться так называемые минимальные местные бюджеты. Но названные стандарты отсутствуют, используются социальные нормы и нормативы, которые по своему усмотрению утверждает правительство РФ.

Многие эксперты считают обоснованной необходимость повышения уровня доходной самодостаточности местного самоуправления, в том числе путем изменения пропорций распределения налогов в пользу региональных и местных бюджетов. Однако благодаря реформаторству Минфина России с принятием Налогового и Бюджетного кодексов РФ большая часть налогов ушла с муниципального на региональный и федеральный уровни.

Дополнительными аргументами в пользу справедливой межбюджетной политики могут служить ответы респондентов на такой вопрос мониторинга: «В каких долях должны распределяться все налоги, которые платят компании, фирмы, предприятия разного типа, работающие в нашем регионе (неважно, где они зарегистрированы), между бюджетами трех уровней – муниципальным (бюджетом города или района), региональным (областным, республиканским, краевым) и федеральным?» Респондентам не предлагались варианты распределения налогов – они по собственному усмотрению называли цифры процентов при условии, что сумма трех долей бюджетов должна составлять 100%. Поскольку респонденты, не эксперты, а обычные граждане с различным уровнем подготовки, около трети затруднились ответить на столь непростой вопрос. Полученные ответы оказались достаточно дифференцированными (табл.2).

Эти пропорции можно интерпретировать как существующие в массовом сознании естественные нормы (аналогичные нормам естественного права), справедливые правила приоритетного обеспечения социальных потребностей населения за счет налогов небольших компаний, фирм, продукция которых мо-

жет непосредственно удовлетворять потребности населения и которые находятся ближе к месту проживания населения.

Таблица 2

Представления населения о пропорциях (%) распределения налогов компаний, фирм между тремя видами бюджета. Мониторинг, 2015

Типы компаний, фирм	Виды бюджетов, предлагаемые пропорции распределения налогов, %			Затрудняюсь ответить
	Муниципальный	Региональный	Федеральный	
Индивидуальные предприниматели	49,6	23,8	6,6	33,2
Частные малые фирмы	48,3	24,6	27,1	34
Частные средние фирмы	47,3	24,9	27,8	34,8
Частные крупные фирмы	44,2	24,8	31	34
Фирмы, компании с участием государства	40,1	23,7	36,2	33,6

Эти пропорции можно интерпретировать как существующие в массовом сознании естественные нормы (аналогичные нормам естественного права), справедливые правила приоритетного обеспечения социальных потребностей населения за счет налогов небольших компаний, фирм, продукция которых может непосредственно удовлетворять потребности населения и которые находятся ближе к месту проживания населения. Чем ближе фирмы (индивидуальные предприниматели, малые и средние фирмы) к жизненным мирам населения, тем большая доля взимаемых с них налогов должна оставаться по месту их создания – в муниципалитетах и регионах. И наоборот.

Новая индустриализация и ее цели

Требуется поэтапное осуществление гуманистически ориентированной эволюции России. Такая эволюция активизирует человеческий потенциал ее населения и позволит, при поддержке со стороны государства, осуществить новую индустриализацию и ее интеграцию с информационными технологиями. Такую эволюционную модернизацию осуществляет большинство среднеразвитых стран мира. Не случайно на экономическом форуме в Давосе в январе этого года эксперты обсуждали именно такие проблемы, как задачи четвертой промышленной революции. Авторы всероссийского мониторинга, используя индексы, которые на основе международной статистики с 2001 г. ежегодно получает Центр исследований модернизации Академии наук Китая, сделали вывод: к 2012 г. Россия (в целом) поднялась из первичной, индустриальной стадии модернизации в подготовительную фазу вторичной, информационной ее стадии. Данные российской статистики, пересчитанные согласно индексам китайских специалистов, позволили заключить: в 25 регионах Российской Федерации был достигнут 100-процентный уровень показателей первичной (индустриальной)

модернизации и преодолены барьеры высшей ее фазы. В том числе 14 регионов, общая численность населения которых составляет 45,7 млн. человек, достигли высокого состояния модернизированности. Среди них к более высоким типам относятся Москва, Санкт-Петербург, Московская и Новосибирская области (общая численность их населения 27,5 млн человек). В подготовительную стадию вторичной модернизации вошли (в целом) три федеральных округа: Центральный, Северо-Западный, Уральский. Но эти достижения контрастируют с тем, что остальные федеральные округа, а всего – 58 регионов, остаются на первичной, индустриальной стадии модернизации. В том числе 29 регионов, в которых живут 28,1 млн. человек, находятся в начальных ее фазах, а шесть регионов, насчитывающих 3,6 млн. человек (республики Алтай, Калмыкия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия–Алания, Тамбовская область), застыли в самых низких состояниях модернизированности.

Поэтому в настоящее время основная задача России, как и многих стран мира, включая Китай, – новая индустриализация большинства ее регионов в сочетании с развитием и использованием высоких информационных технологий. Это комплексная новая задача, отличающаяся от задач советской индустриализации 20–30-х годов XX века: сегодня требуется такая индустриальная экономика, которая *замещает трудоемкую работу наукоёмкой*. Основные ее сферы: создание и использование новых знаний; производство, промышленное и аграрное; инфраструктура производства и жизнеобеспечения; эксплуатация, ремонт, совершенствование имеющегося оборудования. Решение этой задачи обеспечит достижение двух взаимосвязанных целей:

- повышение конкурентоспособности российской экономики, безопасности страны перед лицом глобальных вызовов;
- повышение благосостояния населения до среднеевропейского уровня, рост доверия институтам власти, консолидация России как страны, общества и цивилизации.

Факторы достижения целей

Имеются две группы факторов, которые влияют на осуществление новой индустриализации: *общероссийские и региональные*. На данном этапе определяющими выступают общероссийские факторы. Прежде всего:

- рост производительности труда и на этой основе – повышение ВРП на душу и платежеспособного спроса всех категорий населения;
- получение новых фундаментальных и прикладных знаний, использование последних для повышения производительности труда;
- ориентация образования на развитие творческих способностей учащихся и их применение в перспективных специальностях в каждом регионе;
- повышение материальной заинтересованности авторов патентов, включая сотрудников государственных НИИ, в практическом использовании их инноваций;
- создание условий для массового производства информационной техники и ее импортозамещения в экономике и других сферах общества;

- закрытие пробелов в законодательстве, которые позволяют недобросовестным собственникам бесконтрольно вывозить доходы за рубеж и уходить от российских налогов;
- снижение доли государственных и муниципальных служащих в общем числе занятых;
- введение умеренно прогрессивной шкалы налогов на доходы физических лиц;
- оптимизация межбюджетной политики государства в пользу региональных и муниципальных бюджетов.

По мере активизации этих факторов можно будет более эффективно открывать и использовать окна возможностей регионов и муниципалитетов для мобилизации их природных ресурсов, социокультурного и человеческого потенциала. Использование всех этих факторов позволит осуществить новую индустриализацию, преодолеть кризис и остановить социогуманитарную рецессию. В противном случае вызванные кризисом расходы, как и в 1998 г., лягут на население и ускорят рецессию. Об этом и предупреждают российские эксперты.

**ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ.
СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: КАК МЫ ЕЁ ПОНИМАЕМ
(Пресс-выпуск ВЦИОМ №2346 от 15 июля 2013 г.)¹
INFORMATION FOR REFLECTION. SOCIAL JUSTICE:
HOW WE UNDERSTAND**

Для относительного большинства россиян социальная справедливость – это равенство граждан перед законом (36%). Реже смысл этого понятия сводится к равенству в уровне жизни (20%). Еще меньше тех, для кого социальная справедливость – это возможность для каждого достичь того, на что он способен (13%), когда положение каждого члена общества определяется его трудовыми усилиями (12%), гарантии для социально незащищенных (11%). 6% опрошенных полагают, что социальной справедливости не существует.

Как равенство в уровне жизни социальную справедливость склонны понимать сторонники КПРФ (30%). Для приверженцев «Справедливой России» в большей степени, чем для остальных это понятие сводится к тому, чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями (18%). Сильное государство, порядок, национальные интересы – вот то понимание социальной справедливости, которое близко большинству россиян (58%). Прежде всего, такой позиции придерживаются жители средних, малых городов и сел (60–61%), а также пожилые респонденты (62%). За альтернативную концепцию – демократия, солидарность, свобода – выступают 27% опрошенных (в 2007 году – 22%). В основном это жители крупных городов (40%).

Таблица 1

У каждого человека есть свое понимание социальной справедливости. А в чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость?

(закрытый вопрос, один ответ)

Варианты ответов	2007 г.	2009 г.	2013 г.
1. В том, чтобы уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных	18	20	20
2. В том, чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями	10	9	12
3. В том, чтобы каждый мог достичь того, на что способен	15	17	13
4. В равенстве всех перед законом	35	32	36
5. В гарантиях для социально незащищенных, в социальной ответственности богатых	11	10	11
6. Никакой социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет	7	9	6
7. Другое	0	0	1
8. Затрудняюсь ответить/ Ни с чем из этого не согласен	3	3	1

¹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 13-14 апреля 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2013/07/19/6111> Дата обращения: 17.09.2016

Таблица 2

У каждого человека есть свое понимание социальной справедливости.

А в чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость?

(закрытый вопрос, один ответ)

Варианты ответов	Все опрошенные	Сторонники партии «Справедливая Россия»	Сторонники ЛДПР	Сторонники КПРФ	Сторонники партии «Единая Россия»	Сторонники непарламентских партий	Не стали бы участвовать в выборах	Затрудняюсь ответить на вопрос о партийных предпочтениях
1	20	18	22	30	18	16	19	14
2	12	18	9	11	12	11	11	13
3	13	5	16	8	14	16	15	17
4	36	33	38	35	37	39	36	30
5	11	17	12	12	12	13	8	15
6	6	5	3	3	6	3	9	8
7	1	1		1	0	3	1	1
8	1	3		1	1		1	3

Таблица 3

Если развивать идею социальной справедливости, то какой из двух следующих вариантов Вам ближе? (закрытый вопрос, один ответ)

Варианты ответов	2004	2007	2009	2013
1. Социальная справедливость, сильное государство, порядок, национальные интересы	50	55	61	58
2. Социальная справедливость, демократия, солидарность, свобода	33	22	24	27
3. Не нравится ни то, ни другое	10	12	10	12
4. Затрудняюсь ответить	7	11	6	4

Таблица 4

Если развивать идею социальной справедливости, то какой из двух следующих вариантов Вам ближе? (закрытый вопрос, один ответ)

Варианты ответов	Все опрошенные	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	Более 500 тыс.	100–500 тыс.	Менее 100 тыс.	Сёла
1	58	49	54	48	61	60	61
2	27	28	25	40	21	24	30
3	12	17	15	11	14	13	5
4	4	6	7	1	5	3	3

Шкурин Денис Вадимович,
Кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
vortexinform@gmail.com
Denis V. Shkurin,
Ph.d., Associate Professor
Ural Federal University

**ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ РОС «СТУДЕНЧЕСТВО О
СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВО-
СТИ» (ОРГАНИЗАЦИЯ СБОРА И ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ,
ОЦЕНКА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА ДАННЫХ)
RESEARCH METHODOLOGY OF SURVEY RSS «STUDENTS ABOUT SO-
CIAL INEQUALITY AND SOCIAL JUSTICE» (ORGANISATION FOR THE
COLLECTION AND PROCESSING OF INFORMATION, THE
ASSESSMENT OF THE REPRESENTATIVENESS AND THE QUALITY OF
DATA)**

АННОТАЦИЯ. В статье подробно описываются технологии сбора, ввода и обработки данных по исследованию РОС «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» (2016 г.), характеризуется география исследования, проводится комплексная оценка качества собранных данных. Обсуждаются проблемы обработки открытых вопросов, склейки файлов данных, имеющих различную структуру. Оцениваются репрезентативность и качество данных, полученных в ходе исследования. Анализируются географические, половые, возрастные смещения выборки и смещения по профилю обучения, их причины и последствия. Для оценки качества данных применяются технологии скользящего экзамена по совокупности различных критериев.

ABSTRACT. The article describes in detail the technologies, used for the collection, compilation and processing of data on the RSS project "Students about social inequality and social justice" (2016.), characterized the geography of the research, conducted a comprehensive assessment of the quality of the data collected. The problems of handling open-ended questions and gluing data files with different structure are discussed. Assessed the representativeness and the quality of the data collected during the study. Analyses the geographical, sexual, age bias and offset on the profile of learning, their causes and consequences. To assess data quality technology moving exam on the basis of different criteria.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сбор данных, ввод данных, обработка данных, онлайн опросы, CAWI, репрезентативность, смещение выборки, корреляция, оценка качества данных, скользящий экзамен, индекс коррелированности.

KEYWORDS: data collection, data entry, data processing, online surveys, CAWI, representativeness, sampling bias, correlation, data quality assessment, sliding examination, correlation index.

Данное исследование проводилось по уже неоднократно отработанной в РОС технологии, когда преподаватели (члены РОС или сотрудничающие с РОС) организуют опросы на местах, в своих вузах, используя как местные ресурсы, так и организационную и техническую поддержку со стороны РОС [Пронина Е. И., Вишневский Ю. Р.]. В проекте исследования предлагалось организовать в каждом вузе, участвующем в проекте, опрос от 15 до 300 студентов. Технически предполагалось несколько способов участия в исследовании:

Традиционный «Бумажный вариант» – на сайте РОС была опубликована анкета, которую участникам предлагалось скачать, растиражировать и провести раздаточное анкетирование со студентами своих вузов. Таким путем было собрано 2311 анкет (или 58,3% от итогового массива).

Онлайн опрос – на сайте РОС была размещена ссылка на электронную версию анкеты (онлайн-форму). Участники-преподаватели могли переслать эту ссылку своим студентам для самостоятельного заполнения. Таким путем было собрано примерно 1078 анкет (или 27,2% от итогового массива).

Смешанные формы участия – опрос мог идти в традиционном «бумажном» формате, но собранные данные затем вводились из бумажных анкет через онлайн-форму. К такому варианту прибегали в Дальневосточном федеральном университете, Сургутском государственном педагогическом университете, Московском авиационном институте, Воронежском государственном университете и других вузах. Таким путем было собрано примерно 575 анкет (или 14,5% от итогового массива).

Выбор, каким путем пойти преподаватели каждого вуза принимали на местах. Всего, таким образом, было собрано 3964 полных анкеты, составивших итоговый анализируемый массив (100%). Вместе с тем, следует отметить, что собрано было значительно больше анкет, которые в силу неполноты данных, отсутствия ответов на ключевые вопросы, были изъяты из итогового массива. Особенно это касалось онлайн-анкет, более трети которых, в силу особенностей онлайн-технологии, не были заполнены до конца – анкета была очень большая и местами тяжелая (из-за обилия табличных вопросов) и отвечающие могли в любой момент прервать опрос, либо опрос мог прерваться по технической причине. С подобной ситуацией мы сталкивались и ранее, при проведении похожего по технологии исследования РОС «Война была позавчера: российское студенчество о Великой Отечественной войне» зимой-весной 2015 и подробно анализировали в ряде статей. Кроме того, нам пришлось исключить из итогового массива ряд «бумажных» анкет, в которых, по недосмотру анкетеров, не были заполнены целые таблицы или не было ответов на ключевые вопросы.

Соответственно способам участия были задействованы следующие способы передачи собранных данных:

1. *Через CAWI (computer assisted web interface)-сервер* было получено 1653 полных анкеты (41,7% от итогового массива). В качестве CAWI-сервера был использован сервер Фонда «Социум» (г. Екатеринбург)¹, разработанный

¹CAWI-сервер Фонда «Социум», URL: cawi.fsocium.com, (дата доступа 28.07.2016).

при непосредственном участии автора статьи. Данный сервер мы уже использовали в исследовании РОС «Российское студенчество о великой отечественной войне» зимой-весной 2015 и применяли в декабре 2014г. при проведении экспертного исследования «Профессия «социолог» в представлении профессионального сообщества» [Рыбакова О. В., Шкурин Д.В.]. Преимущество использования CAWI-сервера для организаторов исследования заключалось в возможности контролировать ход опроса – как только очередной респондент начинал отвечать на вопросы онлайн-анкеты, эта информация отражалась на сервере. Недостатки использования сервера заключались в том, что, во-первых, не у всех участников была техническая возможность работать с сервером и, во-вторых, в том, что опрос проводился анонимно, и преподаватели не знали, как отреагировал тот или иной привлеченный студент на предложение участвовать в опросе – прошел анкету до конца, ответил всего на пару вопросов «из интереса» или даже не обратил внимание на ссылку. Ход онлайн опроса для всех интересующихся регулярно освещался в группе Facebook¹, созданной под данное исследование. Но там можно было посмотреть только общие данные – сколько студентов и какого вуза прошли опрос.

2. *Через Модуль ввода данных², разработанный автором статьи.* Ссылка на модуль ввода и видео-инструкция к нему была опубликована в обращении РОС, вместе с анкетой. Участникам предлагалось скачать модуль ввода с внедренной туда электронной формой, установить на компьютере и вводить «бумажные анкеты» в автономном режиме. Далее, введенный массив данных целиком или частями пересылался организаторам исследования для обобщения с основным массивом. Таким способом было получено 1809 полных анкет (45,6% от итогового массива). Преимуществом такого способа ввода данных была автономность – преподаватели могли скачать и установить модуль на несколько компьютеров, привлечь несколько набивщиков и вводить там бумажные анкеты или сажать студентов перед компьютером отвечать на автономную электронную форму. Кроме того, участники сразу имели в своем распоряжении свой массив собранных данных и могли его анализировать, не дожидаясь обобщения полного массива. На самом деле это решает определенную проблему при проведении подобных исследований – ряд вузов быстро провел опрос и вынужден был долго дожидаться полного массива данных, поскольку в других вузах опрос начался с существенной задержкой или затянулся. Недостатком такого способа являлось то, что организаторы не контролировали происходящее на автономных компьютерах участников и не видели общего хода опроса до тех пор, пока данные не поступали с мест.

3. *Ряд участников опроса предпочел пересылать анкеты в «бумажном» виде.* Такой способ получения тоже был предусмотрен и им воспользовались несколько вузов, переслав общим объемом 502 полных анкеты (12,7% от итого-

¹Группа «Отношение к социальному неравенству» URL: <https://www.facebook.com/groups/194077404304054> (дата доступа 28.07.2016).

² Модуль ввода данных к программе Vortex10, URL: http://www.vortex10.ru/info/versions/data_modul (дата доступа 28.07.2016).

вого массива). Данный способ в какой-то мере упрощает работу участников – им не надо организовывать ввод данных, но существенно усложняет работу организаторов – им пришлось организовать ввод не только своего массива, но и набивку еще 502 поступивших анкет. Это в определенной мере задержало обработку и публикацию итоговых результатов. Именно с такой же проблемой и примерно в тех же объемах мы столкнулись и при проведении прошлого исследования РОС «Российское студенчество о Великой Отечественной войне».

Несомненным преимуществом получения собственно бумажных анкет является возможность наглядно оценить качество их заполнения, что достаточно важно в большинстве опросов, рассматривающих участников (анкетеров, подрядчиков) в качестве наемных работников, заинтересованных в получении дохода с минимальными издержками. Однако в нашем случае речь идет о добровольном участии преподавателей вузов в проведении исследования, и, следовательно, мы рассчитываем на их добросовестность [Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В.]. Вместе с тем понятно, что сам преподаватель не всегда способен провести исследование в одиночку и зачастую привлекает в качестве анкетеров студентов, которые в некоторых случаях могут поработать некачественно. И хотя у нас в арсенале достаточно визуальных (по почерку, по заполняемости) и математических методов оценки качества данных (применение которых описано в следующей статье автора), мы не можем применить их на уровне отдельных анкетеров, потому что получаем данные по вузу в целом. Вероятно, этот момент следует исправить при проведении последующих исследований – фиксировать ФИО анкетера на бумажных и электронных анкетах, чтобы проконтролировать качество сбора данных.

В результате применения всех описанных способов сбора и передачи данных, как мы уже отмечали, нами было собрано 3964 полных анкеты, представляющих студентов 71 различного вуза Российской Федерации. При этом 17 вузов прислало / передало более чем по 100 заполненных анкет, и еще 19 вузов по 15 или более заполненных анкет. Следует признать, что много (31) вузов прислало менее чем по 10 анкет. География исследования получилась достаточно обширной – почти вся территория Российской Федерации от Белгорода до Владивостока и от Волгограда до Сургута. К сожалению, в опросе не приняли участие студенты вузов Северо-Западного федерального округа.

Все полученные массивы от отдельных вузов данных были объединены в итоговый массив при помощи программы склейки массивов данных MergeVRT¹, разработанной автором статьи. Особенностью склейки был тот факт, что электронная и бумажная анкета немного различались (в электронной анкете были дополнительные служебные поля – дата опроса, время начала/окончания интервью и т.д.). Кроме того, в нескольких вузах начали опрос раньше назначенного и проводили ввод данных в собственную форму Vortex, которая немного отличалась от официальной. Поэтому при склейке данных

¹ Программа склейки VRT файлов MergeVRT, URL: www.vortex10.ru/info/news/mergefiles, (дата доступа 28.07.2016).

применялась технология «Выбор информации по нужным переменным», заключающаяся в том, что программа выбирала из полученных массивов данные по тем переменным, которые были представлены в итоговой базе, игнорируя лишние дополнительные данные.

После склейки массив сразу был проверен на полноту данных – были удалены не до конца заполненные SAWI-анкеты, анкеты с отсутствием данных по ключевым вопросам и анкеты с большим количеством пропусков. В результате в итоговом массиве осталось 3964 практически полных анкеты. Здесь следует упомянуть еще одну проблему – в связи с тем, что некоторые вузы немного задержали передачу своих массивов, а ввод бумажных анкет занял значительное время, пришлось фактически осуществлять склейку массивов и первичную обработку дважды – предварительную и окончательную. Предварительная склейка потребовалась для того, чтобы сотрудники вузов, вовремя справившиеся со сбором данных и передавшие их в электронном виде, могли начать работу со своими массивами данных, не дожидаясь «отстающих». Особенно это было актуально для вузов, использовавших SAWI-сервер, так как у них не оставалось автономного массива на местах, и вузов, не имеющих возможность обрабатывать данные в программе Vortex.

Первичная обработка данных проводилась в программе обработки и анализа социологических и маркетинговых данных «Vortex», версия 10¹, разработанной автором статьи. Суть обработки заключалась в классификации ответов на открытые и полужакрытые вопросы, при этом активно использовалась процедура «Преобразование строковой переменной»², позволяющая агрегировать похожие по смыслу строковые ответы в общие категории и составляющая файлы списков, состоящих из названий категорий и списков строк, включенных в каждую из них.

Здесь определенную сложность представлял полужакрытый вопрос анкеты «Ваш вуз». Организаторы предполагали, что участие в исследовании примут определенные вузы, значительный список которых и составил закрытые варианты вопроса. Вместе с тем, поскольку участие в исследовании было открыто для всех вузов, то был предусмотрен строковый вариант «Другой вуз». На практике оказалось, что многие вузы из списка не приняли участие в опросе и, наоборот, к исследованию присоединилось много других вузов. При этом в строке «Другой вуз» студенты могли писать что угодно – полное название, аббревиатуру, часть названия; иногда указывали дополнительно название специальности, кафедры, факультета, института и т.д. Некоторые студенты не утруждали себя поиском своего вуза в длинном списке и сразу писали его в «другое», несмотря на наличие такого варианта ответа. Кроме того, как оказалось, ряд вузов-участников недавно прошли процедуру объединения или переименования, что еще добавило вариантов написания – студенты могли писать новое название, старое название и т.д. Учитывая, что ход опроса по вузам нуж-

¹ Программа Vortex, версия 10, официальный сайт. URL: www.vortex10.ru (дата доступа 28.07.2016).

² Руководство пользователя к программе Vortex10, процедура «Преобразование строковой переменной» URL: http://cawi.fsocium.com/vortex/help/transform/string_transform.html (дата доступа 28.07.2016).

но было публиковать почти ежедневно, то это создавало некоторые трудности – нужно было почти ежедневно обрабатывать список «Других вузов» в соответствии с текущей базой. Для решения этой задачи в программу Vortex10 были внесены некоторые изменения – появилась возможность подключать файлы списков к строковым переменным, так чтобы при построении частотного распределения по строковой переменной программа, при наличии такого списка, автоматически обобщала строковые ответы – формировала из них категории. Данная технология оказалась достаточно востребованной – списки были подключены и к остальным полузакрытым вопросам анкеты, что значительно упрощает их обработку.

Итоговый массив данных был выложен на Яндекс-диске¹ с тем, чтобы все участники могли скачать исходные данные и готовые таблицы одномерных распределений (по городам и федеральным округам). Данные предоставлялись в двух форматах – Vortex и SPSS®. Данные SPSS содержали метки переменных и значений, но не имели иерархической организации, задаваемой при подготовке анкеты и первичной обработке данных в Vortex 10 [Шкурин Д.В., 2010]. Данная структура позволяет:

- разделить переменные на смысловые разделы, что существенно облегчает понимание структуры и поиск нужных переменных в исследовании с большим количеством переменных, подобно нашему;
- организовать порядок переходов между вопросами, что было важно при организации как онлайн так и офлайн форм ввода данных;
- настроить отображение вопросов с множественным выбором и табличных вопросов в виде единых таблиц, с автоматической сортировкой и расчетом условных индексов (средних), что было существенно важно в данном опросе, содержащем значительное количество табличных вопросов;
- настроить цвета отдельных ответов для облегчения восприятия диаграмм, особенно в табличных вопросах.

Настройка цветовой гаммы диаграмм достаточно важна, особенно когда речь идет о больших табличных вопросах, поскольку существенно упрощают их восприятие. Для решения этой задачи мы обычно использовали пяти-цветную гамму: темно-зеленый (ассоциация со спокойствием, порядком, «так и должно быть»), светло-зеленый, желтый («внимание!»), оранжевый (легкая тревога), красный (тревога, опасность). Посмотрев на диаграмму, сразу становится понятно: если преобладает зеленый оттенок, то все в порядке; но если преобладает красный, то ситуация тревожная. В табличных вопросах соответственно видно, где в большей степени проявляется тревога, опасность.

Итак, можно сказать, что исследование «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» проведено большим исследовательским коллективом включающем организаторов и участников на местах, при этом, применяя онлайн и офлайн методы, было охвачено значительное количество (почти 4000 полных анкеты с проверкой качества данных) студентов из

¹ Ссылка на массивы данных по проекту, URL: <https://yadi.sk/d/vwSJlUSIsyxsr>, (дата доступа 28.07.2016).

более чем 70 различных вузов, географически представляющих большинство регионов России.

В отношении любого социологического исследования, проведенного в рамках количественной стратегии, естественным образом встают вопросы о репрезентативности и качестве – кого и как представляют собранные данные, насколько им можно доверять и насколько далеко можно распространять сделанные выводы? Для обеспечения репрезентативности данных, как правило, еще на этапе организации исследования выбирается такая схема отбора единиц наблюдения, которая с той или иной вероятностью гарантирует определенную ошибку репрезентативности. Затем, методами визуального, технического контроля и логико-математического аппарата исследователи контролируют процесс сбора данных с тем, чтобы он не отклонялся значительно от выбранной схемы. В нашем исследовании, выбранная схема сбора данных предполагала добровольное участие вузов России в данном проекте, и, следовательно, не было возможности навязать и проконтролировать определенную схему отбора респондентов в каждом вузе. Это осложнялось использованием различных техник сбора данных («принудительное» и «добровольное» онлайн-анкетирование, офлайн-анкетирование). Таким образом, еще на этапе организации исследования авторы понимали, что нет никаких гарантий, что полученные данные будут репрезентативными и смогут достаточно точно отразить мнения всех российских студентов о социальном неравенстве и социальной несправедливости. Вместе с тем, в ходе исследования, был собран достаточно большой объем данных (3964 полных анкеты), позволяющий с определенными допущениями делать широкомасштабные выводы. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выяснить, в каких случаях и при каких оговорках мы можем распространять данные исследования на все российское студенчество или его часть.

По данным сайта Федеральной службы государственной статистики РФ www.gks.ru в России на начало 2015/2016 уч. г. всего насчитывалось 896 образовательных организаций высшего образования (далее вузов), в том числе 530 государственных и муниципальных вуза и 366 частных вуза, в которых обучается 4 млн. 766,5 тыс. студентов, в том числе 2 млн. 379,6 тыс. в очной форме, 149,1 тыс. в очно-заочной (вечерней) форме и 2237,8 в заочной форме [Образовательные организации]. Вместе с тем, по открытым данным Министерства науки и образования РФ [Открытые данные] студенты, обучающиеся в частных вузах, составляют всего 15% от общего количества студентов России. Нашим исследованием было охвачено 71 государственный вуз, причем в почти половине из них (31 вузе) было опрошено менее 10 студентов. Следует отметить, что в исследовании принимали участие, прежде всего, вузы, преподаватели и сотрудники которых являются активными членами РОС, что обусловило представленность в выборке крупных федеральных и региональных вузов. Кроме того, опросу подлежали в основном студенты очной формы обучения. Таким образом, данное исследование отражает мнение студентов-очников крупных государственных вузов, в нем не представлены студенты-заочники, вечерники и студенты частных вузов.

Таблица 1

Сравнение генеральной и выборочной совокупности
по федеральным округам РФ

Федеральный округ:	Число студентов в гос. обр. учреждениях	% в генеральной совокупности	Опрошено, чел.	% в выборке	Разница (%)	Весовой коэффициент
Центральный	122126	27,82%	832	20,99%	-6,83%	1,33
Северо-Западный	437867	9,94%	1	0,03%	-9,91%	393,79
Южный	450408	10,22%	762	19,23%	9,01%	0,532
Северо-Кавказский	246309	5,59%	229	5,78%	0,19%	0,967
Приволжский	885708	20,10%	549	13,85%	-6,25%	1,451
Уральский	362577	8,23%	1178	29,72%	21,49%	0,277
Сибирский	611352	13,87%	103	2,60%	-11,27%	5,338
Дальневосточный	186227	4,23%	309	7,80%	3,57%	0,542
Итого	4406574	100,00%	3963	100,00%	0,00%	-

Собранные данные имеют и определенные географические искажения. Так, в исследовании представлено избыточно много анкет из Южного и особенно Уральского федерального округа. Это связано с тем, что руководитель исследования Ю.Р. Вишневский и один из активных соисследователей – Е. Н. Икингрин – живут и работают именно в Уральском федеральном округе и в большей степени организовали и привлекли местные вузы к участию в исследовании. То же «замечание» можно высказать в отношении Южного федерального округа. Вместе с тем в исследовании практически не представлены студенты Северо-Западного федерального округа (случайно онлайн был опрошен 1 студент), недостаточно охвачен Сибирский федеральный округ. Возможно, одна из причин – отсутствие в исследовательском коллективе соисследователей из числа авторитетных в этом регионе социологов.

Таким образом, данные исследования содержат определенные географические диспропорции, выражающие в переборе студентов из Уральского и Южного федерального округа и недоборе студентов из Северо-Западного, Сибирского, Центрального и Приволжского округов. В принципе, учитывая достаточные объемы опрошенных в каждом федеральном округе эти диспропорции могли бы быть исправлены путем применения процедуры «взвешивания» к имеющимся данным, но как следует из последней колонки таблицы 1, весовые коэффициенты для Северо-Западного и Сибирского округов слишком велики для адекватного использования взвешенных данных.

С целью определения последствий географических искажений мы провели корреляционный анализ между переменной – федеральным округом (далее – ФО) и всеми содержательными переменными исследования. Учитывая значительный объем выборки (3964 анкеты) большинство коэффициентов оказалось статистически значимыми (68,47% переменных имеют значимость связи с переменной – федеральным округом менее 0,05). Вместе с тем, сила связи оказа-

лась достаточно низкой (в среднем 0,072 по шкале от 0 (связи нет) до 1 (функциональная связь)). Самые сильные различия между федеральными округами были зафиксированы по одной из наиболее ключевых переменных анкеты – «Оценка справедливости современного российского общества». Наиболее справедливым современное российское общество видят студенты Дальневосточного (средняя оценка 4,1 по 5 бальной шкале) и Уральского (средняя оценка 3,9) федеральных округов, а наиболее низкую оценку – студенты Южного (средняя оценка 3,2) и Сибирского (3,4) федеральных округов. Вместе с тем очевидно, что данные различия не очень велики – коэффициент корреляции Эта в данном случае составил всего 0,187 по шкале от 0 до 1. Кроме общей оценки, наиболее существенные различия между федеральными округами проявились и в частности – студенты разных регионов немного по-разному представляют справедливость оплаты труда различных профессий и имеют различные представления о том, как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе. Так в Сибирском и Южном федеральных округах сильнее, чем в других регионах, считают недостаточно справедливой оплату работы врачей, в Сибирском и Центральном – больше недооценённой считают работу инженеров. В Сибирском ФО чаще, чем в других регионах, считают, что министры федерального правительства получают больше, чем заслуживают, а преподаватели университетов, наоборот – меньше. В Сибирском и Приволжском ФО справедливое общество чаще, чем в других регионах ассоциируется с бесплатным здравоохранением. В Центральном, Южном и Приволжском ФО чаще считают, что государство должно помогать детям из небогатых семей «встать на ноги», получить образование, В Приволжском, Центральном и Сибирском реже согласны с утверждением, что таланты, особые способности – случайность и не должны особенно оплачиваться. Идея национализации предприятий более других не приятна студентам Дальневосточного и Сибирского ФО, а идея коллективизма, напротив более других симпатична студентам Южного и Северо-Кавказского ФО. Студенты Приволжского ФО реже других сталкиваются со случаями несправедливости на национальной почве, а студенты Северо-Кавказского ФО – несколько чаще. Таким образом, как показал наш экспресс-анализ, содержательные различия между ответами студентов из разных ФО есть, они не большие, но формируют некоторые особенности в восприятии и оценке справедливости общества, особенно в Сибирском и Южном федеральных округах.

Еще одна ожидаемая диспропорция связана с распределением студентов по специальностям. Поскольку организаторами опросов на местах были в основном преподаватели – социологи, то им ожидаемо проще было опросить студентов-социологов и студентов смежных гуманитарных специальностей. Для того чтобы проверить эту гипотезу мы обратились к несколько устаревшим данным портала «Статистика российского образования (stat.edu.ru)», на котором приведены данные по выпуску студентов различных специальностей. К сожалению, данные этого портала перестали обновляться с 2006 г., а других подобных официальных данных нам найти не удалось. Тем не менее, на основе представленных там данных, нам удалось составить таблицу 2, из которой сле-

дует, что перебор студентов гуманитарных специальностей хотя и имеет место (в выборочной совокупности «гуманитариев» оказалось на 7% больше, чем в генеральной), но он не столь критичен, как мы ожидали. Недобор в выборке студентов по экономическим и управленческим специальностям, легко объясняется устаревшими данными по генеральной совокупности – в последние годы набор на эти специальности последовательно сокращается. Таким образом, несмотря на наши ожидания, по профилю образования выборка оказалась не сильно искаженной.

Таблица 2

Сравнение генеральной и выборочной совокупности по профилю образования
[Статистика российского образования]

Профиль образования:	Доля студентов РФ, выпускающихся по данному профилю в 2006г. (генеральная совокупность)	Доля обучающихся по соответствующему профилю в выборочной совокупности	Разница (%)
Технический	25,37%	29,45%	4,08%
Естественнонаучный	5,24%	5,51%	0,27%
Гуманитарный	35,44%	42,41%	6,97%
Экономика и управление	31,13%	21,92%	-9,21%
Другой	2,82%	0,71%	-2,11%
Итого	100,00%	100,00%	0,00%

Рассмотрим, какие искажения вносят диспропорции по профилю обучения. Корреляционный анализ показал, что более половины (58,6%) вопросов анкеты статистически значимо (вероятность ошибки менее 0,05) связаны с переменной – «профиль обучения», но средний коэффициент достаточно низок – 0,058 по шкале от 0 до 1. Самый высокий коэффициент корреляции (Эта) оказался между профилем и отношением к Демократии и составил (Эта = 0,127 по шкале от 0 до 1). Так, студенты, обучающиеся по профилю «Экономика и управление» чаще других испытывают положительные чувства к демократии, особенно в сравнении со студентами технических и естественно-научных дисциплин. Вообще следует отметить, что наиболее высокая корреляция для профилей обучения оказалась именно с отношением к социально-политико-экономическим терминам (демократия, права человека, либерализм, конкуренция, президент, справедливость, свобода и т.д.) и отношением к причинам бедности.

Еще одна явная диспропорция в исследовании касается пола. К сожалению, нам нигде не удалось найти данных по половой структуре российского студенчества. Согласно данным сайта Федеральной службы государственной статистики РФ [Число женщин], в основной массе населения соотношение полов в возрастном интервале 15-19 лет (I-II курс бакалавриата) на 2016 г. составляет 931 девушка на 1000 юношей, а в возрастном интервале 20-24 года (III и IV курс бакалавриата, I и II курс магистратуры) соотношение составляет 867 девушек на 1000 юношей. В нашем исследовании в возрасте до 20 лет получи-

лось соотношение 1917 девушек на 1000 юношей и в возрасте 20 лет и старше – 2016 девушек на 1000 юношей. Таким образом, в исследовании существуют сильные половые диспропорции в сторону представленности мнения студенток и недостаточно представленного мнения студентов мужского пола. Причины этих диспропорций нам неизвестны, о них можно только догадываться. Одним из объяснений может быть переизбыток студентов с гуманитарных специальностей, которые чаще выбирают именно девушки. Кроме того, в ходе исследования мы выяснили, что девушки в школе существенно чаще получают отличные оценки, что может облегчить им решение задач ЕГЭ и поступление в вуз.

Корреляционный анализ по переменной «пол» показал довольно значимое (68,5% коэффициентов между полом и содержательными переменными оказались значимы с вероятностью ошибки менее 0,05), но слабое влияние на вопросы исследования. Самый сильный коэффициент (с тем, как следует поступить на месте врачей) составил 0,227, а средний коэффициент составил 0,065. Выяснилось, что девушки лучше относятся к таким понятиям как «демократия», «права человека», «равенство», «свобода» и хуже к «конкуренции». Студентки, по их мнению, чаще сталкиваются с несправедливостью и чаще объясняют ее причины половой дискриминацией. Так же у представителей сильного и слабого пола есть определенные различия в представлениях о том, каковы причины, почему одни люди становятся богатыми, а другие бедными.

Последняя выявленная диспропорция в исследовании связана с курсом (годом) обучения. К опросу привлекались значительно чаще студенты 1-2 курса и в меньшей степени студенты старших курсов, совсем немного было опрошено студентов-магистрантов. Такая диспропорция объяснима тем, что организаторам опроса на местах значительно проще было организовать опрос на потоковых занятиях младших курсов, охватив сразу значительное количество студентов. Старших курсов и магистратуры чаще могут пропускать занятия по причине совмещения работы с учебой, учиться в более позднее время, дифференцироваться по небольшим группам, отсутствовать из-за различных практик, иметь индивидуальный график обучения и т.д. Кроме того, «магистратура» как форма обучения характерна далеко не для всех вузов, охваченных исследованием.

Проведенный корреляционный анализ показал, что переменная «курс обучения» в меньшей степени оказывает влияние на результаты исследования, чем другие рассмотренные нами выше переменные. Только половина (51,3%) содержательных вопросов исследования значимо (вероятность ошибки менее 0,05) коррелирует с курсом обучения, а средний коэффициент корреляции оставляет всего 0,052 по шкале от 0 до 1. Магистранты и старшекурсники чаще других студентов сталкиваются с проявлениями дискриминации на работе (коэффициент Гамма 0,171), что понятно, поскольку у студентов младших курсов подобного опыта еще нет. Студенты 1-2 курса чаще испытывают положительные эмоции к понятиям «выборы» и «права человека», чаще других ассоциируют справедливое общество с бесплатным образованием и здравоохранением.

Таблица 3

Распределение опрошенных по годам обучения, % ответивших

Курс обучения	%
1-2 курс	64,35
3 курс	18,36
4-5-6 курс	14,63
магистратура (аспирантура, интернатура, ординатура и т.д.)	2,66
Итого ответивших:	100,00

Репрезентативность является одним из важнейших, но не исчерпывающим критерием качества данных, поэтому, после склейки и чистки массива от недостаточно заполненных анкет мы провели математическую оценку качества данных. В качестве показателей оценки качества данных были использованы Коэффициент монотонности табличных вопросов, Среднее количество ответов на поливариантные вопросы (с множественным выбором), Суммарное количество символов (в строковых вопросах), Индекс похожести документов и Индекс оригинальности документов. Данные критерии подробно описаны в руководстве пользователя к программе Vortex10¹ и здесь мы не будем подробно останавливаться на каждом из них, отметим только, что выбор критериев проверки был обусловлен большим количеством в анкете строковых, поливариантных (с множественным выбором) и табличных вопросов. В качестве обобщающих мер оценки был использованы Скользящий экзамен и Индекс коррелированности.

Суть Скользящего экзамена в проверке качества данных заключается в том, что по каждому критерию оценки качества рассчитывается среднее значение по совокупности, полученной из определенного источника (в нашем случае – вуза) и сравнивается со средним значением того же критерия по совокупности всех остальных документов [Мартыщенко]. В качестве веса для каждого критерия выступает количество переменных, принявших участие в расчете соответствующего критерия. В результате, если все источники данных абсолютно похожи друг на друга по всей совокупности критериев, то мы должны получить для каждого источника (вуза) значение, равное «0». Чем больше значение Скользящего экзамена отличается от 0 в положительную сторону, тем сильнее данный источник по всей совокупности критериев не похож на совокупность в целом. Самое большое значение получил Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ) – 0,027 по шкале от 0 до 1. Однако там было опрошено всего 10 студентов (мы подвергали скользящему экзамену только вузы с количеством опрошенных 10 и более) и само (максимальное в нашей совокупности вузов) значение критерия незначительно отличается от 0. Разумеется, чем меньше опрошенных, тем больше может быть результат скользящего экзамена – на результат могут сказаться некоторые индивидуальные особенности. В среднем, по всем вузам мы получили результат

¹ Руководство пользователя к программе Vortex10, раздел «Качество данных» URL: <http://cawi.fsocium.com/vortex/help/qquality/qquality.html>, (дата обращения 28.07.2016).

Скользящего экзамена 0,011 по шкале от 0 до 1. Таким образом, можно сделать вывод, что по совокупности выбранных критериев все вузы с количеством опрошенных 10 и более студентов (39 вузов) предоставили данные не значительно отличающиеся по особенностям заполнения анкет от всего массива.

Индекс коррелированности по сути похож на Скользящий экзамен, но если Скользящий экзамен фиксирует характерные особенности заполнения анкет (длина строковых ответов, монотонность заполнения табличных вопросов, сколько в среднем дают ответов на вопросы с множественным выбором, похожесть документов в одном источнике и т.д.), то Индекс коррелированности оценивает влияние источника данных на содержание ответов. Для определения индекса сначала рассчитывается вектор коэффициентов корреляции между переменной – источником данных (в нашем случае – вузы) и всеми остальными переменными исследования. Затем коэффициенты усредняются и получается средний коэффициент корреляции (от 0 до 1). Если предположить, что источники данных никак не влияют на ответы, то средний коэффициент корреляции должен показать 0. У нас получилось 0,208, т.е. тот факт, что студенты представляют разные вузы в некоторой (слабой) степени влияет на их ответы. Это естественно, поскольку есть определенные, описанные нами выше, региональные различия, формирующие немного разное представление о справедливости и связанным с ней поведением и оценками. Далее, для каждого отдельного источника (вуза) считается Индекс коррелированности по всем остальным источникам, за исключением этого источника. Таким образом, Индекс коррелированности показывает, как изменится ситуация в совокупности, если изъять конкретный источник данных (вуз). Если какой-то источник данных формирует сильное влияние на результаты ответов, то при его изъятии Индекс коррелированности по всем остальным источникам должен снизиться. Как показал наш анализ минимальное значение Индекса коррелированности (для ряда вузов) составило всего 0,207. Следовательно, не смотря на то, что мы опросили неравномерное количество студентов в различных вузах, ни один из вузов не оказывает значительного влияния на содержание ответов по всей совокупности, чтобы его изъятие из исследования дало возможность уменьшить Индекс коррелированности и сделать данные более гомогенными.

Подведем некоторые итоги. Оценка качества данных показала, что представители вузов-участников проекта подошли к опросу достаточно ответственно – данные по различным вузам оказались достаточно гомогенными и не вызывают сомнений. В результате применённые в исследовании многочисленные количественные и псевдо-количественные показатели (более 70% вопросов анкеты являются количественными или псевдо-количественными) имеют распределение близкое к нормальному.

Вместе с тем выбранный исследовательским коллективом способ отбора единиц наблюдения – студентов вызывает определенные заметные смещения выборки в сторону крупных университетов, искажения географических пропорций, смещения по полу в сторону женщин, смещения в сторону студентов младших курсов. Данные смещения оказывают небольшое, но статистически

значимое влияние на результаты исследования, которое необходимо учитывать при интерпретации полученных данных. Во избежание подобных смещений в будущем необходимо наладить взаимодействие с представителями вузов Северо-Западного и Сибирского федеральных округов, ввести квотирование по полу, профилю и курсу обучения, либо использовать технологию взвешивания для выравнивания пропорций.

Литература

1. Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И. Через исследования к доверительному сотрудничеству // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 80-83.

2. Мартышенко С., Мартышенко Н., Кустов Д. Многомерные статистические методы повышения достоверности маркетинговых данных [Электронный ресурс] // Практический маркетинг. 2007. № 1. Режим доступа: URL: <http://www.cfin.ru/press/practical/2007-01/04.shtml> (дата доступа 28.07.2016).

3. Образовательные организации высшего образования // Федеральная службы государственной статистики РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vpo.doc (дата обращения 25.08.2016).

4. Открытые данные Министерство образования и науки Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://opendata.mon.gov.ru/opendata/7710539135-ZPVPO> (дата обращения 25.08.2016).

5. Пронина Е.И., Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н. Из опыта организации и проведения Всероссийским обществом социологов всероссийских социологических опросов // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне : материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого; Рос. общ-во социологов; М-во образования и науки РФ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 450-453.

6. Рыбакова О. В., Шкурин Д. В. Профессия «социолог» в представлении профессионального сообщества // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». 2016. № 5(68). С. 95–101.

7. Статистика российского образования. Выпуск специалистов государственными высшими учебными заведениями по группам специальностей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_17&tttype=2&Field=All (дата обращения 25.08.2016).

8. Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы // Федеральная службы государственной статистики РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 25.08.2016).

9. Шкурин Д. В. Иерархический принцип в организации матрицы социологических данных // Сборник статей XIII Международной конференции «Культура, личность, общество: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л.Н. Когана. Екатеринбург, УрГУ, 2010, с.195–197.

10. Шкурин Д. В. Сравнительная оценка качества данных офлайн и онлайн опросов // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия», 2015. № 8(60). С. 101-105.

УДК 364.612.12:316.344-057.875(470.54)

Вишневский Юрий Рудольфович,
доктор философских наук, профессор, регио-
нальный вице-президент РОС,
Уральский федеральный университет
soc_stu@el.ru

Yury R. Vishnevsky,
Ph.D., Professor, Ural Federal University, Vice-
President RSS

Нархов Дмитрий Юрьевич,
кандидат социологических наук, доцент,
Уральский федеральный университет,
d_narkhov@mail.ru

Dmitry Y. Narhov,
Ph.D., Associate Professor, Ural Federal University

Нархова Елена Николаевна,
кандидат социологических наук, доцент,
Уральский федеральный университет,
e_narkhova@mail.ru

Elena N. Narhova
Ph.D., Associate Professor, Ural Federal University

Орешкина Татьяна Анатольевна,
кандидат социологических наук, доцент,
Уральский федеральный университет,
oreshkina.tanya@gmail.com

Tatyana A. Oreshkina,
Ph.d., Associate Professor, Ural Federal University

Чегодаева Татьяна Александровна,
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет,
t.a.chegodaeva@urfu.ru

Tatyana A. Chegodaeva
Ph.d., Associate Professor, Ural Federal University

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СВЕРДЛОВСКИХ СТУДЕНТОВ
О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ
И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
FEATURES OF REPRESENTATIONS SVERDLOVSK STUDENTS
ABOUT SOCIAL INEQUALITY AND SOCIAL JUSTICE**

АННОТАЦИЯ: В статье обобщаются мнения свердловских студентов в рамках исследования РОС (2016), которые сравниваются с данными в целом по массиву.

ABSTRACT: The article summarizes the views of Sverdlovsk students in the study, RSS (2016), which is compared with the data set as a whole.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Свердловская область, студенческая молодежь, справедливое общество, причины бедности и богатства, неравенство в разных сферах жизни

KEYWORDS: Sverdlovsk region, student youth, a just society, the causes of poverty and wealth, inequality in different spheres of life

В основе любого сравнения региональных данных с общероссийскими лежит диалектика общего и особенного. Она проявляется уже в трендах развития студенческой молодежи.

Согласно прогнозам, *численность молодежи* в России *сократится* в период с 2012 по 2025 гг. в 1,4 раза с 35,2 до 25 млн. человек. В 2012 г. доля молодежи составляла 24,7 %, по прогнозу в 2025 г. она будет составлять лишь 18 % (сокращение в 1,4 раза) [Стратегия, 2015, с. 4, 6.]. В Свердловской области этот процесс, начиная с 2012 г., уже идет (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности молодежи Свердловской области, чел.

Возрастные группы	2012	2013	2014	2015	Разница за период
8–13	237654	244680	252606	259496	21842
14–15	75061	74574	74050	74114	-947
16–17	83730	78886	75504	75147	-8583
18–19	95263	89139	85777	81068	-14195
Всего 14–19	254054	242599	235331	230329	-23725
20–24	337264	311732	283454	260362	-76902
25–29	377224	382865	378074	370616	-6608
Всего молодежь (14–29)	968542	937196	896859	861307	-107235
Всего населения	4307594	4315830	4320677	4327472	19878
Доля молодежи в составе населения, %	22,5	21,7	20,8	19,9	-2,6

За 2012–2015 гг. численность молодежи в Свердловской области сократилась на 12,5%. Ее доля в составе населения за этот же период сократилась с 22,5% до 19,9%. Наблюдается рост численности *предмолодежи*, но он весьма незначителен, особенно в сравнении группой старшей молодежи, которая в ближайшем будущем перейдет в группы более старшего возраста. Это значит, что численность молодежи области будет по-прежнему сокращаться.

Наиболее четко специфика молодежи проявляются на примере такого ее отряда как *студенчество*. Студенчество Свердловской области – отдельная социальная общность, субкультурная группа. Многомерность социологического измерения молодежи как социального феномена является одним из базовых положений при ее изучении [Вишневский, Нархов, с. 24–25].

Стратификационный подход основывается на понимании ее как самостоятельной общности, социально-демографической и возрастной группы. Этот подход позволяет выделить молодежь в составе населения и одновременно изучать ее внутреннюю структуру. Как самостоятельная общность правомерно выделяется и студенчество. Более чем 50-летний опыт исследования российской молодежи в образовательном пространстве (он обобщен в знаковой работе авторского коллектива под руководством профессора Д. Л. Константиновского [Новые смыслы..., 2015]) позволяет типологизировать основания для такого выделения.

Все предлагаемые определения студенчества опираются на принадлежность этой группы к учебному заведению, ведущего свою деятельность в сфере профессионального образования. Если классическое понимание студенчества было связано с *университетом*, то сегодня к нему причисляют учащихся всей высшей школы и одновременно – тех, кто получает образование в системе среднего профессионального образования. Это положение носит аксиоматичный характер и не дискутируется. Нам представляются дискуссионными основания, связанные с деятельностью студенчества в *образовательном поле*.

Одно из ранних определений студенчества как самостоятельной группы опирается на такие признаки, как *социальная мобильность*, *единство целей* группы и *особый статус*: «Студенчество – это мобильная социальная группа, целью существования которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению высоких профессиональных и социальных ролей в материальном и духовном производстве» [Рубин, с. 38]. Уже тогда было обращено внимание на важное свойство группы – выступать «в качестве *объекта производства*, предметом которого является не вещь, а сам человек, личность», в основе которого находится «обучающе-образовательная деятельность» [Рубин, с. 39]. Ю. А. Зубок считает студенчество специфической социально-демографической группой, выделяемой на основе *возрастных признаков* и *специфики труда (учебы)*, особого места студенчества в общественном воспроизводстве (в частности, в формировании интеллигенции, воспроизводстве среднего класса общества), а также особого типа студенческой *субкультуры*, отличающейся от других молодежных субкультур [Зубок, с. 491].

Профессор Г. Е. Зборовский, выделяя группу образовательных общностей, их базовыми признаками называет *место общности* в образовательной системе (от дошкольного до высшего и послевузовского образования), *степень вовлеченности* в образовательный процесс (прямое – учащиеся, педагоги, и косвенное – менеджеры, вспомогательный персонал и др.), и *характер взаимодействия* с другими образовательными общностями [Зборовский, с. 280–282]. Однако, автор в цитируемой работе эти термины использует в наиболее обобщенном виде для всех уровней образования и определения общности студентов не приводит. Тем не менее, выделенные им признаки позволяют идентифицировать *студенчество* как *самостоятельную общность*.

Значительный вклад в разработку конкретных проблем студенчества сделан в ходе 20-летнего мониторинга свердловского студенчества [см., напр.:

Студент – 2012]. Особого внимания заслуживает проблема *профессионального самоопределения*, поскольку, как нам представляется, именно она сегодня в большей степени определяет социокультурный облик студенчества. Процессы *первичной профессионализации* (или *специализации*) [Студент – 2012, с. 90–91] в значительно большей степени, чем в 1990–2000-е гг., выступают в качестве основного общностнообразующего признака.

Такая постановка вопроса соответствует исследованной группой ученых под руководством Д. Л. Константиновского [Константиновский, 2014, с. 16–21] *смены образовательной парадигмы* от «образования на всю жизнь» к «образованию в течение всей жизни» и появившимся вследствие этого новым тенденциям *взаимодействия институтов образования и профессии*. Они основаны на сформировавшемся у молодежи отношении к образованию как инвестиции в собственный капитал, который необходим для построения будущих профессиональных траекторий. Одной из важнейших черт реализации такого отношения к образованию стало, с одной стороны, отношение к валидированным формам знания (диплomu), когда решающее значение имеет «цена вопроса», количество и качество необходимых для его получения инвестиций, с другой стороны – феномен работающего по изучаемому направлению подготовки студента.

В цитируемой работе приведены следующие оценки этого явления [с. 510, 524]: в целом по России в 2013 г. на первом курсе работали 18 % студентов, на третьем таких было уже 46 %; среди работающих студентов каждый четвертый указал на полное совпадение профиля его работы с приобретаемой в вузе специальностью, почти каждый пятый – на частичное совпадение (суммарно 44 %); такая же по численности группа – 43 % отметила полное несовпадение профиля работы и направления подготовки, что объясняется комплексом других факторов – от социального происхождения до отношения руководства вуза к факту работы студента. Таким образом, получение высшего образования означает «...реализацию стратегии получения ... ценного образовательного ресурса или стратегии расширения набора квалификаций и навыков. Профессиональная траектория становится социальным полем применения данных ресурсов, а вернее, их конверсии в соответствующие позиции на рынке труда» [Константиновский, 2014, с. 20].

Итак, именно профессия, профессиональные компетенции составляют суть современного высшего образования. Их освоение как профессиональных ценностей оказывают существенное влияние как на личную жизнедеятельность членов общности, так и на базовые характеристики всей общности. На это, говоря об общности интересов у людей одной профессии, указывал П. Сорокин: она «механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом всю его природу» [Сорокин, 1993, с. 183. Цит. по: Кораблева, с. 110].

Более того, на основе предложенной профессором Г. Б. Кораблевой методологии выделения *профессиональных общностей* [Кораблева, с. 109–120], можно считать главным общностнообразующим признаком современного сту-

денчества деятельность, связанную с получением *профессиональных знаний* и – в значительной мере – *профессиональных ценностей* осваиваемой профессии. Главным критерием успешности освоения профессиональных компетенций в вузе будут выступать, во-первых, достижения в освоении учебной программы, ее оценка, все то, что традиционно связывается с понятием «учеба»; во-вторых, практическое применение уже освоенных компетенций в профессиональной деятельности, то есть наличие и характер работы, в ходе которой закрепляется формирование профессиональных ценностей.

Уже в конце 1960-х – начале 1970-х гг. исследователи поставили вопрос о причинах и условиях возникновения неравенства в студенческой среде. Так, В. Н. Шубкин указывал на различия в мотивах выбора той или иной профессии, «обусловленной разницей в системах ценностей жизни» [Шубкин, с. 160]. В этом отношении представляет интерес определение, данное А. С. Власенко: «Студенчество – это особая социальная группа, формирующаяся из *различных социальных образований* общества и характеризующаяся особыми условиями жизни, труда и быта, особым общественным поведением и психологией, для которой приобретение знаний и подготовка себя для будущей работы, в науке, культуре является главным и в большинстве случаев единственным занятием» [Власенко, с. 54. *Курсив наш – авт.*]. Тем самым автор обратил внимание на изначальную неоднородность студенчества, разные стартовые возможности и разный ресурсный потенциал.

Общие тенденции, происходящие как в связи с демографической ситуацией, так и с процессами модернизации высшего образования, сказались и на численности студентов. Об этом красноречиво свидетельствуют данные Свердловскстата (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели деятельности образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования [Социальная сфера]

	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015
Число вузов (на начало учебного года), ед.					
Всего	32	31	32	29	24
Государственные и муниципальные вузы	19	18	18	17	15
Негосударственные вузы	13	13	14	12	9
Численность студентов (на начало учебного года), чел.					
Всего	204180	186234	175912	166632	146428
Государственные и муниципальные вузы	171573	157036	148984	143300	128564
Негосударственные вузы	32607	29198	26928	23332	17864

Соответственно, выборка по Свердловской области составила 0,44% от генеральной совокупности. Общий объем выборки – 639 человек. Тип выборки – квотная, основание для выделения квоты – род занятий (обучение в вузе) и возраст (от 18 до 25 лет). Данная выборка, как всякая квотная, допускает возможность определенных несоответствий генеральной совокупности, однако, в большинстве случаев – что неоднократно подтверждалось в ходе социологиче-

ских исследований, – относительно адекватно воспроизводит характеристики генеральной совокупности.

Чем же характеризуется выборка?

Первая из характеристик – *распределение по уровню получаемого образования* (здесь был задан приоритет бакалавриата – рис. 1).

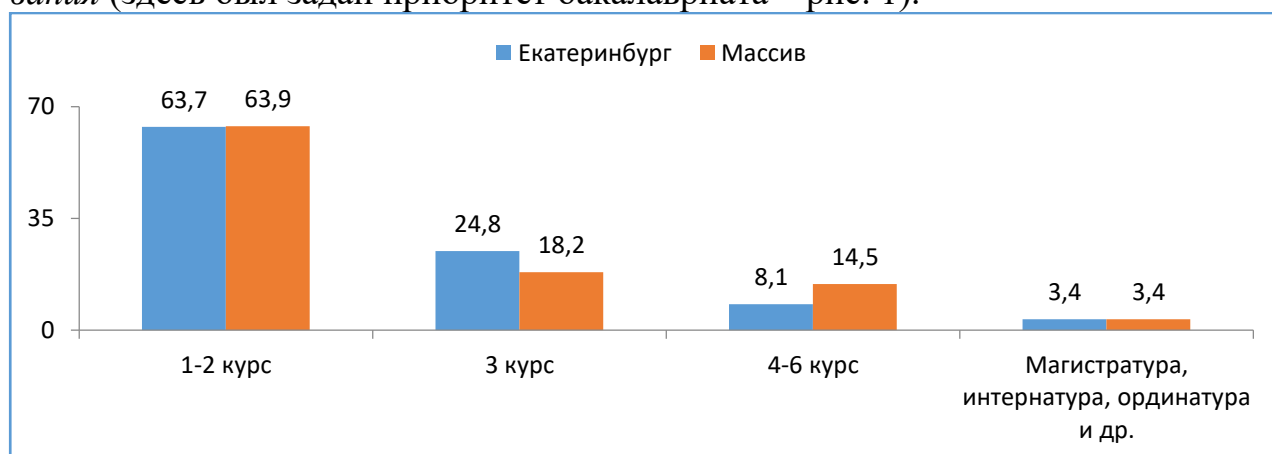

Рис. 1. Распределение респондентов по уровням и курсам обучения, % опрошенных.

Почти 2/3 респондентов – студенты I и II курсов. По этому параметру (как и по малочисленности представленности в выборке магистрантов) особых отличий в региональной выборке нет. Основные различия – чуть меньшее представительство студентов III курса, и чуть большее представительство студентов старших курсов бакалавриата и специалитета. Распределение по направлениям подготовки выглядит следующим образом (рис. 2):

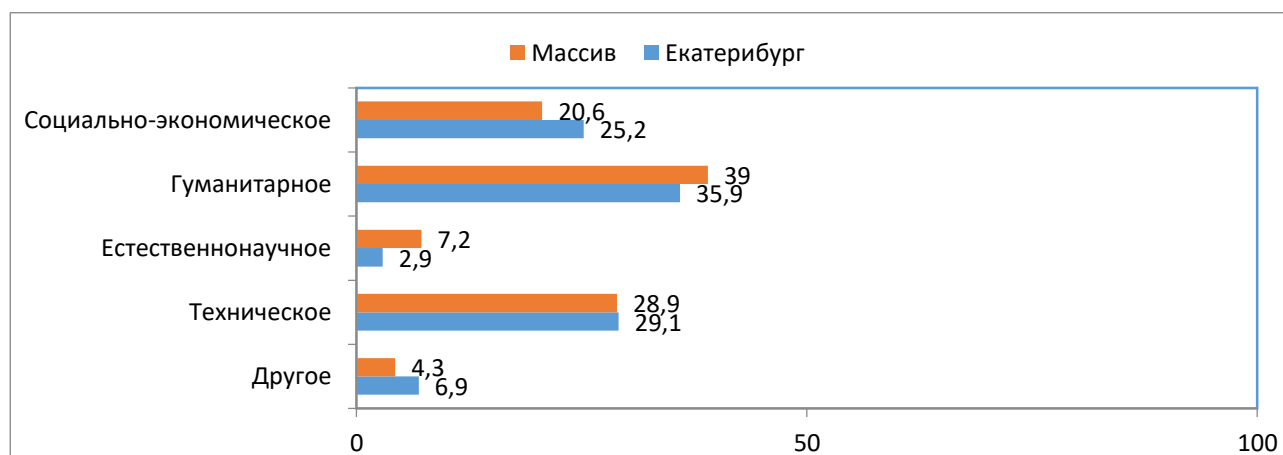

Рис. 2. Распределение респондентов по направлениям и специальностям обучения, % опрошенных.

Как видим, основной массив опрошенных и в Екатеринбурге, и в целом по массиву – гуманитарии (в региональной выборке их еще больше) и «технари», еще четверть – будущие экономисты и управленцы (по массиву в целом их чуть меньше, каждый пятый). Крайне ограниченно представлены студенты естественнонаучного направления (в основном, это будущие медики). В качестве других опрошены студенты аграрного и военного вуза.

Происходящая феминизация высшего образования существенно отразилась на *гендерном* составе выборки (рис. 3).

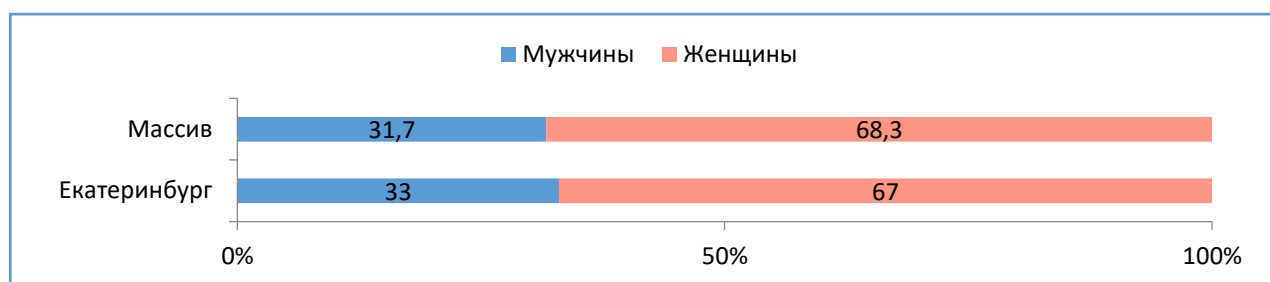

Рис. 3. Распределение респондентов по полу, % опрошенных

По возрасту респонденты распределились следующим образом (рис.4):

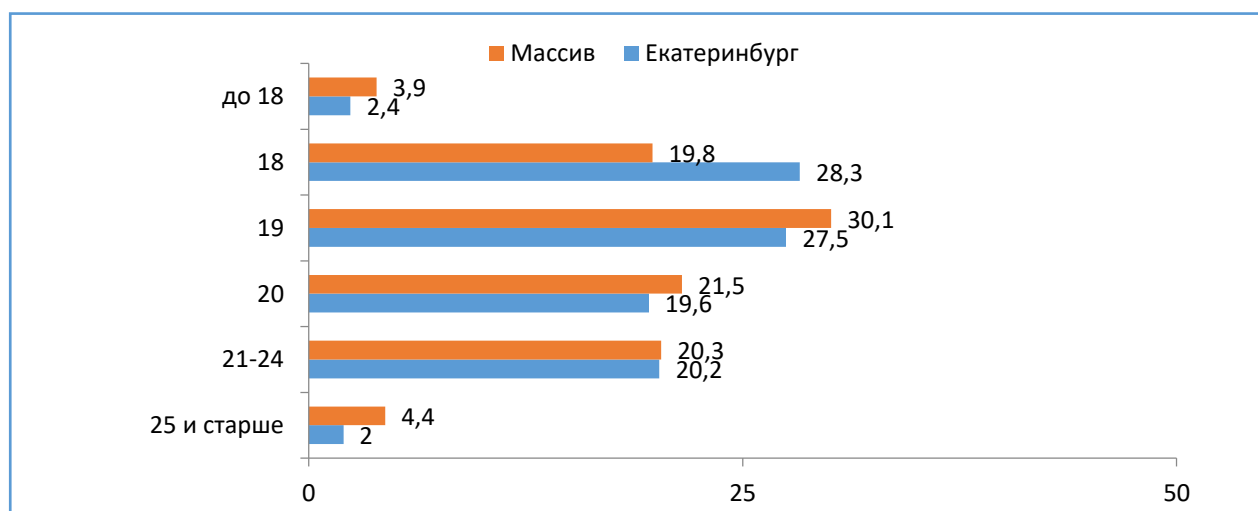

Рис. 4. Распределение респондентов по возрастным группам, % опрошенных.

Преобладание в выборке студентов-бакалавров – в условиях, когда сегодня выпускники школ поступают в вуз или сразу после школы, или не позднее одного-двух лет по получении общего образования, – определило и значительное число опрошенных *в возрасте 18–20 лет*. Становление магистратуры сказалось и на определенном увеличении числа студентов старше 25 лет.

На представление студентов о равенстве и неравенстве, справедливости и несправедливости влияют факторы мировоззренческого характера, их сложившиеся убеждения и ценностные установки. Один из решающих факторов их формирования – место жительства в период детства и обучения (табл. 3).

Таблица 3

Где прошла большая часть Вашего детства, % ответивших

Значения	Екатеринбург	Массив
Москва, Санкт-Петербург	1,4	5,8
Крупный город (более 500 тыс. жителей)	48,4	36,1
Средний город (от 100 до 500 тысяч жителей)	15,4	17,5
Малые города (до 100 тыс. жителей)	21,5	16,3
Поселок городского типа	9,8	13,8
Село, деревня	3,5	10,4

Как видим, каждый второй студент-уралец до поступления в вуз жил в крупных городах. С одной стороны, это определяется спецификой Свердловской области как высоко урбанизированной территории. Сказывается и выявленная разнообразными социологическими исследованиями студенчества *разница в шансах* на дальнейшее обучение в вузе абитуриентов – жителей разных городов (особенно поселков городского типа и сел). Не могло не повлиять и то, что в рамках «оптимизации» структуры высшего образования Свердловской области для большинства жителей средних (и в какой-то мере малых) городов возможности продолжить образование в филиалах вузов исчезли, а трудности проживания в мегаполисе, где сегодня сосредоточены все головные вузы, усилились.

Формирование убеждений студентов в значительной мере детерминировано *установками родительской семьи*. Наиболее значимым индикатором такого влияния (хотя, понятно, что прямой детерминации здесь нет) является уровень образования родителей. По самооценкам свердловских студентов, образование их родителей таково (рис. 5).

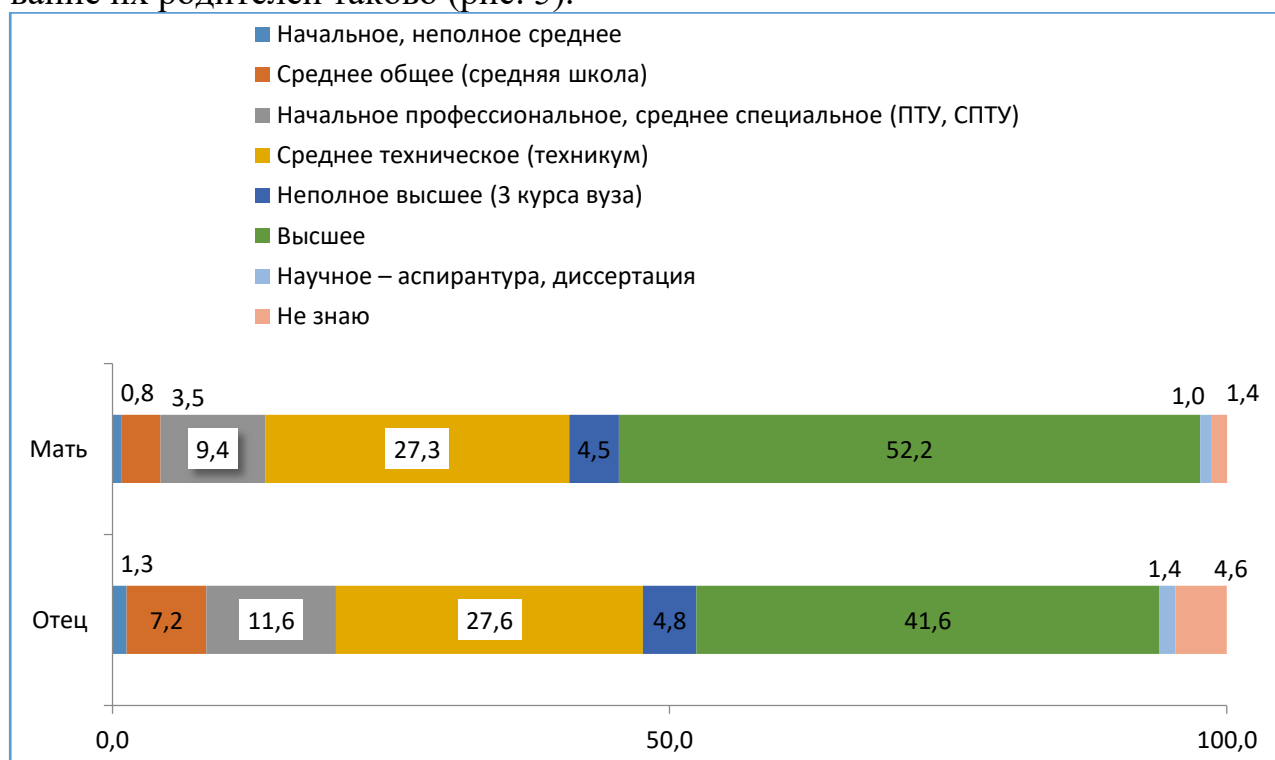

Рис.5. Уровень образования родителей студентов-участников опроса.

Прослеживается, с одной стороны, преемственность в вопросах образования: большая часть родителей, особенно матерей, с высшим образованием или даже ученой степенью. С другой стороны, сказывается выявленная многолетними социологическими исследованиями тенденция к *массовизации* высшего образования, когда родители, сами не получившие высшего образования, стремятся, чтобы их дети его получили.

Для получения высшего образования существенным остается влияние и *материального фактора*. Крайне важное значение здесь имеет самооценка уровня благосостояния родительской семьи. Понятно, что подобная самооценка

во многом носит субъективный характер. Используя аналогичный вопрос в рамках мониторинга свердловского студенчества (1995–2016 гг.), мы уже сталкивались с определенным усреднением подобных оценок респондентами. Эта же тенденция проявилась и в рамках данного исследования: крайние группы оказались, по самооценкам студентов-уральцев, самыми малочисленными (табл. 4).

Таблица 4

К какой категории по уровню доходов относится Ваша родительская семья, %
ответивших?

	Значения	%
I*	Мы не можем свести концы с концами. Нам не хватает денег даже на питание.	2,1
II	Денег нам хватает только на питание, да и то по минимуму. Для нас покупка одежды – большая проблема.	1,3
III	На питание нам хватает. Одежду покупаем, но самую дешевую. Покупка вещей длительного пользования, таких как телевизор или холодильник, для нас проблема.	15,2
IV	Мы хорошо питаемся. На одежду денег хватает, в том числе и дорогую. Если сэкономим, то можем купить что-то из вещей длительного пользования. Но действительно дорогие вещи – машина, дача – нам не по карману.	43,9
V	Мы без труда приобретаем вещи длительного пользования. Откладывая деньги, можем накопить на недорогую машину или скромный летний домик. наших доходов не хватит на то, чтобы купить квартиру или коттедж.	31,1
VI	У нас нет материальных проблем. Если захотим, можем приобрести все, что угодно – недвижимость, дорогой автомобиль.	6,4

* Здесь и далее значения уровня доходов будут использоваться в соответствии с приведенной нумерацией

Но и тут крайне бедных, нуждающихся оказалось вдвое меньше, чем высокообеспеченных. Дело, очевидно, не только в психологическом барьере (в молодежной среде сегодня не модно быть бедным), но и в том, что обучение в вузе – дело очень затратное даже и для студентов бюджетной формы обучения, не говоря уже о студентах-контрактниках. К тому же аргументы о том, что ЕГЭ снимет финансово-экономические барьеры на пути к высшему образованию, оказались во многом несостоятельными. В них было явно недооценены огромные затраты на подготовку к этой форме экзаменов. Не снят и вопрос о стоимости образовательной миграции. Отмеченное выше преобладание среди студентов жителей крупных городов – лишь тому подтверждение.

Представляет значимость и фактор *проживания родительской семьи* во время обучения студентов (табл. 5).

Таблица 5

Где на постоянной основе проживает Ваша родительская семья, % ответивших
(пропуски – 0,78%)

Значения	Екатеринбург	Массив
Москва, Санкт-Петербург	0,3	6,4
Крупный город (более 500 тыс. жителей)	52,0	38,3
Средний город (от 100 до 500 тысяч жителей)	13,3	17,6
Малые города (до 100 тыс. жителей)	22,7	15,8
Поселок городского типа	8,4	12
Село, деревня	3,3	9,9

Как видно, за небольшим исключением, *родительские семьи сохранили место своего проживания*. Соответственно, возникает серьезная социальная проблема: вернутся ли выпускники вузов на малую Родину или они смогут приспособиться к условиям регионального центра?

Впрочем, проблема стоит еще острее. Важный индикатор умонастроений студенчества и – одновременно социокультурной ситуации в обществе – их миграционные установки. У наших респондентов эти установки таковы (рис. 6 и 7):

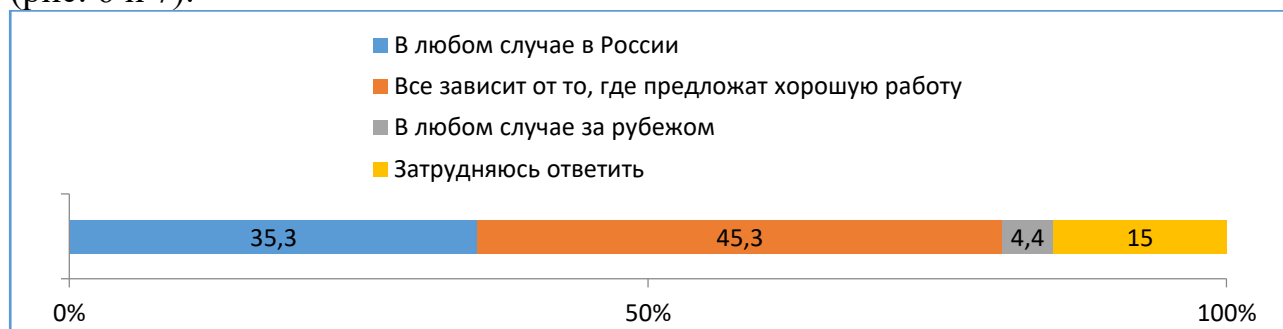

Рис. 6. Планы респондентов после получения образования (планируют работать в России или постараются уехать на работу за рубеж).

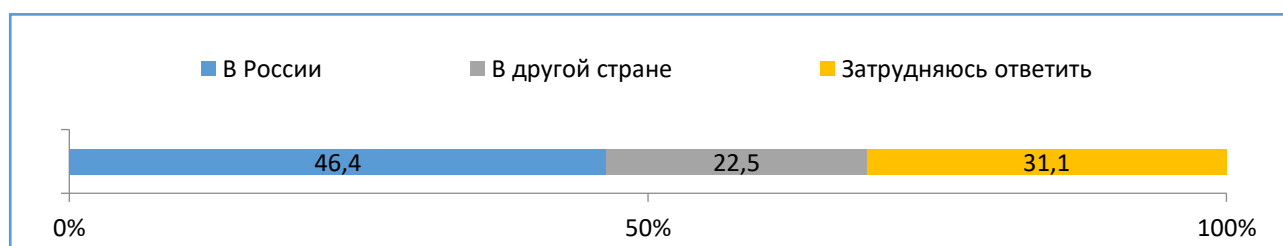

Рис. 7. Распределение респондентов по желанию жить на постоянной основе в России или в какой-то другой стране.

Обращает внимание, что каждый пятый устойчиво сориентирован на постоянное проживание за пределами России. Каждый третий еще не сделал для себя окончательного выбора. И здесь очень важно учесть, что выбор почти каждого второго будет зависеть от того, насколько хорошую работу ему предложат. Конечно, здесь переплетаются целая гамма противоречий и проблем. С одной стороны, это трудности получения первого рабочего места, с другой –

повышенные социальные претензии у значительной части выпускников, сегодня не всегда подкрепленные достаточным уровнем знаний, умений и навыков по окончании бакалавриата. Кроме того, сказывается и некоторая инфантильность современного студенчества, выражающаяся в «ожидании» предложений со стороны государства, общества, работодателей.

И все-таки исследования фиксируют происшедший в 2014-2016 гг. патриотический подъем в настроениях россиян. Характерен опрос ВЦИОМ, где респондентам было предложено оценить, чем они могут гордиться.

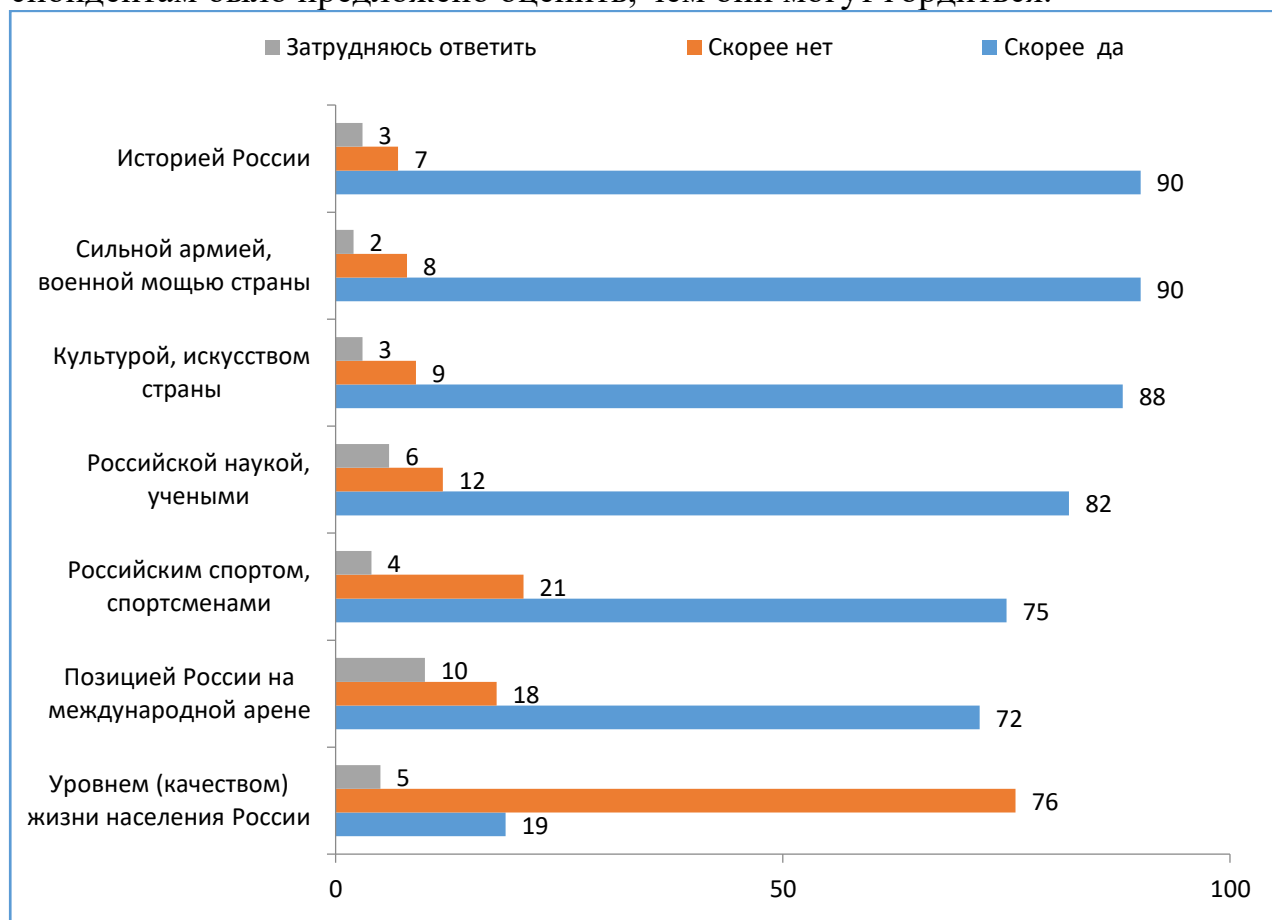

Рис. 8. Могли бы Вы сказать о себе, что гордитесь.... ?*

* Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Объем выборки – 1600 человек.

Значимым фактором, определяющим социокультурный портрет молодежи, является *этническая принадлежность*. В проведенном опросе респонденты обозначили ее следующим образом (рис. 9).

Специфической особенностью Свердловской области, сказавшейся и на результатах опроса, выступает сравнительная этническая однородность при одновременном разнообразии проживающих в области разных народов и этносов. Как видим, большая часть нерусских народов, зафиксированных ответами респондентов – типичные и для Урала, и нашей области. Нельзя не отметить, что в ответах «другая национальность» представлена 14 вариантами.

Вместе с тем, вузы Свердловской области становятся привлекательными для молодежи ближнего и дальнего зарубежья, чем в какой-то мере объясняется наличие казахов (в основном, это магистранты из Республики Казахстан, вла-

деющие русским языком). Студенты же дальнего зарубежья (по крайней мере, обучающиеся в УрФУ) не смогли ответить на вопросы анкеты в силу языкового барьера.

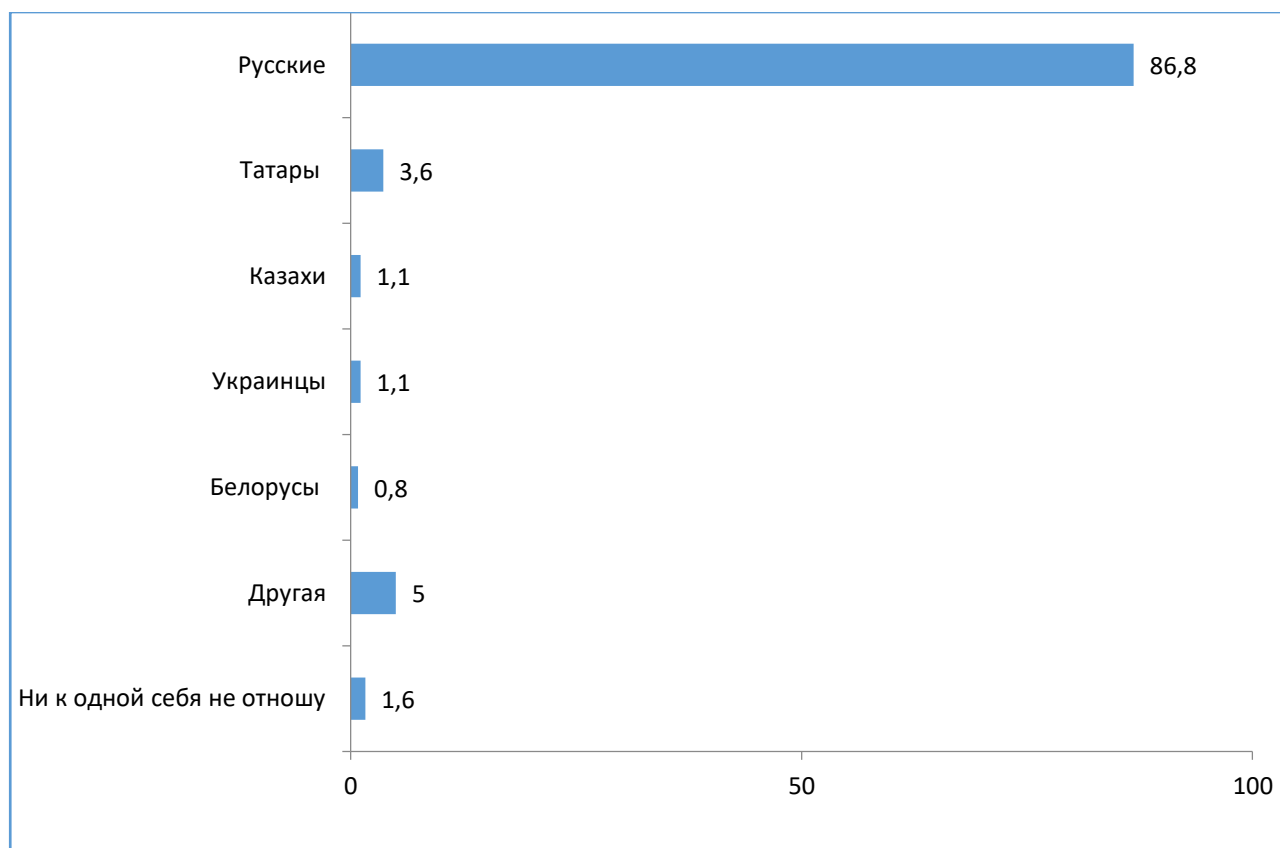

Рис. 9 Распределение ответов респондентов об их идентификации с той или иной национальностью.

Не менее важный аспект социокультурных ориентаций представляет вопрос *вероисповедания* (рис. 10).

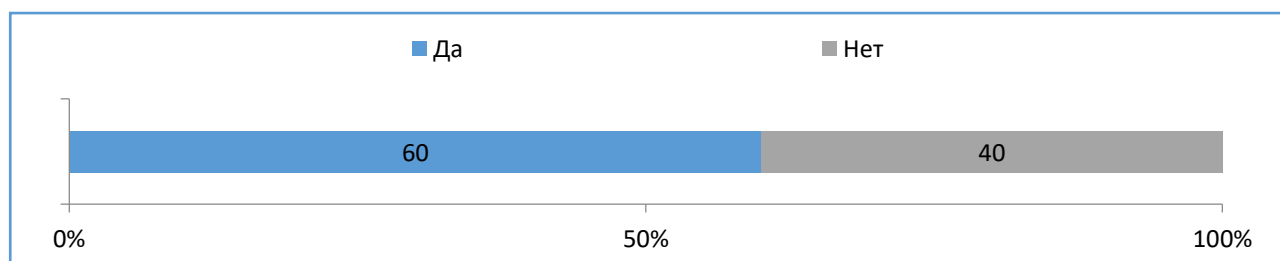

Рис. 10. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Вы – верующий человек?»

За последние два десятилетия религиозность молодежи существенно выросла, хотя в последние годы социологи фиксируют некоторое ее снижение. Это отразилось и в ответах участников опроса. Сегодня три из каждых пяти студентов позиционируют себя как верующего человека, два из каждых пяти – неверующими.

Для Свердловской области нет ничего необычного в том, что абсолютное большинство верующих отнесло себя к православию (рис. 11).

Рис. 11. Распределение ответов респондентов о принадлежности к какому-то вероисповеданию (в % от числа тех, кто отнес себя к верующим).

Вместе с тем наряду с конфессиональным разнообразием проявилась и существенная группа неопределившихся с конфессиональной принадлежностью. Вряд ли речь идет о религиозных сектах. Скорее для какой-то части студенчества это дань общим настроениям, бытующим в молодежной среде.

Общая оценка понимания справедливости и несправедливости

Как инструмент общей оценки степени справедливости или несправедливости российского общества была использована шкала от 0 до 10 баллов, на одном полюсе которой находится совершенно несправедливое, а на противоположном – абсолютно справедливое общество. Респондентам была предложено определить, в какой точке этой шкалы находится современное российское общество (рис. 12).

Результаты свидетельствуют о смещении оценок в сторону негативных: хотя среднее значение по Екатеринбургу ($3,78 \pm 0,13$) чуть выше, чем в целом по России ($3,61 \pm 0,06$), оно не поднимается даже до 4. Однако, за общим важно выделить и параметры, по которым фиксируются максимальные различия. Две трети студентов (65, 8 %) Екатеринбурга в своих оценках ограничились диапазоном от трех до пяти. В целом по массиву такие оценки дали лишь трое из пяти (60,6 %).

Итак, первый и весьма существенный вывод: в оценках студентов Екатеринбурга (да и студенчества России в целом) наше современное общество скорее несправедливое, чем справедливое. Важно подчеркнуть, что оценки студентов (даже более низкие в целом по массиву) не очень отличаются от оценок населения России в целом: по данным социологов Института социологии РАН, суммарная оценка справедливости по такой же шкале в диапазоне от нуля до

трех для населения в целом составила 47,7 %, у студентов по России в целом – ровно половина, по Екатеринбург – 46,1 %.

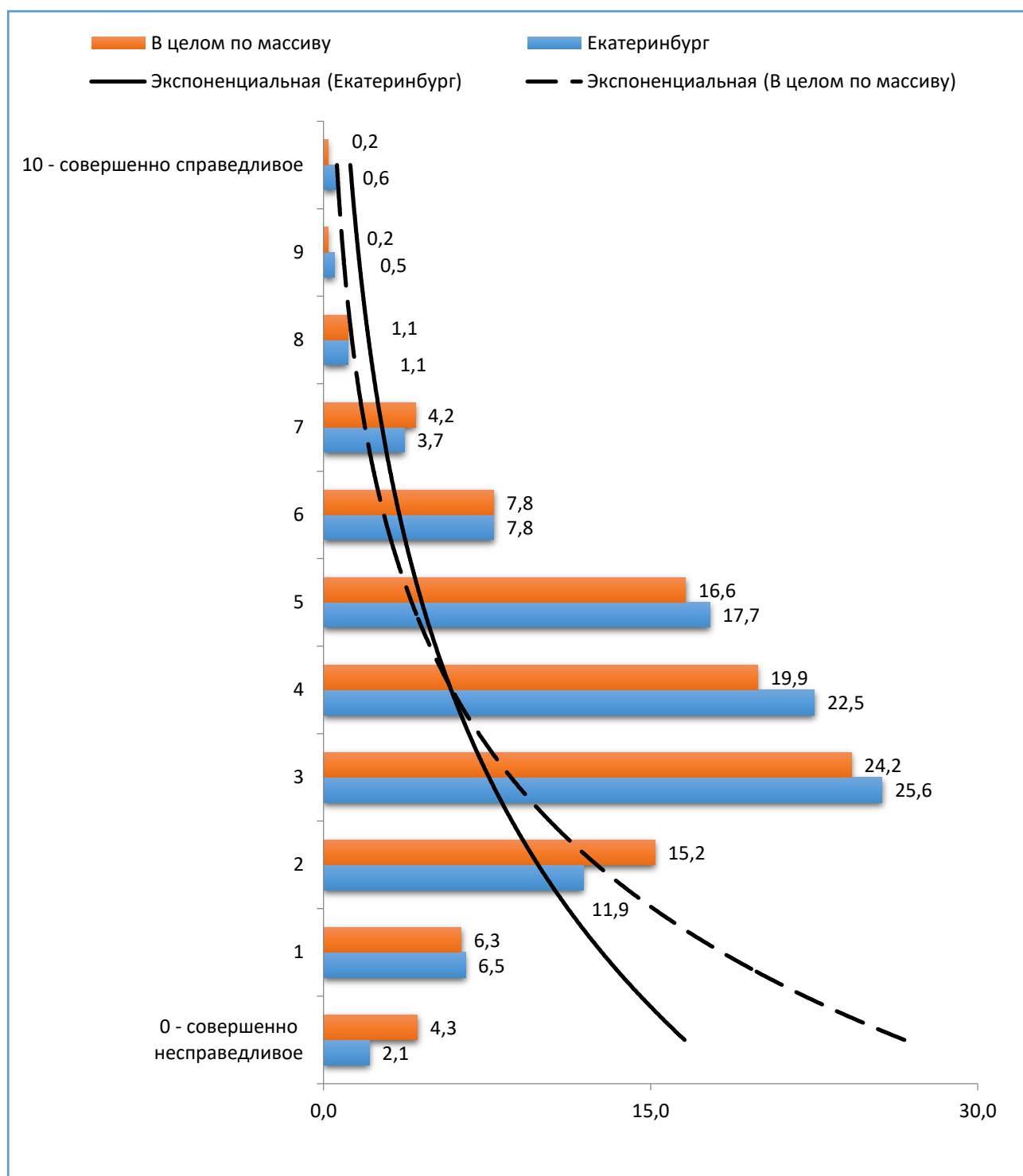

Рис. 12. Оценка справедливости современного российского общества (в % от числа ответивших).

С одной стороны, как у молодежи в целом, так и у студенчества существуют и фиксируются в исследованиях завышенные требования к социальному окружению, к любым проявлениям несправедливости и неравенства. С другой стороны, студенчество все-таки воспринимает социальные проблемы преиму-

щественно сквозь призму родительской семьи, а она находится у студентов в лучшем положении чем у молодежи в целом. Тем не менее, стоит отметить и влияние общей социальной ситуации в регионе. Начавшаяся реиндустриализация даже в условиях кризиса способствует возрождению старопромышленного региона, тем более в крупных и средних городах, где проживало до поступления в вуз большинство студентов Екатеринбурга.

Общая оценка в рамках опроса конкретизировалась открытыми вопросами о характеристиках справедливого и несправедливого общества. Несформированность представлений о справедливости и несправедливости у студентов проявилась в том, что многие из них (и не только в рамках онлайн-опроса) уклонились от возможности самостоятельно описать эти характеристики, предпочтя им ответы на закрытые вопросы.

Характеристики справедливого общества

Студентам было предложено оценить ряд характеристик справедливого общества по определенной шкале (N_n – число соответствующих ответов):

- +1 полностью согласен (N_1);
- +0,5 в основном согласен (N_2)
- 0 в чем-то да, в чем-то нет (N_3)
- 0,5 в основном не согласен (N_4)
- 1 совсем не согласен (N_5)

Индекс рассчитан по формуле (1):

$$И = (N_1 + 0,5 * N_2 - 0,5 * N_4 - N_5) / 100 \quad (1)$$

Выделим ряд узловых характеристик в оценках студентов. Это: отношение в сфере труда (табл. 6), к роли государства в обеспечении законности, демократии (табл. 7). бюджетной и налоговой сферах (табл. 8).

Заметно негативное отношение студентов к «уравниловке» в труде и доходах. Больше половины российских студентов (а на Урале еще больше) отвергли идею распределять все доходы между гражданами поровну. И более всего негативных оценок получил тезис о таком подходе в оплате труда одаренных людей: по мнению большей половины (53 %) за успехи, связанные с талантами, нужно платить особенно. Если учесть, что в мотивации студентов в выборе ими вуза и профессии все чаще отмечается уверенность, что этот выбор «соответствует моим способностям, склонностям», становится понятной прагматичность таких оценок. Срединное значение занимает позиция «все получают по труду», которую поддерживали две трети респондентов. Но в данном случае понятно и мнение, конкретизирующее это срединное положение: акцент в оценках студентов (возможно, с учетом формирующихся у них карьерных стратегий) признание разных доходов, но равных возможностей в продвижении. Таково мнение 3 из каждых четырех студентов. Более того, важно учесть происходящее сущностное изменение представлений о *социальной справедливости* – акцент все сильнее переносится с *равного доступа к труду* на *равный доступ к источникам развития, профессионального и социального роста*.

Таблица 6

Отношение студентов к труду и оплате труда в справедливом обществе, %
опрощенных, индекс (средний балл)

Характеристики СО	Полностью согласен (+1)	В ос- новном согласен (+0,5)	В чем-то да, в чем- то нет (0)	В основ- ном не согласен (-0,5)	Совсем не со- гласен (-1)	Индекс
Люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения						
В целом по массиву	46	28	17	6	3	0,54
Екатеринбург	43	31	18	6	2	0,54
Специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией						
В целом по массиву	33	40	20	5	2	0,48
Екатеринбург	33	40	18	7	2	0,48
Все люди получают по труду						
В целом по массиву	38	32	19	7	4	0,47
Екатеринбург	33	33	21	7	6	0,40
Руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники						
В целом по массиву	16	30	34	15	5	0,18
Екатеринбург	19	31	35	10	5	0,25
Все доходы распределяются поровну между всеми гражданами						
В целом по массиву	8	11	27	29	25	-0,26
Екатеринбург	7	8	29	29	27	-0,31
То, что люди получают от природы какие-то способности, таланты – чистая случайность. Поэтому несправедливо платить им больше, чем обычным людям						
В целом по массиву	5	9	33	31	22	-0,28
Екатеринбург	6	10	31	30	23	-0,27

Что касается различий в доходах, то студенты оценивают как справедливые те различия, которые связаны с характером труда (управленческий – исполнительский) и уровнем квалификации работника.

Три из четырех респондентов согласны (полностью или в основном) с мнением, что специалисты, имеющие высокую квалификацию, должны зарабатывать больше, чем работники с невысокой квалификацией. Чуть меньше, но почти каждый второй, согласен с мнением о том, что руководители должны иметь существенно больший доход, чем рядовые работники.

Важный аспект справедливого общества – его государственное устройство, способность власти управлять, развитие демократии, законности. В ряду предложенных характеристик справедливого общества студентам было предложено оценить соблюдение законности, в том числе и в конфликтных ситуациях, равноправие всех жителей страны, включая мигрантов, возможность граждан влиять на властные структуры, честность, открытость выборов, расстановку прио-

ритетов мнений в пользу большинства, сохранение прав и свобод каждого отдельного человека.

Таблица 7

Отношение студентов к роли государства в обеспечении законности, демократии в справедливом обществе, % опрошенных, индекс (средний балл)

Характеристики СО	Полностью согласен (+1)	В основ- ном со- гласен (+0,5)	В чем-то да, в чем-то нет (0)	В основ- ном не согласен (-0,5)	Совсем не согла- сен (-1)	Индекс
Все острые конфликты и противоречия решаются в суде						
В целом по массиву	22	32	34	9	3	0,30
Екатеринбург	23	32	34	8	3	0,32
Люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными						
В целом по массиву	16	33	39	8	4	0,24
Екатеринбург	14	40	37	6	3	0,28
Все – и местные, и приезжие из других регионов – имеют равные права						
В целом по массиву	18	29	34	14	5	0,21
Екатеринбург	16	31	35	14	4	0,21
Если большинство граждан материально благополучны, но у них нет возможности влиять на власть, общество не может считаться справедливым						
В целом по массиву	11	19	46	17	7	0,05
Екатеринбург	11	19	47	19	4	0,07
Если в обществе выборы проходят честно, оно может считаться справедливым, даже если большинство его граждан живет бедно						
В целом по массиву	7	20	43	21	9	-0,03
Екатеринбург	4	24	43	22	7	-0,02
Все решения принимаются в интересах большинства, даже если при этом страдают права меньшинств						
В целом по массиву	5	14	45	24	12	-0,12
Екатеринбург	5	13	45	25	12	-0,13
На первом плане права и свободы каждого отдельного человека, даже если при этом страдает большинство						
В целом по массиву	6	14	43	27	11	-0,12
Екатеринбург	5	15	43	27	10	-0,11

Прежде всего, отметим акцент студентов (каждого второго по массиву, чуть больше среди свердловских студентов) на правовых формах разрешения конфликтных ситуаций и проблем. Во многом это соотносится с тенденцией последних лет, которую выявил мониторинг свердловских студентов (1995–2016 гг.): все чаще студенты считают необходимым в защите своих прав обращаться в суд, полагаясь на справедливость его решения. Одновременно снижается готовность студентов к крайним формам защиты своих прав (голодовки, забастовки, демонстрации).

В целом, и это важный позитивный результат опроса, особенно в связи с расширением масштабов внутренней и внешней миграции в стране, положительное отношение к равноправию всех жителей страны, включая мигрантов. Почти каждый второй респондент и в целом по массиву, и на Урале поддержал именно такой подход к равноправию.

Вопросы демократии для студентов в оценке справедливого общества оказываются связанными с материальным благополучием. Практически совпало число согласных (30 % по массиву и Екатеринбургу) и несогласных (24 % по массиву и 23 % по Екатеринбургу) по такому утверждению: общество не может считаться справедливым, если большинство граждан материально благополучны, но у них нет возможности влиять на власть.

Близкое соотношение, но с перевесом несогласных (30 % по массиву и 29 % в Екатеринбурге) над согласными (27 % по массиву и 28 % по Екатеринбургу) выявилось в отношении связки бедности большинства граждан и честности выборов.

В условиях нарастающей индивидуализации российского общества понятны приоритеты студенческой молодежи в отношении прав меньшинств, защиты прав и свобод каждого отдельного человека. Почти два из каждых пяти респондентов считают несправедливым принятие решений в интересах большинства, если при этом страдают права меньшинств. Но столько же, и этом отражается парадоксальность сознания молодых людей, не считают справедливым выдвигать на первый план права и свободы отдельного человека, если при этом страдает большинство. Вновь можно говорить скорее не столько об индивидуализме молодого поколения россиян, сколько о более взвешенном отношении к проблеме большинства и меньшинства.

Понятно, что студенты менее компетентны в конкретных вопросах организации бюджетной и налоговой системы. Тем не менее, к их мнению как налогоплательщиков, а многих из них уже сегодня, и, тем более, завтра – бюджетников, стоит прислушаться. Четко прослеживается неприятие существующей ныне единой шкалы налогов (13%). Поддержку более половины респондентов получило требование прогрессивного налогообложения в отношении богатых. Более того, два из каждых четырех студентов считают справедливым установление верхнего предела доходов для богатых.

Но студенты, выросшие в постсоветскую эпоху, не продемонстрировали и готовности пересмотреть итоги приватизации и национализировать все предприятия. Лишь каждый пятый (а среди свердловских студентов – даже каждый шестой) считает это справедливым. В этом же ряду и оценка необходимости полного возврата средств в казну государства от использования природных ресурсов («природная рента»). По двум последним параметрам мнение студентов резко расходится с оценками взрослого (особенно пожилого) населения России. Возможно, поэтому политические лозунги с требованиями деприватизации для молодежи непривлекательны. Таким образом, у студенчества складывается постмодернистское сознание, которое в отношении к богатству является гораздо более взвешенным. От советской ориентации «отнять и разделить» совре-

менная молодежь переходит к установкам протестантской этики «мое богатство должно быть заработано».

Таблица 8

Отношение студентов к бюджетной и налоговой системе в справедливом обществе, % опрошенных, индекс (средний балл)

Характеристики СО	Полностью согласен (+1)	В основ- ном со- гласен (+0,5)	В чем-то да, в чем-то нет (0)	В основ- ном не согласен (-0,5)	Совсем не согла- сен (-1)	Индекс
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налогов больше, чем бедные						
В целом по массиву	31	26	26	10	7	0,32
Екатеринбург	28	26	29	9	8	0,29
Власть должна установить верхний предел доходов для богатых						
В целом по массиву	18	22	33	17	10	0,10
Екатеринбург	16	20	33	19	11	0,07
Деньги от использования природных ресурсов идут полностью в казну государства						
В целом по массиву	13	22	41	15	9	0,07
Екатеринбург	11	20	44	17	8	0,05
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо вернуть все предприятия государству						
В целом по массиву	9	13	41	21	15	-0,10
Екатеринбург	6	11	42	22	19	-0,19

Именно поэтому респонденты позитивно оценили *роль предприимчивости и предпринимательства* в устройстве справедливого общества (табл. 9).

Таблица 9

Отношение студентов к предпринимательству как черте справедливого общества, % опрошенных, индекс (средний балл)

Характеристики СО	Полностью согласен (+1)	В основ- ном со- гласен (+0,5)	В чем-то да, в чем-то нет (0)	В основ- ном не согласен (-0,5)	Совсем не согла- сен (-1)	Индекс
Каждый человек может заняться предпринимательством, создать свое предприятие						
В целом по массиву	30	35	25	8	2	0,41
Екатеринбург	31	32	27	9	1	0,42
Предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные						
В целом по массиву	26	32	29	9	4	0,33
Екатеринбург	27	35	23	10	5	0,35

Две трети респондентов уверены, что в справедливом обществе каждый человек должен иметь возможность заняться предпринимательством, создать свое дело. Не поддержал эту позицию лишь каждый десятый участник опроса.

Выясняется, что обнаруженная в рамках мониторинга свердловских студентов готовность каждого пятого создать свое дело связана не столько с легковесным пониманием бизнеса, сколько с установкой на реализацию своих способностей и профессиональных знаний и умений в активной творческой профессиональной деятельности. И здесь речь идет о творчестве не только как сфере искусства, художественном творчестве, а как о неотъемлемом качестве любой профессиональной, созидательной деятельности.

Одновременно три из каждых пяти (чуть больше в Екатеринбурге) полностью или в основном согласны, что предприимчивые люди должны жить лучше, чем люди пассивные.

Отношение студентов справедливому обществу не лишено *социальной окраски* (табл. 10).

Таблица 10

Отношение студентов к социальным чертам справедливого общества, % опрошенных, индекс (средний балл)

Характеристики СО	Полностью согласен (+1)	В основ- ном со- гласен (+0,5)	В чем-то да, в чем-то нет (0)	В основ- ном не согласен (-0,5)	Совсем не согла- сен (-1)	Индекс
Здравоохранение бесплатное						
В целом по массиву	50	24	19	5	2	0,58
Екатеринбург	43	24	23	7	3	0,49
Государство помогает детям из бедных семей встать на ноги, получить бесплатно образова- ние						
В целом по массиву	40	31	20	6	3	0,50
Екатеринбург	35	30	22	9	4	0,42
Необходимо обеспечить разумные потребности людей, даже если для этого придется лишить богатых части их доходов						
В целом по массиву	13	26	41	15	5	0,13
Екатеринбург	11	21	46	17	5	0,08

Прежде всего, отметим негативное отношение (оцениваемое как проявление несправедливости) к коммерциализации ведущих воспроизводства человеческого капитала – здравоохранения и образования. Трое из пяти опрошенных считают бесплатное здравоохранение неотъемлемой составляющей справедливого общества. Иного мнения придерживается лишь 7–10 % респондентов. Два из трех считают обязанностью справедливого государства помощь детям из бедных семей в получении бесплатного образования и профессиональной подготовке. Противоположного мнения по этому вопросу придерживается лишь 9–13 % респондентов.

Еще одна интересная тенденция: ради социальных целей (обеспечение разумных потребностей людей) не менее трети респондентов готовы на изъятие у богатых части их доходов, что вообще-то отличается от отмеченного выше

оправдания богатства, полученного законным путем и на основе честного труда. Но здесь встает еще один вопрос: насколько студенчество верит в законность происхождения богатства у современных богатых? К этому вопросу мы вернемся ниже, а закончим данный раздел нужно оценками о принципиальной достижимости справедливого общества (табл. 11).

Таблица 11

Отношение студентов к возможности утверждения справедливого общества, % опрошенных, индекс (средний балл)

Характеристики СО	Полностью согласен (+1)	В основ- ном со- гласен (+0,5)	В чем-то да, в чем-то нет (0)	В основ- ном не согласен (-0,5)	Совсем не согла- сен (-1)	Индекс
Можно сколько угодно говорить о справедливости, но СО никогда не было и не будет						
В целом по массиву	28	24	35	9	4	0,31
Екатеринбург	21	25	38	12	4	0,24

Как видим, большинство студентов полагает такую возможность утопичной, считая, что справедливого общества никогда не было и не будет. Среди свердловских студентов, у которых уровень образования родителей и материальное положение родительской семьи несколько выше, чем в среднем по России, и среди которых несколько больше жителей крупных и средних городов, оптимизм проявляется сильнее.

Бедность и богатство

Общее представление о справедливости и несправедливости, равенстве и неравенстве в ходе опроса конкретизировалось на примере оценок факторов, определяющих богатство и бедность в современном российском социуме. Респондентам предлагалось оценить частоту проявления возможных причин бедности и богатства по шкале (N_n – число соответствующих ответов):

- 0 Никогда (N_1);
- 1 Редко (N_2)
- 2 Иногда (N_3)
- 3 Часто (N_4)
- 4 Очень часто (N_5)

Индекс рассчитан по формуле (2):

$$И = (1 \cdot N_2 + 2 \cdot N_3 + 3 \cdot N_4 + 4 \cdot N_5) / 100 \quad (2)$$

За основу типологического анализа нами был взят подход социологов Института социологии, обосновавших методологию исследования и предложивших инструментарий (и для регионального исследования в Свердловской области, и для федерального исследования РОС).

Среди представлений студенчества о причинах бедности ими было выделено четыре группы причин:

1) бедность понимается как явление, вызванное социальной природой российского общества;

2) на первый план выходят неравенства и эксклюзия;

3) подчеркивается значение личных порочных пристрастий – пьянства и наркомании – во взаимосвязи с плохими условиями взросления;

4) акцентируются личностные, индивидуальные качества, либо способствующие продвижению, либо тормозящие его.

Рассмотрим каждый из этих факторов.

В ряду трактовок бедности как явления, вызванного социальной природой российского общества (табл. 12), преимущественно оказались факторы, оценки частоты которых находятся в среднем диапазоне (у свердловских студентов – от 2,28 до 1,71; по массиву в целом – от 2,40 до 1,61).

Таблица 12

В российском обществе весомую его долю составляет бедняки, которым не хватает денег даже на полноценное питание, не говоря обо всем остальном. Как

Вы думаете, как часто их бедность вызвана следующими причинами?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Политика правительства в пользу богатых						
В целом по массиву	5	17	29	31	18	2,40
Екатеринбург	4	23	31	30	12	2,23
Политика хозяев предприятия, недоплачивающих работникам						
В целом по массиву	3	15	34	36	12	2,39
Екатеринбург	3	17	37	35	8	2,28
Дети из бедных семей не могут пробиться наверх						
В целом по массиву	5	16	32	31	16	2,37
Екатеринбург	6	19	36	29	10	2,18
Нарушение законов, гарантирующих людям равные возможности						
В целом по массиву	4	23	38	24	11	2,15
Екатеринбург	3	24	41	20	12	2,14
Застой в экономике, отсутствие ее развития						
В целом по массиву	5	23	35	27	10	2,14
Екатеринбург	4	22	39	29	6	2,11
Конкуренция со стороны мигрантов						
В целом по массиву	8	34	34	18	6	1,80
Екатеринбург	8	34	33	20	5	1,80
Препятствия, чинимые людьми иной национальности						
В целом по массиву	12	38	32	13	5	1,61
Екатеринбург	10	35	33	18	4	1,71

Наиболее распространенными среди них, по оценкам студентов, являются: политика хозяев предприятия, недоплачивающих работникам, и политика правительства в пользу богатых. Если в целом для российского студенчества

характерны *прокапиталистические* установки, то проявления «дикого» олигархического *капитализма* подвергаются им резкой критике и отвергаются. Особенно значимыми в представлениях студентов причинами социальными причинами бедности являются *закрепление социального неравенства*, когда дети из бедных семей в силу низкой стартовой позиции фактически лишены возможности профессиональной и социальной карьеры (что эта причина проявляется часто и очень часто отметили два из каждых пяти свердловских студентов и каждый второй в целом по России), и *ограниченность формального равенства*, когда, казалось бы, равноправие провозглашено и законодательно закреплено, но реально эти законы нарушаются и не выполняются (частота проявления этой причины отмечена каждым третьим респондентом). Менее значимыми студенты считают причины бедности, связанные с *конкуренцией со стороны мигрантов* (частота проявления отмечена каждым четвертым) и *дискриминацией по этнической принадлежности* (отмечена каждым пятым). Особенно это характерно для уральских студентов, что связано, очевидно, со значительной этнической однородностью региона, а в отношении мигрантов – их преимущественной конкуренцией не с работниками высококвалифицированного интеллектуального труда (именно такая работа – перспектива для большей части студентов), а с работниками неквалифицированного тяжелого физического труда.

В рамках *второй группы причин бедности* (табл. 13) также оказались факторы, частота проявления которых, по оценкам респондентов, не очень велика. Лишь один из четырех свердловских студентов соотносит бедность с *низким качеством образования* (кстати, столько же уверены, что данный фактор не сказывается совсем или крайне редко).

Таблица 13

В российском обществе весомую его долю составляет бедняки, которым не хватает денег даже на полноценное питание, не говоря обо всем остальном. Как

Вы думаете, как часто их бедность вызвана следующими причинами?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Низкое качество образования, которое они получают						
В целом по массиву	4	28	39	23	6	1,99
Екатеринбург	5	23	45	19	8	2,02
Ущемление прав по возрастному признаку						
В целом по массиву	7	33	37	17	6	1,82
Екатеринбург	6	34	38	18	4	1,80

Многолетний мониторинг свердловского студенчества (1995-2016 гг.) показывает, что самооценки качества полученного и получаемого образования чаще всего студентами завышаются. С этим, возможно, и связаны указанные представления.

Сегодня в образовательных организациях преобладают одновозрастные коллективы обучающихся, поэтому студенты, как правило, редко сталкиваются с *дискриминацией по возрастному принципу*. Более того – с точки зрения пер-

спектив их трудоустройства после окончания вуза – нужно учитывать и происшедшую за годы реформ деформацию возрастной структуры многих производственных и бюджетных организаций России – вымывание работников среднего возраста и преобладание работников из крайних возрастных групп (пенсионеры, лица предпенсионного возраста – молодежь). Все это и отразилось в оценках студентов: о том, что бедность крайне редко связана с ущемлением прав по возрастному признаку, высказалось вдвое больше респондентов (два из каждых пяти), чем отметивших частоту такой связи.

При определенной недооценке социальных причин бедности студенты достаточно высоко оценили значимость причин, связанных с *поведением личности*, особенно с *деформациями этого поведения* (табл. 14).

Таблица 14

В российском обществе весомую его долю составляет бедняки, которым не хватает денег даже на полноценное питание, не говоря обо всем остальном. Как Вы думаете, как часто их бедность вызвана следующими причинами?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Пьянство, наркомания						
В целом по массиву	1	4	16	41	38	3,11
Екатеринбург	2	3	15	39	41	3,14
Плохие условия воспитания, взросления						
В целом по массиву	2	8	31	41	18	2,65
Екатеринбург	3	7	23	47	20	2,74

Четыре из каждых пяти студентов (и среди свердловских студентов, и в целом по массиву) соотнесли бедность с *пьянством и наркоманией*. Для трех из каждых пяти респондентов особенно тревожно *воспроизводство бедности в неблагополучных семьях*. Они напрямую связывают бедность с *плохими условиями воспитания, взросления*.

Наконец, четвертую группу причин бедности составляют те личностные, индивидуальные качества, которые способствуют или тормозят социальное и профессиональное продвижение (табл. 15).

Чаще других в этой группе причин (у четырех из пяти свердловских студентов, у трех из четырех респондентов в целом по массиву) отмечается *лень, отсутствие желания работать*. Представляется, что подобные оценки связаны с уже отмеченным выше пониманием роли предпринимательства и личной предприимчивости в достижении жизненных и профессиональных успехов. Вероятно, по этой же причине почти три из каждых пяти респондентов не видят тесной взаимосвязи бедности и *отсутствия способностей, талантов*. Для какой-то части студенчества тут был значим личный опыт предшествующего обучения в массовой общеобразовательной школе, где, по данным многочисленных исследований, не прослеживается прямой связи между академическими успехами и материальным положением родительской семьи. Да и получивший

в молодежной среде вопрос, обращенный к старшему поколению: «Если вы такие умные, почему вы такие бедные?» – отражает отмеченный разрыв.

Таблица 15

В российском обществе весомую его долю составляет бедняки, которым не хватает денег даже на полноценное питание, не говоря обо всем остальном. Как

Вы думаете, как часто их бедность вызвана следующими причинами?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Лень, отсутствие желания работать						
В целом по массиву	1	5	19	37	38	3,06
Екатеринбург	2	4	14	37	43	3,15
Плохое здоровье, инвалидность						
В целом по массиву	2	15	45	29	9	2,28
Екатеринбург	2	17	45	28	8	2,23
Невезение						
В целом по массиву	15	37	34	11	3	1,50
Екатеринбург	12	40	31	14	3	1,56
Отсутствие способностей, талантов						
В целом по массиву	14	44	32	8	2	1,40
Екатеринбург	14	40	33	12	1	1,46

В отношении двух других факторов (плохое здоровье, инвалидность – невезение) проявляется различие в оценках. Два из каждых пяти респондентов отмечают прямую взаимосвязь между бедностью и *плохим здоровьем, инвалидностью человека*; почти вдвое меньше тех, кто оценивают эту связь как слабую. Возможно, сказывается отставание в развитии *инклюзивного образования* в российском социуме (хотя в последние годы серьезные шаги к его преодолению сделана – и в стране в целом, и в Свердловской области). Нельзя не учитывать и медленность переориентации общественного мнения в отношении инвалидов (от социальной защиты, помощи, поддержки к социальной реабилитации). В этой связи массовая протестная реакция россиян по поводу запрета участия нашей команды в Паралимпийских играх в Рио (2016) (с главной аргументацией – это антигуманное, бесчеловечное решение, ведь для инвалидов спорт – это возвращение к полноценной, полноценной жизни) может рассматриваться и как стремление (фактор!?) ускорить эту переориентацию.

Напротив, каждый второй респондент отверг прямую связь бедности с *невезением* (наличие этой связи отметил лишь один из каждых шести опрошенных). Вновь проявляется установка студенчества на определяющую роль предприимчивости в достижении высокого социального статуса. Конкретное проявление этой установки применительно к оценке роли случайности, удачи звучно известному афоризму У. Фолкнера «Только и слышишь, как лень называют невезением».

В отношении *причин богатства* была использована аналогичная шкала, расчет индекса проводился по той же формуле.

Среди факторов, определяющих богатство, социологи Института социологии РАН выделили пять групп:

1) подчеркивается значимость *личностных качеств – таланта, трудолюбия, трезвого образа жизни, крепкого здоровья;*

2) выделяются *внешние условия, способствующие нормальному развитию бизнеса,* – экономический рост и поощрение предпринимательства правительством страны;

3) подчеркивается *значение внешних обстоятельств, но характеризуются они со знаком минус:* чтобы добиться богатства приходилось нарушать закон и включаться в криминальные структуры;

4) отмечается значимость *полезных связей и, прежде всего, наличие влиятельных родственников;*

5) отмечается значение таких характеристик претендента на богатство, как его *этническая принадлежность и везение.*

Вновь рассмотрим конкретно каждую из указанных групп факторов.

В оценке личностных качеств заметно противопоставление характеристики причин бедности (табл. 16).

Таблица 16

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Трудолюбие						
В целом по массиву	2	9	22	36	31	2,85
Екатеринбург	2	6	19	37	36	2,99
Умение рисковать						
В целом по массиву	2	8	28	41	21	2,71
Екатеринбург	2	8	27	42	21	2,72
Трезвый, разумный образ жизни						
В целом по массиву	4	17	34	34	11	2,31
Екатеринбург	2	16	35	36	11	2,38
Талант, способности						
В целом по массиву	3	17	36	35	9	2,30
Екатеринбург	3	14	34	39	10	2,39
Крепкое здоровье, сила						
В целом по массиву	3	17	42	28	10	2,26
Екатеринбург	1	14	41	32	12	2,40

Убежденность, что пьянство и наркомания – прямой путь к нищете и бедности, определяет прямое соотнесение богатства с *трезвым, разумным образом жизни* (такова позиция почти каждого второго; противоположного мнения

придерживается лишь каждый пятый респондент). Отвергнув тесную связь бедности с отсутствием таланта, способностей, студенты (почти каждый второй, особенно среди свердловских студентов) применительно к богатству такую связь подчеркнули, что еще раз отразило приоритетную установку студенчества на предприимчивость и предпринимательство. Эта же установка определила и позицию большинства (трех из четырех свердловских студентов, двух из каждых трех респондентов в целом по массиву) в отношении понимания: *богатства создаются, благодаря серьезным усилиям, стать богатым невозможно без трудолюбия*. Распространение такого понимания в студенческой среде (а, значит, и вытеснение образа богатея-грабителя времен «первоначального накопления», «лихих» 1990-х, навеянного фильмами типа «Бригада» или «Бандитский Петербург») – один из важнейших позитивных результатов исследования.

Соотнесение богатства с трудом, усилиями определяет и растущее понимание *важности крепкого здоровья* для того, чтобы заниматься предпринимательской деятельностью. Для каждого двух из пяти респондентов (среди молодых свердловчан чуть больше, чем в среднем по массиву) такое понимание уже присуще.

В русле отмеченной предпринимательской ориентации студентами выделено и такое важнейшее качество предпринимателя, как *умение рисковать*: 2/3 респондентов подчеркнули тесную связь между формированием такого умения и успехом в достижении материального благополучия, высокого социального статуса и карьерного роста. При этом конкретные исследования отношения свердловских студентов к инновационной и предпринимательской деятельности позволяют сделать вывод, что чаще всего (в 70-80% ситуаций) речь идет *не о безрассудном, необдуманном риске*. Важно и то, что среди студентов растет понимание: в современном «обществе риска» (У. Бек) *самый большой риск – это риск «ничегонеделания»*. Готовность рисковать и одновременно способность предвидеть последствия своих действий, нейтрализовать (или хотя бы уменьшить) возможные негативные последствия – все это определяет растущую значимость, которую студенты придают *объективным факторам* достижения богатства, материального благополучия (табл. 17).

Среди этих факторов респонденты (2/3 и среди свердловских студентов, и по массиву в целом) выделяют роль *хорошего* (качественного) *образования*. Сказывается зафиксированная в рамках мониторинга свердловского студенчества (1995–2016 гг.) переориентация в инструментальных ценностных установках – в сторону все более высокой оценки роли образования).

Образование, полученное в государственных вузах, считается более качественным и, кроме того, востребованным у работодателей. Результаты опросов свидетельствуют, что именно качество образования играет главную роль при выборе высшего учебного заведения. Наличие в вузе нужной специальности и перспективы будущего трудоустройства в мотивации абитуриентов уходят на второе и третье место.

Таблица 17

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Хорошее образование						
В целом по массиву	1	7	26	42	24	2,81
Екатеринбург	1	5	26	44	24	2,85
Раздача госсобственности в период приватизации						
В целом по массиву	4	19	38	24	15	2,27
Екатеринбург	4	17	41	25	13	2,26
Политика правительства, поощряющая предпринимательство						
В целом по массиву	4	17	38	32	9	2,25
Екатеринбург	3	16	37	35	9	2,31
Благоприятствующие законы						
В целом по массиву	4	20	44	23	9	2,13
Екатеринбург	4	18	50	22	6	2,08
Развитие экономики						
В целом по массиву	4	24	44	21	7	2,03
Екатеринбург	3	22	44	23	8	2,11

Представляет интерес соотнесение оценок роли хорошего образования и уровня материального благополучия студентов, семьи их родителей (табл. 18).

Таблица 18

Оценка взаимосвязи хорошего образования и достижения богатства в зависимости от материального положения родительской семьи респондентов,
% от группы

Частота проявления связи	Тип родительской семьи по уровню материального благосостояния					
	I	II	III	IV	V	VI
Никогда (0)	9	2	1	1	1	4
Редко (1)	10	12	7	6	6	8
Иногда (2)	20	29	29	28	23	21
Часто (3)	51	34	41	42	44	35
Очень часто (4)	10	23	22	23	26	33
Индекс рассчитан по формуле (2)	2,44	2,62	2,75	2,80	2,87	2,86

Прослеживается четкая тенденция: чем состоятельнее родительская семья, тем чаще респонденты отметили значимость хорошего образования как фактора достижения успеха, богатства. В то же время анализ образования родителей показывает парадоксальное явление: в семьях низкого достатка у многих

студентов родители имеют высшее образование (отцы – 28 %, матери – 27 %). Очевидно, эти данные отражают большую доступность высшего образования в советский период. Впрочем, выясняется и печальный факт: полученное образование не позволило им в сложных условиях первоначального накопления капитала достичь достойного уровня материального благосостояния. Именно эта группа интеллигенции составила ряды тех, кого относят к «новым бедным», работающим, чей заработок не позволяет вести сносный образ жизни.

Все *большей поддержки предпринимательства* требуют студенты (два из каждых пяти, среди свердловских студентов чуть больше) от различных властных структур. И в этом есть своя логика. В свете предпринимательских установок студенчества поддержка малого и среднего бизнеса приобретает дополнительный *социальный смысл* – расширение сферы реализации социального потенциала молодежи.

Как уже отмечалось, основная часть приватизации произошла в самом начале социализации нынешних студентов. Поэтому лозунги деприватизации им не очень понятны и не могут их особенно привлекать. Но сказывается и влияние социальной (особенно – семейной) среды. Этим, очевидно, объясняется тот факт, что *раздача государственной собственности* рассматривается частью из них как важный источник формирования слоя богатых людей в современной России. Однако для молодежи сегодня важнее даже не источник богатства (стереотип «Не в деньгах счастье, ... а в их количестве» был привит многим молодым людям), а его эффективное (или неэффективное) использование для развития экономики. Именно последний момент, заметно обострившийся в связи с финансово-экономическим кризисом, отразился в оценках студентов, которые по параметру *роли развития экономики* дали наиболее противоречивые ответы. Чаще всего (двое из каждых пяти) выбирали срединное значение («иногда»), доли противоположных ответов («никогда», «редко», – с одной стороны, «часто», «очень часто», – с другой) были почти одинаковы. Аналогичной была ситуация и по параметру *«благоприятствующие законы»*. Во многом это связано с тем, что ситуация, четко описанная в известных афоризмах П. А. Вяземского («В России суровость законов умеряется их неисполнением») и М. Е. Салтыкова-Щедрина («Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения»), изменяется к лучшему крайне медленно.

Отмеченная переориентация – от источника богатства к тому, насколько они эффективно используются, – отнюдь не означает равнодушие студентов к источникам богатства. В рамках анализа третьей группы факторов это особенно проявилось (табл. 19).

Для многих студентов (среди свердловских студентов чуть меньше, чем в целом по массиву, но в среднем для двух из каждых пяти) очевидно, что в современной России добиться богатства можно лишь, нарушая закон, совершая преступления, будучи включенным в криминальные структуры. Словом, стереотип «От трудов праведных не нажить палат каменных» все еще распространен в студенческой среде. Недавние громкие коррупционные скандалы, фигурантами которых были губернаторы и сотрудники правоохранительных орга-

нов, подпитывают этот стереотип, порождая у молодежи сомнение в возможности победить коррупцию, преодолеть «беспредел».

Таблица 19

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Нарушения закона, преступления						
В целом по массиву	6	17	31	30	16	2,33
Екатеринбург	7	18	34	30	11	2,20
Включенность в криминальные структуры						
В целом по массиву	5	20	34	27	14	2,25
Екатеринбург	5	23	35	25	12	2,16

И все-таки – и это еще один позитивный результат исследования – молодежь все чаще соотносит путь к богатству с *социальным капиталом* (табл. 20).

Таблица 20

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Полезные связи						
В целом по массиву	1	3	10	30	56	3,37
Екатеринбург	1	4	14	25	56	3,31
Помощь семьи, родных						
В целом по массиву	2	8	25	35	30	2,83
Екатеринбург	2	11	27	35	25	2,70
Правильное воспитание в семье						
В целом по массиву	3	16	35	35	11	2,35
Екатеринбург	1	14	34	40	11	2,46

Наличие полезных связей студенты поставили на первое место среди всех источников достижения богатства (таково мнение более 4/5 респондентов). Отметим, опираясь на результаты мониторинга свердловских студентов (1995-2016 гг.), серьезные изменения в трактовке самих этих связей (все чаще преодолевается их сведение к «блату», все чаще для работающих студентов эти связи охватывают их коллег по работе). На третьем месте (пропустив на второе место трудолюбие) по оценкам студентов (в диапазоне 2/3 – 3/5) оказался такой источник, как *помощь семьи, родных*. Если учесть смещение выборки в сторону студентов I-II курсов, то позиция студентов станет более понятной. Но есть и важный нюанс – для каждого второго респондента помощь семьи не сводится к

материальной поддержке, не ограничивается ею. Не меньшую значимость, по их мнению, имеет *правильное воспитание в семье*.

Наконец, завершая анализ данного аспекта проблемы, обратим внимание еще на два параметра, оцениваемых участниками опроса (табл. 21).

Таблица 21

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
Везение						
В целом по массиву	4	22	40	26	8	2,12
Екатеринбург	3	18	42	30	7	2,20
Принадлежность к какой-либо национальности						
В целом по массиву	18	42	26	11	3	1,39
Екатеринбург	18	46	24	9	3	1,33

Примечательно различие в оценках *невезения-везения* в соотношении с *бедностью-богатством*. Если лишь немногие увидели в невезении причину бедности, то значительно бóльшая часть респондентов (двое из каждых пяти среди свердловских студентов, каждый третий в целом по массиву) посчитала – достичь богатства без везения сложнее и труднее. Размышляя об этой позиции, начинаешь понимать справедливость слов Луи Пастера: «Удача выбирает того, кто к ней готов».

Напротив, как и в отношении к бедности, респонденты (в диапазоне 2/3 – 3/5) не отметили прямой связи достижения богатства с *принадлежностью к какой-либо национальности*.

Справедливость и неравенство в сфере образования

Общие представления о неравенстве и справедливости в рамках опроса конкретизировались применительно к отдельным сферам жизнедеятельности.

Начнем анализ с основной для студенчества сферы – образования.

На наш взгляд, наиболее полно проблема *образовательного неравенства* исследована профессором Д. Л. Константиновским, который, изучая жизненные планы российской молодежи и их реализацию в сфере образования, выделил три базовых блока, позволяющих анализировать *стратификацию в образовательных общностях* [Константиновский, 2008, с. 25–29]. Это

– *привлекательность профессии*, базирующаяся на ценностных ориентациях и объясняющая профессиональный выбор молодого человека, его место в образовательной системе и – далее – в реальном секторе экономики;

– *личные планы*, выстраивающиеся на основе учета объективных и субъективных факторов, конкретизирующие профессиональные предпочтения;

– наконец, *шансы* «на реализацию возможностей, предоставляемых обществом» [Константиновский, 2008, с. 28].

Таким образом, если собственно освоение профессиональных знаний и ценностей – объединяющий признак для студенчества, то результат этой деятельности выступает как основной дифференцирующий фактор.

Обратим внимание еще на один аспект дифференциации студенчества, непосредственно вытекающий из ценностных ориентаций и влияющий на формы, характер и уровень освоения профессиональных компетенций. Это исследованная А. В. Соколовым интеллектуально-нравственная дифференциация, основывающаяся на соотношении положительных и отрицательных черт характера [Соколов, с. 92–95]. Изучая студентов как будущую интеллектуальную элиту, он в качестве интегрирующей характеристики обозначил образованность и креативность, дифференцирующей – этическим самоопределением. В результате автор делит общность на *интеллигентов* (характеризующимся альтруистической направленностью, отказом от насилия и благоговением перед культурой) и *интеллектуалов* (в противовес первым ориентированным на эгоистические установки, допустимость насилия и утилитарное потребление культуры). Очевидно, что у этих типов студентов по-разному будет проходить как выбор профессии, так и способ (а, следовательно, и качество) ее освоения – кто-то будет «вымаливать пятерку», а кто-то «до последнего грызть гранит науки».

Очевидно, что *интеллектуальная элитарность студенчества* – свойство, детерминированное самой образовательной системой, – в студенты попадают лишь прошедшие достаточно жесткий отбор. И студенты Свердловской области в этом отношении почти не отличаются от своих «коллег по скамье» (Рис. 13): число аутсайдеров не превышает 20 %.

Рис. 13. В Вашем итоговом школьном аттестате, каких оценок/баллов было больше, а каких меньше? (% от числа ответивших; пропуски 0,23%).

В ответах на данный вопрос проявились сильные *гендерные различия* (табл. 22).

Таблица 22

В Вашем итоговом школьном аттестате, каких оценок/баллов было больше, а каких меньше? (распределение по полу, % по группе)

Варианты ответов	Муж.	Жен.
Только низкие, тройки	3,2	0,0
Несколько ниже средних, в основном тройки	10,2	1,4
В основном средние, пополам тройки и четверки	27,3	12,8
В основном высокие, четверки или пятерки	53,5	73,5
Только высокие, пятерки	5,9	12,3

Заметен резкий перекося у юношей в пользу преобладания в итоговом школьном аттестате троек, троек и четверок (одних троек у девушек вообще нет; наличие в основном троек они отмечают почти в 7 раз реже; получение аттестата, где пополам троек и четверок, признали каждый четвертый юноша и вдвое меньше девушек). У девушек аналогичный перекося проявляется в отношении аттестатов с четверками, пятерками (в 1,5 раза чаще, чем у юношей) и только с пятерками (в 2 раза чаще). Отмеченные перекося вряд ли отражают предвзятость (несправедливость) отношения педагогов к юношам. Скорее речь идет о бóльшей ориентации девушек на продолжение образования в вузе (одно из проявлений феминизации высшего образования), их бóльшем прилежании в учебе и бóльшем стремлении к получению высоких результатов ЕГЭ.

При этом студенты признают относительно высокую степень объективности таких оценок (рис. 14).

Рис. 14. В школах бывают разные ситуации, на мнение учителя часто влияют не только успехи ученика, но и личные симпатии или антипатии. По Вашему мнению, как часто школьные учителя были к вам справедливы или несправедливы, выставляя Вам отметки (в % от числа ответивших; пропуски – 0,33%).

С субъективным отношением к себе, выразившимся в несправедливых оценках, столкнулись не более четверти респондентов, и 5 % в среднем по России (6 % в Екатеринбурге) столкнулись с проблемой справедливости оценки их знаний.

Но и по этому вопросу различия по полу в мнениях студентов вузов Екатеринбурга достаточно значимы: юноши несколько чаще отмечают несправедливость в оценке их учебы («всегда оценивалась несправедливо» – 4%, у девушек – 1%; «половина оценок были справедливы, половина нет» – 25%; у девушек – 19%). Напротив, они реже (каждый второй; у девушек – три из каждых пяти) считают, что в большинстве случаев их учеба оценивалась справедливо.

Опрос студентов Екатеринбурга, как и федеральное исследование РОС о социальном неравенстве не выявляли уровень успеваемости студентов в вузе. Однако мы в этом случае можем опереться на данные федерального исследования 2013 г., проведенное под руководством Д. Л. Константиновского [Константиновский, 2014, с. 496] (рис. 15).

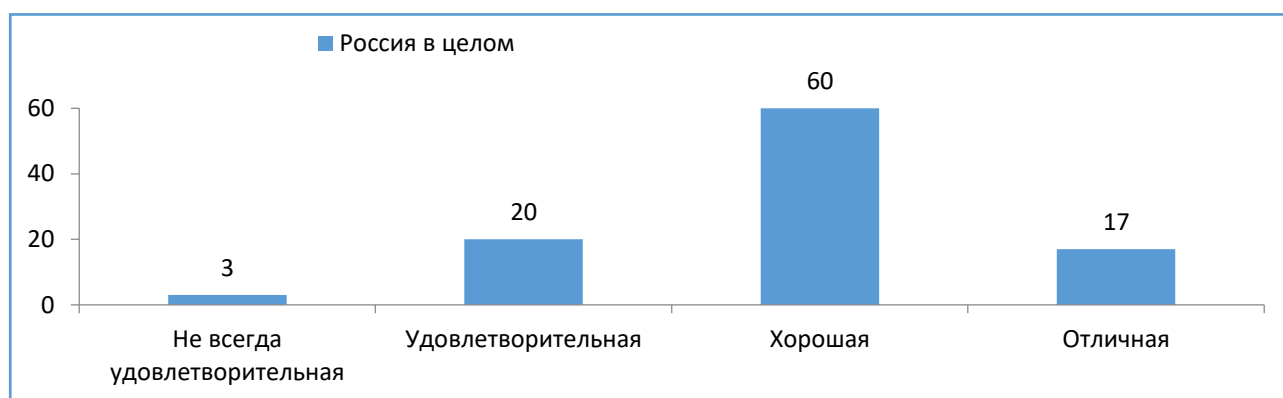

Рис. 15. Оценка студентами успеваемости в вузе, %.

Несмотря на разницу в выборке и во времени проведения опроса, общая тенденция сохраняется – группы «троечников», «хорошистов» и «отличников» «перетекли» из общеобразовательной школы в вуз. Характерно, что в вузе, как и в школе, сохранилась вполне объективная (фактически копия школьной), по мнению респондентов, система оценок их знаний (рис. 16).

В результате мы имеем возможность дать общие прогностические оценки качества будущих профессионалов уже на стадии завершения общего образования. На сегодня «отлично обученным» окажется менее чем каждый пятый студент, «хорошо» – каждые трое из пяти, около четверти – мало кого из работодателей удовлетворяющие «троечники».

Соглашаясь с мнением В. Н. Шубкина о сложности, вернее – практической невозможности «установить конкретные, строго отдифференцированные, мотивы которыми руководствуются люди, рассматривая привлекательность той или иной профессии» [Шубкин, с. 160], отметим, что и в условиях Единого государственного экзамена аттестат по-прежнему является дифференцирующим фактором.

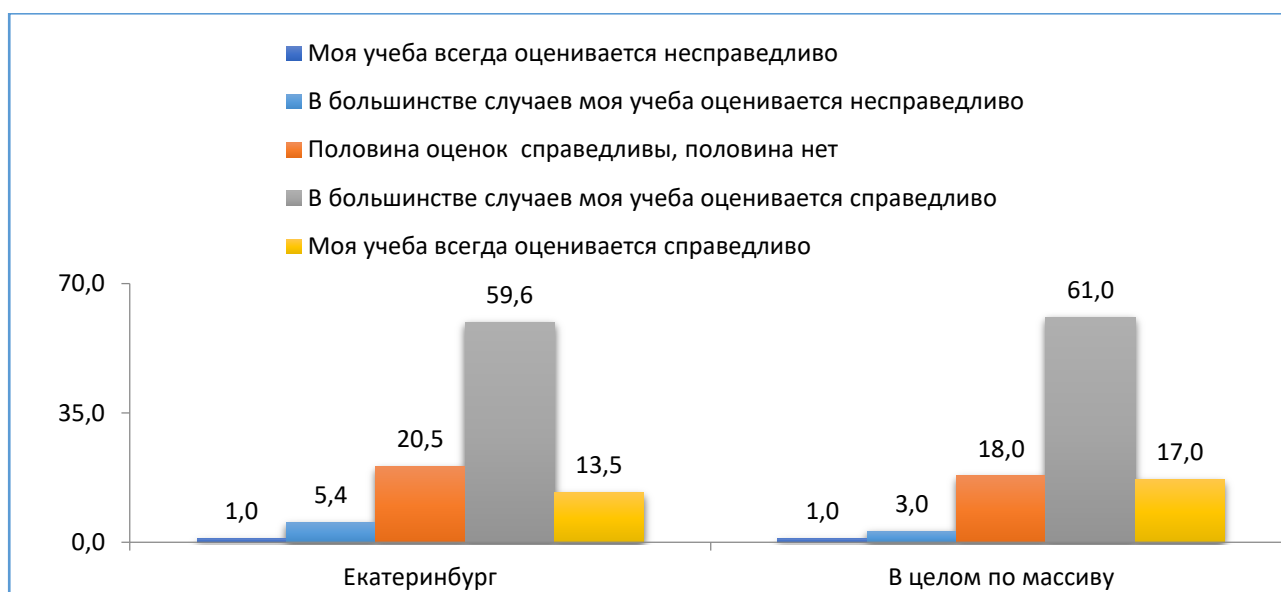

Рис. 16. Оценки справедливости оценок, получаемых студентами в вузе, % опрошенных

Только медицинские направления подготовки оказались «защищенными» от студентов с первоначально низким уровнем знаний при том, что именно студенты – «медики» несколько чаще высказывались о необъективности оценки их знаний (рис. 17–18).

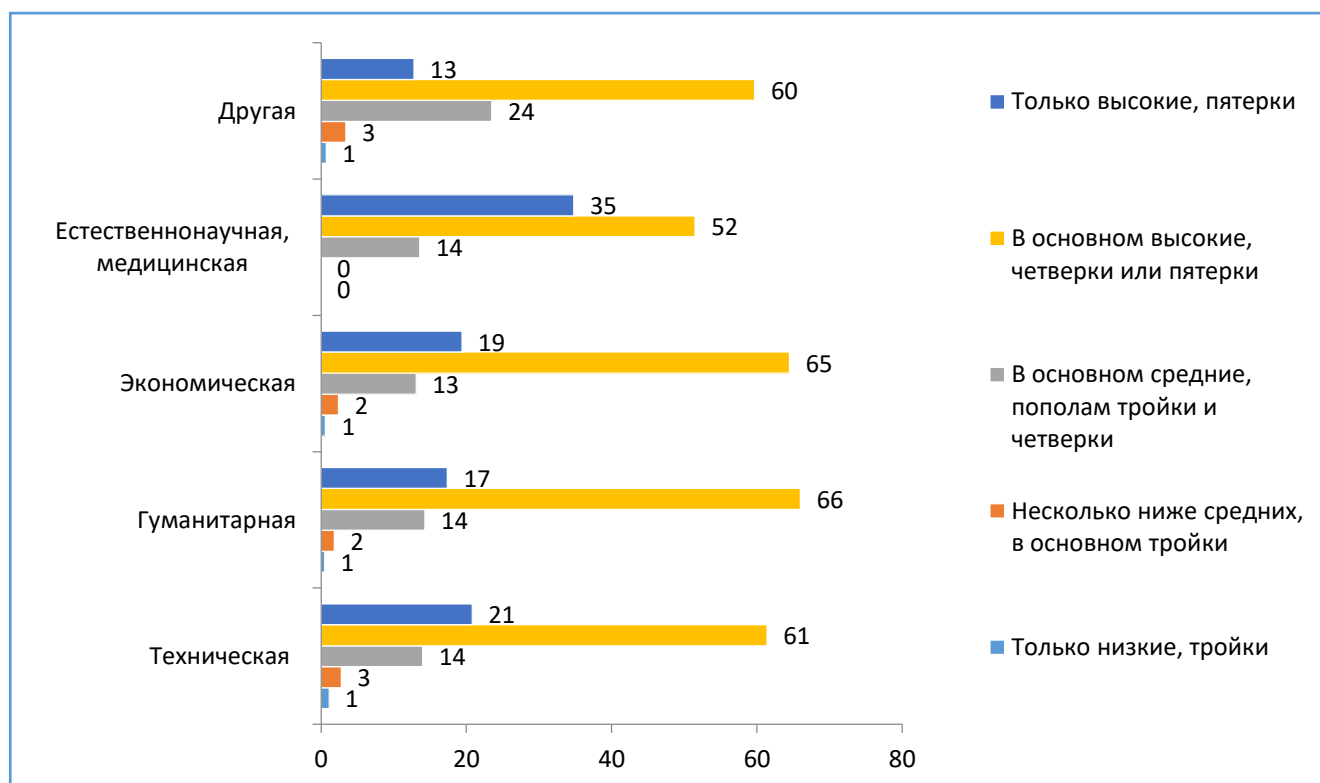

Рис. 17. Распределение респондентов по уровню школьных оценок (итоговый аттестат) в зависимости от получаемого в вузе направления образования, % опрошенных (пропуски– 1,6 %).

Анализ распределения ответов респондентов об объективности оценок в вузе в зависимости от специальности существенных отличий не дал и в целом повторил тенденции относительно школьных оценок.

На мнения студентов об объективности (или необъективности) оценок их учебы в школе и вузе можно посмотреть и с точки зрения *интеллектуально-мотивационной стратификации современного студенчества*.

Для обеспечения качественного обучения и достижения поставленных задач в сфере образования необходим дифференцированный подход к студенческой молодежи. Объединяемая по формальному признаку, данная общность весьма дифференцирована по многочисленным признакам, начиная от половозрастных характеристик, заканчивая мотивационными аспектами, не теряющими своей актуальности.

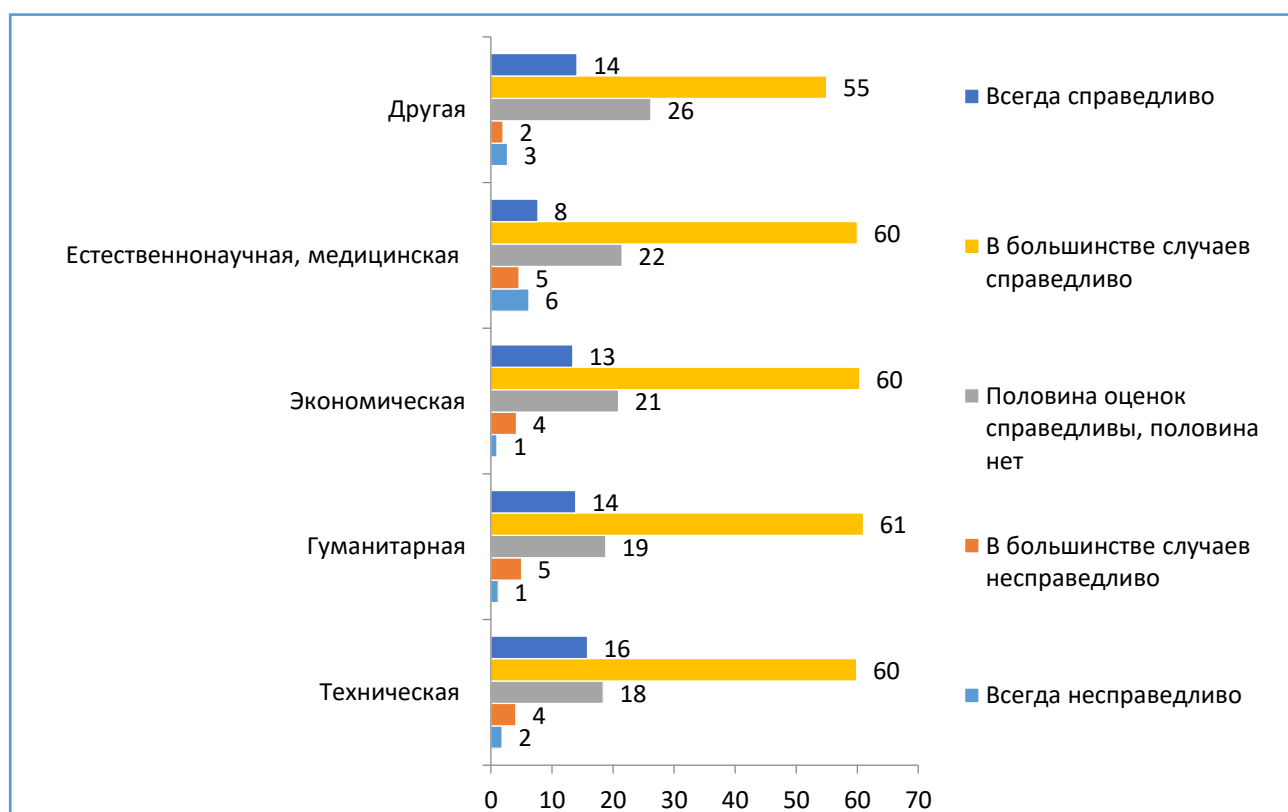

Рис. 18. Распределение представлений студентов о справедливости их школьных оценок в зависимости от направления вузовского обучения, % опрошенных.

Среди содержательных и процессуальных теорий мотивации, особое значение, на наш взгляд, имеет теория справедливости Врума, которая анализирует устойчивость мотивационных систем. Теория ожиданий В. Врума определяет мотивацию, точнее, ее интенсивность, как функцию совместного действия таких условий: ожидание того, что усилия приведут к ожидаемым результатам; ожидание того, что результаты повлекут за собой определенное вознаграждение; ожидание того, что вознаграждение будет иметь достаточную ценность для работника [Организационное управление].

Согласно процессуальным теориям мотивации поведение людей определяется не только потребностями, но является функцией восприятия ситуации и возможных последствий выбранного типа поведения. Мотивация является производением трех составляющих: приложенные усилия дадут ожидаемые результаты; результаты повлекут ожидаемое вознаграждение; вознаграждение соответствует затратам и удовлетворяет потребности. При отсутствии прямой связи между усилиями и достигаемыми результатами, несоответствием вознаграждения мотивация ослабевает. «Теория справедливости постулирует, что люди субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и затем сравнивают его с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу. Если человек считает, что коллега получил за аналогичную работу большее вознаграждение, то у него возникает психологическое напряжение, которое можно снять только восстановлением справедливости» [Колот, с. 135].

Восстановление чувства справедливости достигается либо изменением уровня затрачиваемых усилий, либо изменением уровня получаемого вознаграждения. Согласно модели Портера-Лоулера, «результаты, достигнутые сотрудником, зависят от приложенных усилий, его способностей и характера и осознания им своей роли в процессе труда. Уровень приложенных усилий будет определяться ценностью вознаграждения и степенью уверенности в том, что существует прочная связь между затраченными усилиями и возможным вознаграждением. Достижение желаемого результата может вызвать внутреннее вознаграждение (чувство удовлетворенности, самоуважения) и внешнее (поощрение со стороны руководителя и коллектива в любой форме)» [Там же]. Чувство справедливости и ощущение удовлетворенности достигается, когда человек имеет возможность самоактуализации, это находит подтверждение в результатах его деятельности, востребованных и по достоинству оцененных обществом.

Согласно процессуальным теориям мотивации поведение людей определяется не только потребностями, но является функцией восприятия ситуации и возможных последствий выбранного типа поведения. Мотивация является производением трех составляющих: приложенные усилия дадут ожидаемые результаты; результаты повлекут ожидаемое вознаграждение; вознаграждение соответствует затратам и удовлетворяет потребности. При отсутствии прямой связи между усилиями и достигаемыми результатами, несоответствием вознаграждения мотивация ослабевает. Таким образом, «теория справедливости постулирует, что люди субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и затем сравнивают его с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу. Если человек считает, что коллега получил за аналогичную работу большее вознаграждение, то у него возникает психологическое напряжение, которое можно снять только восстановлением справедливости» [Колот, с. 135].

Применяя данную теорию для анализа мотивации студентов, отметим, что теория справедливости уточняет и дополняет единую систему мотивации, включая усилия студента, его способности, оценку учебной деятельности, удо-

влетворение от образовательного процесса и его результатов, учитывая субъективность восприятия. Однако необходимо заметить, что на сегодняшний день изучение мотивационного аспекта личности студента с необходимостью должно быть дополнено анализом объективных и субъективных факторов, влияющих на мотивацию. Мотивационная система динамична и зависит от ряда факторов, которые могут быть как субъективными (желание и возможности учащегося), так и объективными (ценностные ориентации общества, среды воспитания и влияние преподавателя в школе-институте).

Не претендуя на максимальный охват этих факторов, сосредоточим внимание на корреляции мотивационного и интеллектуального аспектов («хочу-могу» студента). В данном случае стоит обратить внимание на индивидуальные способности студента: стиль мышления, аналитические и творческие способности, способность к методологическому анализу и т.д., что принято определять, как интеллектуальные способности человека. Стоит заметить, что актуализация способностей и предрасположенностей зависит от объективных факторов. Отметим, что при положительных корреляциях умений и желаний личности, происходит увеличение мотивационной составляющей, которая способствует достижению более амбициозных целей (табл. 23).

Таблица 23

Матрица возможностей и желаний при положительных корреляциях

	Хочу	Не хочу
Могу	v	
Не могу		

При других условиях, в случае несоответствия выбора специальности природным способностям индивидуума, либо низкой степени мотивационной составляющей в сочетании с достаточным интеллектуальным потенциалом, объективные факторы начинают играть решающую роль (табл. 24). Возникает несколько вариантов развития событий, которые в зависимости от социальной среды создают в той или иной степени условия для актуализации либо интеллектуального, либо мотивационного потенциала. В зависимости от корреляций (может, но не хочет; хочет, но не может) необходим дифференцированный подход в процессе взаимодействия преподавателей и студентов.

Таблица 24

Матрица возможностей и желаний при отрицательных корреляциях

	Хочу	Не хочу
Могу		v
Не могу	v	

В случае полного отсутствия как мотивации, так и способностей влияние объективных факторов представляется весьма незначительным. Вызывает беспокойство выявленный в ходе мониторинговых исследований свердловского студенчества (1995-2016) «определенный разрыв между «хочу» и «могу»... При выборе вуза в меньшей степени учитываются способности к этому виду деятельности. Этот параметр при выборе профессии учитывал в 1995 г.

каждый третий студент, а в 2007-2012 гг. – один из четырех. Во многом недооценка соответствия своих склонностей и способностей требованиям профессии связана и с происшедшими изменениями в ценностных ориентациях молодежи. Лишь 1 из 4 студентов выделил «творчество, реализацию способностей» как наиболее значимую для него жизненную ценность. Особенно мало она значима для юношей (18%), студентов, проживавших до поступления в вуз в ПГТ и селе (18%), окончивших массовую общеобразовательную школу (21%), выходцев из семей, где отец (18%) и особенно – мать (11%) – рабочие. Среди парадоксов полученных результатов – в этой же группе и те, у кого семья по материальному положению относится к высоко обеспеченным.

В условиях, когда ориентиром для страны становится модернизация, «инновационная экономика» (что является объективной необходимостью, тем более что Россия на этот путь вступает с серьезным отставанием от развитых промышленных стран), отмеченная недооценка будущими специалистами соответствия профессии их склонностям и способностям ставит под угрозу подготовку инноваторов» [Студент-2012, с. 98].

Роль преподавателя в образовательном процессе всегда занимала важное место, и по сей день трудно переоценить его значение для студентов. Преподаватель оказывает значительное влияние на отношение студента к учёбе. Одним из индикаторов взаимодействия студента и преподавателя является адекватность оценки достижений студента. Удовлетворённость учащегося оценкой, его мнение по поводу её справедливости является одним из субъективных факторов, влияющих на мотивацию студента к обучению.

Исследование представлений свердловских студентов о социальное неравенстве и социальной справедливости, как и аналогичное федеральное исследование РОС позволяет проследить отношение учащейся молодёжи к справедливости оценки их учебной работы. Если говорить в целом, то в большинстве своем (около 70%), студенты в значительной степени удовлетворены оценкой, при этом не наблюдается динамики изменения у данной группы студентов в зависимости от курса обучения. Однако исследование иллюстрирует динамику изменения оценки в негативную сторону у групп студентов, не удовлетворённых оценкой (рис. 19). Почти в два раза уменьшилось количество студентов в максимальной степени изначально удовлетворённых оценкой (от 22% до 12%). Значительный рост наблюдается в группе студентов, отмечающих несправедливость оценки (от 2% до 4 %, от 9 % до 16 %). Исследование иллюстрирует негативную динамику в оценке справедливости учебной деятельности почти у трети опрошенных студентов (33 %). Данный вывод позволяет выдвинуть гипотезу о понижении мотивационной составляющей, создании недостаточных условий для актуализации интеллектуального потенциала части студенческой молодёжи.

Изменения в образовательной сфере, самом образовательном процессе позволит в некоторой степени изменить ситуацию и повысить мотивированность студентов к учебе. Прежде всего, это – «...индивидуализация образовательных программ – предоставление больших свобод студентам при формиро-

вании индивидуальных траекторий, создание условий для сокращения сроков освоения программ и перезачета как ранее освоенных программ и модулей, так и результатов освоения открытых онлайн курсов, размещенных на площадках открытого образования, расширение возможности для перевода между направлениями внутри университета (что позволит студенту, осознавшему, что выбрал не то, получить нужную ему специальность). И на основе анализа учебных достижений предполагается строить рейтинг студентов, который определит приоритетное право студента на выбор модулей индивидуальной траектории, на поселение в общежитие и т. п.» [Князев].

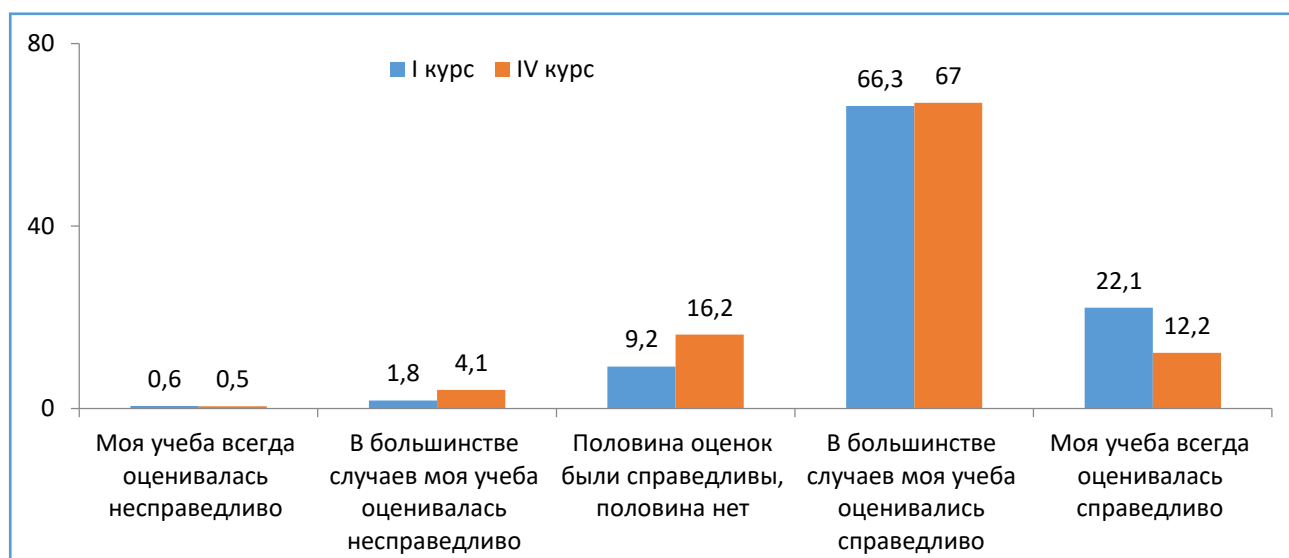

Рис. 19. Отношение студентов к оценке учебной деятельности в вузе, по курсам, % опрошенных в каждой группе.

Кроме того, несмотря на ряд негативных моментов, такие методы как ЕГЭ, тестовый независимый контроль, нетестовые технологии оценки, контроль успеваемости студентов через систему БРС, с одной стороны, позволяют формализовать оценку знаний студента, убрав субъективный момент, с другой стороны, – у студента появляется возможность, получая в течение семестра информацию о своих успехах или неудачах, вовремя корректировать или исправить свои учебные дела.

Для российских студентов в целом характерна тенденция «*работа мешает учебе*»: вполне успешно эти два занятия сочетали менее трети участников федерального опроса, для 16 % респондентов такое совмещение было очень проблематичным [Константиновский, 2014, с. 519]. В этой же работе приведены результаты сравнения успеваемости работающих и неработающих студентов, и в последней группе она выше среди отличников на 3%, среди хорошистов – на 5% и ниже среди «троечников» на 8% [расчет по: Константиновский, 2014, с. 521]. Как результат, делает вывод Д. Л. Константиновский, снижается уровень подготовки специалиста, что было общемировой тенденцией во время глобальных экономических кризисов. При этом возможность закрепить профессиональные компетенции на ценностном уровне имеется только у тех работающих студентов, профиль подготовки которых полностью (это каждый чет-

вертый респондент) или частично (даже менее, чем каждый пятый) совпадает с характером работы [см.: Константиновский, 2014, с. 524].

Для Свердловской области мы располагаем данными о трудоустройстве студентов, полученными в ходе регионального опроса «Студент-2016» (N=1827, основной массив бакалавры 2 и 3 курсов, 67 магистрантов, апрель – июль 2016 г.). Картина оказалась несколько пессимистичнее, чем в целом по России в 2013 г.: имеют постоянную работу 14% опрошенных, временную – 27%. Из числа работающих указали на существенную связь работы и получаемой профессии 19% респондентов, на относительную – 26%. При этом лучшим способом трудоустройства после окончания вуза свердловские студенты считают «продолжение работы там, где проходил(а) практику или работал(а) во время обучения» (52% опрошенных, первое место из десяти вариантов, поливариантный вопрос, не более трех ответов).

Таким образом, возможность работы по специальности уже во время обучения выступает в качестве важного дифференцирующего фактора студенческой общности, детерминирующий разные стартовые позиции по окончании вуза. В то же время, рассматривая процесс подготовки современного студенчества как носителя определенной профессии, мы должны заключить, что одним из самых слабых звеньев подготовки профессионала в высшем образовании остается деятельность, связанная с практическим освоением профессиональных компетенций и закреплении профессиональных ценностей, что явно расходится с миссией высшей школы.

Справедливость и неравенство в сфере труда

В качестве критерия оценок справедливости в сфере труда и в опросе свердловских студентов и в федеральном исследовании РОС было избрано мнение, насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров.

Для расчета индекса использовалась следующая шкала:

- +2 Значительно меньше, чем заслуживает (N₁)
- +1 Меньше, чем заслуживает (N₂)
- 0 Столько, сколько заслуживает (N₃)
- 1 Больше, чем заслуживает (N₄)
- 2 Значительно больше, чем заслуживает (N₅)

Индекс рассчитан по формуле (3):

$$И = (+2 * N_1 + 1 * N_2 - 1 * N_4 - 2 * N_5) / 100 \quad (3)$$

Оценки студентов (даже работающих студентов) во многом субъективны, но их обобщение – ценная «информация к размышлению», позволяющая судить о распространенных в студенческой среде представлениях и стереотипах (табл. 25–27).

Из одиннадцати предложенных к оценке должностей, профессий, статусов респонденты семь отнесли к группе тех, чей труд оплачивается *незаслуженно мало или крайне мало*. Это – в порядке убывания:

- Пенсионер, имеющий сорокалетний трудовой стаж.
- Врач в поликлинике.
- Рабочий на заводе.
- Дворник, убирающий улицы города.
- Хирург высокой квалификации в городской больнице.
- Рядовой инженер на большом заводе.
- Профессор университета.

Таблица 25

Насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров
(в % от числа ответивших и по среднему баллу)

Должность, профессия, группа	+2	+1	0	- 1	-2	Индекс
<i>Пенсионер, имеющий сорокалетний трудовой стаж</i>						
В целом по массиву	57	33	8	1	1	1,44
Екатеринбург	54	34	10	1	1	1,39
<i>Врач в поликлинике</i>						
В целом по массиву	39	43	14	3	1	1,16
Екатеринбург	35	43	15	5	2	1,04
<i>Рабочий на заводе</i>						
В целом по массиву	30	51	17	1	1	1,08
Екатеринбург	26	49	22	2	1	0,97
<i>Дворник, убирающий улицы города</i>						
В целом по массиву	30	40	28	1	1	0,97
Екатеринбург	25	42	32	1	0	0,91
<i>Хирург высокой квалификации в городской больнице</i>						
В целом по массиву	24	39	33	3	1	0,82
Екатеринбург	23	36	35	5	1	0,75
<i>Рядовой инженер на большом заводе</i>						
В целом по массиву	12	52	33	2	1	0,72
Екатеринбург	15	43	38	3	1	0,68
<i>Профессор университета</i>						
В целом по массиву	16	42	34	6	2	0,64
Екатеринбург	15	48	30	5	2	0,69

Оценка *пенсии* как наиболее несоответствующей заслугам человека, несправедливой не только отражает существующий в России *низкий коэффициент замещения* (та часть утраченного работником заработка, которую компенсирует пенсия) – у большинства пенсионеров он равен около 36%, в развитых странах нормальный коэффициент замещения – 46% (разрыв абсолютных значений еще больше). Сказывается и личный опыт многих студентов, которым трудно понять, почему их дедушки и бабушки, которые для них были чаще все-

го примером трудового энтузиазма и профессионализма, получают такие маленькие пенсии.

Включение в данную группу двух пар (*врач в поликлинике – хирург высокой квалификации в городской больнице; рабочий на заводе – рядовой инженер на большом заводе*) отражает разных момента: с одной стороны, респонденты считают, что и тем, и другим недоплачивают; с другой, осваивая профессии высшего образования, они надеются, что высококвалифицированный труд должен оплачиваться выше. С этим же связана и их оценка труда *профессоров университета*.

Присутствие в этой группе дворника, очевидно, можно объяснить готовностью части молодежи, нежелающей заниматься неквалифицированным физическим трудом, компенсировать выполнение этих работ.

К средней группе (*зарабатывают столько, сколько заслуживают*) респонденты отнесли лишь одну категорию:

– Хозяин небольшого продуктового магазина.

В этих оценках переплелись и предпринимательские установки молодых и понимания ими российских реалий, где малый бизнес «мало» эффективен и редко приносит устойчивый доход.

Таблица 26

Насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров
(в % от числа ответивших и по среднему баллу)

Должность, профессия, группа	+2	+1	0	- 1	-2	Индекс
Хозяин небольшого продуктового магазина						
В целом по массиву	3	14	72	9	2	0,07
Екатеринбург	4	16	69	7	4	0,09

Наконец, в группу, чьи *доходы*, по мнению респондентов, *неоправданно завышены*, они включили (в порядке нарастания):

- Руководитель большого завода.
- Рядовой чиновник в местной администрации.
- Министр федерального правительства.

На эти оценки студентов явно повлияла информация в СМИ. Даже сообщения о введении пределов в соотношении доходов *руководителей* и работников организаций порождает мнение, что до этого никаких пределов не было, и сомнение, что это требование будет исполняться.

Стереотип о высоких доходах *чиновников* тоже имеет некоторые основания. Одно из них – наличие отдельного законодательства о статусе государственных и муниципальных служащих (из числа которых в России – в отличие от многих развитых стран – исключены работники государственных и муниципальных организаций – учителя и преподаватели, врачи и т.д.). Но, как и любой стереотип, представление «чиновники получают неправомерно много» страдает своей обобщенностью и недооценкой серьезной дифференциации (в том числе – и по доходам) в органах государственной власти и местного самоуправления.

Проявлением такой недооценки выступает включение в эту группу рядового чиновника в местной администрации.

Таблица 27

Насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров

(в % от числа ответивших и по среднему баллу)

Должность, профессия, группа	+2	+1	0	- 1	-2	(индекс)
Руководитель большого завода						
В целом по массиву	1	7	50	32	10	-0,43
Екатеринбург	1	10	50	28	11	-0,38
Рядовой чиновник в местной администрации						
В целом по массиву	2	8	22	40	28	-0,84
Екатеринбург	2	10	20	38	30	-0,84
Министр федерального правительства						
В целом по массиву	2	2	14	33	49	-1,05
Екатеринбург	3	3	15	36	43	-1,11

Справедливость и неравенство в сфере здравоохранения

Для конкретизации мнений студентов о равенстве и неравенстве в сфере здравоохранения респондентам было предложено оценить конкретную ситуацию (рис. 20).

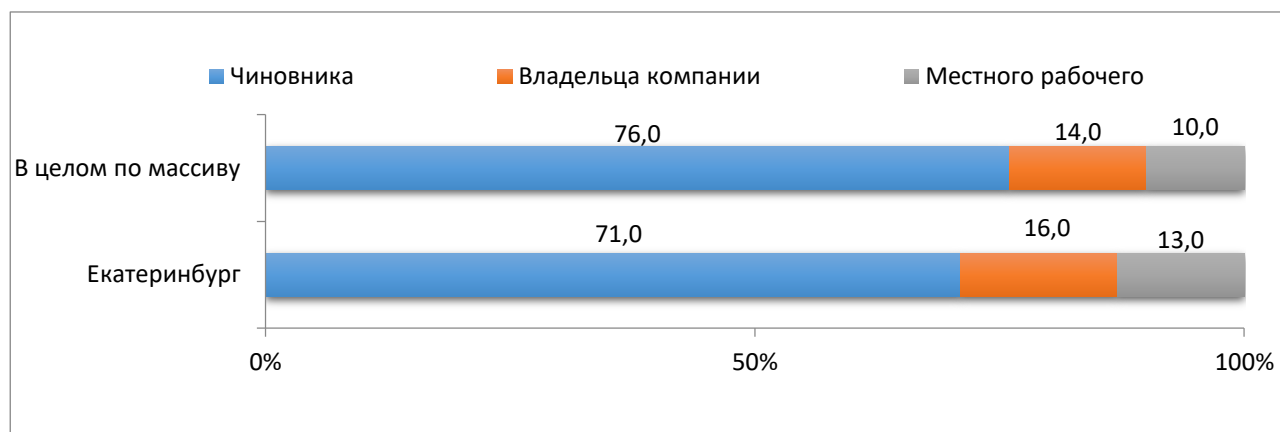

Рис. 20. Представьте себе такую ситуацию: на трассе Москва – Петербург в гололед столкнулись пять машин. Тяжелые травмы получили три человека – крупный чиновник федерального уровня, владелец большой торговой компании и рабочий расположенного рядом сельхозпредприятия. Кого, на Ваш взгляд, прежде всего, будут спасать? (в % от числа ответивших; пропуски 2,5%)

При всей условности и заданности предложенной ситуации ответы студентов достаточно показательны: в целом по массиву три из каждых четырех посчитали, что предпочтение будет отдано чиновнику; в ответах свердловских студентов этот тренд сохраняется, хотя и проявляется чуть заметное смещение

в сторону двух других пострадавших. Гипотеза исследования в принципе предполагала – с учетом стереотипов общественного мнения – именно такое предположение. Несколько удивило другое: владельца компании респонденты сблизили не с чиновником (по социальному статусу и материальному положению они более сходны), а с местным рабочим.

Но многое становится понятнее при анализе ответов респондентов, которым было предложено обосновать свои оценки (табл. 28).

Таблица 28

Почему Вы так считаете? (% от числа ответивших)

Значения	Екатеринбург	Массив
В таких случаях, все решают деньги	26	32
В таких случаях, все решают связи	22	22
Врачам сверху подсказали, что надо делать	18	19
Врачи спасали того, у кого больше шансов выжить	11	11
Врачи выбрали того, кто полезнее для страны	8	6
Врачи действовали по инструкции, регулирующей подобные ситуации	5	5
Другое	6	3
Врачи выбрали первого попавшегося	1	2
Все решает родство, соседство	3	1

На первый план в этих обоснованиях вышла коммерциализация сферы медицинских услуг («В таких случаях, все решают деньги») – таково мнение каждого четвертого свердловского студента и каждого третьего в целом по массиву). Но каждый пятый отметил значимость «связей», почти столько же – иерархические отношения в этой сфере («врачам сверху подсказали, что надо делать»).

Среди «других» ответов чаще всего уточняются, углубляются приведенные в таблице варианты: «Сочетание факторов: деньги, связи, давление сверху» (подчеркивается, что первые по рангу три варианта нужно рассматривать во взаимосвязи). Особенно часто конкретизируется определяющая роль денег. При этом выбор врачами чиновника или бизнесмена соотносится с их возможностями «отблагодарить», причем чаще всего отмечается, что их деньги «незаконные», «наворованные». Присутствует и расхожее мнение: «Жизнь чиновника ценится выше, чем обычного человека». Правда, в ряде ответов такое обобщение отвергается, подчеркивается: «Мало ли какой чиновник, может один на миллион»; «Владелец компании больше ответственности несет за людей». Да и в действиях врачей видится не только стремление к выгоде, одновременно указывается: «Врачам мало платят, они лечат того, кто имеет деньги, без денег сейчас ты просто не проконсультируешься». За подобными ответами вырисовывается серьезная социальная проблема – в общественном мнении далеко не всегда распространение платных медицинских услуг связывается с улучшением материального положения врачей. Интересен и ответ, допускающий, что «у местного рабочего может быть семья, где есть люди, которым нужна финансо-

вая помощь на лечение или по другим причинам. Если такая семья останется без единственного кормильца, то она пропадет». Тем самым, можно говорить о сохраняющейся вере в бескорыстие врачей (другое дело, что такая вера сегодня далеко не массовое и даже не широко распространенное явление). Сказывается и понимание регламентации деятельности врачей, особенно – в чрезвычайных ситуациях: «Врачи боялись последствий»; «Побоялись ответственности, излишнего внимания со стороны СМИ»; «Выбрали того, из-за кого не пострадают их должности, и тем самым, будет меньше проблем»; «Для врачей это был наименее плохой вариант»; «Просто, потому что так надо».

В ряде ответов акцентируется значимость «случайных факторов», ситуативность выбора медиков: «выбор зависит от того, у кого больше/меньше шансов выжить», «зависит от состояния человека, его возраста»

И все-таки преобладающий лейтмотив «других» ответов – справедливость: «Спасать надо всех». И потому сама постановка вопроса кого-то «поставила в тупик», а другой респондент оценил его еще жестче: «Глупый вопрос». Между прочим, аналогичная реакция была и участников дискуссии 1960-х гг. в Комсомольской правде» (время бурного расцвета авторитета и престижа советской науки): «кого из тонущих нужно, прежде всего, спасать – выдающегося ученого или обычного рабочего?»

В ответах на дополнительный вопрос (рис. 21), где была обозначена национальность пострадавшего в аварии (в качестве примера были избраны представитель титульной нации – русский, и представители двух наций, в отношении к которым в общественном мнении существовали определенные стереотипы – дагестанец и еврей), выяснилось, что в молодежной среде эти стереотипы, хотя и сохраняются, но явно становятся менее значимыми.

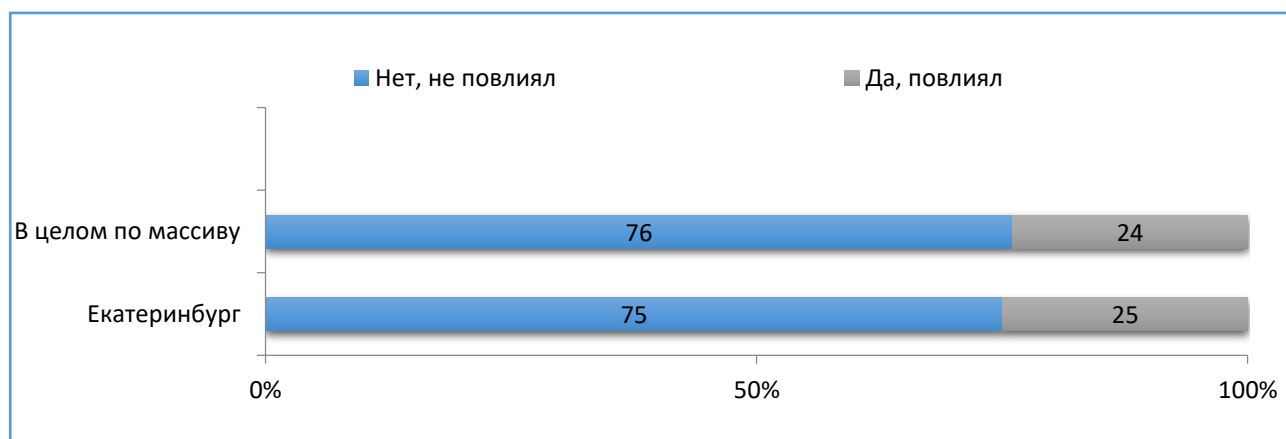

Рис. 21. Выяснилось, что пострадавшие – это люди разных национальностей: русский, дагестанец и еврей. С Вашей точки зрения, повлиял ли этот факт на решение врачей? (в % от числа ответивших, пропуск – 0,8%).

Лишь один из четырех респондентов посчитал, что национальная принадлежность может повлиять на решение врачей о помощи пострадавшим. Примечательно полное единодушие по данному вопросу уральских студентов (жителей относительно этнически однородного региона) со студентами из других регионов страны

В оценке несправедливости и неравенства в доступности медицинских услуг переплелись как бы разные плоскости оценки. С одной стороны, речь идет о доступности самих этих услуг – и здесь коммерциализация и платность выступает определяющей характеристикой растущей дифференциации, неравенства в доступности качественных и своевременных услуг, что преимущественно вызывает неприятие в студенческой среде.

С другой стороны, оценка деятельности врачей (в меньшей мере – организаций и учреждений, предоставляющих эти услуги) выглядит более спокойной. Даже негативные оценки часто соотносятся с неудовлетворительными условиями труда и жизни данной профессиональной группы. Особенно это заметно в ответах на вопрос, где респондентам было предложено определить свое поведение в данной ситуации (табл. 29).

Таблица 29

А как бы Вы поступили на месте врачей? (% от числа ответивших)

Варианты	Екатеринбург	Массив
Спасал бы того, у кого больше шансов выжить	33	41
Действовал бы по врачебной инструкции	36	34
Спасал бы того, у кого больше семья, больше детей	9	9
Спасал бы того, кто нужнее, полезнее для страны	4	4
Спасал бы того, кто оказался ближе к операционной	4	3
Другое	4	3
Бросил бы жребий	4	2
Спасал бы человека моего народа, такой же, как у меня веры	2	1
Спасал бы своего, живущего рядом	3	1
Спасал бы того, кто может больше заплатить	1	1

При всей условности предложенной исследовательской процедуры примечательно, что на первый план вышли проблемы *основного назначения врача* (борьба за жизни пациента), *социальные мотивы* (забота о семье и детях пациента, учет его «полезности» для страны). Для каждого третьего присуще понимание ограниченности возможностей врачей и определенной регламентации их труда – они «действовали бы по врачебной инструкции». Для некоторых (5%) лучший выход в данной ситуации связан со случайным подходом. Но самое главное – меркантильные (плата) и статусные соображения (национальные, конфессиональные, местнические) – в оценках респондентов отодвинулись на второй-третий план и в целом набрали лишь 3% сторонников.

Справедливость и неравенство в сфере политических отношений

В отношении к неравенству и справедливости тесно переплетаются рациональный и эмоциональный аспекты. Как индикатор эмоционального отношения в опросе был использован прием самооценки – респондентам было предложено определить те чувства, которые они испытывают, размышляя о том, как распределяются доходы государственного бюджета в России (табл. 30). При обсуждении возможности использования данного инструментария в анкете, об-

ращенной к студентам, высказывалось сомнение в информативной значимости такой самооценки – слишком редко и слишком у немногих бюджет становится объектом размышлений. Но реальность подтвердила справедливость аргументов разработчиков инструментария: лишь один из восьми респондентов отказался от такой самооценки, ответы остальных отражают эмоциональную оценку распределительных отношений в целом.

Таблица 30

Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве? % от числа ответивших;
пропуск – 12,8 %*

Значения	Екатеринбург	Массив
Раздражение	30	29
Отчаяние	23	27
Горечь	20	22
Надежда	24	22
Пессимизм	18	18
Злость	11	15
Безразличие	14	13
Спокойствие	11	10
Оптимизм	5	6
Удовлетворение	3	3
Другие чувства	3	2
Радость	4	2

*Сумма ответов больше 100%, поскольку респонденты могли дать несколько ответов (можно выбрать не более 2х ответов)

Преобладает эмоционально-негативная окраска испытываемых респондентами чувств. Среди пяти наиболее часто испытываемых чувств (отмечены каждым пятым-третьим респондентом) четыре (раздражение, отчаяние, горечь, пессимизм) отражают разные оттенки неприятия и критического отношения к существующей системе распределения и лишь одно (надежда) связано с возможностью изменить эту систему. Самооценки респондентов усиливают вывод различных социологических исследований, проявившийся и в данном опросе, что политика властных структур осуществляется преимущественно в интересах богатых, состоятельных людей, усиливая социальное неравенство в российском социуме.

Общая оценка несправедливости конкретизировалась обращением к личному опыту респондентов (табл. 31).

Заметно, что даже наиболее частые проявления случаев несправедливости, по самооценкам респондентов, в среднем не выходят за рамки «иногда». Единственное, что удивляет в этих самооценках, это – выход на первое место среди наиболее частых случаев (отмечены как происходящие «часто» и «очень часто» каждым третьим респондентом) организаций, предоставляющих медицинские, оздоровительные услуги, – поликлиники, больницы.

Таблица 31

Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев сталкиваться с проявлением несправедливости по отношению к вам лично?

Как часто это происходило в следующих ситуациях?

Варианты	Никогда (0)	Редко (1)	Иногда (2)	Часто (3)	Очень часто (4)	Индекс
В поликлинике, больнице						
В целом по массиву	19	23	28	20	10	1,79
Екатеринбург	18	19	30	21	12	1,79
В учебном заведении						
В целом по массиву	16	31	34	14	5	1,61
Екатеринбург	12	34	35	15	4	1,65
На улице, в общественном транспорте						
В целом по массиву	21	29	29	16	5	1,55
Екатеринбург	15	29	34	17	5	1,68
В магазине, на рынке						
В целом по массиву	23	29	29	14	5	1,49
Екатеринбург	22	27	31	14	5	1,53
В общении с местными чиновниками						
В целом по массиву	44	19	20	12	5	1,15
Екатеринбург	44	19	23	10	4	1,11
На работе						
В целом по массиву	38	26	24	9	3	1,13
Екатеринбург	34	27	25	9	5	1,24
В общении с людьми иной национальности						
В целом по массиву	47	26	16	8	3	0,94
Екатеринбург	45	30	16	7	2	0,91
В семье						
В целом по массиву	43	35	16	4	2	0,87
Екатеринбург	36	40	18	3	2	0,94
В общении с людьми иного вероисповедания						
В целом по массиву	54	23	14	6	3	0,81
Екатеринбург	55	20	17	6	2	0,80

Если учесть завышенные самооценки молодыми своего здоровья, распространенность в молодежной среде ориентира («если я заболею, к врачам обращаться не стану»), объяснить данную позицию студентов можно или их маргинальностью между детьми и взрослыми (законодательно и статистически особенности здравоохранения для детей закреплены), или забюрократченностью получения студентами разнообразных справок о состоянии здоровья или болезни.

Позитивный момент исследования – среди наиболее редких проявлений несправедливости, с которыми респондентам приходилось сталкиваться (отмечены – как частые – в ответах лишь каждого десятого), – взаимоотношения с людьми иной национальности и иного вероисповедания, с коллегами по работе или другими членами семьи).

Интересны и ответы респондентов о причинах случаев несправедливости, с которыми им довелось столкнуться (табл. 32).

Таблица 32

Как Вы думаете, каковы были основные причины несправедливости?
(% от числа ответивших)*

Значения	Екатеринбург	Массив
Ваш возраст	51	45
Склад Вашего характера	49	48
Ваша манера поведения	38	31
Ваш уровень доходов, жизни	24	25
Ваша внешность, физические недостатки	22	23
Уровень Вашего образования	17	15
Ваш пол	11	14
Невыполнение Вами обязанностей по работе, учебе	9	10
Ваша национальность	7	12
Ваш регион проживания	6	9
Ваши политические взгляды	5	9
Ваша религиозная принадлежность	6	8
Ваша профессия	6	7
Ваше семейное положение	3	5
Другие причины	3	4
Ваша сексуальная ориентация	4	3

*Сумма ответов больше 100%, поскольку респонденты могли дать несколько ответов (все, что подходит)

Сколько-нибудь значимые причины – *социально-психологические особенности молодежного возраста*. Причем, как правило, респонденты не обобщают (разнообразные групповые факторы – *пол, национальность, регион проживания, политические взгляды, религиозная принадлежность, семейное положение, сексуальная ориентация* – отмечены лишь в 3-10% по каждому параметру), а соотносят их со складом своего характера, своей манерой поведения и – в меньшей степени – с *невыполнением своих обязанностей по работе, учебе*.

И опрос свердловских студентов, и федеральное исследование РОС проходили накануне единого дня голосования и выборов в Государственную Думу РФ (весной-летом 2016 г.). Это определило включение в анкету вопроса о том, какая из политических партий, движений России чаще других занимает позицию справедливости? (табл. 33).

Таблица 33

С Вашей точки зрения, какая из политических партий, движений России чаще других занимает позицию справедливости? % от числа ответивших; пропуски в целом по массиву – 50 %, по Екатеринбургу – 52 %)

Значения	Екатеринбург	В целом по массиву
Единая Россия (Дмитрий Медведев)	61,7	58,8
Либерально-демократическая партия (Владимир Жириновский)	11,4	15,3
Гражданская платформа (Михаил Прохоров, Рифат Шайхутдинов)	5,9	3
КПРФ (Геннадий Зюганов)	4,9	8,2
Справедливая Россия (Сергей Миронов)	4,9	6,5
Другая партия	4,2	2,5
ПАРНАС (Владимир Рыжков, Михаил Касьянов)	2,9	1,5
Яблоко (Григорий Явлинский, Эмилия Слабунова)	1,3	1
Русские националистические организации, проводящие "Русский марш"	1,0	1,5
Национал-большевики (Эдуард Лимонов)	1,0	<1
Левый фронт (Сергей Удальцов)	1,0	<1
Правое дело/Партия роста (Борис Титов)	0	<1

Исследование выявило две основных тенденции в отношении молодежи к политическим партиям (а отвечая на данный вопрос, многие респонденты вкладывали в свой ответ более широкий смысл: речь шла не только о поддержке данной партией, движением принципа справедливости, но и о доверии респондента к ним):

– с одной стороны, среди других социальных и политических институтов именно политические партии пользуются наименьшим доверием молодежи (да и населения в целом) – каждый второй респондент (среди свердловских студентов – чуть больше) уклонился от ответа на этот вопрос. Представляется, что возвращение выборов по одномандатным округам и снятие варианта «против всех» в бюллетене избирателя, уловили этот тренд политических настроений россиян;

– с другой стороны, на волне патриотического подъема 2014-2016 гг. возвращается приоритетное доверие к «Единой России» (три из каждых пяти респондентов, ответивших на вопрос, отдали предпочтение именно ей). Во многом это связано с позиционированием партии не только как «партии власти», но именно как партии Президента. На достаточном уровне доверия находятся и другие парламентские партии (хотя у свердловских студентов «Гражданская платформа» оттеснила и КПРФ, и «Справедливую Россию»). Кстати, на второе место и у уральцев, и по массиву в целом вышла ЛДПР. Вероятно, многим студентам импонирует стиль поведения и манера выступлений лидера ЛДПР.

Конечно, на основании мнений студентов трудно прогнозировать результаты выборов. Но сегодня, когда выборы уже прошли, и их результаты обнародованы, обращает внимание, насколько сами эти результаты (см. табл. 34) близки к высказанным студентами политическими предпочтениями.

Таблица 34

Результаты выборов в Государственную Думу по партийным спискам
18.09.2016 (РФ, Свердловская область), %*

	РФ
Единая Россия	54,20
КПРФ	13,34
ЛДПР	13,14
Справедливая Россия	6,22
Коммунисты России	2,27
Яблоко	1,99
Российская партия пенсионеров за справедливость	1,73
Родина	1,51
Партия Роста	1,29
Зеленые	0,76
Парнас	0,73
Патриоты России	0,59
Гражданская платформа	0,22
Гражданская сила	0,14

* [Результаты, 2016].

Перспективы становления справедливого общества

Завершить анализ представлений студентов о социальной справедливости хотелось бы в форме соотнесения понятия «справедливость» с другими часто употребляемыми социально-политическими терминами. Материалы опроса позволили и рассчитать индексы оценки 20 таких терминов (табл. 35), и представить эти оценки в виде своеобразного социального пространства (рис. 22–23).

Прежде всего, отметим, что и в положительных, и в отрицательных оценках проявляется значительное совпадение мнений свердловских студентов с мнением их российских коллег. Следовательно, речь идет об общих представлениях и настроениях, распространенных в студенческой среде.

Справедливость вместе с *правами человека* более всего вызывают у студентов положительные чувства. Пять из каждых шести респондентов положительно оценили эти ключевые слова политических программ и заявлений. Правда, в оценке партий, занимающих по их мнению, позиции справедливости, студенты не отдали предпочтения партии, в названии которой это понятие включено в качестве базового («Справедливая Россия»). Да и само понятие «партия» получило очень низкую оценку: лишь каждый четвертый респондент оценивает его положительно, каждый шестой – негативно.

Социализация нынешнего поколения студентов проходила в более спокойных в социально-политическом отношении условиях 2000–2010-х годов.

Поэтому не случайно та значимость, которая придается студентами понятию «*порядок*». Эта установка на стабильность сегодня приоритетна. Фиксация этого факта составляет важный позитивный результат исследования.

Таблица 35

Социальное пространство политических терминов в оценках респондентов, индексы, % ответивших

Термины	Екатеринбург	В целом по массиву
Права человека	0,81	0,81
Справедливость	0,77	0,80
Порядок	0,77	0,78
Свобода	0,77	0,77
Равенство	0,60	0,68
Модернизация	0,66	0,64
Предпринимательство	0,59	0,57
Демократия	0,53	0,52
Президент	0,48	0,48
Индивидуализм	0,48	0,41
Глобализация	0,37	0,34
Реформа	0,34	0,30
Коллективизм	0,18	0,25
Конкуренция	0,24	0,23
Парламент	0,27	0,21
Выборы	0,20	0,19
Либерализм	0,18	0,13
Социализм	0,13	0,13
Партия	0,11	0,07
Национализм	-0,34	-0,42

В ряду значимых ценностей современного студенчества остаются *свобода* и *равенство*. Четыре из каждых пяти респондентов дали им позитивную оценку. К сожалению, отходит на второй план значимость *демократии*. Она вызывает позитивную оценку у трех из каждых пяти респондентов, уступая даже предпринимательству. Что скрывается за такой оценкой? Негативные последствия «демократических реформ» 1990-х гг. (что породило в обыденном сознании россиян искаженное представление и о демократии, и о «отцах-демократах», повергнувших страну в хаос, из которого она выбирается по сей день)? Или это неприятие лавины «цветных» «демократических» революций, негативные результаты которых сегодня видны не только «где-то там на арабском Востоке», но и в близкой, родной Украине и др.

Рис. 22. Социальное пространство политических терминов в оценках респондентов (позитивные чувства), % ответивших.

Рис. 23. Социальное пространство политических терминов в оценках респондентов (отрицательные чувства), % ответивших.

Наконец отметим, что в ответах студентов проявилась усталость от модернизаций и особенно – реформ. Лишь у двух из пяти восприятие понятия «реформа» носит положительный характер.

В нижнюю часть пространства социально-политической терминологии в оценках студентов попали и либерализм, и социализм, и коллективизм, и конкуренция. Но особо негативную оценку получил термин «национализм» (положительно один из шести – восьми респондентов дали ему позитивную оценку, каждый второй – негативную).

Литература

1. Вишневский Ю. Р. Социология молодежи: курс лекций. / Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2013. – 246 с.
2. Власенко А. С. Некоторые вопросы воспитания советского студенчества на современном этапе / А. С. Власенко // Ученые записки Моск. обл. ин-та им. Н.К.Крупской. Вып. 4. – Москва, 1971. – С. 51–62.
3. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности [монография]. / Г. Е. Зборовский. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. – 304 с.
4. Зубок Ю. А. Студенчество / Ю. А. Зубок // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. – Москва: Академия, 2008. – С. 491–493.
5. Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Социальная справедливость как платформа реализации жизненных устремлений россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 19–31.
6. Князев С. Т. Образовательная политика вуза как инструмент модернизации образовательной деятельности / Т. С. Князев, В. С. Третьяков, А. Л. Неволина [Электронный ресурс] // Университетское управление. – 2016. – № 2. URL: <http://umj.ru/index.php/pub/inside/1771/> (дата обращения 05.07.2016).
7. Колот С. А. Психология / С. А. Колот, Т. Г. Бродецкая. – 3-е изд. / Одес. Нац. Политех. ун-т. – Одесса: Наука и техника, 2007. 183 с.
8. Константиновский Д. Л. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. – Москва: ЦСП и М, 2014. – 548 с.
9. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). – Москва: ЦСП, 2008. – 552 с.
10. Кораблева Г. Б. Социология профессий / Г. Б. Кораблева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 176 с.
11. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. – Москва: ЦСП и М, 2015. – 232 с.
12. Организационное управление и поведение персонала [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/upravlenie-personalom-2/21.htm> (дата обращения 12.07.2016).
13. Результаты выборов по федеральному избирательному округу // Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации седьмого созыва // Центральная избирательная комиссия [сайт]. http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvд=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prv=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=242 (дата обращения 27.09.2016)

14. Рубин Б. Г. Студент глазами социолога [Текст] : [Социол. проблемы воспроизводства рабочей силы высш. квалификации] / Б. Г. Рубин, Ю. С. Колесников ; Рост. н/Д ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т. – Ростов на Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1968. – 277 с.

15. Соколов А. В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества / А. В. Соколов // Социологические исследования. – 2005. – № 9. – С. 91–97.

16. Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. / П. Сорокин. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. Москва: Наука, 1993. – 688 с.

17. Социальная сфера. Основные показатели [электронный ресурс] // Свердловскстат, Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sphere/ (дата обращения 28.11.2015)

18. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. С. 4, 6. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vmo.rgub.ru/files/project-937-2.pdf> (дата обращения 28.11.2015).

19. Студент – 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 – январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – 332 с.

20. Чем гордимся: опрос ВЦИОМ // Аргументы и факты. 2016. № 38 (21–27 сентября).

21. Шубкин В. Н. [Текст]: методологические вопросы социальных исследований / В. Н. Шубкин. М.: Мысль, 1970. 288 с.

УДК 364.612.12:316.344-057.875(571.6)

Винокурова Анна Викторовна,

кандидат социологических наук, доцент

Дальневосточный федеральный университет

vinokurova77@mail.ru

Anna V. Vinokurova,

PhD in Sociology, A/Professor

Far Eastern Federal University

Ардалянова Анна Юрьевна,

кандидат социологических наук

Дальневосточный федеральный университет

ardy2004@mail.ru

Anna Y. Ardalyanova,

PhD in Sociology, A/Professor

Far Eastern Federal University

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПО МНЕНИЮ СТУДЕНТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ВУЗОВ

THE SOCIAL EQUITY AND INEQUALITIES IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY TO MIND OF STUDENTS OF FAR EASTERN HIGHER EDUCATION INSTITUTES

АННОТАЦИЯ. В данной работе представлены основные результаты исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» на материалах Приморского края. Главное внимание сосредоточено на анализе мнений студентов относительно справедливости / несправедливости, равенства / неравенства в сфере образования, труда и профессиональной занятости. Дана характеристика оценок студенчества о социальной справедливости и неравенстве через призму бедности и богатства, через взаимоотношения личности и общества.

ABSTRACT. This paper presents the main results of the study «Students about social equity and social inequalities» on the findings of Primorskiy region. Focuses on the analysis of the views of students regarding equity / equity, equality / inequality in education, labour and professional employment. The characteristic of student evaluations of social equity and inequality through the lens of poverty and wealth, through the relationship between the individual and society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: студенчество; социальная справедливость; социальное неравенство; бедность и богатство; социальная трансформация; региональное развитие; Дальний Восток.

KEYWORDS: students; social equity; social inequalities; wealth and poverty; social transformation; regional development; Far East.

Современное глобальное общество подвержено *социальной трансформации*, что выражается в относительно быстрых, глубоких и качественных преобразованиях во всех сферах жизнедеятельности людей. Другими словами, социальная трансформация – это процесс приобретения обществом новых черт, соответствующих требованиям времени, изменениям в жизненных стандартах, образцах поведения и потребностях. Трансформационные процессы наблюдаются и в развитых, и в развивающихся странах, особенно ярко они проявляются в современном российском обществе.

В условиях развития российского социума в контексте социальной трансформации можно выделить несколько основных характеристик, имеющих негативную окраску. В первую очередь, это неблагоприятные изменения в уровне и качестве жизни населения, сочетающиеся с продолжающимся ухудшением состояния социальной инфраструктуры. Немаловажным в данном ключе является обострение проблем занятости и повсеместное распространение дополнительной (вторичной) занятости как формы адаптации населения к обвальному снижению уровня материального благосостояния. Имеет место усиление дифференциации населения и, как следствие, более резкое расслоение, ведущее к неблагоприятным изменениям в социальной структуре общества. Следовательно, те характеристики, которые мы наблюдаем в настоящее время в социальном пространстве российского общества, состоят в изменении соотношения групп и слоев, их иерархии и ролевых функций, в углублении социального неравенства между ними. И не все формы неравенства можно отнести к категории «справедливых», поэтому главная задача государства и общества заключается в том, чтобы эти формы не превышали некие «нормальные» пределы. «Норма» в данном случае «выступает как оценка неравенства, которое соответствует условиям, когда практически всё экономически активное население имело бы возможность полностью реализовать свой потенциал, а остальная часть населения будет обеспечена приемлемым уровнем жизни» [Гладышева, с. 279]. *Нормальное неравенство* создаёт стимулы для продуктивной конкуренции и эффективного использования ресурсов для социально-экономического развития.

К этому следует добавить, что наблюдаемые социальные трансформации, процессы социального неравенства, отношения социальной справедливости в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, перед которыми стоит комплексная *проблема жизненного самоопределения*. От того, каким образом решает эту задачу российская молодёжь, зависит настоящее, и, в большей степени, будущее нашего общества. Это имеет особое значение в отношении *студенчества*, чей профессиональный и личностный потенциал формируется во многом институтом образования. Студенческая молодёжь, демонстрируя высокие притязания в различных сферах жизнедеятельности, рассматривает институт высшего образования в качестве основного способа их достижения. В то же время тенденции трансформации общества – социальная поляризация, высокий уровень аномии, *процессы теневизации*, противоречия в реформировании социального института образования – создают ограничения в использова-

нии потенциала студенческой молодёжи. В этой связи изучение мнений и суждений студентов относительно понимания и интерпретации ими проблем в сфере социальной справедливости и неравенства в контексте происходящих в России изменений приобретает особую актуальность.

Ещё более значимыми указанные проблемы являются в отношении дальневосточного студенчества. *Дальний Восток* – это весьма специфическое территориальное образование Российской Федерации. Практически все регионы российского Дальнего Востока являются портовыми и приграничными зонами, часть из них имеет непосредственный выход на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Дальний Восток максимально, по российским масштабам, удалён от европейской части страны и федерального центра.

Среди других субъектов Дальневосточного федерального округа *Приморье* является наиболее благоприятным по климатическим, экономическим и транспортным условиям. Вполне закономерно, что Приморский край остаётся одним из наиболее заселённых дальневосточных регионов России. По сравнению с другими территориальными образованиями, входящими в состав Дальневосточного федерального округа, здесь имеется определённый демографический потенциал и сосредоточены наибольшие трудовые ресурсы. По данным на 1 января 2016 г., численность постоянного населения Приморского края составила 1,929 млн чел. [Основные демографические показатели. 2016]. Всё же, несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов Дальневосточного федерального округа, в Приморье сохраняется негативная демографическая ситуация. На сегодняшний день продолжается сокращение числа жителей Приморского края. В 2015 г. численность населения уменьшилась на 4,3 тыс. чел. По прогнозным оценкам Приморскстата, к началу 2017 г. население сократится до 1,920 млн чел., к 2018 г. – до 1,913 млн чел., в основном, за счёт миграционного оттока [Прогноз численности].

Студенческая молодёжь имеет высокие социальные притязания, строит амбициозные жизненные планы, и потому для неё характерны активная вовлечённость в миграционные потоки и миграционная мотивация. В специфических условиях Дальнего Востока, далеко не всегда создаются возможности для использования потенциала студенчества. В этой связи изучение социальной справедливости и неравенства через призму целей, жизненных планов студентов является принципиально важным для планирования эффективной региональной молодёжной политики в Приморском крае и приостановки оттока квалифицированных кадров.

В данном контексте нами было предпринято *разведывательное исследование*, объектом которого выступили студенты, обучающиеся на 2-4 курсах Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) всех уровней подготовки – бакалавриат, магистратура, аспирантура. По итогам исследования 2016 г. (исследование проведено в апреле-мае 2016 г. методом анкетного опроса, объём выборочной совокупности составил 215 студентов) мы имеем результаты пилотного характера.

В частности, в ходе анкетирования нами были выявлены мнения и суждения студентов относительно их планов выбора места жительства, сопутствующих условиях и факторах. При ответе на вопрос «После получения образования Вы планируете работать в России или постараетесь уехать на работу за рубеж?» ответы распределились следующим образом: в любом случае в России – 34%; всё зависит от того, где предложат хорошую работу – 42,8%; в любом случае за рубежом – 7,4%; затруднились с ответом – 15,8%. Полученные нами данные подтвердили, что *миграционная составляющая* является важнейшим элементом жизненных планов дальневосточного студенчества.

В группе потенциальных мигрантов 25,1% планируют уехать за границу на постоянное место жительства. Но многие респонденты (в основном это те, кто выбрал вариант «всё зависит от того, где предложат хорошую работу») намерены там только работать по контракту или временному соглашению, а затем вернуться в Россию. Для них основными центрами притяжения выступают страны АТР – в первую очередь, Китай и Южная Корея. Значительная часть из тех, кто планирует после завершения учёбы в вузе остаться в России, но отнюдь не большинство, предполагает уехать в Центральную часть России, чаще всего в Москву и Санкт-Петербург. Вот несколько показательных примеров развёртывания жизненных планов: *«После учёбы думаю переехать в Питер или в Калининград, можно и в Новороссийск... Специальность у меня морская, работу там смогу найти...», «хочу уехать и всё... Всё достало... Лезут и лезут со своими советами [респондентка живет вместе с родителями]... А в Москве я не буду у них под колпаком. Хочется доказать, что я чего-то стою, смогу без их помощи обойтись».* Отдельные студенты планируют постепенное миграционное перемещение. Например, сначала переезд в европейскую часть России, а далее уже за границу. *«Был вечер встречи выпускников... Кто где только не был... Один я сижу здесь... После универа хочу дальше учиться, второе высшее, языки нужны... Главное двигаться, зарекомендовать себя хорошо. Если будет хороший опыт, можно и дальше – Москва, Питер, а потом в Европу или в Америку...».*

Кроме того, мы отмечаем широкое распространение в студенческой среде ориентаций на высокий жизненный уровень, которые включают высокооплачиваемую работу, материальное благополучие, успешную карьеру, свободу и независимость. По результатам исследований, проведённых нами ранее, было выявлено, что достижение успеха в жизни приморские студенты ассоциируют с гарантированным будущим, наличием интересной и любимой работы, солидным положением и богатством [Винокурова А. В.].

Примечательно то, что в описываемом нами исследовании «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» при достижении богатства одним из наиболее значимых факторов опрошенные студенты считают наличие *хорошего образования* (средний балл по 5-балльной шкале – 2,81; это третья позиция в рейтинге после таких вариантов, как «трудолюбие» – 2,86 и «полезные связи» – 3,41). При этом хорошее образование студенты связывают не только с уровнем преподавания, полученными компетенциями и пр., но и со

справедливостью оценивания их знаний. Подавляющее большинство респондентов (61,9%) отмечают, что в школе практически всегда их учёба оценивалась справедливо. Это коррелирует с ответами на вопрос об итоговых оценках в школьном аттестате: 65,6% опрошенных указали, что учились на «4» и «5». Такое же положение дел, по мнению наших респондентов, сохраняется и при оценке их знаний в вузе: 61,4% выбрали вариант «в большинстве случаев моя учёба оценивается справедливо».

Анализируя данные по определению причин бедности и богатства, можно заключить, что, чаще всего, по мнению студентов, причиной бедности является пьянство, наркомания, лень и отсутствие желания работать, плохие условия воспитания и взросления. Иначе говоря, индивидуальные особенности поведения людей и специфика их социализации. А богатыми, с точки зрения респондентов, становятся вовсе не ведущие здоровый образ жизни трудолюбивые из хороших семей; к богатству приводят, как уже было отмечено выше, полезные связи, трудолюбие и хорошее образование. Это во многом объясняется тем, что перед глазами современных студентов опыт их родителей, которые добивались социального благополучия / оказывались в ситуации социального неблагополучия в период 1990-х – 2000-х гг., когда дифференциация доходов и образа жизни достигала значительного уровня. И те, кто «вертелся», имел большие заработки и достойное социальное положение; а те, кто не сумел приспособиться, демонстрировали девиантные формы поведения и образа жизни.

Однако следует отметить, что особое место среди причин и богатства, и бедности отведено труду. Такой вариант ответа, как «отсутствие желания работать» занимает вторую позицию в рейтинге оценок причин бедности. Также как и «трудолюбие» занимает соответствующую (вторую) позицию в рейтинге оценок причин богатства. Таким образом, труд и его активность являются одними из важных показателей достижения высокого личного и социального статуса, устранения барьеров социального неравенства.

Следует отметить, что социальное неравенство выражается и в том, насколько справедливой или несправедливой в России является оплата труда представителей различных профессиональных и социальных групп. Мнения студентов распределились следующим образом (табл. 1).

Данные таблицы 1 показывают, что, с одной стороны, наиболее несправедливой, по мнению студентов, считается оплата труда государственных и муниципальных служащих. Около половины опрошенных полагают, что указанные категории работающих зарабатывают больше / значительно больше, чем заслуживают. Парадоксально, но при этом среди поступающих в нынешнем учебном году в Дальневосточный федеральный университет один из самых высоких конкурсов наблюдался как раз на специальность «Государственное и муниципальное управление». Другими словами, несмотря на то, что высокий уровень доходов чиновников нашими респондентами оценивается как одно из проявлений социальной несправедливости, для себя работу на государственных и муниципальных должностях студенты рассматривают как источник достижения высокого личного материального статуса.

С другой стороны, в нашем исследовании показано отсутствие социальной справедливости и в оплате труда представителей социально значимых профессий (врачи, учителя, инженерно-технические работники и т. п.), пенсионеров и других слабо защищённых групп. В среднем в 60-90 % ответов высказано мнение, что они получают меньше / гораздо меньше, чем заслуживают.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров?» (в %)

Социально-профессиональные категории	Значительно < , чем заслуживает +2	<, чем заслуживает +1	Столько, сколько заслуживает 0	>, чем заслуживает -1	Значительно >, чем заслуживает -2	Индекс
Министр федерального правительства	1,1	1,1	11,3	31,7	54,8	-0,69
Рядовой чиновник в местной администрации	0	4,1	24,2	42,3	29,4	-0,49
Руководитель большого завода	0	3,2	53	35,7	8,1	-0,24
Хозяин небольшого продуктового магазина	3,7	14,2	74,2	7,9	0	0,07
Профессор университета	15,3	42,1	37,6	3,5	1,5	0,33
Рядовой инженер на большом заводе	10,3	53,8	35,7	0	0	0,37
Хирург высокой квалификации в городской больнице	23,3	42,2	30,6	3,4	0,5	0,42
Дворник, убирающий улицы города	34,8	36,8	27,4	0,5	0,5	0,53
Рабочий на заводе	32,5	53,2	13,8	0,5	0	0,59
Врач в поликлинике	48,3	42,1	7,7	1,4	0,5	0,68
Пенсионер, имеющий сорокалетний рабочий стаж	62,8	31,4	5,8	0	0	0,79

Наличие высокого социального статуса, обусловленного сферой занятости, имеет значение не только при распределении доходов, но и в различных жизненных ситуациях. В рамках одного из вопросов исследования студентам была предложена такая ситуация: на трассе Москва – Петербург в гололёд столкнулись пять машин. Тяжёлые травмы получили три человека – крупный чиновник федерального уровня, владелец большой торговой компании и рабочий, расположенного рядом сельхозпредприятия. Кого на ваш взгляд спасут

первым? Большая часть опрошенных (71,6%) считает, что в такой ситуации право на первостепенное оказание помощи будет иметь чиновник. На то, что первым будет спасён владелец компании, указали 18,6% респондентов, а о первоочерёдности спасения местного рабочего заявили лишь 9,8% опрошенных студентов.

По мнению студентов, данное, «справедливое», распределение связано именно с тем, что в таких случаях всё решают связи (24,8%) и деньги (21,8%). Кто как не чиновник имеет возможность воспользоваться и тем, и другим? Варианты ответов на вопрос «в таких случаях, всё решают связи» и «в таких случаях, всё решают деньги» имеют небольшой разрыв (около 3%) в сравнении с общероссийскими данными, в которых фигурируют 31% и 21% соответственно. Наименьшей популярностью, пользовался ответ «врачи выбрали первого попавшегося» (3,9% опрошенных). Несмотря на то, что в описанной ситуации такой способ поведения медработников был бы достаточно вероятным, молодёжь с большим предпочтением объясняет ситуацию через призму социального неравенства: наличия больших средств, связей, приоритетного положения в обществе.

При качественном анализе категории самостоятельно предложенных вариантов ответов, объясняющих причину поведения врачей, наибольшей популярностью является ответ *«спасать надо всех, следовательно, выбор зависит от случайных факторов или от того, у кого больше / меньше шансов выжить»* (2 из 4-х). Этот вариант также является наиболее упоминаемым в общероссийских показателях (17 упоминаний). Среди уникальных ответов, выдвинутых студентами-дальневосточниками, можно выделить вариант *«потому что хочу хотя бы в опросе дать надежду людям, не имеющим много денег или не занимающим высокое социальное положение»*, который, на наш взгляд, демонстрирует явную установку на осуществление социальной справедливости при отсутствии таковой в описанной ситуации.

Особый интерес вызывает реакция на *национально-этнический компонент*. Студентам был предложен вопрос следующего содержания: «Выяснилось, что пострадавшие – это люди разных национальностей: русский, дагестанец и еврей. С Вашей точки зрения, повлиял ли этот факт на решение врачей?». Результаты ответов на данный вопрос показали: 71,2% опрошенных считают, что данный факт не повлиял бы на решение врачей; 28,8% полагают, что национальность имеет в данном случае принципиальное значение. Процентное соотношение, в целом, соотносится с общероссийскими показателями. Однако следует отметить, что большая часть студентов российских вузов обучается в поликультурной и многонациональной среде, где достаточно развиты позитивные образы межнациональных отношений. При этом необходимо учитывать и тот факт, что жители Приморского края в последнее время высказывают некоторые опасения в отношении трудовых мигрантов по национальному признаку, о чём свидетельствуют результаты исследований, проведённых нами ранее [Винокурова А. В., Ардальянова А.].

Далее респондентам был предложен вопрос относительно оценки собственного поведения в сложившейся ситуации. Так, большая часть опрошенных (44,7 %) считает необходимым, в первую очередь, спасти того, у кого больше шансов выжить. Второй по популярности ответ (его выбрали 34% опрошенных) – «действовал бы по врачебной инструкции». Следует отметить, что, при ответе на предыдущий вопрос, объясняя поведение врачей, лишь 4,9% опрошенных указали, что «врачи действовали по инструкции, регулирующей подобные ситуации». Такое «зеркальное» отражение может свидетельствовать лишь о том, что, оценивая своё собственное поведение как справедливое, студенты отмечают несправедливость окружения и несправедливость общества в целом.

Какой же должна быть жизнь в справедливом обществе? При ответе на данный вопрос респондентам было предложено несколько утверждений. Большинство студентов полностью согласны с утверждением о том, что «в справедливом обществе люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения». Так считают 47,4% опрошенных. Также, в целом, соглашались студенты и с утверждением, что «в справедливом обществе специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией» (43,3%). Наибольшее количество отрицательных ответов получило утверждение о том, что «в справедливом обществе все доходы распределяются поровну между всеми гражданами». Абсолютное несогласие с этим утверждением выразили 28,8% респондентов.

Уровень справедливости современного российского общества оценивался по шкале от 1 до 10, наибольшей популярностью у студентов пользовалась позиция 4, её указали 22,8% опрошенных. Другие, наиболее популярные значения уровня справедливости современного российского общества также сосредоточены в центральном сегменте: значения 2-6. Как совершенно справедливое современное российское общество не оценивает никто из опрошенных, абсолютную несправедливость современного российского общества отметили 2,8% респондентов.

Если же говорить о проявлениях социальной несправедливости не на макро-, а на межличностном уровне, в повседневной жизни студентов, то чаще всего им приходилось с ней сталкиваться в таких житейских ситуациях, которые связаны получением врачебной помощи, учёбой, использованием общественным транспортом. Примечательно, что в большинстве случаев респонденты объясняют такое положение дел своими личными особенностями как объективного (пол, возраст, внешность, физические недостатки), так и субъективного плана (склад характера, манера поведения).

Также для оценки личностного компонента уровня социальной справедливости в современной России респондентам был задан вопрос: «Какие чувства они испытывают, когда размышляют о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?». Наибольшая частота упоминаний зафиксирована относительно таких эмоциональных состояний, как раздражение (32,6%), отчаяние (27,8%) и горечь (21,4%); наименьшая – отмечена в отношении таких чувств, как спокойствие (5,7 %) и оптимизм (9,6%).

Таким образом, студенты-дальневосточники не считают распределение доходов в современном российском обществе справедливым. При этом респонденты демонстрируют некую аполитичность и отсутствие знаний программ политических партий. Так, при ответе на вопрос «Какая из политических партий, движений России чаще других занимает позицию справедливости?» значительная часть респондентов (32,1%) затруднилась с ответом; 25,6% – назвали партию «Единая Россия» в лице Дмитрия Медведева, опираясь, на наш взгляд, исключительно на информационную политику партии власти. Помимо этого, 18,1% опрошенных считают, что ни одна из политических партий не занимает позицию справедливости.

Современное российское общество в суждениях и оценках студентов дальневосточных вузов – это общество «средней справедливости», где по-прежнему пенсионеры получают меньше, чем заслуживают; а крупные чиновники, обладая большим количеством связей и возможностей, получают незаслуженный приоритет во всех отношениях, даже в получении права на первоочередное спасение в чрезвычайной ситуации. Формированию такого мнения, на наш взгляд, способствует сложившаяся за последние годы негативная ситуация вокруг крупных чиновников и их деятельности (громкие уголовные дела в связи с превышением служебных полномочий, отставка с формулировкой «в связи с утратой доверия» и пр.).

В целом, предварительные результаты исследования мнений студентов дальневосточных вузов в отношении состояния и динамики социальной справедливости и неравенства в современном российском обществе показали, что справедливое общество – это общество, которое позволяет работать и зарабатывать; социум, где созданы равные возможности для всех, но достигает больше тот, кто больше учится, работает и больше приносит пользы обществу. Анализ оценок причин богатства и бедности позволяет сделать вывод о том, что одним из главных компонентов преодоления социальной несправедливости является профессиональная активность. Это благоприятная тенденция, которая демонстрирует достаточно высокий потенциал современного студенчества в сфере труда и занятости, активную жизненную позицию молодых людей.

Также наше исследование показало, что в современных условиях Дальнего Востока особенно важным становится проведение регулярного мониторинга социального самочувствия и миграционных настроений студенчества. Объектом мониторинга должны стать не только вузы и их филиалы, но и органы власти, общественные организации и иные субъекты, взаимодействующие со студенческой молодёжью. Исследования такого рода помогли бы составить прогноз жизненных стратегий молодых людей, что является принципиально важным для планирования государственной молодёжной политики.

Литература:

1. Винокурова А. В. Динамика развития демографических процессов в Приморском крае: социологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № S14. С. 46-50.

2. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки // Вестник Института социологии. 2016. № 1 (16). С. 43-55.

3. Гладышева А. С., Стоянов И. А. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 2. С. 273-279.

4. Основные демографические показатели. 2016 // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/6ee4a48048e13710b1c8f1f7eaa5adf2/2015.htm (дата обращения: 19.09.2016).

5. Прогноз численности населения. 2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Режим доступа: URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/71158a804f1b904092389a149d0ea7d8/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7+%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_2014.htm (дата обращения: 18.09.2016).

Ефимова Галина Зиновьевна

кандидат социологических наук, доцент
Тюменский государственный университет
g.z.efimova@utmn.ru

Galina Z. Efimova

PhD in Sociology, A/Professor
Tyumen State University

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: АНАЛИЗ РЕ-
ЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГОРОДУ
ТЮМЕНЬ (В СРАВНЕНИИ С ОБЩЕРОССИЙСКИМИ ДАННЫМИ)
SOCIAL INEQUALITY AND JUSTICE: AN ANALYSIS OF RESULTS
OF SOCIOLOGICAL RESEARCH ON THE CITY OF TUMEN
(IN COMPARISON WITH NATIONAL DATA)**

АННОТАЦИЯ. В статье обобщаются результаты исследования РОС (2016), мнение студентов Тюмени сравниваются с общероссийскими данными.

ABSTRACT. The article summarizes the results of the study RSS (2016), view students of Tyumen is compared with all data.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальная стратификация, социальное неравенство и справедливость, студенты Тюмени, причины бедности и богатства

KEYWORDS. Social stratification, social inequality and justice, students of Tyumen, the causes of poverty and wealth

Вопрос *социальной справедливости* тесно связан с категорией равенства либо неравенства людей между собой в определенных социально-исторических условиях. Социальное неравенство трактуется социологами как «дифференциация совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Ее основа и сущность – в неравномерности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [Сорокин П. А., с. 300]. *Социальная стратификация* представляет собой ранжирование социальных статусов и ролей в социальной системе; распределение социальных групп в иерархическом порядке; понятие, обозначающее структуру общества и систему признаков социального неравенства.

В качестве приоритетных источников социальной стратификации выступают:

- естественное (природное) неравенство людей;
- общественное разделение труда;
- специфические функции социальных групп в рамках социальной системы;
- институциональные механизмы воспроизводства социального неравенства;
- доминирующая система ценностей и культурных стандартов.

Социальное неравенство характеризуется непропорциональным доступом к дефицитным ресурсам в обществе (власть, образование, престиж, материальные блага, информация и пр.). Многие конфликтные ситуации возникают именно по поводу распределения социальных благ, дефицита и справедливости распределения ресурсов, интересов и целей.

Социальная справедливость находится в обратно пропорциональной зависимости от социального неравенства. В свою очередь, социальная справедливость характеризуется «мерой равенства в жизненном положении людей, классов и социальных групп, объективно обусловленная уровнем материального и духовного развития общества» [Профессиональное образование, с.310].

Теория справедливости предложена еще древнегреческим философом Аристотелем. Он считал, что «справедливость, означает предоставление людям того, что они заслуживают <...>. Но чего заслуживает человек? Каковы <...> основания его заслуг или отказа в них? Ответ зависит от того, что распределяют. Справедливость сопряжена с двумя факторами – благами и людьми, которым предназначают эти блага» [Цит. по: Сэндел М., с. 221].

В качестве наиболее распространенных трактовок термина «социальная справедливость» называют следующие [Григорьев С.И.¹]: «равноправие и социальное равенство в положении людей в обществе, одинаковый доступ к благам» (24% респондентов); «законность, соблюдение законов, юридических норм поведения людей, организации, общества» (22% экспертов).

Таким образом, социальная справедливость выступает как «категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов» [Дыльнова Т. В.]. С точки зрения справедливости необходимо определить, в чем именно люди могут быть равными, а в чем различными. Сделать это возможно путем беспристрастного соотнесения людей и их поступков, деяний. По словам русского философа-классика И. А. Ильина «справедливость есть искусство неравенства. В основе его лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям» [Ильин И. А., с. 91].

Для оценки уровня социального неравенства обратимся к результатам социологического исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в июле 2015 года². «Распределение доходов в нашем обществе, как четверть века назад, так и сегодня, большинство соотечественников считают несправедливым (однако за 25 лет эта доля немного снизилась: с 84% в 1990 г. до 77% в 2015 г.). Данной точки зрения чаще придерживаются люди пенсионного возраста (82% старше 60 лет), малообразованные (83%) и малообеспеченные (82%), нежели молодежь (73% 18-24-летних), обучавшаяся в

¹ По материалам Всероссийского социологического исследования 2012–2013 гг. «Общественный и личностный идеал, представления о смысле и качестве жизни и справедливости, жизненные планы и социальное здоровье современной учащейся молодежи России. Экспертный опрос» (выборка 467 экспертов).

² Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 4-5 июля 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%.

ВУЗах (73%), респонденты с высокими доходами (69%). С тем, что блага между людьми в целом поделены верно сегодня согласны 19% опрошенных (с 8% в 1990 г.)» [Богатые и бедные]. Данные того же исследования свидетельствуют, что основная причина существующей “несправедливости” заключается в неоправданно завышенных доходах некоторых людей (40%), и в том, что социально незащищенные слои населения (пенсионеры, инвалиды) получают несправедливо низкие доходы (27%).

По оценкам респондентов, нуждающихся в стране стало больше: если в 1990 г. о том, что бедных у нас «много», говорили 69%, то сегодня – 82%. При этом *феномен бедности опрошенные объясняют по-разному*: как недостаточной помощью государства нуждающимся семьям (69%), так и невозможностью детей из бедных семей получить хорошее образование и изменить свой материальный статус (67%), а с другой стороны – обыкновенной человеческой ленью, нежеланием некоторых предпринять что-либо для изменения своего положения (74%). *Как показал опрос, бедной россияне считают семью, чьи ежемесячные доходы составляют в месяц в среднем не более 11 тысяч рублей на одного человека.*

Отправляясь от общей постановки проблемы, перейдем к анализу материалов социологического исследования РОС «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», проведенного с марта по июнь 2016 года в рамках подготовки V Всероссийского социологического конгресса Российским обществом социологов. В опросе приняли участие 166 респондентов из города Тюмень, таким образом на долю Тюмени приходится 4,2% в общей выборочной совокупности. В анкетном опросе приняли участие 32% мужчин и 68% женщин. Рассмотрим мнения студентов о социальной справедливости и социальном неравенстве в современном обществе. Особый исследовательский интерес представляет сравнение оценок студентов города Тюмень с общероссийскими показателями.

Особенности выборки по Тюмени проявляются уже в возрастном составе респондентов (табл. 1).

Таблица 1.

Распределение респондентов в выборочной совокупности
по возрастным группам, % опрошенных

Возрастная группа	Тюмень	Массив
До 18 лет	0,6	3,9
18 лет	19,9	19,8
19 лет	27,7	30,1
20 лет	19,3	21,5
21 -24	25,9	20,3
25 и старше	6,6	4,4

Заметны отклонения выборки по Тюмени – меньше «молодых» (до 18 лет) и чуть больше старше 20 лет

Известно, что в школах нередко возникают ситуации, когда мнение учителя об ученике обусловлено не только его успехами, но и личными симпатия-

ми / антипатиями. В связи с этим чрезвычайно важно определить, как часто школьные учителя и преподаватели в университете были справедливы / несправедливы к респонденту, выставляя ему отметки.

Большинство тюменских респондентов (78%) отметили справедливое выставление школьными учителями оценок (варианты ответа «В большинстве случаев моя учеба оценивались справедливо» и «Моя учеба всегда оценивалась справедливо»). В среднем по выборке данный показатель составил 74,3%.

О предвзятости школьных учителей заявил каждый пятый респондент (22%): «Половина оценок были справедливы, половина нет» (17%), «В большинстве случаев моя учеба оценивалась несправедливо» (4%), «Моя учеба всегда оценивалась несправедливо» (1%). В среднем по выборке о предвзятости свидетельствовали 25% опрошенных.

Оценка объективности успеваемости респондента во время обучения в вузе не отличается от ответов на предыдущий вопрос. Респонденты, которые были уверены в предвзятом к ним отношении в школе, часто не изменили этого мнения и в университете, продолжая настаивать на предвзятом к ним отношении (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «По Вашему мнению, как часто школьные учителя были к вам справедливы или несправедливы, выставляя Вам отметки?» * «Насколько справедливо оцениваются Ваши знания в вузе?»,
% ответивших в среднем по выборке

Вариант ответа		Насколько справедливо оцениваются Ваши знания в вузе?				
		Моя учеба всегда оценивается несправедливо	В большинстве случаев моя учеба оценивается несправедливо	Половина оценок были справедливы, половина нет	В большинстве случаев моя учеба оценивается справедливо	Моя учеба всегда оценивается справедливо
По Вашему мнению, как часто школьные учителя были к вам справедливы или несправедливы, выставляя Вам отметки?	Моя учеба всегда оценивается несправедливо	25,7	7,8	2,0	0,7	1,4
	В большинстве случаев моя учеба оценивается несправедливо	11,4	15,5	8,0	3,1	3,3
	Половина оценок были справедливы, половина нет	25,7	41,9	27,4	17,6	12,7
	В большинстве случаев моя учеба оценивается справедливо	28,6	31,8	54,8	67,5	48,9
	Моя учеба всегда оценивается справедливо	8,6	3,1	7,8	11,2	33,7

Респондентам было предложено назвать оценки, которые они чаще всего получали во время обучения в школе (табл. 3). Так, отличниками в школе были лишь 13% респондентов из Тюмени и 19% в общероссийской выборке.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «В Вашем итоговом школьном аттестате каких оценок / баллов было больше, а каких меньше?»,
% опрошенных

Вариант ответа	Тюмень	Массив
Только низкие, тройки	0	0,7
Несколько ниже средних, в основном тройки	1,2	2,4
В основном средние, пополам тройки и четверки	13,9	14,2
В основном высокие, четверки или пятерки	71,7	63,4
Только высокие, пятерки	13,3	19,3

Различия в ответах респондентов относительно справедливости оценивания знаний в школе и вузе (по тюменской и общероссийской выборке) статистически не значимы (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько справедливо оцениваются Ваши знания», % опрошенных

Вариант ответа	В школе	В вузе	В школе	В вузе
	Тюмень		Россия	
Моя учеба всегда оценивается несправедливо	1	1,8	1,5	0,9
В большинстве случаев моя учеба оценивается несправедливо	4	3,0	4,5	3,3
Половина оценок были справедливы, половина нет	17	18,7	19,4	17,9
В большинстве случаев моя учеба оценивается справедливо	60	57,8	60,5	61,1
Моя учеба всегда оценивается справедливо	18	18,7	14,1	16,8

Чем ниже средний балл респондента, тем чаще он заявляет о проявленной к нему несправедливости и предвзятости (табл. 5). Так, в школьных аттестатах респондентов отметивших, что их знания в оценивались справедливо, преобладают в основном высокие оценки («четверки» и «пятерки») – 66,7%.

Распределение по полу показало, что юноши учатся в среднем хуже, чем девушки (табл. 6). «Хорошими» и «отличными» оценками в своем школьном аттестате могут похвастаться 73,1% юношей и 87,4% девушек.

Обратимся далее к оценкам респондентов относительно справедливости оплаты труда представителей разных профессий и пенсионеров (табл. 7). Респондентам предложено оценить уровень оплаты труда представителей конкретных должностей с точки зрения заслуг перед обществом, социальной значимости труда¹.

¹ Шкалу и формулу расчета индекса см.: С. 163, формула (3)

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопросы: «В Вашем итоговом школьном аттестате каких оценок / баллов было больше, а каких меньше?» * «По Вашему мнению, как часто школьные учителя были к вам справедливы или несправедливы, выставляя Вам отметки?», % ответивших в среднем по выборке

Вариант ответа		По Вашему мнению, как часто школьные учителя были справедливы / несправедливы, выставляя отметки?				
		Моя учеба всегда оценивалась несправедливо	В большинстве случаев моя учеба оценивалась несправедливо	Половина оценок были справедливы, половина нет	В большинстве случаев моя учеба оценивалась справедливо	Моя учеба всегда оценивалась справедливо
В Вашем итоговом школьном аттестате каких оценок/баллов было больше, а каких меньше?	Только низкие, тройки	13,6%	3,4%	0,4%	0,3%	0,5%
	Несколько ниже средних, в основном тройки	10,2%	4,5%	3,9%	1,8%	1,3%
	В основном средние, пополам тройки и четверки	30,5%	21,9%	23,0%	11,0%	11,6%
	В основном высокие, четверки или пятерки	39,0%	56,7%	59,8%	66,7%	59,4%
	Только высокие, пятерки	6,8%	13,5%	12,9%	20,2%	27,3%

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопросы: «В Вашем итоговом школьном аттестате каких оценок/баллов было больше, а каких меньше?» * «Укажите Ваш пол», %ответивших в среднем по выборке

Вариант ответа		Пол	
		Мужской	Женский
В Вашем итоговом школьном аттестате каких оценок/баллов было больше, а каких меньше?	Только низкие, тройки	1,6	0,2
	Несколько ниже средних, в основном тройки	4,2	1,5
	В основном средние, пополам тройки и четверки	21,1	10,9
	В основном высокие, четверки или пятерки	60,8	64,7
	Только высокие, пятерки	12,3	22,7

Таблица 7

Оценка респондентами справедливости оплаты труда представителей различных профессий, должностей, а также пенсионеров
(данные по городу Тюмень), % опрошенных

Должность, профессия,	Группа	+2	+1	0	- 1	-2	(индекс)
Пенсионер, имеющий сорокалетний трудовой стаж	Массив	57	33	8	1	1	1,44
	Тюмень	57	34	8	1	0	1,47
Врач в поликлинике	Массив	39	43	14	3	1	1,16
	Тюмень	24	50	19	5	2	0,89
Рабочий на заводе	Массив	30	51	17	1	1	1,08
	Тюмень	30	53	17	0	0	1,13
Дворник, убирающий улицы города	Массив	30	40	28	1	1	0,97
	Тюмень	34	43	21	1	1	1,08
Хирург высокой квалификации в городской больнице	Массив	24	39	33	3	1	0,82
	Тюмень	15	34	47	3	1	0,59
Рядовой инженер на большом заводе	Массив	12	52	33	2	1	0,72
	Тюмень	6	53	38	1	2	0,60
Профессор университета	Массив	16	42	34	6	2	0,64
	Тюмень	5	34	48	11	2	0,29
Хозяин небольшого продуктового магазина	Массив	3	14	72	9	2	0,07
	Тюмень	2	12	75	10	1	0,04
Руководитель большого завода	Массив	1	7	50	32	10	-0,43
	Тюмень	2	6	52	29	11	-0,41
Рядовой чиновник в местной администрации	Массив	2	8	22	40	28	-0,84
	Тюмень	1	7	28	37	27	-0,82
Министр федерального правительства	Массив	2	2	14	33	49	-1,05
	Тюмень	1	2	23	32	43	-0,71

На основании полученных данных выделим три категории работников:

– зарабатывающие больше, чем заслуживают («баловни»). К этой категории можно отнести министра федерального правительства (три из четырех респондентов по Тюмени и четыре из пяти респондентов в общероссийской выборке отметили применительно к нему варианты ответов «получает больше, чем заслуживает» и «получает значительно больше, чем заслуживает»), рядового чиновника местной администрации (два из трех и два из трех, соответственно). Особенность тюменских студентов – они к доходам чиновника местной администрации отнеслись более строго;

– зарабатывающие меньше, чем заслуживают («дискриминируемые»). Дискриминируемыми профессиями и должностями являются: рабочий на заводе (четыре из пяти респондентов из Тюмени, как и в среднем по выборке, отметили варианты ответа «получает значительно меньше, чем заслуживает» и «по-

лучает меньше, чем заслуживает»), дворник, убирающий улицы города (тюменские студенты это отмечали даже чуть чаще, чем в среднем по выборке), врач в поликлинике (а это они, напротив, отмечали чуть реже), рядовой инженер на большом заводе, хирург высокой квалификации, профессор университета (если исходить из оценок студентов, то положение профессуры в Тюмени чуть лучше, чем во всей стране), и особенно – пенсионер, имеющий сорокалетний рабочий стаж (четыре из пяти респондентов и в Тюмени, и в массиве посчитали пенсию наиболее не достойной после 40 лет труда);

– получающие за свой труд оптимальный уровень оплаты («нейтралы»). К ним можно причислить хозяина небольшого продуктового магазина и руководителя большого завода. И если в отношении первого тюменцы сходны в своих оценках со всем массивом, то перенесение второго в группу «нейтралов» – их особенность.

Для оценки влияния социального неравенства на оказание медицинских услуг респондентам предложена гипотетическая ситуация: на трассе Москва–Петербург в гололед столкнулись пять машин. Тяжелые травмы получили три человека – крупный чиновник федерального уровня, владелец большой торговой компании и рабочий расположенного рядом сельхозпредприятия. Три четверти респондентов (78%) уверены, что врачи в первую очередь возьмутся за оказание помощи именно чиновнику. Вероятность спасения местного рабочего составила – 12%, а владельца компании – лишь 10%. Общероссийская выборка демонстрирует аналогичные стереотипы в общественном мнении студентов: 76% респондентов предположили, что медики примутся за спасение именно федерального чиновника, владелец компании окажется спасенным в 13% случаев и местный рабочий останется имеет шансы получить медицинскую помощь лишь в 11% случаев.

Почему респонденты приняли такое решение и практически единодушно уверены в предвзятости предвзятость врачей? Рассмотрим далее, как студенты аргументировали свою точку зрения (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Почему Вы так считаете?»,
% ответивших

Ранг	Вариант ответа	Тюмень	Массив
I	В таких случаях, все решают связи	25,9	20,5
II	В таких случаях, все решают деньги	19,3	29,9
	Врачам сверху подсказали, что надо делать	19,3	17,8
III	Врачи спасали того, у кого больше шансов выжить	13,3	10,8
IV	Врачи выбрали того, кто полезнее для страны	6,6	5,4
V	Врачи выбрали первого попавшегося	1,8	1,5
VI	Врачи действовали по инструкции, регулирующей подобные ситуации	4,2	4,4
VII	Все решает родство, соседство	0	1,0
Всего		90,4	94,3
Затрудняюсь ответить		9,6	5,7

Каждый четвертый респондент (в тюменской выборке – 26% опрошенных и 20,5% респондентов в федеральной выборке) отметил, что в «таких случаях все решают связи». Приоритет денег вышел на первое место в федеральной выборке (30%) и занимает лишь второе место в тюменской выборке (19,3%). Отметим, что это достаточно значимый разброс оценок, свидетельствующий о более высокой значимости для тюменских студентов связей в формировании социального неравенства, по сравнению с приоритетом денег.

Далее респондентам от разработчиков анкеты последовало еще одно уточнение обозначенной ситуации про столкновение пяти автомобилей: «Выяснилось, что пострадавшие – люди разных национальностей: русский, дагестанец и еврей. С Вашей точки зрения, повлиял ли этот факт на решение врачей?». Примечательно, что национальный фактор имеет достаточно низкую значимость в формировании и распространении социального неравенства. Три четверти респондентов из числа студентов Тюмени ответили отрицательно – «данный факт никак не повлиял» (78%). Среднее значение по выборке составило 74%.

Как бы сами респонденты поступили, если бы гипотетически оказались на месте врачей в ситуации, когда ресурсы ограничены, а помощь требуется сразу нескольким пострадавшим (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как бы Вы поступили на месте врачей?», % опрошенных

Ранг	Вариант ответа	Тюмень	Массив
I	Спасал бы того, у кого больше шансов выжить	47,0	41,4
II	Действовал бы по врачебной инструкции	33,1	34,3
III	Спасал бы того, у кого больше семья, больше детей	12,0	9,1
IV	Спасал бы того, кто оказался ближе к операционной	3,0	3,1
V	Спасал бы того, кто нужнее, полезнее для страны	1,2	3,5
	Спасал бы человека моего народа, такой же, как у меня веры	1,2	1,4
VI	Спасал бы того, кто может больше заплатить	0,6	1,0
	Спасал бы своего, живущего рядом	0,6	1,4
VII	Бросил бы жребий	0	1,9
Другое		1,2	2,9
Всего		100,0	100,0

Мнения большинства студентов распределились между двумя вариантами ответов: «Спасал бы того, у кого больше шансов выжить» (41,4% в общероссийской выборке и 47% в тюменской выборке) и «Действовал бы по врачебной инструкции» (34,3% в общероссийской выборке и 33,1% в тюменской выборке). Далее с существенным отрывом следует вариант ответа: «Спасал бы того, у кого больше семья, больше детей» (9,1% в общероссийской выборке и 12,0% в тюменской выборке). Прочие варианты ответа набрали менее 3% ответов респондентов.

Далее респондентам было предложено дать оценку справедливости современного российского общества по шкале, где «0» – совершенно не справедливое общество, а «10» – абсолютно справедливое общество. Среди респонден-

тов Тюмени средний балл составил 4,2, а по общероссийской выборке – 3,6. (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов респондентов на вопрос «Дайте оценку справедливости современного российского общества», % опрошенных

Вариант ответа	Тюмень	Массив
0 – Совершенно не справедливое	0,6	4,3
1	4,2	6,3
2	9,0	15,2
3	18,1	24,2
4	24,1	19,9
5	25,3	16,6
6	10,8	7,8
7	7,8	4,2
8	0	1,1
9	0	0,2
10 – Совершенно справедливое	0	0,2

Две трети студентов-тюменцев (73%) отметили согласие с утверждением: «В справедливом обществе люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения» (варианты ответа «полностью согласен» и «в основном согласен»). В среднем по выборке показатель составил 73,9%. Однако, половина респондентов из Тюмени (51%) не согласны с утверждением, что «в справедливом обществе все доходы распределяются поровну между всеми гражданами»). Почему респонденты против? Три четверти опрошенных (74%) считают, что в «справедливом обществе все люди получают по труду» (варианты ответа «полностью согласен» и «в основном согласен»). В то же время и начальник не должен получать больше, чем рядовые работники. При ответе на вопрос: «В справедливом обществе руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники» варианты ответа «полностью согласен» и «в основном согласен» выбрали 25% россиян.

Что необходимо предпринять для того чтобы общество стало более справедливым? Студенты оценили эффективность следующего утверждения: «Станет ли общество более справедливым, если богатые будут платить больше налогов, чем бедные?» Каждый второй респондент-тюмонец (51%) согласен с данным утверждением (варианты ответа «полностью согласен» и «в основном согласен»). В среднем по выборке показатель составил 57%.

В российском обществе весомую его долю составляет бедняки, которым не хватает денег даже на полноценное питание, не говоря обо всем остальном. Очевидно, что как бедных, так и богатых отличают определенные социально-психологические характеристики. Какие именно? В их определении важную роль играет локус контроля респондента [Реан]. Исследователи отмечают, что лица с внешним локусом контроля берут ответственность за свою жизнь (за успехи и неудачи) на себя, не перекладывая её на различные обстоятельства. Соответственно, внешний локус контроля характеризуется поиском причины происходящих событий во внешней среде.

Итак, какими факторами детерминирована бедность населения (табл.11)?

Таблица 11

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы думаете, как часто их бедность вызвана следующими причинами»
(варианты ответов «часто» и «очень часто»), % опрошенных

Ранг	Вариант ответа	Тюмень	Массив
I	Лень, отсутствие желания работать	75,9	75,0
	Пьянство, наркомания	75,9	79,5
II	Плохие условия воспитания, взросления	59,7	59,2
III	Политика хозяев предприятия, недоплачивающим работникам	46,9	47,9
IV	Политика правительства в пользу богатых	44,0	49,5
	Дети из бедных семей не могут пробиться наверх	43,4	46,2
V	Плохое здоровье, инвалидность	34,3	38,3
VI	Нарушение законов, гарантирующих людям равные права	29,5	35,2
VII	Застой в экономике, отсутствие ее развития	27,1	37,0
VIII	Низкое качество образования	25,9	29,2
IX	Ущемление прав по возрастному признаку	23,5	22,4
X	Конкуренция со стороны мигрантов	19,9	24,7
XI	Невезение	14,4	13,8
XII	Препятствия, чинимые людьми иной национальности	13,2	18,2
XIII	Отсутствие способностей, талантов	12	9,8

На первом месте – «лень, отсутствие желания работать» (76% в тюменской выборке и 75% в общероссийской), «пьянство и наркомания» (76% в тюменской выборке и 79,5% в общероссийской выборке). Далее с большим отрывом следует фактор «плохие условия воспитания, взросления» (60% в тюменской выборке и 59,2% в общероссийской выборке). Третье место отводится «политике хозяев предприятия, недоплачивающим работникам» (47% в тюменской выборке и 48% в общероссийской выборке). В качестве абсолютно незначимых переменных респондентами названы: «невезение», «препятствия, чинимые людьми иной национальности», «отсутствие способностей, талантов».

Обратимся далее к причинам богатства (табл. 12).

Таблица 12

Распределение ответов респондентов на вопрос: «На Ваш взгляд, как часто люди добиваются богатства благодаря следующим причинам» (варианты ответов «часто» и «очень часто»), % опрошенных

РАНГ	Вариант ответа	Тюмень	Россия
I	Полезные связи	81,9	86,3
II	Хорошее образование	72,3	66
III	Трудолюбие	69,3	67,2
IV	Помощь семьи, родных	61,4	65,5
V	Умение рисковать	57,8	61,6
VI	Правильное воспитание в семье	47	46,2
	Талант, способности	46,3	44,2

РАНГ	Вариант ответа	Тюмень	Россия
VII	Трезвый, разумный образ жизни	43,9	44,9
VIII	Политика правительства, поощряющая предпринимательство	40,9	41,3
IX	Раздача госсобственности в период приватизации	38,6	39,4
	Нарушения закона, преступления	38	46,3
X	Благоприятствующие законы	36,1	32,4
XI	Крепкое здоровье, сила	34,3	38,4
XII	Везение	31,3	34,4
XIII	Включенность в криминальные структуры	30,1	40,2
XIV	Развитие экономики	25,3	27,8
XV	Принадлежность к какой-либо национальности	7,2	14,1

Лидирующие позиции занял фактор: «полезные связи» (82% в тюменской выборке и 86,3% в общероссийской выборке), «хорошее образование» (72,3% в тюменской выборке и 66,0% в общероссийской выборке) и «трудолюбие» (69,3% в тюменской выборке и 67,2% в общероссийской выборке). Минимальную степень значимости имеет такой фактор как «принадлежность к какой-либо национальности» (7,2% в тюменской выборке и 14,1% в общероссийской выборке).

В рамках опроса были выделены *наиболее рискогенные ситуации*, в рамках которых респонденты сталкиваются с проявлением социального неравенства (табл. 13).

Таблица 13

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев сталкиваться с проявлением несправедливости по отношению к вам лично? Как часто это происходило в следующих ситуациях...» (варианты ответов «часто» и «очень часто»), % опрошенных

Ранг	Вариант ответа	Тюмень	Массив
I	В поликлинике, больнице	22,3	30,6
II	В учебном заведении	22,3	18,7
III	На улице, в общественном транспорте	15,6	21,1
IV	На работе	13,2	12,3
V	В магазине, на рынке	10,2	18,5
VI	В общении с местными чиновниками	7,2	16,5
VII	В общении с людьми иной национальности	6,6	10,5
	В общении с людьми иного вероисповедания	6,6	8,4
VIII	В семье	5,4	6,1

По оценкам респондентов такие рискогенные ситуации чаще возникают в поликлиниках / больницах (22,3% в тюменской выборке и 30,6% в общероссийской выборке), в учебном заведении (22,3% в тюменской выборке и 18,7% в общероссийской выборке), на улице и в общественном транспорте (15,6% в тюменской выборке и 21,1% в общероссийской выборке). Реже всего с проявлениями социального неравенства респонденты сталкиваются в семье (5,4% в тюменской выборке и 6,1% в общероссийской выборке).

Какая из российских политических партий и движений чаще других занимает позицию справедливости (табл. 14)?

Таблица 14

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая из политических партий, движений России чаще других занимает позицию справедливости»,
% опрошенных

Вариант ответа	Тюмень	Массив
Единая Россия (Дмитрий Медведев)	31,9	29,0
Либерально-демократическая партия (Владимир Жириновский)	6,6	7,6
Справедливая Россия (Сергей Миронов)	3,0	3,2
КПРФ (Геннадий Зюганов)	1,8	4,1
Гражданская платформа (Михаил Прохоров, Рифат Шайхутдинов)	0,6	1,5
Левый фронт (Сергей Удальцов)	0,6	0,3
Другая партия	1,2	1,2
ПАРНАС (Владимир Рыжков, Михаил Касьянов)	0	0,7
Русские националистические организации, проводящие «Русский марш»	0	0,7
Яблоко (Григорий Явлинский, Эмилия Слабунова)	0	0,5
Национал-большевики (Эдуард Лимонов)	0	0,3
Правое дело/Партия роста (Борис Титов)	0	0,3
Затрудняюсь ответить	44,0	33,9
Ни одна из перечисленных	10,2	16,0

Затруднились при ответе на данный вопрос – 44% опрошенных в тюменской выборке. Каждый третий респондент при ответе на вопрос назвал партию «Единая Россия» (32% тюменская выборка и 29% в общероссийской выборке). Особенность тюменской выборки – некоторые партии и движения в их ответах вообще не были представлены.

В каждой политической программе заявлены определенные конкретные принципы, представленные ключевыми словами и выражениями. Респондентам предложено оценить, какие из предложенных слов, выражений вызывают положительные чувства, а какие отрицательные (табл. 15).

В максимальной степени положительные чувства респондентов вызывают следующие термины: «права человека» (86,1% в тюменской выборке и 84,2% в общероссийской выборке), «справедливость» (84,9% в тюменской выборке и 83,0% в общероссийской выборке), «равенство» (83,1% в тюменской выборке и 74,4% в общероссийской выборке). Положительные чувства менее чем у трети респондентов вызывают такие слова как «национализм», «партия», «социализм», «парламент».

Наиболее значимые различия в ответах тюменских студентов по сравнению с общероссийской выборкой отмечены в отношении терминов «конкуренция» и «модернизация».

Таблица 15

Распределение ответов респондентов «Какие из следующих слов, выражений вызывают у Вас положительные чувства, а какие отрицательные» (вариант ответа «положительные чувства»), % опрошенных

РАНГ	Вариант ответа	Тюмень	Россия
I	Права человека	86,1	84,2
II	Справедливость	84,9	83,0
III	Равенство	83,1	74,4
IV	Свобода	78,3	80,2
V	Порядок	75,9	80,8
VI	Демократия	66,3	59,4
VII	Президент	57,2	54,3
VIII	Модернизация	56,6	67,8
IX	Индивидуализм	55,4	50,3
X	Предпринимательство	53,6	61,6
XI	Коллективизм	42,8	38,6
XII	Глобализация	39,8	43,7
XIII	Реформа	31,3	42,3
XIV	Выборы	30,1	34,9
	Либерализм	31,3	28,1
XV	Парламент	27,1	31,8
	Конкуренция	30,1	41,1
XVI	Социализм	25,9	28,5
XVII	Партия	21,7	24,4
XVIII	Национализм	10,8	12,3

Студентам, участникам опроса предложено охарактеризовать, каким именно должно быть справедливое общество (табл. 16)

Главная и неотъемлемая характеристика справедливого общества – «бесплатное здравоохранение» (69% в тюменской выборке и 74% в общероссийской выборке). На втором месте – «бесплатное образование» (63,2% в тюменской выборке и 71,3% в общероссийской выборке). Третье место – «Каждый человек может заняться предпринимательством, создать свое предприятие» (57,8% в тюменской выборке и 65,8% в общероссийской выборке).

Реже всего, по мнению студентов, справедливое общество характеризуется следующими возможностями: «если в обществе выборы проходят честно, оно может считаться справедливым», «то, что люди получают от природы какие-то способности, таланты – чистая случайность», «все решения принимаются в интересах большинства, даже если при этом страдают права меньшинств».

Большая часть детства респондентов из Тюмени прошла в городе с населением от 500 тысяч до миллиона жителей (34%). В общероссийской выборке

наиболее распространенный варианты ответа – город с населением в миллион человек и более (23%).

Таблица 16

Распределение ответов респондентов «В справедливом обществе...» (варианты ответа «полностью согласен» и «в основном согласен»), % опрошенных

Ранг	Вариант ответа	Тюмень	Россия
I	Здравоохранение бесплатное	68,7	74,3
II	Государство помогает детям из бедных семей встать на ноги, получить бесплатно образование	63,2	71,3
III	Каждый человек может заняться предпринимательством, создать свое предприятие	57,8	65,8
IV	Все острые конфликты и противоречия находят решения в суде	53	54,6
V	Можно сколько угодно говорить о справедливости, но справедливого общества никогда не было и не будет	47	52,2
VI	Все – и местные, и приезжие из других регионов – имеют равные права	42,2	46,5
VII	Власть должна установить верхний предел доходов для богатых	39,2	40,0
VIII	Необходимо обеспечить разумные потребности людей, даже если для этого придется лишить богатых	35,5	39,4
IX	Деньги от использования природных ресурсов идут полностью в казну государства	28,9	35
X	Если большинство граждан материально благополучны, но у них нет возможности влиять на власть...	25,3	29,5
XI	На первом плане права и свободы каждого отдельного человека, даже если при этом страдает большинства	19,9	19,3
	Если в обществе выборы проходят честно, оно может считаться справедливым	19,9	26,7
XII	То, что люди получают от природы какие-то способности, таланты – чистая случайность.	16,9	13,6
XIII	Все решения принимаются в интересах большинства, даже если при этом страдают права меньшинств	15,0	19,2

Вдвое больше, чем в среднем по массиву, в тюменской выборке тех, чье детство прошло в сельской местности. Подробное распределение ответов респондентов на данный вопрос представлено в таблице 17.

Таблица 17

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Где прошла большая часть Вашего детства», % опрошенных

Вариант ответа	Тюмень	Массив
Москва, С.Петербург	0	5,8
Город с населением 1 млн. жителей или более	4,8	22,8
Город с населением от 500 тысяч до 999 тысяч	33,7	13,3
Город с населением от 100 до 499 тысяч жителей	9,0	17,5
Город с населением от 50 до 99 тысяч	5,4	7,4
Город с населением от 10 до 49 тысяч	10,2	8,9
Поселок городского типа	17,5	13,8
Село, деревня	19,3	10,5
Всего	100,0	100,0

Анализ уровня образования родителей респондентов показывает преобладание высшего образования в общероссийской выборке. Университет окончили 38,6% отцов и 48,4% матерей респондентов. Примечательно, что по тюменской выборке отмечается более низкий уровень университетского образования – 27,7% у отцов и 39,2% у матерей. Среди образования отцов тюменских студентов преобладает среднее техническое образование (39,2%), что в 1,13 раза выше общероссийского показателя. Подробное распределение ответов респондентов на данный вопрос представлено в таблице 18.

Таблица 18

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каково образование Ваших родителей», % опрошенных

Вариант ответа	Отец		Мать	
	Тюмень	Массив	Тюмень	Массив
Начальное, неполное среднее	1,2	1,0	0	0,6
Среднее общее (средняя школа)	7,8	6,7	6,6	5,7
Начальное профессиональное, среднее специальное (ПТУ, СПТУ)	11,4	11,6	12,0	9,3
Среднее техническое (техникум)	39,2	28,4	33,7	26,5
Неполное высшее (3 курса вуза)	3,6	4,2	5,4	5,5
Высшее	27,7	38,6	39,2	48,4
Научное – аспирантура, диссертация	1,2	2,2	1,8	2,1
Не знаю	7,8	7,4	1,2	1,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ уровня материального благосостояния родительской семьи респондентов показывает отсутствие статистически значимого различия между тюменской и общероссийской выборкой (табл. 19).

Таблица 19

Распределение ответов респондентов на вопрос: «К какой категории по уровню доходов относится Ваша родительская семья», % опрошенных

Вариант ответа	Тюмень	Массив
Мы не можем свести концы с концами. Нам не хватает денег даже на еду	1,2	1,5
Денег нам хватает только на питание, да и то по минимуму.	2,4	2,3
На питание нам хватает. Одежду покупаем, но самую дешевую.	16,9	15,7
Мы хорошо питаемся. На одежду денег хватает, в том числе и дорогую. Если сэкономим, то можем купить что-то из вещей.	48,8	46,9
Мы без труда приобретаем вещи длительного пользования.	25,3	27,7
У нас нет материальных проблем. Если захотим, можем приобрести дорогой автомобиль, элитное жилье.	5,4	5,9
Всего	100,0	100,0

Около половины студентов отметили, что их родителям «на одежду денег хватает, в том числе и дорогую. Если сэкономим, то можем купить что-то из вещей» (48,8% ответов тюменских студентов и 46,9% в среднем по выборке). На втором месте – «Мы без труда приобретаем вещи длительного пользования» (25,3% и 27,7%, соответственно). В то же время особых различий в материаль-

ном положении тюменских студентов в сравнении с российскими студентами в целом не зафиксировано.

Существенное влияние на оценки и самооценки тюменских студентов оказало то, на каком этапе обучения они находятся (табл. 20). Заметно определенное смещение тюменских студентов в сторону старшекурсников.

Таблица 20

Распределение ответов респондентов на вопрос: «На каком курсе Вы учитесь»,
% опрошенных

Вариант ответа	Тюмень	Массив
1-2 курс	57,8	63,9
3 курс	18,7	18,2
4-5-6 курс	19,3	14,5
магистратура (аспирантура, интернатура, ординатура и пр.)	4,2	3,4
Всего	100,0	100,0

Среди респондентов из города Тюмень, 91% получают образование по гуманитарной специальности (в опросе участвовали студенты Тюменского государственного университета). В общероссийской выборке распределение по специальностям более разнообразно. Так, на долю технической специальности приходится 28,9% респондентов, по естественнонаучной обучаются 5,5%, по гуманитарной (психология, социология, литературоведение, филология) – 39,0%, по экономической (менеджер, экономист, финансист) – 20,6%, по медицинской – 1,7%, по военной – 0,5%. На долю других специальностей приходится 3,8%.

Рассмотрим далее миграционные настроения студенчества. В общероссийской выборке доля респондентов, выразивших патриотические настроения составила лишь 39%, в то время как определенные миграционные настроения испытывают 42% (вариант ответа “все зависит от того, где мне предложат хорошую работу”). Гарантированно уедут за рубеж – 5,2% студентов. Затруднились при ответе на вопрос – 14% опрошенных.

Среди тюменского студенчества каждый второй респондент планирует остаться в России после окончания обучения в университете (57%). Потенциальным эмигрантом является каждый четвертый студент (24%) – «все зависит от того, где мне предложат хорошую работу». Лишь 5% гарантированно уедут за рубеж. Затруднились при ответе на вопрос – 14% опрошенных.

Более половины респондентов из числа тюменских студентов хотели бы жить на постоянной основе именно в России (59%), что в 1,2 раза выше среднего значения по общероссийской выборке (49%). На проживание в другой стране ориентированы 21% тюменского студенчества и 24% в среднем по выборке. Итак, видим, что общероссийские данные свидетельствуют о более выраженных миграционных настроениях, по сравнению с региональными (по данным выборки по городу Тюмень).

Верующими себя считают 75% респондентов из Тюмени, что выше среднего значения по выборке (69,2%). В таблице 21 представлены ответы респондентов о национальной принадлежности.

На основании представленных результатов социологического исследования видим, что студенты характеризуют современное российское общество как справедливое. Вместе с тем, они отмечают наличие социального неравенства и дискриминации в отношении определенных профессий.

Таблица 21

Распределение ответов респондентов на вопрос: «К какой национальности Вы себя относите», % опрошенных

Национальность	Тюмень	Массив
Русский	77,7	74,8
Татарин	5,4	5,9
Украинец	3,0	1,4
Чеченец	1,8	0,5
Армянин	1,2	1,3
Казах	1,2	1,6
Азербайджанец	0,6	0,7
Чуваш	0,6	0,5
Белорус	0,6	0,5
Башкир	0	2,0
Еврей	0	0,7
Другая национальность	4,8	6,6
Ни к одной национальности себя не отношу	3,0	3,5
Итого	100,0	100,0

Применительно к собственной персоне, три четверти респондентов не отметили дискриминации в отношении оценки их знаний в школе и в университете. Далее респондентам предложено оценить уровень оплаты труда представителей конкретных должностей с точки зрения заслуг перед обществом, социальной значимости труда. На основании полученных данных выделены три категории работников: зарабатывающие больше, чем заслуживают («баловни»), зарабатывающие меньше, чем заслуживают («дискриминируемые») и получающие за свой труд оптимальный уровень оплаты («нейтралы»).

Для решения вопросов в условиях дефицита ресурсов (времени, кадров и прочего) приоритет денег вышел на первое место в федеральной выборке и занимает лишь второе место в тюменской выборке. Отметим, что это достаточно значимый разброс оценок, свидетельствующий о более высокой значимости связей в формировании социального неравенства, по сравнению с приоритетом денег. Таким образом, общероссийская выборка демонстрирует наличие тренда приоритета денег в решении различного рода вопросов, аналогичных поставленной проблеме с медицинской помощью пострадавшим в аварии. Студенты города Тюмени наибольшее значение видят именно в наличии социального капитала, взаимопомощи и взаимовыручке. Данную тенденцию можно охарактеризовать известной поговоркой: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Национальный фактор имеет достаточно низкую значимость в формировании и распространении социального неравенства. По оценкам респондентов из города

Тюмень, отмечается более высокий уровень социального неравенства по сравнению с общероссийскими показателями

Литература

1. Богатые и бедные – вчера и сегодня // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс] <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317>
2. Григорьев С.И., Миронова С.В., Мартынова М.Ю., Толстых Г.В. Социальное оправдание неравенства и проблема справедливости // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4 (194). С. 73-83.
3. Дыльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6-7). С. 161-168.
3. Ильин И.А. О справедливости // Народное образование. – 1993.– №1. С. 91 <http://ivan-article.narod.ru/24.htm>
4. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО С.М. Вишнякова. 1999. 538 с.
5. Реан А.А. Проблемы и перспективы развития концепции локуса контроля личности // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 3-12
6. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. сост. и предисл. Ю.А. Согомонова: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 297-307.
7. Сэндел М. Справедливость: Как поступать правильно? М.: Манн, Иванов, Фербер. 2016. 352 с.

УДК 364.612.12:316.344-057.875(571.122)

Засыпкин Владислав Павлович

доктор социологических наук, доцент,
Председатель Югорского отделения РОС,
Сургутский государственный педагогический
университет, первый проректор
zasipkin06@mail.ru

Vladislav P. Zasyarkin

doctor of sociological Sciences, Professor,
Chairman of the Yugorsky offices RSS,
Surgut State Pedagogical University,
first Vice-Rector

**СТУДЕНЧЕСТВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО
ОКРУГА-ЮГРЫ О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ
И СПРАВЕДЛИВОСТИ
STUDENTS OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG-YUGRA
ON SOCIAL INEQUALITY AND JUSTICE**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются результаты федерального исследования РОС (2016) в вузах ХМАО-Югры, осуществляется их сопоставление с общероссийскими данными.

ABSTRACT. This article discusses the results of a federal study of ROS (2016) in universities of KHAMAO-Yugra, their comparison with national data.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальное неравенство, социальная справедливость, ХМАО-Югра, причины бедности и богатства, справедливое общество.

KEYWORDS: social inequality, social justice, KHAMAO-Yugra, causes of poverty and wealth, just society.

Тема социального неравенства и социальной справедливости, пожалуй, одна из наиболее актуальных и распространенных тем в современной социологии. Именно этой проблеме был посвящен XVIII Конгресс Международной социологической ассоциации в Японии (Йокогама, 2014), именно этой проблеме посвящен V Всероссийский социологический конгресс в России (Екатеринбург, 2016).

В социологии понятие социального неравенства рассматривается в единой связке со стратификацией. В этом отношении и стратификация, и социальное неравенство, как база для неё, – явления совершенно неизбежные для современного общества. Социальное неравенство тесно переплетено и с понятием справедливости. В концепциях развития современного российского общества в самом общем виде социальную справедливость определяют как систему существующих в повседневном сознании ценностей, убеждений и представлений людей о характере создания, накопления и распределения благ, а также о спе-

цифике взаимодействий организаций гражданского общества, людей, бизнеса и государственных органов [Социальная справедливость, 2016, с.173].

Эта тема объясняет функционирование в обществе принципов социального равенства, подразумевающих наличие социальных прав и гарантий и исключающих «уравниловку».

Именно эти позиции и принципы были положены в основу всероссийского социологического исследования, посвященного изучению мнений студенчества о социальном неравенстве и сопутствующих темах: об их отношении к распределению государственных доходов, бедности, богатству, социальной справедливости и несправедливости, а также причинах таких явлений. Опрос проводился в 2016 г. в 25 городах Российской Федерации.

В настоящей работе будут представлены результаты опроса студентов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Выборка по округу составила 364 человека (9,2% от общероссийской выборки). Опрос проводился в двух самых крупных городах региона – Сургуте и Нижневартовске.

Начнем анализ с оценки справедливости современного российского общества (табл. 1).

Таблица 1

Оценка справедливости современного российского общества, % ответивших*

Значения	%
0 – Совершенно не справедливое	4,67
1	2,47
2	9,34
3	17,86
4	22,80
5	24,73
6	10,16
7	4,95
8	3,02
9	0,00
10 – Совершенно справедливое	0,00

* Среднее(индекс): 4,09±0,18. Пропуски: 0,00%.

Опрос студенчества ХМАО-Югры показал, что доминантную оценку студентами степени справедливости российского современного общества в основном получают средние значения в интервале от 3 до 6 из 11 возможных. Наибольшее количество выборов получают значения 4 и 5 (каждый четвертый из опрошенных студентов, соответственно). Среднее значение 4,1. Абсолютно крайнюю отрицательную оценку (в интервале от 0 до 2) дал каждый шестой из опрошенных студентов. Крайняя положительная оценка в интервале от 8 до 10 встречается у каждого девятого студентов, при этом максимальные значения, 9 и 10, не были отмечены.

Другими словами, с точки зрения студенческой молодежи Югры, справедливость не является доминантной характеристикой современного россий-

ского общества. Примечательно то, что эта оценка несколько выше той, которую дают студенты других городов Российской Федерации в общем массиве данных. В частности, в этом массиве наибольшее количество выборов получает значение 3 – почти у каждого четвертого от общего количества опрошенных. Значения 4 и 5 не набирают и пятой части выборов.

Сравнительный анализ отразил влияние оценки справедливости российского социума на готовность после окончания вуза жить в России или в другой стране (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов «Оценка справедливости современного российского общества» в зависимости от «Где бы вы хотели жить на постоянной основе», %

Оценка справедливости современного российского общества	Где бы Вы хотели жить на постоянной основе – здесь в России или может быть в какой-то другой стране?			
	В России	В другой стране	Затрудняюсь ответить	ИТОГО:
0 – Совершенно не справедливое	3,14	9,68	2,50	4,67
1	0,52	7,53	1,25	2,47
2	7,33	9,68	13,75	9,34
3	14,66	26,88	15,00	17,86
4	24,61	23,66	17,50	22,80
5	27,75	11,83	32,50	24,73
6	9,95	8,60	12,50	10,16
7	7,33	1,08	3,75	4,95
8	4,71	1,08	1,25	3,02
9	0,00	0,00	0,00	0,00
10 – Совершенно справедливое	0,00	0,00	0,00	0,00

Как видим, по данным двухмерного распределения, среди тех, кто преимущественно дает отрицательную оценку справедливости российского общества (т.е. оценивает его как несправедливое, не очень справедливое – в диапазоне от 0 до 3), доля желающих покинуть страну для смены места жительства значительно выше, чем готовых остаться в России. Начиная со средней оценки (4), ситуация – противоположная. В оценочных группах, отмечающих достаточно высокий уровень справедливости (7, 8) разрыв в 5–7 раз в пользу желающих остаться в России. По данным этого опроса сложно сделать вывод о наличии жесткой определяющей причинной связи между этими двумя факторами, но тем не менее такая зависимость просматривается достаточно очевидно.

Гендерный срез в ответах на тот же вопрос показывает, что отрицательную оценку справедливости российского общества чаще дают юноши, чем девушки (табл. 3). В диапазоне низких оценок уровня справедливости российского общества (от 0 до 3) разместилось свыше 44% ответов юношей и лишь 32% ответов девушек. Начиная со средней оценки (4) доля ответов девушек растет и опережает долю ответов юношей.

По результатам проведенного опроса, согласно мнению студентов региона, справедливое общество в первую очередь такое, в котором люди, имеющие различные доходы, должны иметь равные возможности продвижения. 71,7% опрошенных подтверждают именно это условие. Такая характеристика как «каждому по труду» поддерживается 70,5% респондентов. Другой характеристикой справедливого общества выступает такое, в котором люди, имеющие высокую квалификацию, должны зарабатывать больше других (69,8%). Такие характеристики как «свобода предпринимательства, предприимчивость», «обязательное соблюдение законов» оцениваются также высоко, но следуют за первыми и составляют 57,6% и 54,2% соответственно.

Таблица 3

Оценка справедливости современного российского общества,
% в группах по полу

Оценка справедливости современного российского общества	Пол	
	Мужской	Женский
0 – Совершенно не справедливое	9,26	3,87
1	5,56	1,94
2	11,11	9,03
3	18,52	17,74
4	22,22	22,90
5	16,67	26,13
6	7,41	10,65
7	3,70	5,16
8	5,56	2,58
9	0,00	0,00
10 – Совершенно справедливое	0,00	0,00

Достаточно ярко проявляется такая оценка справедливости российского общества в ответах студенческой молодежи, как их отношение к распределению доходов государственного бюджета.

В целом из одиннадцати предложенных на этот вопрос реакций 5 были положительными, 5 – отрицательными, и одна реакция выражала индифферентность оценки.

В общем региональном массиве данных студенты чаще выбирали все ассоциации с отрицательной оценкой (от 20 до 35% выборов каждой). Среди положительных в общем массиве выборов встречаются только две ассоциации: «надежда» – 21,5% и «спокойствие» – 10%, которые могут конкурировать с частотой выбора с отрицательными.

Среди наиболее распространенных отрицательных реакций доминируют «отчаяние» – 34,85%, «раздражение» – 26,7%, «горечь» – 19,8%, «злость» – 17,6%, «пессимизм» – 14,7%.

Мы попытались выявить влияние эмоционального настроения студентов региона на их готовность после окончания вуза остаться в России или уехать из страны (табл.4).

Таблица 4

Распределение ответов «Чувства, которые испытывают студенты, когда размышляют о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве» в зависимости от «Где бы Вы хотели жить на постоянной основе», % ответивших по группам – где бы хотели жить *

Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?	Где бы Вы хотели жить на постоянной основе – здесь в России или может быть в какой-то другой стране?			
	В России	В другой стране	Затрудняюсь ответить	Итого
Надежда	26,11	14,46	19,40	21,50
Оптимизм	10,83	1,20	5,97	7,17
Спокойствие	10,19	9,64	11,94	10,42
Удовлетворение	6,37	1,20	4,48	4,56
Радость	1,91	2,41	0,00	1,63
Отчаяние	30,57	38,55	40,30	34,85
Горечь	19,75	18,07	22,39	19,87
Злость	19,75	13,25	17,91	17,59
Раздражение	28,03	24,10	26,87	26,71
Пессимизм	10,19	16,87	22,39	14,66
Безразличие	9,55	24,10	1,49	11,73
Другие чувства	0,00	2,41	0,00	0,65

*Поливариантный вопрос. Коэффициент Крамера [0..1]: 0,213. Вероятность ошибки (значимость): 0,002 (пропуски – 15,7%).

В разрезе желающих покинуть страну с целью отъезда на постоянное место жительства за рубеж ситуация, возникшая в общем массиве, повторяется. Вместе с тем оценка тех, кто намерен остаться в России по окончании обучения, более лояльна. И вновь тенденция заметна, но есть и исключения. Среди позитивных чувств таким исключением является «радость», среди испытывающих это чувство желающих и дальше жить в России чуть меньше. Среди негативных чувств таких исключений больше: среди испытывающих «горечь», «злость», «раздражение» желающих покинуть Россию и жить в другой стране меньше, чем готовых остаться в своей стране.

В гендерном разрезе ситуация с реакцией молодежи на раздел доходов государственного бюджета выглядит следующим образом. Оценка «отчаяние» является наиболее распространенной в обоих массивах (юноши – 31% выборов, девушки – 35,5%), оценка «раздражение» выбирается в одинаковой мере (26,7% в обоих случаях). Позитивные оценки доминируют в выборе девушек, так «надежду» выбирают 22,1% девушек и 17,8% юношей (табл. 5). Среди пози-

тивных чувств (хотя они отмечаются реже негативных в целом всеми респондентами) лишь в отношении «радости» общая тенденция нарушается, в ответах девушек она отмечается чуть реже. Среди негативных чувств исключений больше. Девушки чаще юношей отмечали такие чувства, как «отчаяние» и «злость».

Таблица 5

Чувства, которые испытывают студенты, когда размышляют о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве, % в группах по полу*

Оценка справедливости современного российского общества	Пол	
	Мужской	Женский
Надежда	17,78	22,14
Спокойствие	8,89	10,69
Удовлетворение	4,44	4,58
Оптимизм	4,44	7,63
Радость	2,22	1,53
Отчаяние	31,11	35,50
Раздражение	26,67	26,72
Пессимизм	22,22	13,36
Горечь	22,22	19,47
Безразличие	15,56	11,07
Злость	13,33	18,32
Другие чувства	2,22	0,38

*Поливариантный вопрос. Коэффициент Крамера [0..1]: 0,113, Вероятность ошибки (значимость): 0,820. Пропуски: 15,7%.

Интересными представляются данные, полученные в ходе опроса студентов на предмет проявления несправедливости по отношению лично к ним. 59,9% отметили, что никогда не сталкивались с таким явлением либо сталкивались очень редко, 18,6% часто сталкивались с проявлением несправедливости по отношению к себе. Эпизодически это случалось у 21,5% опрошенных студентов.

На вопрос о том, где студенты сталкиваются с проявлением несправедливости чаще всего, наши респонденты из всех представленных вариантов называют «поликлинику, больницу». Ответы «очень часто и часто» на этот вопрос фигурирует здесь в 29% случаев, ответ «иногда» в 30% случаев. Учебные заведения, общественные места (рынки, магазины) получили ответы «очень часто и часто» в 22,3% и 20,3% случаев соответственно. Ответ «иногда» фигурирует в 25% случаев. 15,3% говорят о несправедливом отношении к ним в случаях в общении с местными чиновниками и такой же процент несправедливых контактов по отношению к ним на улице, 13,5% сталкиваются с несправедливым отношением к себе на работе. Почти 11% говорят о том, что сталкиваются с несправедливостью по отношению к себе и в семье.

Из всего массива студентов 6% сталкивается регулярно (ответ «очень часто») со случаями проявления несправедливого отношения к ним (табл. 6).

Таблица 6

Места и ситуации проявления несправедливости по отношению к студентам в их оценке, % ответивших

Подвопросы:	Никогда 0	Редко 1	Иногда 2	Часто 3	Очень часто 4	Индекс
В поликлинике, больнице	20,1	20,6	30,2	18,1	11	1,79
В учебном заведении	23,6	28,5	25,6	15,7	6,6	1,53
В магазине, на рынке	28,8	25,6	25,3	13,2	7,1	1,44
На улице, в общественном транспорте	28,8	28,6	26,9	11,8	3,9	1,33
На работе	35,4	26,4	24,7	9,1	4,4	1,21
В общении с местными чиновниками	43,3	19	22,3	10,7	4,7	1,14
В общении с людьми иной национальности	42,3	24	20,3	10,4	3	1,08
В семье	44,8	23,3	21,2	8	2,7	1,01
В общении с людьми иного вероисповедания	50	22,8	17	6	4,2	0,91

В гендерном разрезе оценка несправедливого отношения к себе выглядит следующим образом: почти 20% юношей и 31% девушек говорят, что наиболее частые случаи проявления несправедливости происходят в поликлиниках и больницах; 13% юношей говорят о несправедливости на рынке, а 17% девушек – в учебном заведении. Чуть более 13% как юношей, так и девушек столкнулись с проявлением несправедливости в общении с людьми другой национальности и вероисповедания.

В чем же видят студенты основные причины несправедливости (табл. 7)?

По их мнению, существенной причиной становятся личные, внутренние факторы. Свыше двух из каждых пяти студентов называют возраст и склад их характера, а также их собственную манеру поведения (треть выборов). Такая осознанная самооценка говорит о достаточно здоровой саморефлексии студентов, зрелом анализе ими своего собственного поведения. Внешность и уровень жизни попадают в группу выборов от 24 до 20% соответственно; уровень образования и пол – в группу от 19 до 16% выборов. Национальность, политические взгляды и религиозная принадлежность – набирают 14%, 13% и 11% соответственно. Вновь подтверждается, что в нашем регионе этнические и конфессиональные факторы крайне незначительно влияют на социальное неравенство. По крайней мере, в студенческой среде их влияние ощущается как явно незначительное.

В гендерном разрезе причины несправедливости принципиально разнятся в следующих ответах (табл. 7): возраст, как о главную причину несправедли-

вого отношения подчеркивают 45% девушек, доля мужских ответов по этому критерию на 12 пунктов меньше и составляет 33%. Юноши значительно выше оценивают роль уровня жизни (31%) в отличие от девушек, у которых этот показатель составил 21% выборов. Кроме того, согласно позиции юношей роль политических и религиозных взглядов человека существенна в 20,5% и 18% случаях, тогда как девушки приписывают им только 11% и 10% важности соответственно.

Таблица 7

Основные причины несправедливости в оценках студентов региона,
% в группах по полу

Основные причины несправедливости	Пол	
	Мужской	Женский
Мой пол	10,26	17,54
Мой возраст	33,33	44,74
Моя национальность	15,38	14,04
Мой уровень доходов, жизни	30,77	21,05
Мой регион проживания	10,26	9,21
Моя религиозная принадлежность	17,95	10,09
Моя внешность, физические недостатки	30,77	23,25
Моя сексуальная ориентация	7,69	4,82
Мои политические взгляды	20,51	11,40
Моя профессия	7,69	9,65
Мое семейное положение	5,13	8,33
Уровень моего образования	17,95	18,86
Склад моего характера	41,03	46,05
Моя манера поведения	33,33	34,65
Невыполнение мною обязанностей по работе, учебе	5,13	9,21
Другие причины	2,56	2,19

Существенным фактором проявления несправедливости для девушек является принадлежность к полу. В 18% случаях они говорят о проявлениях несправедливости по отношению к ним. У юношей этот показатель зафиксирован на отметке 10,3%.

В образовательной сфере и юноши, и девушки в подавляющем большинстве случаев подчеркивают справедливое отношение к ним со стороны учителей. Более 70% юношей и девушек отмечают, что их учебная деятельность оценивалась справедливо либо всегда, либо в большинстве случаев. Несправедливое отношение к себе в школе ощутили при этом 14,8% юношей и 6,4% девушек, которые считают, что их учеба оценивалась несправедливо всегда или в большинстве случаев (табл. 8).

Несколько иначе представлена оценка студентами их учебной деятельности в вузе по сравнению со школой (табл. 9).

В этом случае уже более 80% юношей и девушек говорят о справедливом отношении к ним со стороны преподавателей. Правда, и в этом своеобразная особенность региональной выборки, юноши более категоричны – чаще подчеркивают, что их учеба в вузе всегда оценивалась справедливо. Только 7,4% юношей и 4,8% девушек отмечают стабильно несправедливое отношение по отношению к ним преподавателей.

Таблица 8

Справедливость в школе, % по группам

В школах бывают разные ситуации, на мнение учителя часто влияют не только успехи ученика, но и личные симпатии или антипатии. По Вашему мнению, как часто школьные учителя были к вам справедливы или несправедливы, выставляя Вам отметки?	Всего	Муж.	Жен.
Моя учеба всегда оценивалась несправедливо	2,2	5,5	1,6
В большинстве случаев моя учеба оценивалась несправедливо	5,5	9,3	4,8
Половина оценок были справедливы, половина нет	19	16,7	19,4
В большинстве случаев моя учеба оценивалась справедливо	59,6	51,8	61
Моя учеба всегда оценивалась справедливо	13,7	16,7	13,2

Таблица 9

Справедливость в вузе, % по группам

А насколько справедливо оцениваются Ваши знания в вузе?	Всего	Муж.	Жен.
Моя учеба всегда оценивалась несправедливо	1,1	3,7	0,6
В большинстве случаев моя учеба оценивалась несправедливо	4,1	3,7	4,2
Половина оценок были справедливы, половина нет	14,6	11,1	15,2
В большинстве случаев моя учеба оценивалась справедливо	57,7	42,6	60,3
Моя учеба всегда оценивалась справедливо	22,5	38,9	19,7

Интересной представляется оценка студентов того, что является основополагающей причиной обогащения людей (достижения большого богатства). Вопрос подразумевал множественный выбор. Важность трудолюбия отмечают почти 61% студентов, что на 7% ниже оценки студентов по России. Помощь родных и семью оценивают 58,8% студентов региона и 65,5% студентов Российской Федерации. Важность таланта и способности подчеркивается только 38% опрошенных в ХМАО-Югре, что на 6,3% меньше, чем в общем массиве по России. Трезвый и разумный образ жизни подчеркивается в 40% случаев, что на 5% меньше, чем в общем массиве данных.

Наибольшее количество выборов получили «полезные связи». Полезность таких связей для процесса обогащения видят 79,7% студентов ХМАО-Югры и 86% российских студентов. В целом оценки региональных студентов по этому вопросу на несколько пунктов ниже, чем в общероссийском массиве. Региональный показатель по этому фактору близок общероссийскому в оценках девушек (80,1%) (табл. 10).

Наибольшее расхождение получила оценка образования как в позитивной, так и в негативной зонах. 53,6% студентов ХМАО-Югры отмечают важ-

ность хорошего образования, что ниже общероссийского показателя на 12,4%. При этом отказывают образованию как ведущему фактору в процессе приобретения богатства почти 13,7% студентов региона, что почти в два раза больше общероссийского показателя (7,8% соответственно). Значительное расхождение по этому показателю просматривается также в гендерном разрезе ответов студентов региона. Девушки оценивают его важность в 55% случаев, юноши упоминают его в 44% случаев. При этом подавляющее число ответов юношей получено с отрицательной оценкой этого фактора (27,8%), у девушек ответы «никогда» и «редко» выбирают только 11% ответивших (табл. 11).

Таблица 10

Богатство и полезные связи, % по группам*

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?: Полезные связи	Всего	Муж.	Жен.
Никогда (0)	1,1	3,7	0,7
Редко (1)	4,4	5,6	4,2
Иногда (2)	14,8	16,7	14,5
Часто (3)	30	20,4	31,6
Очень часто (4)	49,7	53,7	49

*Коэффициент Эта (зависимая кол. в столбцах) [0..1]: 0,133.(пропуски: 0)

Таблица 11

Богатство и хорошее образование, % по группам*

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?: Хорошее образование	Всего	Муж.	Жен.
Никогда (0)	2,7	5,6	2,3
Редко (1)	11	22,2	9
Иногда (2)	32,7	27,8	33,6
Часто (3)	32,7	29,6	33,2
Очень часто (4)	20,9	14,8	21,9

*Коэффициент Эта (зависимая кол. в столбцах) [0..1]: 0,173 (пропуски: 0).

В целом по массиву полученных ответов на вопросы анкеты в студенческой среде просматривается скепсис и пессимизм в отношении проблемы социального неравенства и справедливости. Студенты чаще связывают разрешение сложных социальных задач и конфликтов с полезным межличностным взаимодействием и материальными благами. Это также подтверждается полученными ответами на вопрос об оценке критической ситуации (аварии), в которой пострадали чиновник, владелец компании и рабочий. Подавляющее большинство студентов региона (76,4%) считают, что первым спасали бы чиновника, что полностью соответствует проценту ответивших по России в целом. При этом главными факторами, которые бы повлияли на это решение, были названы деньги (38,3%), связи (19,9%) и давление сверху (17,3%). Только 11,2% отметили, что спасать будут того, у кого больше шансов выжить, а такие ответы, как

следование инструкции, полезность для общества набирают соответственно 2% и 8%.

Заметим, что сами студенты ХМАО-Югры, поставив себя на место врачей в рассматриваемой ситуации, почти в 40% случаев выбирают вариант – «Спасал бы того, у кого больше шансов выжить», 31,9% студентов действовали бы по инструкции и 13,7% спасали бы того, у кого большая семья и больше детей. Расхождения в ответах студентов региона с ответами студентов других городов Российской Федерации по этому вопросу незначительны. В общем массиве – это 41,4%, 34,2% и 9% соответственно.

Подведем итог нашего исследования. На сегодняшний день в региональной студенческой среде наблюдается видимый пессимизм в оценке состояния справедливости российского общества и хорошо просматриваемое скептическое отношение к возможным потенциальным проявлениям справедливости, в особенности, в спорных критических ситуациях выбора. При этом молодые люди своими ответами демонстрируют социальную зрелость, проявляющуюся в стремлении к максимально объективному рассмотрению спорных случаев. На наш взгляд, полученные результаты открывают дополнительные перспективы для анализа оценок и мнений современного студенчества в отношении социального равенства/неравенства и справедливости/несправедливости современного российского общества, а также заслуживают особого внимания специалистов в сфере социологии молодежи и публичной социологии.

Литература

1. Социальная справедливость в русской общественной мысли [монография] / . отв. ред. Ю.Б Епихина. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 219 с.

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна

доктор исторических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского

zara@fsn.unn.ru

Zarethan H.-M. Saralieva

doctor of historical sciences, professor,
Nizhny Novgorod State University
them. N. I. Lobachevsky

Исакова Инна Александровна,

кандидат социологических наук,
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского

inna_isakova@mail.ru

Inna A. Isakova,

PhD in Sociology
Nizhny Novgorod State University
them. N.I. Lobachevsky

**СТУДЕНТЫ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ
STUDENTS VOLGA FEDERAL DISTRICTS
OF SOCIAL INEQUALITY**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются результаты федерального исследования РОС (2016) в вузах Нижнего Новгорода и Приволжского федерального округа, осуществляется их сравнение и интерпретация в плане социального самоопределения студенчества.

ABSTRACT. This article discusses the results of a federal study of ROS (2016) in institutes of Nizhniy Novgorod and Volga Federal District, they are comparing and interpreting social self-determination of students.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальное неравенство, социальная справедливость, причины бедности и богатства, справедливое общество, социальное самоопределение, anomia, Нижний Новгород, Приволжский федеральный округ.

KEYWORDS: social inequality, social justice, causes of poverty and wealth, just society, social self-determination, anomie, Nizhniy Novgorod, Volga Federal District

Влияние социальной структуры на членов социума с помощью определенных ценностей и норм доказано социологами достаточно давно. В работах классиков социологической мысли О. Конта и Э. Дюркгейма начинает формироваться социологическая теория девиации. Эту же проблематику разрабаты-

ли и такие знаменитые ученые-социологи, как Г. Зиммель, П. Сорокин, Р. Мертон. Э. Дюркгейм в своей работе «О разделении общественного труда» [Дюркгейм] характеризует понятие «аномия»: «это состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии обществ, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились» [Дюркгейм, с. 556]. «Аномия – это болезнь, потому что от нее страдает прежде всего общество, которое, чтобы жить, не может обойтись без согласия и урегулированности» [Дюркгейм, с. 9]. Аномия как болезнь оказывает негативное воздействие на «социальное здоровье членов социума», особенно страдает молодежь, проходящая социализацию в условиях ослабления системы социальных ориентиров, определяющих границы желаемого и доступного, возможного и невозможного.

Изучения темы аномии продолжил один из ведущих американских социологов Р. Мертон в работе «Социальная теория и социальная структура» [Мертон], уделявший значительное внимание вопросам функционирования социальной структуры, степени её стабильности, задающей определенные типы поведения и способы социализации индивидов. Теория аномии нашла подтверждение в российской истории: в период распада Советского Союза в 1991 году, смены социально-политического курса с социализма на капитализм, а также прихода западных стандартов поведения. Вместе с рыночной экономикой произошло разрушение системы моральных ценностей, а вследствие этого и нарушение процесса социализации молодежи, рост молодежной наркомании, алкоголизма, преступности др. В ходе социологических исследований, проведенных в середине 1990-х годов фондом «Социальное аутсайдерство молодежи как источник опасностей и угроз в условиях пограничного региона», было установлено, что 39,68% молодых людей были не удовлетворены своими доходами; 33,47% – размером собственности, 25,05% – гарантиями трудовой занятости; 25% – возможностью участвовать в принятии решений; никому не доверяют – 32,06%; не определились – 17,03%; 31,46% молодых готовы уехать за границу на постоянное место жительства [Емельянов].

Исследование «Студенты о социальном неравенстве», прошедшее в 2016 г. в семи федеральных округах (Центральный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный) в форме анкетирования (n=3963), позволило выявить мнение студенческой молодежи о проблемах сохранения социальной справедливости в современной России. Собранные данные показали, что в Приволжском Федеральном округе (ПФО) ситуация недоверия, выражающаяся в желании уехать из России, имеет уже не столь пугающие масштабы, жить в другой стране хотели бы 20,77% опрошенных, с 90-х годов показатель снизился. Для Нижнего Новгорода данные имеют более критичный уровень: если на постоянной основе остаться в России собираются немногим больше студентов по сравнению с ПФО – 60,24%, 13,25% – хотели бы жить в другой стране, затруднились ответить – 26,51%. И это при том, что по национальности 90,85% опрошенных – русские, то есть это не представители

различных национальностей, желающие вернуться на родину, отток может происходить из числа местного населения.

Желание эмигрировать каждого пятого студента является показателем несовершенства социальной политики в России, особенного государственной молодежной. Важным, с нашей точки зрения, является и работа с 26,41% студентами ПФО, а в Нижнем Новгороде – 26,51%, которые затруднились в выборе, поскольку это та часть студенчества, которая при условии повышения качества жизни предпочтет остаться в России, а это почти каждый четвертый студент.

Что заставляет студентов думать о переезде? Одной из причин является несправедливость российского общества. Студентам ПФО предлагалось оценить справедливость российского общества по 10-балльной шкале: на первом месте – 2 балла (20,93%), на втором – 3 (20%), на третьем – 4 (19,81%), на четвертом – 5 (14,26%), остальные оценки набрали менее 10% голосов. Студенческая молодежь не верит в справедливость современного общества, хотя вектор отношения может поменяться на более положительный, поскольку оценки возрастают от 2 к 5 баллам. Однако, оценки «8» (0,37%), «9» (0,37%), «10» (0%) набрали менее 1% голосов.

Оценка справедливости российского общества студентами Нижнего Новгорода носит чуть более оптимистичный характер: на первом месте – 4 балла (24,24%), на втором – 3 (22,42%), на третьем – 5 (19,39%), на четвертом – 2 (15,15%), остальные оценки набрали менее 10% голосов. Что касается высоких оценок, то здесь ситуация следующая: 8 баллов – 1,21%, оценку «9» и «10» не поставил никто.

Повышение эффективности государственной политики в социальной сфере позволит студентам, с нашей точки зрения, пересмотреть уровень справедливости российского общества, но пока молодежь считает наше общество несправедливым. Далее мы рассмотрим данную ситуацию на конкретных примерах и попытаемся выявить её причины.

Понятие справедливости усваивается ещё в школе. Студентам в рамках опроса предложили оценить справедливость баллов, которые они получали в общем образовательном учреждении, поскольку иногда встречаются ситуации, когда на мнение учителя влияют не только успехи ученика, но и личные симпатии или антипатии к нему. 61,82% нижегородских и 66,61% приволжских студентов оценивают свои оценки как справедливые, ещё 22,42% (по Нижнему Новгороду) и 16,79% (по ПФО) удовлетворены качеством оценок («половина оценок были справедливы, половина – нет»). Значительное расхождение есть в оценке школьниками *несправедливости*, допускаемой учителями: в Нижнем Новгороде этот показатель составил 2,43% в ПФО – 4,01%, разница 1,58%. Такая же ситуация наблюдается и дальше в вузах: по мнению респондентов, в большинстве случаев учеба оценивается справедливо 65,06% – в Нижнем Новгороде, 63,80% – в ПФО, а несправедливо – 1,8% в Нижнем Новгороде, 2,92% – ПФО, разница 1,12%. Данную ситуацию можно объяснить более заметным в региональных школах социальным расслоением. Большой выбор школ в Нижнем Новгороде позволяет найти учебное заведение по способностям и возмож-

ностям ученика и его семьи, переход из школы в школу – явление распространенное, ребенок может выбрать ту школу, где ему более комфортно, а оценка – более объективна.

Значение понятие «справедливое общество» для студентов в рамках исследования предлагалось выяснить через степень согласия с предложенными утверждениями. «Справедливое общество – то, где люди имеют разные доходы, но равные возможности», так считают 80,12% нижегородских и 76,83% в ПФО. Студенты уверены, что сейчас в России стартовые возможности после окончания университета очень неравные и зависят не от качества образования, личных способностей или мотивации, а от наличия связей и денег. Молодежь убеждена, что если бы стартовые шансы были равные, это позволило бы более грамотным и профессиональным работникам достигать больших карьерных и финансовых вершин. Данный вывод подтверждает и солидарность с утверждениями, что «в справедливом обществе специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией»: согласны 75,3% опрошенных в Нижнем Новгороде (32,53% полностью согласны и 42,77% – в основном согласны) и 73,95% – в ПФО (33,88% полностью согласны и 40,07% – в основном согласны), и «в справедливом обществе все люди получают по труду» – 74,7% в Нижнем Новгороде и 71,77% в ПФО.

Справедливость общества всегда определяется через качество перераспределения в нем материальных благ. Мнение по поводу налогов, чтобы богатые платили больше, чем бедные, не однозначно: с одной стороны, 60,61% в Нижнем Новгороде и 59,86% в ПФО с этим согласны, а с другой – почти каждый четвертый опрошенный (23,03% – в Нижнем Новгороде и 23,91% – в ПФО) сомневается («в чем-то да, в чем-то нет»). С нашей точки зрения, это подтверждает, что респонденты считают российскую налоговую систему более или менее справедливой и адекватной российским реалиям.

Неоднозначным, как нам кажется, является то, что респонденты верят в силу денег, власти и связей, а вот в важность личной активности верят гораздо меньше: верят 57,23%, из них только 18,07%, почти каждый пятый безоговорочно, 28,31% сомневаются («в чем-то да, в чем-то нет»), 14,46% не верят. В Приволжском федеральном округе, в целом, ситуация сходная, верят 60,11%, из них только 25,87% безоговорочно, что выше, чем в Нижнем Новгороде, 27,32% сомневаются (в чем-то да, в чем-то нет), 12,57% не верят. Это может объясняться верой студентов, что при переезде из областных городов либо в центр Приволжья – Нижний Новгород, либо в центр России – Москву их положение улучшится. Студенты, уже проживающие в Нижнем Новгороде, настроены к личной инициативе более скептически, возможно, переезд их ожиданий не оправдал.

Молодежь также недостаточно верит в силу закона: люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными, отметили 42,78% в Нижнем Новгороде и 46,26% в ПФО, и почти столько же 40,36% и 40,07% сомневаются (в чем-то да, в чем-то нет).

К огосударствлению предприятий респонденты относятся скорее отрицательно: 37,95% – в Нижнем Новгороде, 39,42% – в ПФО сомневаются, 43,97% и 37,77% не согласны. То же самое касается равного распределения доходов: 21,08% и 24,82% сомневаются, 61,45% и 58,4% не согласны. Таким образом, студенты признают, что необходима дифференциация людей в зависимости от качества их труда, сознают важность частной собственности, образования, личной активности для повышения личных доходов, но не верят, что смогут достичь высокого уровня доходов и карьеры без помощи извне.

Выявлено некоторое предубеждение студентов к зарплатам руководителей. С одной стороны, они верят в важность квалификации, но в ценности управленческого опыта не так убеждены. 49,39% нижегородских студентов и 48,04% – в ПФО согласны, что руководители должны иметь существенно больший доход, чем рядовые работники; 30,49% и 31,99% сомневаются, 20,12% и 19,79% – в это не верят. Скептически студенты и в оценке ценности труда чиновников. Молодежь не против частной собственности и зарабатывания больших денег отдельными лицами, только против чиновников: «труд министров оценивается больше, чем заслуживает» – считают 81,02%, из них 52,55% выбрали ответ «значительно больше, чем заслуживает», в ПФО – 84,11%, а «значительно больше» – 50,23%.

Данные показывают недоверие к деятельности правительства, а отсюда и пассивность гражданской позиции, недостаточный интерес к политике и выборам.

Рядовой чиновник местной администрации, с точки зрения респондентов, получает больше, чем заслуживает: 66,21% в Нижнем Новгороде и 69,96% в ПФО. Однако, в отличие от федеральных министров, зарплата выше, но незначительно.

Важно отметить, если про федеральных министров респонденты практически не думают, что их зарплаты меньше, чем они заслуживают (3,65% в Нижнем Новгороде и 3,27% в ПФО), то труд местных чиновников в аспекте заработной платы недооценивается чаще – 14,19% в Нижнем Новгороде и 9,66% – в ПФО. Респонденты чиновникам местной администрации сочувствуют больше, чем федеральным, особенно в Нижнем Новгороде.

Причины нелояльной оценки работы чиновников выявили посредством работы над кейсом. Студентам предлагался кейс: «Представьте себе такую ситуацию: на трассе Москва-Петербург в гололед столкнулись пять машин. Тяжелые травмы получили три человека – крупный чиновник федерального уровня, владелец большой торговой компании и рабочий расположенного рядом сельхозпредприятия». Нижегородская молодежь верит, что спасут чиновников – 81,6%, владельца компании – 12,27%, рабочего – 6,13%. Причина такого выбора – вера, что все решают деньги (29,03%), связи (23,87%) и власть (28,39%) («врачам сверху подсказали, что надо делать»). Следующий критерий: «Врачи спасли того, у кого больше шансов выжить», набрал 7,1% («врачи выбрали того, кто полезнее для страны») и «врачи действовали по инструкции, регулирую-

щей подобные ситуации» набрали чуть более 3%), что только подтверждает безоговорочное лидерство первых трех критериев.

Подобные результаты получены и в целом по ПФО: спасут чиновника – 79,78%, владельца компании – 11,99%, рабочего – 8,24%. Причина такого выбора сходны – «В таких случаях, все решают деньги» (29,31%), «Врачам сверху подсказали, что надо делать» (25,10%). Интересно, что фактор «В таких случаях, все решают связи» не входит в топ решающих (16%, и набрал на 7% меньше голосов, чем в Нижнем Новгороде). В масштабах ПФО значим критерий «Врачи спасли того, у кого больше шансов выжить» – 13,41%.

Иными словами, молодежь уверена в коррумпированности государственных российских структур. Причем в результатах исследования уважение к представителям производственной сферы выше, чем к сфере государственного аппарата управления. Лояльность к представителям бизнеса объясняется верой в то, что реальный труд должен оплачиваться: руководители большого завода получают столько, сколько заслуживают (40,29% в Нижнем Новгороде и 44,14% – в ПФО) или немного больше (38,13% и 36,94%). Справедливо получают и хозяева продуктового магазина: 71,43% в Нижнем Новгороде и 72,69% в ПФО.

Студенты верят в ценность и необходимость честной оплаты как умственного, так и физического труда.

Недооценка умственного труда в России выражается так: профессора университетов получают меньше, чем заслуживают 67,33% в Нижнем Новгороде и 57,26% в ПФО. Рядовой инженер получает меньше, чем заслуживает – 66,23% в Нижнем Новгороде и 66,18% в ПФО. Хирург высокой квалификации получает меньше, чем заслуживает, считают 63,39% в Нижнем Новгороде (26,14% считают, что значительно меньше) в ПФО – 61,71% (из них значительно меньше – 23,81%).

Недооценивается и работа врачей в поликлинике 85,01% (из них 44,38% – значительно недооцениваются, а 40,63% просто недооцениваются), в ПФО – 82,83%. Мнения «насколько недооцениваются», отличаются: 40,08% в ПФО и 44,38% в Нижнем Новгороде, разница – 4,3%. Возможно, в Нижний Новгород за медицинской помощью стремятся не только из Нижегородской области, но и прилежащих регионов, следовательно, нагрузка на врачей выше и сочувствие им больше.

Дворник получает меньше, чем заслуживает 64,24% (из них 22,52% значительно меньше, чем заслуживают), и 68,6% (из них 28,8% – значительно меньше). Респонденты признают важность и сложность физического труда, но для себя такой вид занятости не рассматривают.

Рабочие на заводе получают меньше, чем заслуживают 78,14% (из них значительно меньше – 30,46% и просто меньше – 42,68%), а в ПФО – 80,28% (из них значительно меньше – 26,89%, а просто меньше – 53,39%). Положение рабочих в Нижнем Новгороде кажется студентам хуже, чем в регионах ПФО, что может объясняться сравнением с зарплатами в среднем по городу.

Наибольшее сочувствие респонденты выразили пенсионерам, имеющим сорокалетний рабочий стаж, их деятельность недооценивается по мнению 91,5% нижегородцев и 89,68% жителей ПФО.

Студенты недоверчиво относятся к труду чиновников, возможно, это связано с непониманием самого содержания их труда, потому что труд представителей всех остальных профессий финансово недооценивается. Ситуация требует внимания специалистов сферы занятости, поскольку, по мнению студентов, где бы они ни работали, будут получать меньше, чем заслуживают, а это может провоцировать пассивность и патернализм в поиске работы после окончания университета.

Студентам предлагался и ещё один кейс: «Представьте себе такую ситуацию: на трассе Москва-Петербург в гололед столкнулись пять машин. Тяжелые травмы получили три человека – крупный чиновник федерального уровня, владелец большой торговой компании и рабочий расположенного рядом сельхозпредприятия. Кого бы вы стали спасать и как бы действовали?». Нижегородские студенты, скорее всего, действовали бы по врачебной инструкции – 39,39% или спасали бы того, у кого больше шансов выжить – 38,79%. Студенты ПФО сделали похожий выбор – спасали бы того, у кого больше шансов выжить – 40,59% или действовали бы по врачебной инструкции – 36,90%. Остальные варианты набрали менее 9% голосов. Наличие у пострадавших детей, их вероисповедание, соседство, полезность стране, возможность вознаграждения на выбор не повлияли. Возможно, нижегородская молодежь выбирает более «благородный», общественно одобряемый ответ.

Студенты остро ощущают несправедливость в отношении к представителям различных сфер экономики и государственной службы, высоко оценивая важность высокой оплаты производственных и интеллектуальных сфер деятельности, нейтрально – сферы торговли и скептически – государственной службы.

Студенты часто осознают, что несправедливость в обществе объясняется не только системой перераспределения доходов, но и факторами индивидуального выбора. На вопрос, «Чем вызвана бедность уровня – не хватает даже на полноценное питание», студенты ответили, что основные причины – это лень и пьянство. Причем «лень» на первое место поставили в Нижнем Новгороде. Предположим, что центр федерального округа дает множество возможностей для заработка, достаточного, по крайней мере, на питание, и если человек ими не пользуется – это его выбор. Студенты ПФО в целом – на первое место поставили пьянство и наркоманию, ведь для областных городов, где нет больших возможностей для подработки, пьянство – часто основное занятие, даже для работоспособного населения.

Третья причина, объясняющая бедность – плохие условия воспитания, взросления. Четвертая причина бедности – политика хозяев предприятия, недоплачивающих работникам. Пятая причина – политика правительства в пользу богатых. С нашей точки зрения, данный выбор объясняется хорошим знанием проблем региона собственного проживания – с одной стороны. А, с другой –

возможно, это проявление некоторого инфантилизма, свойственного современной молодежи. В бедах проще обвинить кого-то: воспитателей, работодателей, правительство, чем признать собственную лень или пассивность.

Другая часть причин, объясняющих бедность – это социальная незащищенность уязвимых слоев населения: «плохое здоровье, инвалидность», «дети из бедных семей не могут пробиться наверх». Современная молодежь осознает несовершенство российской социальной политики и признает необходимость защищать тех, кто ограничен в своих возможностях.

Ещё одна группа причин связана с проблемой несовершенства законодательства, что уже отмечалось ранее, «нарушение законов, гарантирующих людям равные возможности», «низкое качество образования, которое они получают», «ущемление прав по возрастному признаку». Неверие в закон ведет к неуверенности в своей защищенности или, наоборот, дает ощущение собственной безнаказанности, что в обоих случаях негативно отражается на самоощущении и поведении студенческой молодежи.

Возможности повышения жизненных шансов молодежи выявлялись с помощью вопроса, «А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добивались богатства благодаря следующим причинам?». На первое место все студенты поставили – полезные связи (93,97% в Нижнем Новгороде, 92,52% в ПФО), за ними – трудолюбие (72,89% и 71,67%), на третьем месте у нижегородцев – умение рисковать (70,3%), в ПФО – хорошее образование (69,84%), на четвертом – помощь семьи (63,86% и 66,49%), на пятом – у нижегородцев – хорошее образование (60,24%), в ПФО – умение рисковать (69,23%), на шестом – правильное воспитание в семье (53,62% и 53,93%), на седьмом – в Нижнем Новгороде – политика правительства, поощряющая предпринимательство (51,2%), а в ПФО – трезвый, разумный образ жизни (52,29%), остальные варианты набрали менее 50% голосов в части «часто и очень часто являются причинами бедности».

Для нижегородских студентов богатство человека часто зависит от других людей – связей, помощи семьи и родных (хорошее образование, воспитание) и государства (политика правительства, поощряющая предпринимательство, и хорошее образование). Из личных качеств важны – трудолюбие и умение рисковать, причем второе в свете недоверия к закону выглядит сомнительным, не значит ли это действовать на стыке дозволенного и запрещенного? Подобная позиция перекладывает ответственность за собственную жизнь и благополучие с молодого человека на его окружение, что, с нашей точки зрения, ещё раз подтверждает некий инфантилизм и иждивенчество взглядов на справедливое общество современной молодежи. В целом по ПФО ситуация немного отличается – меньше надежды на государство, больше на связи и семью и немного больше понимания значимости собственной активной позиции в жизни – трудолюбие, умение рисковать, трезвый, разумный образ жизни. Стартовые возможности молодежи в Нижнем Новгороде выше, чем в регионах, молодые люди, осознавая это, предпочитают меньше прилагать личных усилий для по-

вышения собственного качества жизни. Молодежь ПФО в возможностях более ограничена, что компенсируется личными усилиями.

Однако все студенты остро ощущают несправедливость по отношению к себе лично. И в Нижнем Новгороде, и в ПФО сталкиваться с несправедливостью чаще всего приходится в поликлинике или больнице. Сложность в получении талонов на обследования, дороговизна дополнительных услуг и необходимость стоять в очереди вызывает у студентов недоверие ко всей системе здравоохранения.

На втором месте у нижегородцев (для студентов ПФО – на четвертом) – улица и общественный транспорт, как зона повышенной конфликтности. Возможно, студенты объединяют собственные представления об источниках конфликтов и источниках несправедливости. У студентов ПФО – на втором месте учебное заведение (у нижегородцев – на четвертом), то есть это снова место, где обучающийся проводит большее количество времени и где сталкивается с большим числом проблемных ситуаций.

На третьем месте у всех студентов – несправедливость на рынке, в магазине. Это объясняется недовольством студентов постоянным ростом цен. Обучаясь в университете они чаще всего начинают вести не зависимый от родителей образ жизни, впервые сталкиваются с необходимостью обеспечивать себя продуктами и товарами, и наступает разочарование в своих покупательских способностях, доходах, а затем и в государстве, и в обществе.

На пятое место все студенты поместили несправедливость на работе, чаще всего это связывают с отсутствием возможностей сочетать учебу и работу и недостаточным уровнем зарплаты, о чем говорилось ранее.

На шестом – в общении с чиновниками. Предположим, что общение с чиновниками для студентов – явление не самое частое, но стоит на шестом месте по проблемности, что может объясняться как в принципе негативным отношением к данной категории работников, так и тем, что имевшие место контакты с чиновниками носили выраженный конфликтный характер.

Несправедливость в общении с семьей, лицами иных национальностей и вероисповеданий встречается редко.

Причины возникновения ситуаций несправедливого обращения студенты объясняют складом собственного характера, возрастом, уровнем доходов, внешностью и манерами собственного поведения. Студенты признают, что среда настроена к ним враждебно, а их собственное поведение порождает несправедливость: конфликты на занятиях – несправедливость оценок, конфликты с руководством – несправедливость зарплаты и др. Однако, с нашей точки зрения, студенты не разделяют понятия «конфликт» и «социальная несправедливость».

На вопрос, «Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?» в первой пятерке оказались – раздражение, горечь, злость (у нижегородцев), отчаяние, надежда, пессимизм (в ПФО). Большинство этих эмоций носит негативный оттенок, что распространяется не только на распределение бюджета, но и на отношение к

России в целом. После получения диплома студенты Приволжского Федерального округа планируют работать в России – 35,88%, готовы переехать, если предложат хорошую работу – 44,63%, ещё 16,58% не определились с выбором, а 2,91% – планируют работать за рубежом. Студенты Нижнего Новгорода показали типичные для всего округа результаты: планируют работать в России – 40,96%, готовы переехать, если предложат хорошую работу – 38,55%, ещё 16,87% не определились с выбором (затрудняюсь ответить), а 3,61% – планируют работать за рубежом.

Таким образом, главным условием привлечения молодежи является создание стабильных условий труда и гарантированная справедливая заработная плата. Обеспечение этих условий должно стать приоритетом государства при планировании и осуществлении государственной молодежной политики. Стабильность и уверенность в своем государстве позволит преодолеть негативные проявления аномии в российском обществе, сократив количество девиаций в молодежной среде.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и предисловие А.Б. Гофмана. – М.: «Наука», 1990. – (Социологическое наследие)
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
3. Емельянов В.А. Девиация молодежи как следствие неудачной социально-экономической политики и «шоковых» реформ в середине 90-х // Философия образования. – 2012. – № 5 (44). – С. 110-113.

Сазонов Александр Александрович,
кандидат социологических наук, доцент,
Московское отделение РОС,
saa747@yandex.ru
Aleksandr A. Sazonov,
PhD in Sociology, A/Professor
Moscow branch of Russian society of sociologists

МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ О РАВЕНСТВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ MOSCOW STUDENTS ON EQUALITY AND JUSTICE

АННОТАЦИЯ. В статье обобщаются материалы федерального исследования РОС (2016) по Московскому региону.

ABSTRACT. The article summarizes the material of the federal research of RSS (2016) on the Moscow region

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальное неравенство, социальная справедливость, Московский регион, причины бедности и богатства, справедливое общество.

KEYWORDS. Social inequality, social justice, Moscow region, causes of poverty and wealth, just society.

Московский подмассив составляет около 11,5% от всех респондентов. Среди них более двух третей (64,7%) являются москвичами. Ещё, примерно, 13-15% (по статистике московских вузов) – жителями ближайшего Подмосковья, т.е. также представляющие московскую агломерацию. Основная особенность московской выборки федерального исследования РОС (2016) – более широкое, чем в среднем по массиву, представительство студентов, обучающихся по гуманитарному (71,8%) и социально-экономическому (22,7%) профилям, крайне слабое представительство студентов-технарей. Во многом это определялось характером вузов, где проводилось исследование.

Отмеченный перекосялся и на гендерной структуре московского подмассива: если в целом по массиву соотношение девушек и юношей было 2:1, то среди московских респондентов оно составило 3 : 1. Ещё один перекосялся московской выборки – крайние возрастные группы (до 18 лет и старше 21 года) в ней менее представлены, большее представительство студентов в возрасте 18-21 года.

С социально-гуманитарной направленностью обучения многих московских респондентов, возможно, связано и то, что среди них значительно больше тех, кто определил себя как верующих (76%, по массиву в целом – 60%).

По уровню жизни и материального благополучия Московский регион характеризуется одними из самых высоких показателей. Среди московских студентов-респондентов наблюдается смещение в сторону IV-VI групп, выделенных в массиве, т.е. групп, где родительские семьи наиболее обеспечены (рис. 1).

Уровень жизни

Рис. 1. Каково материальное положение семьи Ваших родителей, % от числа опрошенных.

Отмеченные особенности во многом сказались и на оценках московских студентов (с учетом перекосов выборки подчеркнем, что наши выводы не могут рассматриваться вне анализа материалов опроса).

Представления людей о справедливом обществе, вообще о справедливости и несправедливости, шире – о добре и зле сильно детерминировано фактором «социальное неравенство». Особенно рельефно этот фактор проявляется в молодёжной среде, в т.ч. в студенческой.

Социальное неравенство многолико, оно имеет комплексный характер и охватывает все сферы жизни. Существует много его видов – материальное, территориально-региональное, этническое, политическое, гендерное, неравенство, обусловленное типом семьи респондентов, социально-бытовое,..., которые проявляются и функционируют во множестве форм.

Применительно к формированию представлений о справедливом обществе у студенческой молодёжи наиболее значимыми, по нашему мнению, являются: материальное неравенство и территориально-региональное неравенство, которые мы учитывали при анализе данных.

В социологических концепциях социальное неравенство связывается, в первую очередь, с бедностью, обуславливающей неравные возможности доступа к материальным и духовным ценностям и, следовательно, достижения высокого уровня благополучия в жизни, полноты реализации своего потенциала. Но бедность это не только низкий имущественный статус, но и своеобразный образ и стиль жизни, нормы поведения, стереотипы, установки которые передаются на протяжении поколений.

Территориальное неравенство обусловлено неравенством развития различных регионов страны, с которым связано уровень и стиль жизни живущих там людей, уровень и качество образования, трудовая занятость, масштабы и качество социальных программ и т.п. Очевидно, что московский социум имеет ярко выраженную специфику, отражающейся на его менталитете, ценностной структуре, поведенческих особенностях.

Во-первых, это специфика, присущая всем мегаполисам: социальным возможностям достижения высокого уровня и качества жизни, реализации своего потенциала, бешеного ритма жизни и связанными с ним стрессами и напряжением, обезличиванием, соблазнами и пороками и т.д.

Во-вторых, это специфика столицы, крупнейшего экономического, финансового, научно-культурного центра страны.

Другим фактором формирования представлений о справедливом обществе является личный опыт респондентов несправедливого отношения к себе.

Так на вопрос анкеты «Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев сталкиваться с проявлением несправедливости по отношению к вам лично? Как часто это происходило в следующих ситуациях?» московские студенты чаще всего отмечали несправедливость в общественных учреждениях и местах – в поликлинике, больнице (36,1% «очень часто» + «часто») и 16,2% («никогда»); на улице, в общественном транспорте – (30,3% «очень часто» + «часто») и 12,6% («никогда»); в магазине, на рынке – (19,6% «очень часто» + «часто») и 19,4% («никогда»). С несправедливостью в своем вузе каждый четвертый сталкивался «очень часто» и «часто», и , всего 10,6% – «никогда».

Несправедливость по отношению к себе в общении с чиновниками отметил почти каждый четвертый («очень часто»+ «часто») и 35,9% – никогда» (наверное, в силу своего возраста, молодым людям ещё не приходилось с ними встречаться); на работе (а многие студенты параллельно с учебой работают) испытал по отношению к себе несправедливость каждый седьмой, но треть не испытала. Несколько выше, чем в среднем по массиву, – каждый шестой – отметил несправедливость в общении с людьми иной национальности и иного вероисповедания. Вообще, показатели по всему массиву несколько отличаются в лучшую сторону (соответственно у «провинциалов» они ещё лучше).

Среди причин несправедливости были названы: возраст – 37,9% (весь массив – 34,4%); склад характера – 30,1% (37,1%); манера поведения – 28,8% (23,1%); уровень доходов – 24,7% (19,7); внешность, физические недостатки – 19,7% (18%); уровень образования – 15,9% (11,2%); пол – 14,7% (11,6%); национальность – 11,2% (9,7%). Другие причины: регион проживания; религиозная

принадлежность; сексуальная ориентация; политические; профессия; семейное положение; невыполнение обязанностей по работе, учебе отметило от 3,2% до 8,2%(по всему массиву от 2,6% до 7,9%).

Многие респонденты сталкивались с несправедливостью в оценках своих знаний (по их мнению) во время учебы в школе и в вузе. Так 9,5% считают, что их учеба «всегда» или «в большинстве случаев» оценивалась несправедливо в школе и около 5% – в вузе. Среди «провинциалов» эти показатели почти вдвое ниже (всего по массиву 4,7; и 3,9%).

Конечно, мнения о несправедливости всегда довольно субъективны, но и они влияют на формирование представлений о справедливом обществе.

В таблице 1 представлены данные отражающие мнения московских студентов о параметрах справедливого общества.

В своих оценках респонденты руководствовались шкалой

- 2 Совсем не согласен
- 1 В основном не согласен
- 0 В чем-то да, в чем-то нет
- + 1 В основном согласен
- + 2 Полностью согласен

Данные весьма красноречивы и не нуждаются, на наш взгляд, в пространственных комментариях. Данные по всему массиву отличаются от московского подмассива в 2-5 пунктов по всем позициям. В других регионах – от 10 до 20 пунктов.

Анализ полученных данных показал, что основной формой неравенства наиболее сильно влияющей на представления молодых людей о справедливом обществе является имущественное неравенство.

На основании самооценки респондентами своего материального положения нами было выделено пять групп, очень условно названные: 1. «очень бедные» (Мы не можем свести концы с концами. Нам не хватает денег даже на питание); 2. «бедные» («Денег нам хватает только на питание, да и то по минимуму. Для нас покупка одежды – большая проблема»); 3. «нуждающиеся» («На питание нам хватает. Одежду покупаем, но самую дешевую. Покупка вещей длительного пользования, таких как телевизор или холодильник, для нас проблема»); 4. «среднеобеспеченные» («Мы хорошо питаемся. На одежду денег хватает, в том числе и дорогую. Если сэкономим, то можем купить что-то из вещей длительного пользования. Но действительно дорогие вещи – машина, дача – нам не по карману»); 5. «выше среднего обеспеченные»; («Мы без труда приобретаем вещи длительного пользования. Откладывая деньги, можем накопить на недорогую машину или скромный летний домик. наших доходов не хватит на то, чтобы купить квартиру или коттедж»); 6.«высокообеспеченные» (У нас нет материальных проблем. Если захотим, можем приобрести все, что угодно – недвижимость, дорогой автомобиль»).

Таблица 1

Оценки характеристик справедливого общества (в % от опрошенных, n=340)

Характеристики справедливого общества	-2	- 1	0	+1	+2
Люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения	2,6	6,8	16,5	24,4	49,7
Специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией	2,1	3,5	18,2	38,5	37,7
Все люди получают по труду	3,2	6,8	18,2	35	36,8
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налогов больше, чем бедные	5,9	24,7	23,2	8,5	37,7
Предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные	3,5	13,2	30,3	30	23
Люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными	5,9	7,1	35,3	34,4	17,3
Руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники	5,9	19,7	30,6	31,5	12,3
Все доходы распределяются поровну между всеми гражданами	28	28,5	24,1	11,2	8,2
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо вернуть все предприятия государству	18,5	23,8	36,5	13,2	8
Здравоохранение бесплатное	3,2	6,2	16,8	24,1	49,7
Государство помогает детям из бедных семей встать на ноги, получить бесплатно образование	2,4	5	22,9	30	39,7
Каждый человек может заняться предпринимательством, создать свое предприятие	2,4	7,7	23,7	30,9	35,3
Все острые конфликты и противоречия находят решения в суде	4,4	9,4	37,9	25	23,3
Можно сколько угодно говорить о справедливости, но справедливого общества никогда не было и не будет	4,7	11,5	35	25,9	22,9
Все – и местные, и приезжие из других регионов – имеют равные права	7,4	16,2	34,4	26,4	15,6
Необходимо обеспечить разумные потребности людей, даже если для этого придется лишить богатых части их доходов	6,8	15,8	37,1	25,9	14,4
Власть должна установить верхний предел доходов для богатых	13,5	16,8	34,7	16,2	18,8
Деньги от использования природных ресурсов идут полностью в казну государства	13,8	15,6	35,9	21,2	13,5
Если в обществе выборы проходят честно, оно может считаться справедливым даже если большинство его граждан живет бедно	9,7	20,6	40,6	20,6	8,5
Если большинство граждан материально благополучны, но у них нет возможности влиять на власть, общество не может считаться справедливым	10,3	20,3	43,8	16,5	9,1
На первом плане права и свободы каждого отдельного человека, даже если при этом страдает большинство	10,9	28,8	37,9	15,6	6,8
Все решения принимаются в интересах большинства, даже если при этом страдают права меньшинств	14,4	25,3	42,9	12,4	5
То, что люди получают от природы какие-то способности, таланты – чистая случайность. Поэтому несправедливо платить им больше, чем обычным людям	25	36,5	29,4	7,1	2

Корреляционный анализ показал достаточно явную зависимость представлений о параметра справедливого общества от фактора имущественной дифференциации. Например, с утверждением, что «В справедливом обществе все доходы распределяются поровну между всеми гражданами» «полностью» или «в основном согласны» примерно треть респондентов первых 2-х групп, выделенных по признаку имущественного статуса, и по 17-18% (примерно) остальных групп. Эта зависимость прослеживается почти по всем предложенным к оценке респондентам параметрам.

На наш взгляд, интегральным показателем оценки уровня справедливости в Российском обществе является ответ на вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?» из предложенного списка респонденту предлагалось выбрать не более двух вариантов или дать свои (табл. 2).

Таблица 2

Чувства, вызываемые распределением доходов бюджета государства (n=309),
% опрошенных

Чувства	%
Отчаяние	29,4
Раздражение	26,8
Горечь	20,9
Надежда	19,4
Пессимизм	15,9
Злость	10,9
Безразличие	10,9
Спокойствие	6,5
Оптимизм	4,1
Удовлетворение	3,2
Радость	1,2
Другие чувства	1,2

А на просьбу оценить справедливость современного российского общества по шкале от 0 до 10, где 0 – совершенно несправедливое общество, а 10 – совершенно справедливое, респонденты откликнулись следующим образом (см. табл. 3)

Таблица 3

Оценка справедливости современного российского общества (n=309),
% ответивших

Значения шкалы	%
0 – совершенно несправедливое	4,1
1	2,4
2	14,7
3	25,9
4	18,5
5	18,8
6	8,5
7	5,3
8	1,5
9	0,0
10 – совершенно справедливое	0,3

Анализ данных показал: мнения московских студентов определённым образом отличаются от остальных респондентов; отличия эти не очень резкие, несмотря на московскую специфику; это свидетельствует о достаточно большой схожести ментальности, ценностных структур студенческой молодёжи России, независимо от региона проживания и обучения. Гораздо более сильной детерминантой представлений о справедливости выступает имущественная дифференциация.

Дулина Надежда Васильевна,
Доктор социологических наук, профессор,
Волгоградский государственный технический
университет

nv-dulina@yandex.ru

Nadezhda V. Dulina,

Ph.d. of Sociology, Professor,
Volgograd State Technical University

Ануфриева Евгения Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
Волгоградский государственный технический
университет

ev_anufrieva@mail.ru

Evgenya V. Anufrieva

PhD, A/Professor,
Volgograd State Technical University

Икингрин Елена Николаевна,

Кандидат социологических наук, доцент,
Нижевартовское отделение РОС

ikingrinen@mail.ru

Elena N. Ikingrin

PhD in Sociology, A/Professor,
Nizhnevartovsk branch of Russian society
of sociologists

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОЦЕНКЕ СТУДЕНТАМИ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

(по итогам прикладного социологического исследования)

GENDER DIFFERENCES IN THE STUDENTS ASSESSMENT OF THE JUST SOCIETY

(according to the results of applied sociological research)

АННОТАЦИЯ. Объектом исследования является студенчество России, как особая социально-демографическая группа. Предметом исследования – различия в гендерных оценках справедливого общества. Эмпирической базой выполненного исследования стали данные всероссийского опроса, проведенного весной-летом 2016 года.

ABSTRACT. The object of the study are students of Russia as a particular socio-demographic group. The subject of study is gender differences in evaluations of a just society. The empirical base of the executed research data nationwide survey conducted in the spring-summer of 2016 onwards.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендер, студенты, социальное неравенство, справедливость, справедливое общество.

KEYWORDS: gender, students, social inequality, justice, just society.

Социальные, экономические и политические преобразования, произошедшие в течение XIX–XX вв. и усиленные стремительным развитием в XXI в., внесли значительные изменения в поло-ролевые взаимоотношения во всех областях культуры. Эти преобразования обусловили (если не спровоцировали)

появление женщин в профессиональной и образовательной сферах, возникновение новых форм брака, изменение статуса женщины в обществе, трансформацию социокультурных стереотипов маскулинности и феминности. Актуализация интереса к полу с очевидностью проявляется и в сфере частной жизни, и в искусстве, и в науке. Поведение мужчин и женщин в повседневной жизни – это следствие гендерной культуры, усвоенной во время социализации. Особый интерес в этой связи представляет студенчество, как авангард молодежи и социальная группа, находящаяся в стадии формирования своего статуса и мотивации – потребностей, интересов, ценностей, мотивов, установок, идеалов. Это обуславливает особенности ее положения (статуса), сознания и деятельности.

Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения, места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей. В Российской Федерации в 2014 г. проживало более 34 млн. человек в возрасте от 14 до 30 лет включительно, что составляет около 24 % численности населения страны [Зубок и др., 2016, с. 11].

В социальной группе «молодежь» выделяются различные подгруппы. Как правило, критериям выделения таких подгрупп являются возраст, пол, вид деятельности, включенность в различные общественные структуры (экономические, профессиональные, социально-политические и др.), место жительства и т. д. Одной из подгрупп является студенчество, внутри которой можно выделить подгруппу – студенческая молодежь, принадлежащая системе высшего образования. Студенты вузов – это особая мобильная социальная группа, специфическая общность людей организационно объединенных институтом высшего образования. Она имеет характерные, ярко выраженные черты, определяющие ее аксиологические установки, связанные как с процессом обучения в высшей школе, так и с получением профессионального образования.

В возрастном отношении студенчество охватывает юношеский возраст (в среднем 17–25 лет), который, как отмечал Л. С. Выготский, «по общему смыслу и по основным закономерностям... составляет, скорее, начальное звено в цепи зрелых возрастов, чем заключительное в цепи периодов детского развития» [Выготский., 1984, с. 255]. По свидетельству Б. Г. Ананьева, этот возрастной этап характеризуется интенсивным развитием физического и умственного потенциала личности, повышением работоспособности и динамикой активной продуктивной (в том числе и учебной) деятельности (цит. по: [Ситаров и др., 2009]). Данный период в социально-психологическом аспекте, как отмечает И. А. Зимняя [Зимняя, 1999], отличается наиболее высоким уровнем познава-

тельной мотивации, активным «потреблением культуры», высокой социальной и коммуникативной активностью, гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости. Это определяется индивидуальными и вариативными особенностями становления и структурирования интеллекта личности [Грановская, 1974]. Сама ситуация глобализации и отношения, процессы, которые развиваются в рамках задаваемой ею в социуме ситуации, характеризуются высокой динамичностью изменения всего и вся. Исследователи фиксируют значительный рост научно-технического и информационного потенциала, приоритет материального потребления над духовностью, нивелирование традиционных ценностей, многоплановость и неоднозначность влияния на ход общественного развития в целом. Подобного рода изменения и, что важно, их скорость не могли не сказаться на глубоко личностной сфере – биополовых характеристиках личности в совокупности с гендерными установками.

Социальная ситуация такова, что динамика изменений во всех основных сферах общественной жизни зачастую требует отказываться от установок, традиционно предписываемых обществом гендерным типам. Как замечает В. Н. Серебрянская, «Женщины вынуждены маскулинизировать свои гендерные установки, мужчины зачастую должны демонстрировать черты феминности, чтобы добиться значимых результатов. Причем, общественные потребности вариативны и социальным субъектам приходится не один раз менять свои гендерные характеристики, видоизменять их в угоду сиюминутных ситуаций» [Серебрянская, 2013, с. 3]. Пример, который у всех на устах и не требует дополнительных разъяснений, – это победительница (или все-таки победитель?) конкурса Евровидения 2014 года. Автор этого образа – «женщины с бородой» – Томас Нойвирт, который известен всему миру под женским альтер-эго Кончита Вурст.

«Кончита Вурст» (как образ) лишний раз подтверждает, что социальные и биополовые характеристики теряют свою традиционную стабильность, становятся феноменом разыгрываемым. Следует признать, что этому способствует современный уровень развития биотехнологий, социальных и информационных технологий (все то, что обычно, когда хотим уйти от подробных и долгих объяснений, мы определяем одним термином – глобализация). Современные технологии позволяют транслировать именно тот символ гендера, который в данный момент желает продемонстрировать тот или иной социальный субъект (см., напр., [Баландина, 2010; Кон, 2001] и др.). «Кончита Вурст» – это концентрированное выражение тенденции и сфокусированное в одной точке (сцена Евровидения) того, что присутствует и в повседневной жизни, становясь привычным, обыденным. Так, Э. Г. Баландина замечает, «Вброшенный в 1994 году с легкой руки журналиста Марка Симпсона термин “метросексуал” через десять лет стал одним из самых популярных понятий, обозначающих достаточно определенный круг жителей больших городов, преимущественно мужчин. Были попытки наметить и женский вариант метросексуальности, но особого успеха они не имели» [Баландина, 2010, с. 74]. Это, как представляется, одна из тех

маленьких тенденций, которые приводят к большим переменам в социуме (см., напр., [Пенн и др., 2009; Талеб, 2010] и др.).

В этой связи интересно хотя бы коротко проследить «жизнь» самого термина «гендер» в науке и наполнение его смыслами по мере его мирной экспансии, как в науке, так и обыденной жизни. Расширение границ использования термина привело к тому, что, если изначально, пользуясь терминами «пол» (биологический), «половые роли», «половая дифференциация» и т. д., авторы включали в свои рассуждения и положения о социальной и культурной значимости пола, то в настоящее время наблюдается и обратная тенденция – стремление заменить слово «пол» термином «гендер». Так, например, Д. Вайс, говоря о биологическом поле, использует термин «*natural gender*», снабжая его в скобках пояснением (*sexus*) [Weiss, 1987]. Такие изысканные тонкости уточнения собственной мысли (чтобы быть правильно понятым), которую автор пытается донести до своих читателей, лишний раз свидетельствуют как о сложности самого социального феномена, так и сложности (а порой, и невозможности) выразить его с помощью однозначно понимаемого и воспринимаемого понятия. Утрата социальными и биополовыми характеристиками своей традиционной стабильности (ситуация, о которой мы упоминали выше) – обрекает исследователя на лингвистические изыски, чтобы быть правильно понятым и – упаси боже! – никого не обидеть некорректным обозначением пола. Новая деталь нашего времени: в западных странах наметилась отчетливая тенденция к вытеснению понятия *sex* в значении пол и замене его словом *gender* в целях политкорректности, причем не столько в поле научных дискуссий, сколько в повседневных практиках людей.

Довольно необычный (или непривычный?) термин «гендер» пришел в пространство социальных наук весьма своеобразным путем: «английский термин *gender*, означающий грамматическую категорию рода, был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс. Перенос был сделан, чтобы “уйти” от термина *sexus* (биологический пол), так как это понятие связывает с природной детерминированностью не только телесные различия мужчин и женщин, но и поло-ролевое разделение труда, неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам, разную общественную “ценность” лиц в зависимости от их пола» [Гендер, 2005, с. 8]. Биологический пол включает первичные и вторичные биолого-физиологические признаки, присущие мужчинам и женщинам, культурные идеалы отражают совокупность представлений конкретного социума о мужском и женском поведении, отсюда и необходимость появления нового термина «гендер».

Напомним, что термин «гендер» в поле социально-гуманитарных наук был введен антропологом Гейл Рубин в статье «Обмен женщинами: заметки по поводу “политической экономии” пола» (1975 г.), где «гендер» определяется как «комплекс соглашений, регулирующих биологический пол как предмет общественной деятельности» [Rubin, 1975, p. 165].

Определяя понятие «гендер», Дженнифер Хорнсби пишет, что это «термин, введенный феминистами с целью выделения социального аспекта различия полов. Когда говорят о различии между существами женского и мужского пола как о различии “пола”, то имеется в виду их биологическое различие. Когда говорят о гендере, то исходят из определенных социокультурных дефиниций (определений) понятий женщины и мужчины и предполагают изначально установленное различие их социального положения» [Hornby, 1995, p. 305].

Социологическая трактовка понятия «гендер» акцентирует свое внимание на социальном содержании, рассматривая его как социальный конструкт, возникающий в процессе социализации. Именно в таком смысле использует данный термин Энн Оукли (Ann Oakley), которая использует его в своей книге «Пол, гендер и общество» («Sex, Gender and Society», 1972) [Оукли, 1972]. Она пишет: «“пол” (sex) является словом, которое соотнесено с биологическими различиями между мужчиной и женщиной <...> «Гендер» (gender) между тем есть предмет культуры: он соотнесен с социальной классификацией на «маскулинное» и «феминное» <...> постоянство пола должно быть признано, но также должно быть (признано) разнообразие гендера» [Oakley, 1972, p. 22].

И все-таки «пальма первенства» в различении терминов «sex» (биологический пол) и «gender» (социокультурный, социальный пол) принадлежит эндокринологу Джону Мони (Money) (цит. по: [Блохина]) и психологу Роберту Столлеру. Так, Р. Столлер употребил данный термин в названии своей книги «Пол и гендер» («Sex and Gender», 1968 г.). Объясняя различие данных категорий, он пишет: «Словари говорят, что основной смысл слова “пол” – биологический, как например, в фразах “половые отношения” или “мужской пол”. Согласно этому значению, слово “пол” в данной работе будет означать мужской или женский и соответствующие биологические органы, которые определяют, является ли человек мужчиной или женщиной. Такое словоупотребление явно не охватывает огромные области поведения, чувств, мыслей и фантазий, которые относятся к полам, однако не имеют исключительно биологического смысла. Для некоторых из этих психологических явлений мы будем использовать термин “гендер”: можно говорить о мужском или женском поле, но можно говорить и о мужественности и женственности, и при этом не иметь в виду ничего, что относится к анатомии и физиологии» (цит. по: [Миллет, 1999, с. 124]). Р. Столлер подчеркивает, что разница между полом и гендером состоит в том, что пол является биологическим, гендер же – психологическим, а, следовательно, культурным феноменом. Данное различие и закрепилось в науке и сохраняется по сей день. Так, О. А. Воронина определяет гендер как «социокультурный конструкт, который общество надстраивает над физиологической реальностью. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин» [Воронина, 1998, с. 395].

Начало процессу институционализации использования данного термина в научной и общественно-политической лексике положила IV Всемирная конфе-

рения по положению женщин (Пекин, 1995 г.). В рамках конференции отмечалось, что данный термин следует широко использовать в его «обычном, общепринятом значении». Эта позиция была зафиксирована в итоговом документе конференции – «Платформа по улучшению положения женщин», – содержащем, в частности обширную программу развития гендерных исследований в мировом масштабе [Социологическая..., 2003, с. 203]. Заметим, что предложенные исследования и по сей день носят преимущественно социальный характер и направлены на изучение положения женщин в различных странах мира и мер содействия повышению их роли в жизни государства. Практически окончательная институционализация термина «гендер» произошла спустя всего пять лет, на Саммите в Нью-Йорке, когда в Декларации тысячелетия, принятой на этом саммите (резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г., более подробно см.: [Декларация, 2000]). В этой Декларации было закреплено положение о том, что гендерное равенство относится к уровню глобальных проблем, признана необходимость расширения прав и возможностей женщин как основы устойчивого развития общества.

В отечественной науке термин «гендер» имеет несколько иную, отличную от западной, траекторию вхождения в обиходную и научную речь. В общественной мысли России уже с середины XIX века прочно утвердилась мысль о неразрывности процесса женской эмансипации и движения России по пути конституционно-демократического переустройства. Немецкий историк Бьянка Петров-Эннкер связывает это исключительно с распространением радикальных настроений, «носителями которых была ориентирующаяся на Запад часть русской интеллигенции». По ее мнению, пропаганда ценностей буржуазных обществ – самодостаточности личности и разума, правовой защищенности гражданина, труда как средства достижения личного успеха и общественного процветания, – приводила к складыванию в этой среде нового сознания, «элементами которого были пафос труда, неприятие самодержавия как государственного устройства и преклонение перед западными идеями прогресса» [Петров-Эннкер, 1993, с. 174–175].

Бельгийская исследовательница, специалист по русской литературе, Каролина де Магд-Соэп обратила внимание на «почти неизвестный на Западе» феномен, когда во второй половине XIX века «литература превратилась в мощное оружие в руках прогрессивной русской интеллигенции, так как не только формировала общественное мнение, но и подталкивала его к дальнейшему развитию». Истоки неиссякаемого острого интереса публицистов и литераторов к женскому вопросу в это время она видит в «гуманистических традициях русской литературы», которые требовали, чтобы женщина была уважаемой в семье и обществе [Магд-Соэп, 1999, с. 16, 22].

Отечественный исследователь С. Г. Айвазова, отвечая на вопрос о причинах стремительного распространения феминистских идей в российском обществе, и обращаясь к центральной проблеме России на протяжении всего XIX века – необходимости модернизации, «следования за европейским ходом вещей», дает иное объяснение, чем Б. Петров-Эннкер. С. Г. Айвазова уделяет

пристальное внимание характеристике элементов национальной культуры, особенностей русской жизни и характера русского народа, определивших ощутимое своеобразие российского феминизма и говорит об особом типе социальной жизни в России, которому свойственны «поглощение лица миром», подчиненность личности общине, «соборность», «большая цельность». С. Г. Айвазова пишет: «Такой традиционный социум не предполагает разделения на сферы «общественной» и «частной» жизни, которое произошло в буржуазной Европе... В патриархальной России не было места, где могла бы формироваться независимая личность, не было пространства для автономии индивида, а без автономного индивида не могла сложиться новая либеральная цивилизация» [Айвазова, 1998, с. 47–48]. С. Г. Айвазова приходит к обоснованному выводу о том, что «феминизм рассматривался в России в первую очередь как движение за освобождение человеческой личности – любой, будь то женщина или мужчина, – из-под опеки рода» [Айвазова, 1998, с. 49]. Эта же мысль находит свое подтверждение и в работах Э. А. Павлюченко, одной из исследователей женского движения в России. Она замечает, что в антифеодальном, демократическом характере женского движения в России «проявилось его принципиальное отличие от западного феминизма» [Павлюченко, 1998, с. 7]. Собственно, и политическая риторика русских феминисток, что неоднократно подчеркивалось, отражала их представление о себе прежде всего как о полноправных и равных участниках движения за освобождение всего народа от многовекового рабства, от пут абсолютизма. Как отмечает Н. Новикова, русские феминистки «предпочитали называть себя «равноправками», избегая понятий «феминизм» или «феминистка» [Новикова]. По справедливому замечанию С. Г. Айвазовой, «общие интересы демократического движения России они отождествляли с интересами женского движения, больше того, считали задачи становления общедемократического движения более значимыми для жизни России, чем задачи женского движения. Им казалось, что специфика российской жизни – потребности борьбы с самодержавием и монархией, этой основой российского традиционализма, оправдывают их позиции» [Айвазова, 1998, с. 62]. Поэтому они говорили на языке, общепринятом и привычном в демократических кругах того времени. Но опять-таки интересный поворот отечественной истории – осознание женщины себя как личности через сопротивление, активное участие в революционной, освободительной общенародной борьбе.

Приведенные выше рассуждения исследователей лишний раз подтверждают, что каждая отдельная страна, культура прокладывает свои пути формирования как личности, так и гендера, что отражается как на современной картине мира этих стран, так и на отражении этого состояния наукой.

Так, например, Г. Г. Силласте отмечает, что в «чистом виде» понятие «гендер» самостоятельного социального содержания не имеет, так как каждый социальный объект в социологии отличается гендерной принадлежностью к конкретному социуму, определенными социально-демографическими характеристиками, среди которых пол – первейший признак анализа положения личности в системе социальных отношений. И далее: «С этой точки зрения категории

«пол» и «гендер» в российском научном понятийном аппарате могут выступать синонимами» [Социологическая..., 2003, с. 203].

Неоднозначностью понимания, интерпретации и практического использования положений гендерной теории в отечественном научном контексте можно во многом объяснить достаточно жесткую критику данного научного направления (см., напр., [Кутырев, 2009, с. 45–52]), которая сопровождается интенсивной полемикой, в том числе и среди специалистов по данной проблеме. И все-таки, напомним, что термин «гендер» был призван подчеркнуть не природную, а именно социокультурную причину межполовых различий.

Наиболее часто встречающееся в работах отечественных авторов определение гендера звучит следующим образом: гендер – это «осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной, освоенные характеристики, ожидания и модели поведения» [Новейший..., 2001, с. 228]. Развивая данное определение, исследователи пришли к выводам о том, что «признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализированного характера ведет и к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах развития. Все это позволяет подойти к феноменам мужественность и женственность не как к неизменной природной данности, а как к динамическим, изменчивым продуктам развития человеческого общества, поддающимся социальному манипулированию и моделированию» [Кирилина]. «Гендер, – замечает Е. С. Гриценко, – это не то, что индивид имеет, а то, что он / она делает. С этой точки зрения гендер не просто существует, а постоянно производится, воспроизводится, а также меняется в результате конкретных действий индивидов, заявляющих свою идентичность» [Гриценко, 2005].

В этой связи особый интерес представляет то, как современные студенты понимают и проявляют свою идентичность, реализуют гендерные роли в повседневных практиках. Сближаются ли оценки проблем справедливого общества женщинами и мужчинами либо, напротив, расходятся?

В данной статье представлены только отдельные результаты конкретного социологического исследования, целью которого было выяснения мнения молодежи о том, что такое социальное неравенство и насколько «справедлива» современная российская действительность.

Объект исследования – студенты высших учебных заведений России. Предмет исследования – отношение студентов к социальному неравенству и социальной несправедливости. Метод сбора информации – анкетирование, выполненное с помощью двух техник: а) традиционный сбор данных методом раздаточного анкетирования по месту учебы и б) on-line опрос, проводимый с помощью данного SAWI-сервера (сервер был разработан и запущен Шкуриным Д. В. и коллективом web-программистов и исследовательской организацией Фонд «Социум» г. Екатеринбург). Совмещение двух подходов к сбору первичной информации в рамках одного общероссийского опроса позволит провести сравнительный анализ эффективности on-line и off-line методов, что в ко-

нечном итоге даст возможность совершенствовать методики сбора первичной социальной информации в ходе изучения общественного мнения.

Задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты не могут быть распространены на всю студенческую молодежь страны, а только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако большой объем «поля» позволяет, как нам представляется, не только предложить достаточный объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Полностью содержательные данные, полученные в ходе исследования, представлены на официальном сайте Российского общества социологов.

Справедливое общество. Как в нем должна быть устроена жизнь? Мнения студентов страны на этот счет представлены в табл. 1, 2 и 3 (для сравнения оценок, выставленных юношами и девушками, наибольшие значения по столбцу в таблицах выделены рамками). Предваряя представление результатов, заметим, что довольно часто оценки и мнения девушек и юношей совпадают, порою, совпадая в ранжированных рядах, оценки расходятся в количестве респондентов, разделяющих то или иное мнение.

Так, например, казалось бы, вполне ожидаемой оказалась поддержка студентами необходимости иметь высокую квалификацию, чтобы зарабатывать больше и, соответственно, жить лучше (см. табл. 1). Около трех четвертей опрошенных (76,7 % юношей и 70,4 % девушек) поддержали мнение о том, что специалисты, имеющие высокую квалификацию, в справедливом обществе зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией (суммированы ответы «полностью согласен» и «в основном согласен»). Однако нельзя не заметить, что девушки с меньшей долей уверенности и категоричности поддержали утверждение о более высокой зарплате специалистов. Если среди юношей полностью уверенных в правоте того, что специалисты, имеющие высокую квалификацию, должны зарабатывать больше, оказалось более трети (38,0 %), то среди девушек – только 30,8 %. Еще более ярко разница в ответах юношей и девушек проявляется, если сравнить средние оценки (условные индексы), сделанные респондентами при ответе на этот вопрос. Среднее значение оценки у юношей составило 0,536, у девушек – только 0,455 (табл. 1).

Расхождение в оценках проявилось и в ответах респондентов на вопрос: «В справедливом обществе предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные?». Юноши в большей степени уверены в том, что энергичные люди должны жить лучше, чем пассивные (среднее значение оценки – 0,401). Девушки, видимо, сомневаются: среднее значение оценки заметно ниже, чем у юношей – только 0,295. Ответы респондентов на вопрос о том, что в справедливом обществе руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники, только подтверждают выявленную тенденцию: среднее значение оценки у юношей – 0,226, у девушек – 0,154. То, что юноши более активно поддержали утверждение о целесообразности более высокого дохода у руководителя, видимо, можно объяснить тем, что в настоящее время среди руководителей разного уровня и ранга мужчину можно встретить значительно

чаще, чем женщину. Современное общество выстроено мужчинами под себя. Власть в нем, как известно, принадлежит мужчинам. И женщинам об этом постоянно напоминают, например, устами В. В. Жириновского: «Женщина должна сидеть дома, плакать, штопать и готовить. Я говорю о реальности – о том, что иначе гибнет общество...». Соответственно, такая система воспроизводит мужскую власть и структуры гендерной идентичности, при которой женщины оцениваются как биологические существа и должны быть заняты в большей степени в семейной сфере, чем в общественной.

Таблица 1

Оценка респондентами отдельных характеристик людей, востребованных в справедливом обществе, %

В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?	Пол респондента		
	Мужской	Женский	Итого:
В СО специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией?			
Полностью согласен (+1)	38,0	30,8	33,1
В основном согласен (+0,5)	38,7	39,6	39,3
В чем-то да, в чем-то нет (0)	17,5	21,6	20,3
В основном не согласен (-0,5)	4,0	5,7	5,1
Совсем не согласен (-1)	1,8	2,3	2,1
Среднее	0,536	0,455	0,479
В СО предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные?			
Полностью согласен (+1)	28,7	24,1	25,6
В основном согласен (+0,5)	35,4	30,7	32,2
В чем-то да, в чем-то нет (0)	26,7	29,6	28,7
В основном не согласен (-0,5)	5,7	10,9	9,3
Совсем не согласен (-1)	3,5	4,6	4,2
Среднее	0,401	0,295	0,327
В СО руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники?			
Полностью согласен (+1)	18,0	14,4	15,5
В основном согласен (+0,5)	31,7	28,9	29,8
В чем-то да, в чем-то нет (0)	32,6	35,0	34,2
В основном не согласен (-0,5)	13,0	16,5	15,4
Совсем не согласен (-1)	4,7	5,2	5,1
Среднее	0,226	0,154	0,176

Можно заключить, что из всех, предложенных к оценке характеристик, наиболее поддержана студентами необходимость в справедливом обществе иметь высокую квалификацию (среднее значение по всему массиву – 0,479) и для того, чтобы жить лучше, надо быть предприимчивым, энергичным человеком, (среднее значение по всему массиву – 0,327). Согласие с тем, что в спра-

ведливом обществе руководитель имеет существенно больший доход, чем рядовые работники (среднее значение по всему массиву – 0,176), заметно уступает двум первым характеристикам. Иначе говоря, личностные характеристики более высоко оцениваются студентами, чем статусные, подтверждая мысль Д. Белла о том, что если доиндустриальное общество – это «игра против природы», индустриальное общество – «игра против искусственной природы», то постиндустриальное общество – это уже «игра между личностями» [Белл, 1999].

Отрадным можно считать тот факт, что студенчество признает необходимость всегда соблюдать законы, даже если они, по мнению людей, и неправильные (см. табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов об отдельных характеристиках справедливого общества, %

В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?	Пол респондента		
	Мужской	Женский	Итого:
В СО люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными?			
Полностью согласен (+1)	16,7	15,2	15,7
В основном согласен (+0,5)	33,2	33,3	33,2
В чем-то да, в чем-то нет (0)	36,5	39,5	38,5
В основном не согласен (-0,5)	8,8	8,0	8,3
Совсем не согласен (-1)	4,9	4,0	4,3
Среднее	0,240	0,239	0,238
В справедливом обществе все люди получают по труду?			
Полностью согласен (+1)	36,1	39,7	38,6
В основном согласен (+0,5)	33,1	30,2	31,1
В чем-то да, в чем-то нет (0)	20,1	18,9	19,3
В основном не согласен (-0,5)	6,7	7,1	7,0
Совсем не согласен (-1)	3,8	4,1	4,0
Среднее	0,455	0,471	0,465
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо вернуть все предприятия государству?			
Полностью согласен (+1)	10,8	8,1	9,0
В основном согласен (+0,5)	16,1	12,1	13,3
В чем-то да, в чем-то нет (0)	37,7	42,6	41,1
В основном не согласен (-0,5)	18,4	22,2	21,0
Совсем не согласен (-1)	17,0	15,0	15,6
Среднее	-0,073	-0,119	-0,104

Приведенные выше результаты исследования свидетельствуют, что при общем совпадении мнений (в целом, «глобально») по вопросам личностных и

статусных характеристик людей, востребованных в справедливом обществе, юноши более категоричны и уверены, девушки более осторожны в своих суждениях и оценках.

Таблица 3

Мнение респондентов о распределении доходов и уплате налогов
в справедливом обществе, %

В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?	Пол респондента		
	Мужской	Женский	Итого:
В справедливом обществе люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения?			
Полностью согласен (+1)	40,4	48,5	45,9
В основном согласен (+0,5)	31,2	26,7	28,1
В чем-то да, в чем-то нет (0)	19,1	16,4	17,3
В основном не согласен (-0,5)	6,7	5,7	6,0
Совсем не согласен (-1)	2,7	2,7	2,7
Среднее	0,499	0,563	0,541
В справедливом обществе все доходы распределяются поровну между всеми гражданами?			
Полностью согласен (+1)	8,1	8,6	8,4
В основном согласен (+0,5)	10,5	10,9	10,8
В чем-то да, в чем-то нет (0)	27,0	25,5	26,0
В основном не согласен (-0,5)	28,1	30,1	29,5
Совсем не согласен (-1)	26,3	24,9	25,4
Среднее	-0,271	-0,259	-0,261
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налогов больше чем бедные?			
Полностью согласен (+1)	30,3	31,7	31,2
В основном согласен (+0,5)	27,4	25,7	26,2
В чем-то да, в чем-то нет (0)	25,2	26,9	26,3
В основном не согласен (-0,5)	9,4	9,8	9,7
Совсем не согласен (-1)	7,8	6,0	6,6
Среднее	0,315	0,336	0,326

Почти половина (49,9 % среди юношей) и (48,5 % среди девушек) опрошенных студентов полностью согласна или в основном согласна с тем, что законы надо соблюдать всегда. Чуть более трети респондентов (36,5 % среди юношей) и (39,5 % среди девушек) сошлись во мнении, что законы в чем-то надо соблюдать, а в чем-то и нет, видимо, оставляя за собой право на принятие решения в конкретной ситуации. Но 13,7 %, опрошенных юношей, и 12,0 % девушек выразили свое несогласие с тем, что законы надо соблюдать. Обратим внимание, что при ответе на этот вопрос юноши и девушки проявили редкое единодушие: средние оценки совпадают (0,240 у юношей и 0,239 – у девушек).

Во мнении, что люди должны получать по труду, девушки более солидарны, чем юноши. Среднее значение коэффициента у девушек – 0,471 против 0,455 у юношей.

Обратим внимание, что студенты не считают необходимым вернуть все предприятия государству для того, чтобы наше общество стало справедливым. И хотя максимум ответов приходится на индифферентную позицию («в чем-то да, в чем-то нет»), несогласие с утверждением «перетягивает» согласие. Не согласных в целом по массиву более трети (36,6 %), согласных не набралось и четверть (22,3 %). Причем девушки в данном вопросе проявляют большую решительность, чем юноши: среднее значение оценки у юношей – -0,073, у девушек – -0,119.

Студенты не готовы принять «уравниловку», они за то, что в справедливом обществе все люди должны получать по труду. Только каждый пятый из числа опрошенных (18,6 % среди юношей, «полностью согласен» и «в основном согласен») и (19,5 % среди девушек) готовы согласиться с тем, что в справедливом обществе все доходы распределяются поровну между всеми гражданами (см. табл. 3). Больше половины юношей (54,4 %) и девушек (55,0 %) против того, чтобы доходы распределялись поровну между всеми гражданами. Обратим внимание, что именно в ответах на этот вопрос зафиксированы максимально отрицательные коэффициенты: среднее значение оценки у юношей – -0,271, у девушек – -0,259 (см. табл. 3). Данное мнение подтверждается ответами и на другой вопрос анкеты: «В справедливом обществе все люди получают по труду?» (см. табл. 2). Более двух третей респондентов (69,2 % среди юношей и 69,9 % среди девушек) уверены в том, что в справедливом обществе люди должны получать по труду.

Особый интерес в рамках наших размышлений представляют ответы на вопрос: «В справедливом обществе люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения?» (см. табл. 3). Разница в ответах юношей и девушек, проявившаяся в ответе на этот вопрос не может быть объяснена только погрешностью выборки. Такая разница в ответах может считываться как протест девушек, их желание заявить о необходимости равенства возможностей в трудовой карьере. Это только кажется, что цифры сами по себе молчат, им задача исследователя наполнить их смыслом и содержанием. Разница в средних значениях оценок юношей и девушек красноречиво подтверждает, что девушки хотели бы иметь равные возможности в продвижении: среднее значение оценки у юношей – 0,499, у девушек – 0,563.

Если принять во внимание все данные, приведенные выше, то «портрет» справедливого общества, по мнению студенчества, должен выглядеть следующим образом. Справедливое общество – это общество, в котором люди соблюдают законы, даже если эти законы и неправильные. В этом обществе наиболее востребованы энергичные, предприимчивые, имеющие высокую квалификацию люди. Те, кто готов принять и принимает на себя ответственность за других (руководители), должны иметь существенно больший доход, чем рядовые работники, чем, собственно, и подтверждается их высокий социальный статус и

авторитет в социуме. Доходы в справедливом обществе не распределяются поровну между всеми гражданами, а все люди получают по труду. Богатые в справедливом обществе платят налогов больше, чем бедные. В справедливом обществе вовсе не обязательно, чтобы все предприятия принадлежали государству. Таким получается портрет при первом взгляде. Но если присмотреться, то можно заметить и легкую вуаль сомнений, ожиданий и надежды, брошенную на этот портрет женственной рукой. Под этой вуалью резкие контуры приобретают некую таинственность и невозможность разглядеть, каким же будет на самом деле справедливое общество.

Заметим, что значимых различий в ходе проведенного социологического исследования в гендерных оценках справедливого общества у студентов не выявлено. Порядок приоритетов и ранжированные ряды оценок у юношей и девушек совпадают, что может свидетельствовать о близости социальных позиций тех и других в социуме: и юноши и девушки в данном случае в первую очередь – студенты. Однако «полутона» оценок, проявившиеся в ответах на вопрос о равных возможностях в продвижении, о необходимости иметь высокую квалификацию, чтобы быть востребованным в справедливом обществе, и др. (см. табл. 1, 2, 3) свидетельствуют о неудовлетворенности женщин своим положением в современном обществе. Они бы хотели это все «подправить» в другом, более справедливом обществе. А где это справедливое общество? К сожалению, далеко не всегда в России (см. табл. 4). Девушки более склонны свою будущую жизнь связать с родной страной, разница в цифрах значима.

Таблица 4

Предпочтения респондентов в выборе места приложения своих сил и постоянного места жительства, %%

	Пол респондента		
	Мужской	Женский	Итого:
После получения образования Вы планируете работать в России или постараетесь уехать на работу за рубеж?			
В любом случае в России	31,1	42,7	39,0
Все зависит от того, где предложат хорошую работу	48,5	38,9	41,9
В любом случае за рубежом	6,8	4,3	5,1
Затрудняюсь ответить	13,6	14,2	14,0
Где бы Вы хотели жить на постоянной основе – здесь в России или может быть в какой-то другой стране?			
В России	46,6	50,2	49,1
В другой стране	27,0	22,5	24,0
Затрудняюсь ответить	26,4	27,2	26,9

Мнения, представленные в табл. 4, становятся более понятными, если их сопоставить с данными, представленными в табл. 5, – ответами респондентов на вопрос о том, насколько «справедливо» в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров.

Таблица 5

Мнение о том, насколько справедливо в нашем государстве
оплачивается труд, %

Насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров...	Мужской	Женский	Итого:
Министр федерального правительства			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	2,9	1,2	1,7
Получает меньше, чем заслуживает	2,4	1,5	1,8
Получает столько, сколько заслуживает	14,4	14,4	14,4
Получает больше, чем заслуживает	30,1	35,1	33,4
Получает значительно больше, чем заслуживает	50,2	47,9	48,6
Руководитель большого завода			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	1,3	1,4	1,4
Получает меньше, чем заслуживает	7,2	7,4	7,3
Получает столько, сколько заслуживает	48,4	49,4	49,1
Получает больше, чем заслуживает	31,6	32,8	32,4
Получает значительно больше, чем заслуживает	11,6	9,0	9,8
Хозяин небольшого продуктового магазина			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	3,8	2,6	3,0
Получает меньше, чем заслуживает	14,6	13,8	14,1
Получает столько, сколько заслуживает	72,1	71,8	71,9
Получает больше, чем заслуживает	7,0	10,1	9,1
Получает значительно больше, чем заслуживает	2,5	1,6	1,9
Рядовой инженер на большом заводе			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	16,2	10,1	12,1
Получает меньше, чем заслуживает	51,5	51,9	51,8
Получает столько, сколько заслуживает	29,2	35,7	33,6
Получает больше, чем заслуживает	2,4	1,8	2,0
Получает значительно больше, чем заслуживает	0,6	0,6	0,6
Врач в поликлинике			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	43,5	37,0	39,1
Получает меньше, чем заслуживает	40,7	44,2	43,1
Получает столько, сколько заслуживает	12,3	14,2	13,6
Получает больше, чем заслуживает	2,5	3,3	3,0
Получает значительно больше, чем заслуживает	1,0	1,3	1,2

Окончание таблицы 5

Насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров...	Мужской	Женский	Итого:
Хирург высокой квалификации в городской больнице			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	26,7	22,0	23,5
Получает меньше, чем заслуживает	36,4	39,6	38,6
Получает столько, сколько заслуживает	32,1	33,7	33,2
Получает больше, чем заслуживает	3,9	3,1	3,3
Получает значительно больше, чем заслуживает	1,0	1,6	1,4
Профессор университета			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	20,4	14,3	16,2
Получает меньше, чем заслуживает	42,2	41,5	41,7
Получает столько, сколько заслуживает	30,2	36,6	34,6
Получает больше, чем заслуживает	4,4	6,1	5,6
Получает значительно больше, чем заслуживает	2,9	1,5	1,9
Рядовой чиновник в местной администрации			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	2,1	2,0	2,0
Получает меньше, чем заслуживает	7,4	7,6	7,6
Получает столько, сколько заслуживает	23,6	20,8	21,7
Получает больше, чем заслуживает	37,4	41,0	39,9
Получает значительно больше, чем заслуживает	29,5	28,6	28,9
Рабочий на заводе			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	28,6	31,1	30,3
Получает меньше, чем заслуживает	47,9	53,0	51,4
Получает столько, сколько заслуживает	19,8	15,0	16,5
Получает больше, чем заслуживает	2,4	0,5	1,1
Получает значительно больше, чем заслуживает	1,2	0,4	0,6
Дворник, убирающий улицы города			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	25,7	33,4	31,0
Получает меньше, чем заслуживает	38,7	39,8	39,5
Получает столько, сколько заслуживает	32,1	25,8	27,8
Получает больше, чем заслуживает	2,2	0,5	1,0
Получает значительно больше, чем заслуживает	1,2	0,4	0,7
Пенсионер, имеющий сорокалетний рабочий стаж			
Получает значительно меньше, чем заслуживает	52,9	60,4	58,1
Получает меньше, чем заслуживает	35,0	31,8	32,8
Получает столько, сколько заслуживает	9,5	6,8	7,7
Получает больше, чем заслуживает	1,6	0,6	0,9
Получает значительно больше, чем заслуживает	1,0	0,4	0,6

Результаты выполненного социологического исследования подтверждают, что гендер – это сложный социокультурный феномен, проявляющийся в том, что индивид (он или она) делает в своей повседневной жизни. Гендер, как социальный феномен, не просто существует, он постоянно производится и воспроизводится, задается определенными моделями поведения, и что важно – действительно меняется в результате конкретных действий индивидов, заявляющих свое право на идентичность. Гендер «задается», во многом определяется состоянием внешней среды – социокультурным пространством, в котором молодые люди проходят социализацию, инкорпорируя определенные социальные ценности.

Заметим, что уровень образования родителей опрошенных нами студентов достаточно высокий, большая часть из них имеет высшее образования. Уровень образования матери студенты оценили выше, чем отца: 48,4 % опрошенных студентов сказали, что у матери высшее образование, но только 38,6 % подтвердили такой же уровень образования у отца. Заметим, как официальная статистика, так и результаты социологических исследований из года в год фиксируют, что уровень образования российских женщин выше уровня образования мужчин. По данным Росстата в 2010 году высшее образование имели 58 % женщин и 42 % мужчин, неполное высшее 54 % женщин и 46 % мужчин [Статистический сборник...]. Важно, что наличие высокого уровня образования по разному сказывается на самооценке мужчин и женщин. Для мужчин – это развитие у него более эгалитарных взглядов на гендерные проблемы. Для женщины оно выступает не просто важнейшей предпосылкой успешной самореализации в профессиональной сфере или условием карьерного роста, а становится своеобразным пропуском в другую, более насыщенную и яркую жизнь, другую социальную среду, где отношения между мужчиной и женщиной, мужем и женой, друзьями имеют качественно иной характер (более подробно см.: [Женщина..., 2002]). Иначе говоря, высокий уровень образования дарит женщине надежду на выход во внешнее по отношению к дому и быту социальное пространство.

Литература

1. Айвазова, С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории) / С. Г. Айвазова. – М.: РИК Русанова, 1998. – 408 с.
2. Баландина, Э. Г. Метросексуал в городе: явление, стиль, альтернативы / Э. Г. Баландина // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2010. – № 7 (67). – С. 74–82.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 783 с.
4. Воронина, О. А. Философия пола // Философия / О. А. Воронина; под ред. В. Д. Губина. – М.: Русское слово, 1998. – С. 388–407.

5. Блохина, Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления / Н. А. Блохина – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/blohina.htm> (дата обращения 28.07.2015).
6. Выготский Л. С. Проблема возраста // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. – М: Педагогика, 1984. – 432 с.
7. Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
8. Гендерные репрезентации в ситуации этнокультурного многообразия южнороссийского региона: монография / под науч. ред. Н. Л. Виноградовой, Е. Ю. Леонтьевой; ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – 156 с.
9. Грановская Л. Н. Возрастные преобразования межфункциональных структур взрослых от 18 до 25 лет // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. – Л., 1974. – Вып. 2. – С. 15–25.
10. Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е. С. Гриценко. – Тамбов: Тамбов. гос. ун-т., 2005. – 48 с.
11. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2000 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения 28.07.2015).
12. Зимняя И. А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 1999. – 384 с.
13. Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М.: ИТД «Перспектива», 2016. – 166 с.
14. Кирилина, А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации / А. В. Кирилина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina1.htm> (дата обращения 20.03.2015).
15. Кон, И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И. С. Кон / Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М. М. Малышевой. – М.: Academia, 2001. – 520 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/books/2589/pdf> (дата обращения 28.01.2006).
16. Кон, И. С. Российский мужчина и его проблемы/ И. С. Кон / Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М. М. Малышевой. – М.: Academia, 2001. – 520 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/books/2589/pdf> (дата обращения 28.01.2006).
17. Кутырев, В. А. Человеческое иное: борьба миров / В. А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2009. – 264 с.
18. Миллетт, К. Теория сексуальной политики / К. Миллетт // Феминизм и гендерные исследования: Хрестоматия / Под общ. ред. В. И. Успенской. – Тверь: Тверской центр женской истории и гендерных исследований, 1999. – 172 с.

19. Магд-Соэп, К. Де. Эмансипация женщин в России: литература и жизнь / К. де Магд-Соэп / Пер. с англ. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 252 с.
20. Новейший философский словарь / Сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов; Науч. ред. М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. – 1280 с.
21. Новикова, Н. Либеральный феминизм в России и на Западе: опыт сравнительного анализа / Н. Новикова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/19/55/novikova.htm> (дата обращения 08.03.2015).
22. Оукли, Э. Пол, гендер и общество / Э. Оукли. – М., Просвещение, 1972. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalconsulting.com.ua> (дата обращения 28.01.2015).
23. Павлюченко, Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. – М.: Мысль, 1988. – 272 с.
24. Пенн, М. Дж., Залесн, К. Э. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам / М. Дж. Пенн, К. Э. Залесн. – М.: АСТ, 2009. – 510 с.
25. Петров-Эннкер, Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России / Б. Петров-Эннкер // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С. 173–182.
26. Серебрянская, В. Н. Гендерная репрезентация в коммуникации: социально-философский анализ / В. Н. Серебрянская / Автореф. дисс... к. филос. н. – Волгоград, 2013. – 22 с.
27. Ситаров В. А., Шутенко А. И., Шутенко Е. Н. Психологические особенности студенческой молодежи с различным уровнем самореализации в обучении // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 49–55.
28. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; Главный редактор В. Н. Иванов. – М. Мысль, 2003. – 694 с.
29. Талеб, Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Талеб / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова: под ред. М. Тюнькиной. – М.: Азбука – Аттикус, 2010. – 456 с.
30. Hornsby, J. The Oxford Companion of Philosophy / J. Hornsby. – N. Y., 1995.
31. Oakley, A. Sex, Gender and Society / A. Oakley. – L.: Temple Smith, 1972. – 220 p.
32. Rubin, G. The traffic in women: Notes on the «political economy» of sex / G. Rubin // Toward an Antropology of Women. – N. Y., 1975. – PP. 157–210.
33. Weiss, D. Kurica ne ptica, (a) baba ne čelovek // Slavische Linguistik, 1987. – S. 413–443.

Научное издание

*Печатается в авторской редакции по решению Исполкома
Российского общества социологов (протокол № 3 от 29 сентября 2016 г.)*

**СТУДЕНЧЕСТВО РОССИИ О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ
И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

сборник научных статей

Под общей редакцией **Вишневого Юрия Рудольфовича**

Верстка *Д. Ю. Нархова*

Подписано в печать 05.10.2016. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,85.
Тираж 300 экз. Заказ № 5733

ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2,
тел. (343) 362-91-16, 369-91-17

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2